

КОРИЧНЕВАЯ КНИГА

О ПОДЖОГЕ РЕЙХСТАГА
И ГИТЛЕРОВСКОМ ТЕРРОРЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Редкая книга получала сразу такую широкую известность, как «Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре». Причины успеха книги ясны. На конкретном, детально проверенном материале, на безупречных свидетельских показаниях, на сотнях неопровержимых фактов она разоблачает гнусную провокацию с поджогом рейхстага, устроенном фашистскими скоморохами. Поджог рейхстага должен был послужить только поводом к разгрому пролетарских организаций, к объявлению компартии вне закона, к физическому уничтожению революционных рабочих, к установлению фашистской диктатуры в ее открытой, самой зверской форме. К этому выводу вместе с авторами книги пришли сотни газет всех направлений, сотни тысяч, миллионы людей, принадлежащих к разным политическим лагерям.

Книга дает потрясающую картину бесчеловечной расправы с политическими противниками, картину невероятных зверств. Никакая фантазия не в состоянии выдумать того, что осуществляли и осуществляют каждый день в концентрационных лагерях, в казармах, в тюрьмах, в огромной тюрьме, в которую фашизм превратил Берлин, носители новой «национальной немецкой культуры». Факты, которые приводит книга, потрясают, вызывают гнев и ненависть к угнетателям и палачам. Из обвинительного акта против немецкого фашизма, из сборника документов книга в связи с этим превращается в мощное орудие мобилизации широчайших масс борющихся на борьбу с фашизмом и его хозяевами.

В Лондоне на общественном суде по делу о поджоге рейхстага и зверствах фашистов германскому фашизму вынесен нелицеприятный приговор. Этот приговор приведет в исполнение в недалеком будущем германский пролетариат.

сентябрь 1933 г.

Е. СТАСОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Когда издательство объявило о своем намерении издать документальную книгу о поджоге рейхстага и о терроре Гитлера, сотни сотрудников-добровольцев вызвались помочь нам. Предложили свои услуги писатели, рабочие, врачи, адвокаты, которых гитлеровский террор заставил покинуть Германию. Они доставали материал, проматривали и проверяли его, налаживали связи с Германией и писали текст.

Над этой книгой работали не только эмигранты. В огромной «коричневой темнице, именуемой третьей империей», нашлось много помощников, которые с опасностью для жизни доставали материал о событиях в Германии и проверяли достоверность материала, посылаемого нами.

Так родилась эта книга. Она является коллективным трудом антифашистов, общим трудом бойцов, находящихся в Германии и за ее пределами, объединенных мыслью содействовать падению гитлеровского фашизма и созданию социалистической Германии.

Это—немецкая книга. Ее пережили и выстрадали немцы. Ее писали немцы.

Это—интернациональная книга. Антифашисты в Англии и Франции, Голландии и Америке помогали изданию этой книги. Интернациональный комитет помощи жертвам гитлеровского фашизма, возглавляемый проф. Эйнштейном и лордом Марлеем, оказал поддержку этой книге.

Первоклассные писатели с мировым именем своим участием в этой книге засвидетельствовали свою солидарность с жертвами гитлеровского террора и с борьбой против гитлеровского фашизма.

Это—интернациональная книга, она показывает опасность фашизма всем читателям, безразлично—живут ли они в Германии, Америке, Англии или Италии, Польше или Франции. И не только опасность! В этой книге описаны пять месяцев гитлеровского фашизма, пять месяцев гитлеровского ада.

Это—книга документальная. Каждое утверждение в этой книге опирается на документальный материал. Не всегда представляется возможным обнародовать имя и адрес лица, преследуемого фашистами, или назвать очевидца. В таких случаях доказательства наших утверждений были переданы нотариусу.

«Коричневая книга» открывает собой серию книг по гитлеровской Германии. За этой книгой последуют другие, в которых должно быть показано, что диктатура Гитлера отняла у рабочих, крестьян и средних классов Германии в экономическом, социальном и правовом отношении. В этих книгах будет показано обнищание Германии, которое при диктатуре Гитлера продолжается быстрым темпом. В особом томе будет изображена борьба, ведущаяся в Германии против гитлеровского фашизма.

Авторы этой книги желают остаться неизвестными. Они писали эту книгу для жертв гитлеровского фашизма, для пленников и мучеников коричневого ада, для жен и детей, у которых террор гитлеровцев отнял супругов и отцов, для миллионов бойцов против фашизма, боевой дух которых не могли сломить стальные шпикрутены и концентрационные лагеря.

Борьба против гитлеровского фашизма решается в самой Германии. Приняты меры к тому, чтобы этот документ коричневого позора—«Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре»—проник в Германию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всегда трудно узнать что-нибудь подлинное о делах, совершающихся при режиме хорошо организованного террора. Даже опытным журналистам с их профессиональной подготовкой лишь с трудом удастся близко подойти к правде: люди боятся говорить и столь совершенно функционирует система шпионажа. Следует поставить в особую заслугу некоторым иностранным корреспондентам в Германии, что они, рискуя потерять свои места, переправили за границу столько правдивых сообщений о Германии.

В распоряжение «Интернационального комитета помощи жертвам германского фашизма» предоставлено было много подлинных документов: некоторые были предоставлены журналистами, другие врачами и адвокатами, которые имели особые возможности добраться до истины, но не решаются и не могут обнародовать свои сведения в Германии. Документы доставлялись также самими жертвами фашистских пыток и истязаний. Главной частью своего материала комитет обязан собственным корреспондентам, которые с опасностью для жизни работали в Германии.

Мы использовали не самые сенсационные из этих документов. Каждый факт, устанавливаемый в этой книге, тщательно проверен и является показательным для целого ряда аналогичных случаев. Мы могли бы привести гораздо более чудовищные отдельные случаи, но отказались от этого, потому что это были именно единичные случаи. Ни один из приводимых нами случаев не является исключением. Все они типичны для многих других фактов, имеющих в нашем распоряжении или в распоряжении национальных комитетов помощи.

Эти свидетельства фашизма ужасны. Но у общества короткая память, общественное мнение, к сожалению, слишком склонно мириться с совершившимся фактом, как это теперь наблюдается по отношению к Италии.

Наша книга должна постоянно напоминать о преступном пути национал-социалистического правительства. Наша книга вносит свою долю в борьбу против гитлеровского фашизма. Эта борьба не направлена против Германии. Она ведется за подлинную Германию.

Палата лордов. Лондон С.-З.-1.

ЛОРД МАРЛЕЙ

Председатель Интернационального комитета
помощи жертвам гитлеровского фашизма

Путь к власти

В январе 1919 г. была основана в Мюнхене «Немецкая рабочая партия». В июле того же года к ней примкнул Адольф Гитлер, служивший в то время в рейхсвере в качестве «офицера по просвещению». Он—седьмой член этой ячейки, из которой впоследствии выросла «национал-социалистическая немецкая рабочая партия».

Кто основатели и первые члены национал-социалистической немецкой рабочей партии? Из каких слоев они вышли и чьи интересы они представляют? Это прежде всего солдаты и офицеры, которые вернулись с мировой войны разочарованными. Четыре года они честно верили в шовинистические лозунги. Они рисковали своей жизнью, чтобы «добиться могучей великой Германии». Они верили басне, что социал-демократы и пацифисты предали страну, «вонзили нож в спину действующей армии» и являются виновниками ее поражения. Эти люди, возвращавшиеся с фронта, были глубоко возмущены слабостью господствующих классов, изменой и бегством кайзера и бесславно свергнутых других владетельных германских домов. Они были возмущены генералами «великой войны», которые не сокрушили железным кулаком «ноябрьских преступников», не призвали их к ответу, не предали их военному суду.

Эти солдаты и офицеры, разочарованные до глубины души, не могли уже вернуться к обыденной жизни. Их прежние профессии отчасти уже не существовали. Это в первую очередь относится к кадровым офицерам и сверхсрочным унтер-офицерам, к лицам, имевшим право получить гражданские должности за сверхсрочную военную службу, это относится также к некоторым категориям чиновников. К ним присоединились выбитые из колеи дворяне, студенты, которых война оторвала от их занятий, деклассированные и радикализированные мещанские элементы, представители средних классов, у которых теперь окончательно уходила почва из-под ног.

Все эти элементы группировались в многочисленных возникавших тогда добровольческих организациях, в гражданской самообороне, в Стальном шлеме (союз фронтовиков, основанный в 1919 г.) и в бригаде Эрхардта. Эти элементы составили также первые кадры молодого «национал-социалистического союза немецких рабочих», как первоначально называла себя эта партия.

В первые два года после своего основания партия оставалась еще незначительной группой. Ноябрьская революция 1918/19 г. была подавлена, свержение капитализма и завоевание социализма не

удалось. Социал-демократ Фридрих Эберт стал первым президентом Веймарской республики. Снова упрочилось господство финансового капитала. Профсоюзные лидеры вступили в мирное соглашение с предпринимателями, создали так называемое «центральное рабочее объединение»; оно было намечено уже в ноябре 1918 г. между одним из заправил трестированного капитала Гуго Стиннесом и председателем генеральной комиссии профессиональных союзов—социал-демократом Карлом Лёгином.

Что мог Гитлер предложить в то время ведущим группам германского капитализма? Они в то время еще не нуждались в его партии. «Союз» Гитлера первоначально не мог приобрести никакого значения. Сам он еще по апрель 1920 г. продолжал служить в рейхсвере и читал солдатам лекции на политические темы. По поручению рейхсвера он занимался также «наблюдением» за политическими обществами и собраниями, составляя доклады и информационные сообщения. Таким образом у него завязалась связь также с немецкой рабочей партией.

Однако вскоре значение национал-социалистической немецкой рабочей партии возросло. Внутриполитическое положение в Германии изменялось, по мере того как все больше давали себя чувствовать мертвая хватка Версальского договора и результаты потерянной войны. Союзники требовали с Германии миллиарды марок репараций, и она платила их. Германия должна была уступить территории, имевшие для нее важное экономическое значение: Эльзас-Лотарингию, Верхнюю Силезию, Саарскую область, Познань и Западную Пруссию (так называемый «польский коридор»), Данциг и Эйпен-Мальмеди. Возможности сбыта германских товаров еще более сузились вследствие потери значительной части европейских и заокеанских рынков и утраты колоний. Расходы по демобилизации, в особенности в связи с переходом на мирные рельсы промышленности, работавшей на военные нужды, тяжелым бременем ложились на налогоплательщиков из рядов трудящихся. Магнаты германского монополистического капитала, имевшие решающее влияние, неуклонно стремились свалить бремя репарационных миллиардов и все прочие тяготы на плечи рабочих и средних классов.

Высшей точкой этой эволюции явилась сначала инфляция, которая началась уже во время войны—в 1917 г. при правительстве Вильгельма, но стала особенно ощутительной для масс лишь в 1921/22 г. Катастрофический рост инфляции наступил осенью 1923 г., это повело к дальнейшему обнищанию рабочих и к ускоренной пролетаризации средних классов. Миллионы мелкого люда лишились вследствие инфляции буквально своего последнего достояния. Зато банкам и крупным промышленникам достались огромные барыши. Государство уплатило им 600 миллионов золотых марок в качестве «возмещения» за оккупацию Рура, тогда как масса населения не получила ничего.

Хозяйственная разруха вызвала тяжелые политические сотрясения. Эрцбергер и Ратенау, проводившие «политику выполнения» (Версальского договора), пали от пуль националистских убийц. С новой силой оживают воспоминания о боях спартаковцев в Бер-

лине в январе 1919 г., о восстании в Руре во время калповского путча в марте 1920 г. и о восстании рабочих в марте 1921 г. Рабочие все больше отходят от социал-демократии, сначала к независимым, а после раскола независимой социал-демократической партии (осенью 1920 г.)—к коммунистам, причем движение это все усиливается. Происходят грандиозные антифашистские демонстрации. Революционные рабочие ведут борьбу против диктатуры Эберта и генералов рейхсвера, эти большие массовые движения в октябре 1923 г. выливаются в восстание в Гамбурге.

25 пунктов и программа национал-социалистов

К этому времени относится первый подъем национал-социалистической немецкой рабочей партии. В феврале 1920 г. объявлена была «программа» партии—так называемые 25 пунктов. Ее возвестил сам Гитлер на собрании своих приверженцев в мюнхенской пивной «Гофбройхауз». Эта «программа» представляет собой смесь тезисов и требований, которые частью противоречат один другому. Политическая практика партии никогда не соответствовала им. Какое дело было Гитлеру и его подручным до высокопарного заявления в конце программы:

«Вожди партии обещают бороться за осуществление вышеприведенных пунктов, невзирая ни на какие препятствия и в случае надобности жертвуя своей жизнью».

Это не единственное обещание, данное и не выполненное вождями национал-социалистической партии. На общем собрании членов партии в мае 1926 г. еще раз была вынесена категорическая резолюция о «нерушимости» программы. Кроме того Готфрид Федер, соавтор 25 пунктов и «идеолог» партии, подчеркнул в своем комментарии к программе «со всей решительностью» и «непоколебимой ясностью»:

«Основные положения и мысли этой программы нерушимы. Здесь недопустимы никакие увертки и ухищрения из утилитарных соображений, недопустима игра в прятки с важнейшими пунктами программы, особенно неприятными для нынешнего государственного, хозяйственного и социального строя, недопустимы никакие колебания в убеждениях... Кто не считает для себя возможным держаться раз навсегда установленной нами линии в еврейском вопросе, в нашей борьбе против финансовой аристократии, против пакта Дауеса и политики обнищания, а также по другим программным вопросам, кто считает возможным купить свободу немецкой нации с помощью Лиги наций и Локарно путем компромиссов и трусости—тот ставит себя вне партии».

Все эти громкие слова не могут скрыть того факта, что в своей практической политике вожди партии каждый раз отказывались от своей собственной компромиссной половинчатой «программы» и действовали вразрез с ней.

Обман начинается уже с первых двух пунктов: «Объединение всех немцев в великую Германию на основе права народов на само-

определение» (пункт 1) и «Равноправие германского народа с другими нациями, отмена Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров» (пункт 2).

Оба эти программные требования не помешали Гитлеру—как до, так и после его прихода к власти—итти на компромиссы с державами, подписавшими Версальский договор, вести через уполномоченных переговоры с Лигой наций, Францией, Польшей, Англией и Италией.

Эти пункты не послужили камнем преткновения для Гитлера, когда он предавал южный Тироль Муссолини. В первом издании комментария Федера к программе еще значилось: «Мы не отказываемся ни от одного немца в южной Германии, в Эльзас-Лотарингии, в *южном Тироле*, в Польше, в колонии Лиги наций—Австрии и в государствах-наследниках старой Австрии». Во втором и во всех позднейших изданиях книги Федера слова: «в южном Тироле» отсутствуют! При этом Федер осмеливается писать в предисловии к пятому изданию: «Внесены лишь некоторые стилистические исправления и изменены места, которые могли бы быть превратно истолкованы».

Аналогично обстоит дело с другими пунктами программы, в первую очередь с требованиями в области экономической и социальной политики: «отмена нерабочего и нетрудового дохода»; «уничтожение процентного рабства» (пункт 11); «полная конфискация всех военных прибылей» (пункт 12); «огосударствление всех (до сих пор) уже обобществленных предприятий (трестов)» (пункт 13); «участие в прибылях на крупных предприятиях» (пункт 14); «развитие в самом широком масштабе обеспечения престарелых» (пункт 15); «создание здорового среднего сословия и его сохранение»; «немедленная муниципализация крупных универсальных магазинов» и «отдача их в аренду по дешевым ценам мелким торговцам, особое внимание к мелким промышленникам и ремесленникам при поставках для государства или коммун» (пункт 16); «приспособленная к нашим национальным потребностям земельная реформа, издание закона о безвозмездном отчуждении земельной собственности для общепользных целей, упразднение ипотечного процента и воспрепятствование всякого рода земельной спекуляции» (пункт 17). Нет надобности останавливаться здесь отдельно на каждом из этих программных пунктов. Некоторые из них будут рассмотрены в дальнейших главах, например относящиеся к еврейскому вопросу (пункты 4—8 и 23).

Наша цель здесь—дать представление об основных чертах национал-социалистической программы и показать, с какой бесцеремонностью и цинизмом вожди партии предают эту программу и фальсифицируют ее пункт за пунктом. Сами эти требования частью носят мелкобуржуазно-реакционный характер, как например пункт 16 («создание здорового среднего сословия и его сохранение»); и здесь та же половинчатость и противоречия, которые характерны для всей программы: как можно сохранить «среднее сословие», когда одновременно партия принципиально приемлет то, что является предпосылкой его постепенного исчезновения, пред-

посылкой пролетаризации средних классов, а именно капиталистическую систему хозяйства! Это же относится и к пункту 17, который должен являться основой аграрной политики национал-социализма; как может Гитлер спасти крестьянина, оставаясь всецело на платформе частной собственности и не допуская безвозмездной экспроприации крупного землевладения в пользу малоземельного мелкого крестьянства? В апреле 1928 г. Гитлер еще раз категорически подчеркнул, что национал-социалистическая партия готова всеми силами защищать частную собственность на средства производства. В пояснении как раз к упомянутому выше пункту 17 программы он подчеркнул, что слова о «безвозмездном отчуждении» относятся только к созданию законных возможностей для отчуждения в случае надобности (!) тех участков, которые приобретены незаконным путем или используются вразрез с народными интересами. Иначе говоря, эти слова о «безвозмездном отчуждении» направлены в первую очередь против еврейских обществ, занимающихся земельной спекуляцией.

Противоречия и компромиссы по всей линии! С другой стороны, мы находим в программных требованиях партии в области экономической и социальной политики старые трафареты из программ буржуазно-либеральных партий и веймарской конституции. Пункт 13 (огосударствление трестов) прямо украден из программы немецкой демократической партии от 1919 г. Другие пункты фигурируют в веймарской конституции в качестве обещаний, которые никогда не были ею выполнены,—это пункт 15 («развитие обеспечения престарелых»); пункт 20 («открыть дорогу дельным людям»)—сравните с этим имперскую конституцию и общегерманский закон о социальном обеспечении юношества от 1924 г.); пункт 21 («меры к улучшению народного здоровья, охрана материнства и ребенка»); пункт 24 («общее благо выше личной выгоды»—ср. статью 156 конституции).

Первый подъем национал-социалистического движения

С этой программой, с речами, выдержанными в духе 25 пунктов, Гитлер выступает в период первого подъема своей партии на первых массовых собраниях. При этом главное место занимала агитация против Версальского договора. Чем больше росло брожение среди мелкой буржуазии на почве усиливавшейся инфляции, тем больше людей привлекали национал-социалистические выступления. Однако несомненно, что в настроении мелкобуржуазных масс играли роль не только материальный момент, не только обнищание в результате репараций, обесценения денег и оккупации Рурской области, но и обида, нанесенная национальному чувству условиями Версальского договора и вторжением французских войск в германские области.

В феврале 1921 г. вскоре после переговоров о репарациях происходит первый митинг Гитлера в громадном зале цирка Кроне. Тема: «Есть ли у Германии будущность или ее ждет гибель?». Впервые

по улицам Мюнхена разъезжают грузовики с развевающимися фашистскими знаменами со свастикой; это делается для пропагандирования митинга. Национал-социалистическая партия подражает методам агитации революционного пролетариата. Она расклеивает огненно-красные плакаты со следующим демагогическим текстом «с целью привлечь публику на большую манифестацию»:

«Если 60 миллионов мужчин и женщин—стар и млад—с единой подушной решимостью заявят: «мы не желаем», то воля этих миллионов должна обеспечить им по крайней мере одно, а именно уважение, в котором отказывают тому, кто целует бичующий его кнут. Мы люди, а не собаки. 60 миллионов немцев должны дать понять имперскому правительству, что переговоры с протестником приведут к его падению».

Собрание в цирке Кроне было выигрышным ходом Гитлера, в особенности по отношению к другим буржуазно-национальным партиям и союзам, которые работали еще по старым довоенным методам. Они пренебрежительно улыбались, когда «молодой человек» предложил им немедленно организовать грандиозную демонстрацию против правительственной «политики выполнения», и тем паче, когда он после их колебаний и открытого отказа, один со своей все еще слабой группой взял на себя этот риск. Программа этих партий буржуазно-помещичьей реакции не могла создать им позиций в мелкобуржуазных слоях, тогда как национал-социалисты сумели впоследствии завоевать эти позиции с помощью своих 25 пунктов и бесцеремонных агитационных приемов. Провал капловского путча в марте 1920 г. уже доказал это.

То была попытка реставрации, предпринятая помещичьим, дворянским крылом буржуазии, без контакта с находившимися в состоянии брожения средними классами. Она опиралась только на крупных землевладельцев, на часть рейхсвера и высшей бюрократии, а также на некоторые добровольческие военные организации и союзы. Германские рабочие в двадцать четыре часа ликвидировали ее.

Влияние Стального плема тоже все время не выходило за пределы некоторой части крестьянской и буржуазной молодежи и самых отсталых слоев рабочих (членов желтых профсоюзов и сельскохозяйственных рабочих). Другое дело национал-социалистическая немецкая рабочая партия. Благодаря своей фиктивной борьбе против «интернационального еврейского банковского и биржевого капитала», благодаря своему лозунгу «народного единения», в котором должны мирно сожительствовать все классы под крылышком стоящего над ними сильного государства, эта партия могла проникнуть в более широкие массы. Ей удалось собрать под свои знамена значительную часть мелкобуржуазных масс.

Влияние национал-социалистов росло. В 1921 г. число членов партии удвоилось, оно поднялось с 3 до 6 тыс. В то время район действия партии ограничивался почти исключительно Баварией. В Северной Германии гораздо сильнее было движение так называемых «фелькише», руководимое Грефе, Вулле, Геннигом и графом Ревентловым.

Через два года после окончания войны состоялись первые конгрессы и съезды партий. В 1920 г. на конференции в Зальцбурге происходили совместные совещания с вождями австрийского и южногерманского национал-социалистического движения. На территории довоенной Австрии это движение началось гораздо раньше. В Австрии уже в 1904 г. основана была немецкая рабочая партия, в мае 1918 г. на конференции в Вене она вместе с другими группами была переименована в австрийскую социал-националистическую партию. Итак, начало национал-социализма относится еще к первым годам нашего столетия. Он раньше всего развился в старой «тюрьме народов» — в Австрии и в частности в Чехии, где национальный вопрос играл важную роль. Гитлер, уроженец Австрии, многое заимствовал оттуда. В Зальцбурге же состоялось соглашение с Юнгом, возглавлявшим партию в Чехии. Германский национал-социализм развивался при совершенно иных условиях.

Следующий конгресс состоялся в 1921 г. в Райхенгалле совместно с русскими и украинскими белогвардейскими союзами. Среди ораторов выступал пресловутый гетман Скоропадский. Белогвардейские эмигранты развивали свои планы интервенции против молодого советского государства, которое как раз незадолго перед этим выгнало за пределы страны последние остатки войск интервентов. Вместе с белогвардейцами выступал национал-социалист Альфред Розенберг, балтиец, впоследствии главный редактор газеты «Фелькишер беобахтер» и советник партии в вопросах внешней политики. Уже тогда Розенберг завязал связь с Детердингом и германским крупным промышленником Рехбергом, ярыми врагами советских республик. Он пишет тогда в «Фелькишер беобахтер» свои первые антибольшевистские и сочувственные Польше (!) статьи, в которых ведет травлю против Страны советов.

В январе 1922 г. в Мюнхене состоялся первый официальный съезд национал-социалистической немецкой рабочей партии. В прокламации по поводу съезда Гитлер, которому еще приходится бороться за свое единоличное диктаторское господство в партии, заявляет: необходимо произвести чистку партии, ибо она является «питомником благонамеренных, но именно потому особенно опасных дураков». Это было явно направлено против старых сооснователей партии, в частности против Антона Дрекслера и Кернера, которые не могли и не хотели усвоить новые, бесцеремонные методы Гитлера.

Высшие офицеры в мюнхенском штабе рейхсвера, пользовавшиеся большим влиянием, давно поддерживали юное движение. Среди них были бывшие товарищи Гитлера по 1919—1920 гг. С их помощью он наряду с собственной партийной организацией и аппаратом прессы и пропаганды создал третью организацию, которая уже в эти годы первого подъема служила ему прекрасным орудием борьбы, а именно штурмовые отряды. Первоначально летом 1920 г. национал-социалистическая немецкая рабочая партия создала якобы для защиты своих собраний от нападений «красных» так называемую дружину для охраны порядка, но в дальнейшем эта организация оказалась недостаточной; она была слишком мала и

слаба по сравнению с другими националистскими военными организациями. Поэтому Гитлер в августе 1921 г. приступил к созданию собственной национал-социалистической военной организации—штурмовых отрядов. Они являются террористической боевой группой партии и подчинены политическому партийному руководству.

Кто финансировал Гитлера?

Вскоре Гитлером и его партией заинтересовался ряд капиталистов—в особенности в южной Германии. Они желали использовать Гитлера и национал-социалистов для своей реакционной политики. Они поняли, какую пользу может принести национал-социалистическое движение для противодействия классовой борьбе пролетариата. Они были готовы оказывать «содействие» национал-социалистической партии, в частности предоставлять ей денежные субсидии.

Впоследствии (в 1924 г.) на процессе Гитлера и Людендорфа было установлено, что Гитлер получил значительные денежные суммы для партии от директора баварского союза промышленников, тайного советника Ауста, от юрисконсульта союза д-ра Куло, от Бехштейна, владельца фабрики роялей, от крупного промышленника Маффей (Мюнхен), от фабрикантов Горницу (Кульбах) и Грандель (Аугсбург). Гитлер выступал также с докладами о «своих целях» в фешенебельных клубах банкиров, крупных землевладельцев и промышленников. В виде вознаграждения он получал денежные субсидии для национал-социалистической прессы и на аналогичные цели. Уже тогда Гитлер получал субсидии также от берлинского крупного промышленника Борзига, председателя объединения союзов германских предпринимателей, который был известен как заядлый реакционер в вопросах социальной политики. На процессе сообщалось, что агент Гитлера в Швейцарии—д-р Гауссер—выхлопотал ему в то время денежную поддержку Генри Форда и субсидии из кругов французских капиталистов, спекулировавших на баварском сепаратизме.

Доказать документально и детально все эти темные источники, откуда получал деньги «рабочий вождь»—Гитлер, можно будет только тогда, когда в грядущей социалистической пролетарской Германии будут раскрыты все до единого архивы. Но политические доказательства возможны уже в настоящее время. Вся политика партии Гитлера, завоевавшая ей впоследствии открытые симпатии крупнокапиталистических кругов Тиссен, Шахт и др., подтверждает, что господствующие классы были весьма заинтересованы в оказании ей содействия. Долги Гитлера, его колоссальные расходы на пропаганду и на содержание штурмовых отрядов сыграли известную роль в событиях 1923 г. и побудили его к решительному выступлению.

Путч 9 ноября 1923 г.

Вышей точкой и завершением этого первого периода подъема в истории национал-социалистической партии явился мюнхенский путч 9 ноября 1923 г. В продолжение 1923 г. Гитлер все время

требовал от своих союзников в баварском правительстве и рейхсвере решительного выступления. В конце концов он в начале ноября мобилизовал свои боевые дружины и в пивной «Бюргерброй» на большом митинге патриотических союзов поставил баварского комиссара генерального штаба фон Кара, колеблющегося генерала Людендорфа и генерала фон Лоссова, начальника баварского рейхсвера, перед совершившимся фактом. Неожиданно для большинства присутствовавших на митинге Гитлер провозгласил «национальную республику». Он объявил Эберта смещенным с поста президента, сам себя назначил рейхсканцлером, Кара—наместником в Баварии, мюнхенского полицей-президента Пёнера—министр-президентом и Людендорфа—министром рейхсвера. Баварский министр-президент фон Книллинг, министры Гирнер, Швейер, Вутцелхофер и генерал фон Лоссов были арестованы, но уже через несколько часов Людендорф освободил их «на честное слово». Кар сначала согласился на предложения Гитлера, но ночью отправился в сопровождении Лоссова и полковника Вейсера в казармы 19 пехотного полка, откуда все трое возвестили по радио, что отвергают переворот Гитлера. Кар объявил недействительным данное им согласие на переворот, так как оно было вынуждено у него на митинге с помощью оружия. В три часа утра Кар составил новое сообщение, в котором говорилось, что «честолюбивые и нарушившие слово изменники» превратили манифестацию за возрождение Германии в сцену отвратительного насилия, и что «вынужденные у Кара, Лоссова и Вейсера под угрозой револьверов заявления» не имеют никакой силы. Национал-социалистическая немецкая рабочая партия и боевые союзы «Оберланд» и «Имперский флаг» объявлялись распущенными. Уже на следующее утро 9 ноября это сообщение и приказ о роспуске появились в мюнхенских газетах.

Гитлер и Людендорф сделали отчаянную попытку произвести насильственный переворот, хотя за несколько месяцев до того Гитлер честным словом обязался перед баварским министром внутренних дел Швейером, что не будет прибегать к путчу. Вместе с боевыми союзами они маршируют по улицам Мюнхена. Рейхсвер соблюдает нейтралитет и не стреляет. Баварская полиция ожидает Гитлера у «Фельдгернхалле» и дает залп по восставшим. Пятнадцать гитлеровцев убито. Гитлер обращается в бегство. Через несколько дней его арестовали в роскошной вилле одной принцессы—он не успел еще перейти австрийской границы. Геринг бежал в Италию, а оттуда в Швецию. Людендорфа пощадили и не арестовали.

Процесс путчистов происходил весной 1924 г. в народном суде в Мюнхене. Судьи были милостивы и любезны. Ведь на скамье подсудимых сидели люди «национального образа мыслей», «имевшие самые благие намерения»—Гитлер, генерал-фельдмаршал фон Людендорф, полицейский чиновник Фрик (в 1933 г. Фрик—имперский министр внутренних дел), капитан Рем, оберлейтенант Пернет, пасынок Людендорфа, и другие. Историки партии сообщают, что обвиняемые были весело настроены, улыбались и шутили. Гитлер был приговорен к пяти годам заключения в крепости, с тем

что по отбытии части наказания остальная часть будет считаться условной. Уже по прошествии нескольких месяцев—в декабре 1924 г.—его выпустили из крепости Ландсберг. Рем, Фрик и Брикнер отделались всего тремя месяцами заключения в крепости. Людендорф был оправдан как «действовавший в состоянии аффекта». Гитлеру, который тогда был еще австрийским подданным, разрешили остаться в Германии, он не был выслан. Реакционное германское правосудие признавало свой долг перед этим «революционером».

Национал-социалистическая партия временно сходит со сцены

Неудачный путч 1923 г. завершает собой революционный «период» гитлеровского движения. С этого момента сданы в архив все нелегальные и даже полунелегальные планы вооруженного выступления против «берлинского еврейского правительства». Этот период в истории национал-социалистической партии отходил в прошлое, по мере того как в Германии совершался переход к некоторой хозяйственной стабилизации и схлынула волна острого недовольства мелкобуржуазных масс. Партия переживает теперь период глубокого упадка и на несколько лет почти совершенно исчезает с политической арены. Объединенные партии—«фелькише» и национал-социалисты, получившие еще в мае 1924 г. на выборах в рейхстаг 1,9 миллионов голосов (32 мандата), в декабре того же года получают уже только 840 тыс. голосов (14 мандатов). Они нисходят на положение мелкой партии, тогда как националисты получили свыше 100, а социал-демократы 120 мандатов.

Следующие годы проходят в борьбе между отдельными группами партии «фелькише» (народно-немецкая партия свободы) и национал-социалистами. Летом 1925 г. произошло отделение национал-социалистов от народно-немецкой партии свободы. Значительная часть приверженцев этой партии перешла при этом к Гитлеру. Тем временем капиталистическая власть продолжает ликвидацию уступок рабочим, вырванных у нее в 1918 г. В январе 1925 г. образовано было реакционное правительство буржуазного блока во главе с националистами. Спустя три месяца объединившиеся правые партии выбирают генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга в президенты республики как преемника Эберта. Национал-социалисты, поддерживавшие в первом туре выборов безнадежную кандидатуру Людендорфа, во втором туре тоже голосовали за Гинденбурга—это характерно для меняющихся позиций национал-социалистического движения.

Национал-социалисты за интересы династий

Когда в 1926 г. проводился плебисцит по вопросу об экспроприации бывших германских владетельных князей, национал-социалисты оказались в одном лагере со всеми буржуазными партиями—от националистов до центра и демократов. «Экспроприация владе-

тельных князей является кражей благоприобретенной собственности»—так в один голос кричали эти партии. Впрочем и в позднейшие годы национал-социалисты не отступили от этой позиции. Когда коммунисты внесли предложение о безвозмездной экспроприации имущества владетельных князей и о прекращении выплаты бывшему кайзеру и принцам миллионных рент, национал-социалисты, устами лидера их фракции в прусском парламенте—Кубе, впоследствии оберпрезидента Берлина и Бранденбурга, заявили:

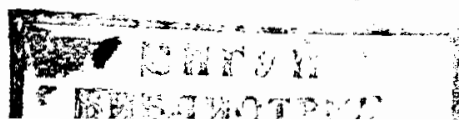
«Из чувства справедливости (!) мы отклоняем коммунистическое предложение об экспроприации владетельных князей. Немецкий социализм должен признавать право и за Гогенцоллернами».

Германские бывшие владетельные князья вознаградили за эту позицию национал-социалистов, предоставив в их распоряжение миллионные суммы из полученных ими «возмещений». Назовем здесь только принца Августа-Вильгельма прусского из династии Гогенцоллернов, сына бывшего кайзера, затем герцога Карла Эдуарда Саксен-Кобург-Готского, принца Вильгельма Гессенского (в июне 1933 г. Гитлер назначил его оберпрезидентом в Гессен-Нассау), принца Христиана Шаумбург-Липпе. Недавно также бывший кронпринц присоединился к национал-социалистам, вступив в их автомобильный корпус. Национал-социалисты не в состоянии были отрицать, что бывший кайзер Вильгельм II тоже участвовал в финансировании штурмовых отрядов.

Своей новой политикой приспособления к буржуазным партиям Гитлер пытается снова завоевать доверие буржуазии, поколебленное его путчем. Он занимает легальную позицию, так как понимает, что только таким путем может сохранить благосклонность и поддержку господствующих классов. Он снова выступает с докладами в клубах промышленников, чтобы убедить угольных баронов в безопасном характере своих «идей» и показать им, насколько выгоднее для них идти с национал-социалистами, чем с «изменнической социал-демократией». На сей раз «вождь» не ограничивается одной южной Германией. Он отправляется в западную Германию, навещает магнатов Рура в их замках, в центре их владений. В 1926 г. он два раза выступает перед специально приглашенной публикой в Эссене и Кенигсвинтере; в апреле 1927 г. он снова выступает в Эссене в зале Круппа. Газета тяжелой промышленности «Рейнш-вестфалише цейтунг» сообщает об одобрении, с которым промышленники отнеслись к докладу Гитлера.

Штрассер и Геббельс в роли социалистов

Одновременно—это показательно для двусмысленного, беззастенчиво демагогического характера национал-социалистической пропаганды—Грегор Штрассер, один из знаменосцев Гитлера, разъезжает по северной и восточной Германии и распространяет там свои «социалистические» лозунги «немецкой революции». Тогда же всплывает также Иосиф Геббельс, молодой католический литератор из Рейнской области. В октябре 1925 г. Штрассер основал сво

«национал-социалистические письма», ставшие, так сказать, идеологическим органом «левого» крыла партии. Геббельс работает сначала как сотрудник этих «Писем», а затем отправляется в качестве руководителя областной организации партии в Берлин, где движение пустило еще очень мало корней. С июля 1927 г. он издает собственный еженедельный журнал «Ангриф» с псевдосоциалистическим лозунгом: «За угнетенных! Против эксплуататоров!» Вместе со своим братом Отто, бывшим социал-демократом, Грегор Штрассер основывает в Берлине небольшой издательский концерн—издательство «Кампф» («Борьба»). Концерн издает три ежедневных газеты: «Национальный социалист» в Берлине, «Меркшпер беобахтер» для провинции Бранденбург и «Зексшпер беобахтер». В то время это были единственные ежедневные национал-социалистические газеты в средней и северной Германии. Кроме того в издании «Кампф» выходили три еженедельника и ряд книг и брошюр. Не подлежит сомнению, что Грегор Штрассер пытался в то время конкурировать в северной Германии с «вождем»; у него были известные разногласия с Гитлером, но он потом подчинился авторитету последнего. Впрочем он каждый раз делал снова попытки вести самостоятельную политику и в конце концов был отстранен Гитлером от всех должностей, когда вступил в слишком тесный союз с генералом Шлейхером; в декабре 1932 г. Грегор Штрассер исчезает, пока лишь с политической арены.

Во всех изданиях концерна «Кампф» был взят очень «радикальный» тон. У читателя старались создать впечатление, что к нему обращается «друг рабочих» и даже «сторонник классовой борьбы». «Национал-социалистическая партия есть классовая партия (!) созидательного труда»—читаем мы в брошюре «Национальный или интернациональный социализм», вышедший в издательстве Штрассера. Автор этой брошюры—Юнг, первый председатель национал-социалистической партии южных стран (т. е. областей с немецким населением, расположенных к югу от Германии). Грегор Штрассер выбрал своим лозунгом слова: «Свободы и хлеба». Торговой маркой его изданий являются «Молот и меч».

Ту же песню поет Геббельс. В своей брошюре «Наци-соци. Вопросы и ответы для националиста» он пишет:

«Нет ничего более лживого, нежели толстый упитанный буржуа, протестующий против идеи пролетарской классовой борьбы... Что дает тебе право чваниться в сознании своей национальной ответственности и выступать против классовой борьбы пролетариата? Разве вот уже почти 60 лет буржуазное государство не было организованным классовым государством, которое с железной исторической необходимостью родило идею классовой борьбы пролетариата?.. Не стыдно ли вам, упитанным гражданам средней Европы, отказывать недоедающим, голодающим, изможденным безработным пролетариям в праве на классовую борьбу? Да, мы называем себя государством рабочих. Это первый шаг. Первый шаг в сторону от буржуазного государства. Мы называем себя рабочей партией, так как мы желаем сделать труд свободным, так как для нас созидющий

труд является движущим началом в истории, так как в наших глазах труд выше, чем собственность, образование, уровень благосостояния и буржуазное происхождение. Поэтому мы называем себя рабочей партией... Мы называем себя социалистами из протеста против лжи социального сострадания буржуазии. Мы не желаем сострадания, мы не желаем вашего народолюбия. Мы плюем на ерунду, которую вы называете «социальным законодательством». Для того чтобы жить, этого недостаточно, а для того чтобы умереть, слишком много... Мы желаем иметь полную долю в том, что дало нам небо и что мы добыли трудом наших рук и усилиями нашего мозга. Вот что есть социализм!.. Мы протестуем против идеи классовой борьбы. Все наше движение есть один единый грандиозный протест против классовой борьбы... Но при этом мы называем вещи их именами: если в левом лагере 17 миллионов пролетариев видят в классовой борьбе свое последнее спасение, то только потому, что практика правого лагеря учила их этому в продолжение 60 лет. Это дает нам моральное право выступать против идеи классовой борьбы пролетариата, если сначала не будет принципиально разрушено буржуазное классовое государство и его не заменит новый социалистический уклад немецкого общества».

Так еще недавно писал будущий министр народного просвещения и пропаганды в «третьей империи». Это совсем другой язык, нежели язык 25 пунктов, в которых вообще не встречается слово социализм. Сравните требование Геббельса о «разрушении» (!) буржуазного классового государства с официальной программой национал-социалистической партии, с ее пунктом 25, в котором говорится:

«Для осуществления всего этого (т. е. всей программы партии) мы требуем: Создания сильной центральной имперской власти. Безусловного авторитета центрального политического парламента во всей империи и во всех ее организациях. Создания сословных и профессиональных палат для проведения изданных империей общих законодательных положений в отдельных союзных государствах».

Наряду с концепцией Геббельса эта гитлеровская программа 1920 г. кажется бледной, банальной, мешанской, либеральничавшей. Воззвание Геббельса против «толстого упитанного буржуа» представляет сравнительно с 25 пунктами Гитлера более утонченную фашистскую «программу», гораздо более, нежели эти 25 пунктов, пригодную для индустриализированной Германии и в особенности для Берлина.

Новое поражение 1928 г.

Однако ни Гитлеру с его лекциями перед «упитанными буржуа» Рейнской области и Рура, ни Штрассеру и Геббельсу не удалось усилить влияния партии на массы. Правда, за эти годы произошла некоторая внутренняя консолидация партии. Число ее членов воз-

росло с 17 тыс. (в 1926 г.) до 40 тыс. (в 1927 г.). Состоялись два партийных съезда: в 1926 г.—в Веймаре и в 1927 г.—в Нюрнберге. Снова были основаны штурмовые отряды. Партия очищается от ряда «благонамеренных, но именно поэтому особенно опасных дураков»; в том числе выкидывается «исследователь рас» Динтер в Тюрингии. Затем, чтобы облагородить партию и открыть ей доступ в салоны, исключается в 1927 г. пресловутый убийца Гейнес, исполнитель приговоров тайных трибуналов; впрочем кровавые зверства Гейнеса не помешали впоследствии Гитлеру снова принять его в партию, сделать полицей-президентом в Бреславле и главным начальником штурмовых отрядов во всей северной и восточной Германии. На выборах в рейхстаг в мае 1928 г. партия опять потерпела очень тяжелое поражение: она получила только 12 мест в рейхстаге. Объективные условия еще не были благоприятны для роста фашистского движения: в 1924—1927 гг. снова наступил некоторый расцвет хозяйственной жизни, и это принесло с собой частичное облегчение для мелкой буржуазии и для некоторых категорий рабочих.

Экономический кризис в Германии

Однако призрачное хозяйственное преуспевание уже перешло через кульминационную точку. Германия первая из всех европейских стран была охвачена наступившим мировым экономическим кризисом. Производство сокращается. Растет безработица. Зимой 1930 г. в Германии уже насчитывалось свыше трех миллионов безработных. Началось развернутое наступление капитала на рабочий класс: предприниматели непрерывно снижают ставки зарплаты. По вычислениям берлинской «Финанцполитише корреспонденц» средняя недельная ставка зарплаты промышленных рабочих составляла летом 1929 г. 44 марки 60 пфеннигов, а в марте 1930 г. снизилась до 39 марок 0,5 пфеннигов. В среднем за год недельная ставка зарплаты составляла в 1928 г. и 1929 г. еще 42—45 марок, а в 1930 г. упала до 37 марок, в 1931 г.—до 30 марок. Наконец при правительстве Папена—Шлейхера средние недельные ставки зарплаты понизились более чем наполовину в сравнении со ставками 1928—1929 гг. В августе 1932 г. они составляли 20 марок 80 пфеннигов и с тех пор упали еще ниже. По вычислениям «Финанцполитише корреспонденц» общая сумма выплаченной германским рабочим и служащим зарплаты и жалования уменьшилась с июля 1929 г. по июль 1932 г. круглым счетом на 38 миллиардов марок.

Параллельно с сокращением зарплаты чрезвычайно растет безработица. По официальным данным германского министерства труда цифра безработных перешагнула зимой 1931/32 г. за шесть миллионов. Однако, как установил Государственный конъюнктурный институт, эти официальные данные не указывают действительных размеров безработицы, так как учитывались (и по сию пору учитываются) только те безработные, которые зарегистрированы на государственных биржах труда. Благодаря этому только часть безработных охватывается статистикой. Как выражается Конъюнктурный

институт, наряду с «видимой» безработицей существовала также «невидимая» безработица. Это легко можно было установить, сопоставив данные министерства труда со статистикой страховых касс, охватывающей всех занятых рабочих. В результате такого сопоставления получается цифра «невидимой» безработицы приблизительно в два миллиона. Итак, тогда как по официальной статистике безработных насчитывалось зимой 1931/32 г. в круглых цифрах шесть миллионов, а летом 1932 г. свыше пяти миллионов, по данным Конъюнктурного института безработных было зимой 1931/32 г. почти восемь миллионов, а в третьем квартале 1932 г. (лучший сезон!)—свыше семи миллионов. Но даже эти цифры отнюдь не соответствовали действительному положению. Они не учитывали тех сотен тысяч постоянных безработных, которые в качестве «нищих» заполняют улицы городов или в качестве «бродяг» шатаются по всей Германии. Они не учитывали «беспризорных» детей и безработную молодежь, которая по выходе из школы не находит работы. Не учтены также сотни тысяч мелких и самых мелких купцов, торговцев, когда-то «самостоятельных», и представителей так называемых свободных профессий, которые ведут голодное существование и фактически являются безработными. Итак, действительную цифру безработицы следует оценивать (для начала 1933 г.) примерно в девять миллионов.

Положение средних классов тоже ухудшалось в возрастающей прогрессии. В Германии удельный вес этих промежуточных слоев довольно значителен. Согласно статистическим исследованиям Теодора Гейгера («Социальная структура германского народа» на нем. яз., Штутгарт, 1932 г.) удельный вес различных классов в общей цифре самостоятельного населения определяется следующим процентным соотношением: капиталисты—0,84%, «старое среднее сословие» (мелкие собственники орудий производства)—18,33%, «новое среднее сословие» (служащие, чиновники и т. д.)—16,04%, «пролетароиды» (лица с поденным заработком, работающие за свой счет, мелкие торговцы и т. д.)—13,76%, пролетариат—51,03%. Процент пролетариата здесь несомненно преувеличен. Однако в общем это деление соответствует действительности.

Кризис пролетаризировал широкие слои средних классов. Число банкротств все увеличивалось, продажи с молотка стали повседневным явлением. Особенно тяжело пострадали городская мелкая буржуазия и мелкое крестьянство. Но кризис охватил также слои, которые до сих пор не были затронуты им.—слои, положение которых в период относительной стабилизации укрепилось. Бич безработицы бьет теперь и по привилегированному слою представителей умственного труда. Уровень жизни учителей, инженеров, врачей, адвокатов, писателей, художников падает все ниже и ниже. Четвертая часть всего числа лиц с высшим образованием не имеет службы. Из 8 тыс., окончивших в 1931/32 г. среднюю и высшую техническую школу, только 1 тыс. нашла работу по своей профессии. 1 500 продолжали «покамест» учиться, терпя всяческие лишения. Другие 1 500 кое-как перебивались одно время в качестве разносчиков, кельнеров, кухонных му-

жиков, профессиональных танцоров и т. д., а 4 тыс. оставшихся без занятий выброшены на улицу. Согласно обследованию, предпринятому союзом Гартмана, официально признанной «сословной» организацией германских врачей, 70 % германских врачей зарабатывали в 1932 г. менее 170 марок в месяц. «Германское общество адвокатов» вывело аналогичные цифры для адвокатов. Из 22 тыс. квалифицированных молодых учителей только 990 могла быть предоставлена работа, да и то почти исключительно лишь в виде заместителей или помощников учителей; это—данные, опубликованные прусским министерством народного просвещения. Среди инженеров и химиков безработица возросла с 1 апреля 1930 г. до 1 апреля 1932 г. на 500 %, тогда как безработица среди служащих всех категорий возросла «только» на 150 %, среди технических служащих—на 200 %. Положение тех служащих с высшим образованием, которые еще не потеряли места, ухудшалось из года в год. Удлинялся рабочий день, беспощадно проводилось сокращение ставок. Так например оклады чиновников прусского министерства народного просвещения были осенью 1932 г. на 24 % ниже, нежели в 1927 г. К этому присоединилась сокращенная рабочая неделя: на многих предприятиях работали только 3—5 дней в неделю.

Действие кризиса обострялось в результате громадного бремени репараций. Обещания, связывавшиеся с планом Дауеса и с соглашениями в Локарно (1924—1925 гг.), не были выполнены; надежды, возлагавшиеся на этот план и на Локарно, не осуществились. В 1929 г. принят был план Юнга, новое интернациональное «регулирование вопроса о долгах»; этот план дает классу капиталистов новую возможность взвалить на трудящиеся массы миллиардные тяготы.

Обнищавшие рабочие массы подвергаются новому процессу радикализации. Вскоре после успеха социал-демократии на выборах в мае 1928 г. рабочие массы снова начинают отходить к коммунистической партии. Индифферентные до сих пор слои городской мелкой буржуазии в течение кризиса втягиваются в политику. Зашевелилось крестьянство. В 1929 г. происходят крестьянские бунты в северной Германии. Трудовое население деревни прогоняет судебных исполнителей, описывающих у крестьянина последнюю коровенку и собирающихся продавать с молотка его имущество. Толпы крестьян собираются перед зданиями полатного управления, дело доходит до кровавых столкновений с полицией. Под конец происходит ряд покушений с помощью бомб. В прусской провинции Шлезвиг-Гольштейн делаются попытки взорвать управления ландратов и другие правительственные здания.

Буржуазия продолжает свою политику нажима и угнетения с целью ликвидировать уступки, вырванные у нее в 1918 г. Правительства буржуазного блока, возглавлявшиеся членом народной партии Лютером (ныне—германский посол в Соединенных штатах) и лидером партии центра—Марксом, сменяются в 1928 г. правительством «большой коалиции», которая охватывала ряд партий—от немецкой народной партии, партии тяжелой промышленности, до социал-демократии.

Председатель социал-демократической партии Герман Мюллер становится рейхсканцлером. Вместе с ним в германском правительстве участвуют еще три социал-демократа: Зеверинг (министр внутренних дел), Гильфердинг (министр финансов, как и в 1923 г.) и Виссель (министр труда). Лидер немецкой народной партии Штревеман получил портфель министра иностранных дел, его товарищ по партии д-р Курциус—портфель министра народного хозяйства, демократ Гесслер (ныне—фашист)—портфель военного министра. При правительстве Германа Мюллера проведен был план Юнга. Главой германской делегации на парижской конференции, обсуждавший план Юнга, был председатель рейхсбанка Шахт; в 1930 г. он был отставлен от этой должности, в 1933 г. снова занял ее как приверженец Гитлера.

Эра Брюнинга

В декабре 1929 г. свергнут был министр финансов Гильфердинг, хотя он доставил громадные барыши крупным банкам, выпустив заем, не подлежащий налоговому обложению. Гильфердинга сменил профессор Молденгауер. Последний является членом наблюдательного совета крупнейшего германского треста, И. Г. Фарбениндурии. По прошествии нескольких месяцев—в марте 1930 г. кабинет Мюллера сменяется правительством Брюнинга. Всяческими маневрами социал-демократов вытесняют из правительства. Тем не менее правительство Брюнинга—Гренера—Штегервальда, которое не имеет большинства в рейхстаге, встречает со стороны социал-демократии благожелательную поддержку и «терпимое отношение». В то же время это правительство уже берет курс на привлечение в правительство национал-социалистической партии. На процессе Гереке в июне 1933 г. бывший министр Тревиранус категорически подтвердил, что Брюнинг уже тогда намерен был «включить» национал-социалистическую партию. Тем временем социал-демократия представляла трудящимся массам правительство Брюнинга как «меньшее зло» сравнительно с правительством чисто фашистского буржуазного блока. Прусское правительство Брауна—Зеверинга, руководимое социал-демократией, было прочнейшей опорой Брюнинга.

Период «демократии» закончился затруднениями, в которые кризис вверг финансовый, промышленный и аграрный капитал в Германии. Брюнинг управлял с помощью 48 параграфа веймарской конституции, который фактически отменяет эту конституцию. В истории германской буржуазной республики это не первый подобный случай. В германской республике уже не раз прибегали к исключительному положению и к отмене демократических прав, для того чтобы внести «коррективы» в ход политического развития, когда он становился опасным для капитализма. Уже в 1919—1923 гг., при социал-демократическом президенте республики Эберте, параграф 48 был использован для запрещения стачек в предприятиях, именуемых жизненно необходимыми, и для организации гвардии штрейкбрехеров, так называемой «технической помощи». Им воспользовались также для того, чтобы отправить рейхсвер в Саксонию

и Тюрингию для «восстановления конституционного положения» и чтобы дать генералу фон Зекту как военному диктатору полномочия на роспуск германской коммунистической партии. Начальник берлинской полиции—социал-демократ Цергибель, бывший профсоюзный лидер, запретил в 1929 г. майскую демонстрацию берлинских рабочих. Когда рабочие нарушили этот запрет и организовали демонстрацию, он послал против них свои полицейские войска. Пули полицейских уложили 33 берлинских рабочих. Через несколько дней Зеверинг запретил союз красных фронтовиков, антифашистскую защитную организацию революционного пролетариата, между тем как национал-социалисты могли попрежнему легально организовываться в Пруссии свои штурмовые отряды.

Брюнинг устраняет рейхстаг. Социал-демократическая партия дает на это свое согласие. Он управляет с помощью «чрезвычайных» декретов на основании 48 параграфа. Он издает декреты о сокращении пособий безработным, урезывает скудные пенсии пострадавших во время войны—инвалидов, престарелых, вдов и сирот. Он вводит самостоятельно без парламента новые налоги, бремя которых падает на массы: подушный налог, кризисный налог, налог с холостяков. В порядке чрезвычайных декретов он увеличивает пошлины и вызывает таким образом рост цен на предметы первой необходимости. Он отменяет законы, изданные в защиту квартиронанимателей. Банки и промышленные концерны получают миллионные субсидии. Крупные землевладельцы проводят финансовое «оздоровление» своих имений за счет трудящихся. Они получают миллионы из сумм так называемой «Остхильфе» (общество содействия землевладельцам в Восточной Пруссии). А полицей-президенты, из которых более половины социал-демократы, самым суровым образом подавляют движение протеста пролетариата, запрещают коммунистическую печать, запрещают рабочие демонстрации.

Этой своей политикой социал-демократия не только способствовала фактически росту реакционных и фашистских сил в Германии, но дала также национал-социалистам предлог для их демагогической травли по поводу провала «марксистской системы».

Социал-демократия «терпела» правительство Брюнинга, которое довело ограбление масс до невыносимых пределов, управляло страной диктаторскими методами и подготавливало привлечение национал-социалистов к участию в правительстве.

В это время происходит второй подъем национал-социалистического движения. Национал-социалистическая партия остается на строго легальной почве. Совместно с Гугенбергом, представляющим реакционное крыло тяжелой индустрии и крупного землевладения, совместно со Стальным шлемом и другими националистскими организациями она проводит плебисцит против плана Юнга. При этом забыто было, что немецкая национальная народная партия Гугенберга отрядила в 1925 г. половину своей фракции для того, чтобы помочь принятию плана Дауеса. В кампании против плана Юнга огромный пропагандистский аппарат гугенберговского концерна, инспирирующий сотни газет и обладающий собственным информационным агентством «Телеграфен-Унион», оказал большие

услуги и национал-социалистам. Плебисцит, правда, кончился провалом, но национал-социалисты снова имеют некоторый успех на выборах в ландтаги в Саксонии и Тюрингии и на коммунальных выборах в Пруссии.

В январе 1930 г. Фрик становится в Тюрингии министром внутренних дел и народного просвещения—это в Германии первый министр национал-социалист. Национал-социалистическая партия вступила тогда в Тюрингии в коалицию со всеми правыми партиями вплоть до немецкой народной партии, которая в то же время в рейхстаге находилась в коалиции с социал-демократией. Еще год тому назад Геббельс в своей «Азбуке национал-социалиста» назвал немецкую народную партию представительницей интересов крупного капитала. Теперь представитель социалистической рабочей партии участвует в одном и том же правительстве вместе с представителями немецкой народной партии.

Гитлер показывает свое подлинное лицо

Часть «социалистов» в национал-социалистической партии во главе с Отто Штрассером не считает возможным продолжать легальный курс и в мае 1930 г. выступает из партии под лозунгом: «Социалисты покидают национал-социалистическую партию!» Перед этим Штрассер имел длинный разговор с Гитлером:

«Рабочая масса,—сказал Гитлер Штрассеру,—не желает ничего другого кроме хлеба и зрелищ. Ей недоступны какие-либо идеалы, и мы никогда не можем рассчитывать на то, чтобы завоевать значительные массы рабочих. Мы стремимся к отбору нового слоя господ, которые не будут руководиться в своих действиях моралью сострадания, как вы».

Штрассер задал затем Гитлеру между прочим следующий вопрос: «Если бы вы завтра получили власть в Германии, как поступили бы вы после завтра например с акционерным обществом Круппа? Оставили бы вы без изменения нынешнее положение акционеров и рабочих в отношении права собственности, прибыли и руководства?»

На это Гитлер ответил:

«Само собой разумеется. Неужели вы считаете меня таким безумцем, чтобы я стал разрушать хозяйство? Государство будет вмешиваться только в тех случаях, когда предприниматели будут действовать не в интересах нации. Для такого вмешательства не требуется ни эксплуатации, ни права на участие в управлении; для этого требуется только сильное государство, которое одно в состоянии руководствоваться в своих поступках исключительно возвышенными принципами, а не чьими-либо интересами. Слово социализм само по себе не удачно, во всяком случае оно не означает, что данные предприятия должны быть социализированы, а говорит лишь, что они могут быть социализированы, если нарушают интересы нации. Пока они этого не делают, было бы просто преступлением разрушать хозяйство... У нас есть пример, которому мы можем

смело следовать,—фашизм! Точно так же, как это уже осуществили фашисты, и в нашем национал-социалистическом государстве предприниматели и рабочие будут равноправными партнерами, а сильное государство будет выносить решение в случае конфликта и заботиться о том, чтобы экономические бои не угрожали жизни нации».

Заявляя себя таким образом сторонником капиталистического хозяйственного строя, Гитлер тем самым снова старался снискать расположение магнатов финансового капитала.

Он доказал им, что экономическая программа национал-социализма точно так же, как и итальянского фашизма, желает лишь обеспечить упрочение капитализма. Он сдержал свои обещания, которые он тогда дал.

Сентябрьские выборы 1930 г.

Первый крупный избирательный успех национал-социалистическая партия имела на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г.: она получила 6,4 миллиона голосов и 107 мандатов и стала таким образом второй по силе партией после социал-демократии. Коммунисты завоевали 600 тыс. новых голосов. Немецкая национальная партия потеряла половину своих мандатов, немецкая народная партия—одну треть. Этим успехом национал-социалисты обязаны были тому, что полностью направляли свою пропаганду на завоевание радикализированных мелкобуржуазных масс. Национал-социалисты надавали целый 'короб обещаний' всем социальным группам. Пропаганда эта велась за счет громадных денежных сумм, пожертвованных капиталистическими покровителями партии. Своей агитацией против Версальского договора и плана Юнга национал-социалисты сумели завоевать симпатии мелкобуржуазных масс, доступных всякого рода шовинистическим лозунгам. Они обещали всем все: рабочим—повышение зарплаты, предпринимателям—повышение прибылей, квартиронанимателям—снижение квартирной платы, домовладельцам—повышение квартирной платы, крестьянам—повышенные цены,—мелкой буржуазии удешевление цен. И тем не менее им не удалось привлечь на свою сторону пролетариат. Они перетянули к себе лишь значительные части прежних избирателей буржуазных партий.

Будет ли Гитлер назначен рейхсканцлером?

Брюнинг продолжал оставаться во главе правительства и издавал все новые чрезвычайные декреты. В проведении этой политики чрезвычайных декретов его поддерживала социал-демократия. По мере того как росло национал-социалистическое движение, все снова и снова вставал вопрос о том, чтобы привлечь открыто национал-социалистов в правительство.

В апреле 1932 г. Гинденбург был во второй раз избран президентом республики. Он был избран с помощью голосов социал-демократии, которая выступала под лозунгом: «Кто голосует за Гин-

денбурга, тот побивает Гитлера!». В мае 1932 г. Брюнинг был свергнут под давлением дворян-помещиков Восточной Пруссии. Место его заняло правительство Папена—Шлейхера.

При новом правительстве начинается период усиленных диктаторских мероприятий. 20 июля 1932 г. Папен был назначен имперским комиссаром Пруссии. Для того чтобы сломить «сопротивление» социал-демократических прусских министров, оказалось достаточным одного капитана и трех солдат рейхсвера. На непродолжительное время объявлено было также исключительное положение в Берлине и Бранденбурге. Социал-демократические вожди уступили без борьбы, хотя в их руках находилась еще вся охранная полиция в Пруссии и многих других частях империи и хотя полицейские офицеры-демократы бурно требовали, чтобы было оказано вооруженное сопротивление. Социал-демократические вожди публично называли «провокаторами» коммунистов, которые призывали пролетариат к всеобщей забастовке. Они парализовали силы рабочего класса и покинули свои позиции в надежде сохранить за собой таким образом несколько министерских мест. Прусский «оплот демократии» без борьбы достался реакции.

В августе 1932 г. после второй большой победы национал-социалистов на июльских выборах (они получили 13,5 миллионов голосов и 225 мандатов) впервые заговорили о назначении Гитлера рейхсканцлером. Гинденбург еще колеблется. Однако голоса, требующие привлечения национал-социалистов в правительство, становятся все громче. В издаваемой имперским союзом германской промышленности конфиденциальном бюллетене «Дейтче фюрербрифе» появилась в это время статья, обратившая на себя большое внимание; она со всей откровенностью раскрывала планы решающих капиталистических кругов. В этой статье, озаглавленной «Социальная консолидация капитализма», говорилось:

«Существенным для проблемы консолидации буржуазного режима в послевоенной Германии является в общем тот факт, что руководящая, распоряжающаяся хозяйством буржуазия стала слишком тонкой прослойкой, чтобы своими силами поддерживать свою власть. Если она не желает довериться крайне опасному оружию чисто милитаристического насилия, то для сохранения своего господства ей необходимо привлечь к себе слои, которые в социальном отношении не принадлежат к ней, но оказывают ей незаменимую услугу, помогая ей упрочить свое господство в народе и являясь таким образом фактической опорой или «крайним носителем» этого господства. Так «крайним носителем» господства буржуазии была в первый период послевоенной стабилизации социал-демократия».

(Далее проводится сравнение между Гитлером и Эбертом и устанавливается, что национал-социализм должен сменить социал-демократию в качестве массового опорного пункта для господства буржуазии в Германии).

...Для выполнения этой задачи социал-демократия располагала свойством, которого нет у национал-социалистов, по крайней мере не было до сих пор... Благодаря своему рабочему

происхождению социал-демократия вносила в систему тогдашней стабилизации помимо своей чисто политической ударной силы нечто гораздо более ценное и прочное, а именно силу организованного пролетариата. Она тесно спаяла его с буржуазным государством и парализовала революционную энергию рабочих.

В первый период консолидации послевоенного буржуазного режима раскол в рабочем классе явился результатом того, что социал-демократия разменивала революционный натиск на завоевания в области заработной платы и социальной политики. Эти завоевания служили своего рода шлюзами, при помощи которых имеющая работу и прочно организованная часть рабочего класса держалась на рынке труда на более высоком уровне по сравнению с безработной и текучей массой рабочих более низких категорий... и была относительно защищена от влияния безработицы и общего экономического кризиса. Политическая граница между социал-демократией и коммунизмом почти в точности проходит по линии этих социально-экономических шлюзов...

Это социал-демократическое разменивание революции на социальную политику совпадало с перенесением борьбы из предприятий и с улицы в парламент, министерства и канцелярии, т. е. с превращением борьбы «снизу» в гарантии «сверху»; поэтому социал-демократия и профсоюзная бюрократия, а с ними вся та часть рабочего класса, которая следовала их руководству, оказались в дальнейшем связанными на жизнь и на смерть с буржуазным государством и с участием в его правительстве. Это будет продолжаться до тех пор, пока: 1) останется хоть какое-нибудь, хоть самое малое из упомянутых завоеваний в области социальной политики, и надо будет защищать его; 2) пока рабочий класс будет следовать руководству социал-демократии и профсоюзной бюрократии.

Из этого анализа можно вывести следующие четыре положения, имеющие важное значение: 1) политика «меньшего зла» является не тактикой, а политической сущностью социал-демократии; 2) профсоюзная бюрократия в большей степени связана с комбинациями «сверху», исходящими от государства, чем с марксизмом, т. е. с социал-демократией, и это толкает ее на союз с любым буржуазным государством, которое согласное с ней работать; 3) связь профсоюзной бюрократии с социал-демократией политически всецело обусловлена существованием парламентаризма; 4) возможность либеральной социальной структуры монополистического капитализма обусловлена наличием механизма, автоматически вносящего раскол в рабочий класс; буржуазный режим, заинтересованный в либеральном социальном строе, должен не только быть парламентарным, а должен опираться на социал-демократию и оставить за социал-демократией достаточные завоевания. Буржуазный режим, уничтожающий эти завоевания, должен пожертвовать социал-демократией и парламентаризмом, должен со-

здать себе замену вместо социал-демократии и перейти к связанному социальному строю.

Процесс этого перехода, который мы в настоящее время переживаем, потому что экономический кризис в силу неизбежности сокрушил вышеуказанные завоевания, этот процесс находится теперь в стадии острой опасности. Последняя заключается в том, что с исчезновением указанных завоеваний перестанет действовать также и основанный на них механизм для раскола среди рабочих. Тогда рабочие начнут скатываться к коммунизму, а буржуазное господство будет приближаться к чрезвычайному положению военной диктатуры. Спасение из этой бездны возможно лишь в том случае, если удастся по-прежнему раскалывать и связывать силы рабочих другими мерами непосредственного воздействия, так как нельзя в достаточной мере восстановить вышеуказанную систему плюрализма. Здесь и приходится искать положительные возможности и задачи для национал-социализма...

Если бы национал-социализму удалось включить профессиональные союзы в связанный социальный строй, подобно тому как социал-демократия раньше включала их в либеральный строй, то национал-социализм тем самым стал бы носителем функции, необходимой для будущего господства буржуазии, в должен был бы неизбежно найти себе предуказанное место в социальной и государственной системе этого господства. Опасность развития в направлении государственного капитализма или даже социализма, которая приводится часто как довод против подобного сословного включения профессиональных союзов под национал-социалистическим руководством, в действительности, наоборот, именно благодаря этому устраняется... третьей возможности кроме этих двух: укрепления господства буржуазии и коммунистической революции, не существует».

Эти положения дают ключ к уяснению политической ситуации. Они представляют собою счет, предъявляемый движущимися силами германского хозяйства.

Эра Папена — Шлейхера

Правительство Папена—Шлейхера означает новый этап на пути к гитлеровской диктатуре. Его чрезвычайные декреты послужили примером для Гитлера: смертная казнь за государственную измену, смертная казнь за политические убийства, введение специальных судов, карающих каторжной тюрьмой на большие сроки даже за незначительные проступки. Но это правительство крупной буржуазии, дворянства и генералов не пользовалось поддержкой масс. Стальной шлем и немецко-национальная народная партия для этого еще недостаточны. Экономическая программа Папена, торговое бремя для масс и новые миллионные подарки имунцим. Под руководством коммунистической партии, которая одна только ве-

дет серьезную внепарламентскую борьбу с фашизмом, происходят мощные антифашистские выступления. Своего апогея они достигают в ноябре 1932 г. в забастовке транспортных рабочих в Берлине, которая выявила бессилие правительства против натиска пролетариата. Каждый день показывает, как обманчивы надежды Папена на скорое завершение экономического кризиса.

Одновременно с этим национал-социализм переживает тяжелый кризис. На ноябрьских выборах 1932 г. национал-социалистическая партия теряет почти два миллиона голосов. За коммунистическую партию голосуют шесть миллионов.

В конце ноября правительство Папена пало. Его преемником в начале декабря становится Шлейхер. За кулисами снова начинаются переговоры с профессиональными союзами, а также переговоры о привлечении в правительство национал-социалистов. Как выразился Шлейхер, ни одно правительство не может держаться на штыках. Генерал, ставший канцлером, медлит, ничего не предпринимает и только смягчает некоторые чрезвычайные указы Папена. 22 января национал-социалисты решаются на явную провокацию. Они назначают демонстрацию на Бюловплац перед домом Карла Либкнехта, занимаемым центральным комитетом коммунистической партии. Генерал Шлейхер поддерживает эту провокацию, мобилизуя всю полицию против больших пролетарских контр-демонстраций.

Положение обостряется, генерал Шлейхер заигрывает с идеей немедленного провозглашения военной диктатуры, Папен посредством переговоров с Гитлером и Гугенбергом оказывает противодействие плану Шлейхера. Господствующие круги Германии теперь решаются на прыжок в неизвестность, как выражается «Дейтше альгемейне цейтунг». 30 января Гинденбург, социал-демократический кандидат в президенты, назначает Адольфа Гитлера германским рейхсканцлером.

НАДО ПОДЖЕЧЬ РЕЙХСТАГ!

Свержению канцлера—генерала Шлейхера—предшествовали закулисные интриги во дворце президента республики Гинденбурга, тянувшиеся целые месяцы. Пален потерпел неудачу со своими попытками «пустить в ход хозяйство». Затруднения в области хозяйства все более нагромождались. Шлейхер на каждом шагу наталкивался на препятствия, которые чинил ему его предшественник Пален, пользовавшийся у Гинденбурга большим влиянием. С момента ухода в отставку Пален систематически стремился к свержению своего преемника.

Интриги во дворце президента

Поверхностному наблюдателю события, происходившие за кулисами германского правительства в последние месяцы до прихода Гитлера к власти, представляются в виде запутанной сети политических интриг. В окружении Гинденбурга имелось несколько более или менее сплоченных групп, которые боролись между собой. В этой борьбе дело было не в личных симпатиях и антипатиях, а в групповых интересах господствующих классов, в специальных интересах кругов, пользовавшихся большим политическим влиянием.

Генерал Курт фон Шлейхер сделал свою карьеру в рейхсвере и оттуда попал на пост рейхсканцлера. Этот человек, который в своей переданной по радио правительственной декларации отрекомендовался как «социальный генерал», в продолжение четырнадцати лет искусно плел интриги, участвуя во всех политических махинациях, которые толкали Веймарскую республику все дальше в сторону реакции. В ноябре 1918 г. Шлейхер был посредником между верховным командованием и социал-демократическими народными уполномоченными при подавлении революции. В эти дни имя молодого капитана генерального штаба всплывает рядом с именами Гинденбурга, Гренера и Эберта. Он становится могущественным человеком во вновь созданном министерстве рейхсвера. В октябре 1923 г., когда Эберт передает власть в руки генерала рейхсвера фон Зекта и пытается таким образом сломить революционную волну, нарастающую из-за бедствий инфляции. Шлейхер проводит военное положение. В чине майора он становится во главе департамента общих дел в министерстве рейхсвера. С молодости он был тесно связан с Гинденбургом, а—по совместной службе в третьем гвардейском пехотном полку—также с сыном его, пол-

личным докладчиком у Гинденбурга. В его руках находятся все нити, когда в марте 1930 г. Гинденбург отказывает канцлеру Герману Мюллеру в полномочиях на роспуск рейхстага и выбрасывает социал-демократию из правительства. Шлейхер палец о палец не ударяет, чтобы спасти Брюнинга, когда решающие капиталистические круги в Германии все больше берут курс на привлечение национал-социалистов к власти. Сам он сменяет Гренера в должности министра рейхсвера. Таким образом из министерства рейхсвера, где он в качестве «генерала от канцелярии» невидимо плел свои политические интриги, привычные ему как офицеру генерального штаба, Шлейхер выступил на открытую арену политической борьбы.

Уже в канцлерство Папена Шлейхер начал замещать важнейшие посты в правительственном аппарате своими ставленниками. Когда под натиском пролетарских забастовок правительство Папена пошатнулось, Шлейхер сыграл решающую роль в выступлении большинства министров, заявивших, что дальнейшее пребывание Папена на посту канцлера невозможно. Шлейхеру пришлось выступить тогда еще более открыто и выдвинуться на авансцену. Но легче было плести интриги на гладком паркете министерских канцелярий, чем делать политику на крутом обрыве обострившегося хозяйственного кризиса. Недолговечное правительство Шлейхера не имело никакой программы, никакой четкой политической линии и хваталось за всевозможные планы. Оно должно было лишь служить мостом для наступления капитала, для более интенсивного фашистского нападения магнатов капитала на пролетариат в период явного подъема революционной войны. К ближайшей клике генерала Шлейхера принадлежал бывший майор Планк, статс-секретарь в имперской канцелярии, и майор Маркс, который при правительстве Шлейхера стал начальником имперского бюро печати.

К интимной группе Гинденбурга принадлежал в первую очередь его сын и личный адъютант полковник Оскар фон Гинденбург. Его статс-секретарем является д-р Мейснер, служивший уже Эберту. Фон Папен и после отставки принадлежал к кругу приближенных Гинденбурга. Он специально опирался на «клуб господ» — очень влиятельное объединение политических деятелей, банкиров, промышленников, крупных землевладельцев, высших чиновников и офицеров. От Папена тянулись нити к национал-социалистической рабочей партии, к Гитлеру и Герингу, к Стальному шлему и к партии националистов, возглавляемой Гутенбергом. Через несколько недель после своего ухода Папен встретился с Гитлером в квартире банкира Шредера в Кельне. Гитлер, который в прокламации от 7 ноября призывал к борьбе против Папена «до последней капли крови», выслушал в салоне банкира доверительные предложения Папена. Из Кельна Папен направился в Дортмунд, где вел секретные переговоры с крупным промышленником Шпрингорумом и другими представителями рейнско-вестфальской тяжелой промышленности по вопросу о составе правительства.

листической партией, в особенности с ее загримированным под «социализм» крылом, руководимым Грегором Штрассером. Шлейхер пытался использовать в интересах своей правительственной политики кризис в этой партии, о котором свидетельствовала потеря 2 млн. голосов на выборах в рейхстаг 6 ноября. От него шли связующие нити к социал-демократу Лейпарту, председателю всегерманского объединения профсоюзов, к христианским профсоюзам и к националистскому союзу торговых служащих. Он пытался с помощью этих поперечных связей, простиравшихся от социал-демократических профессиональных союзов до «социалистического» крыла национал-социалистической партии, создать себе своего рода профсоюзную массовую базу. Одновременно Шлейхер раздаривал аграриям миллионы за миллионами на «оздоровление» их хозяйств.

Особые посредники выполняли функции связи между этими группами. Ежедневно заключались новые коалиции и распускались старые. Газеты меняли своих хозяев, редактора меняли свои политические убеждения. Самая горячая борьба между кликами шла за либеральные органы концерна Ульштейна и издательства Рудольфа Моссе. Газета «Теглихе рундшау», некогда орган Штрессмана, сделалась рупором Шлейхера. Говорили, что эта газета получила куш из обильных фондов рейхсвера. Главным редактором «Теглихе рундшау» стал Ганс Церер, руководитель так называемого «кружка действия» («Tatkreis»), пропагандировавшего особый вид фашизма с псевдореволюционной закваской. Пален сделал попытку приобрести влияние на редакцию «Берлинер тагеблат». Органом магнатов экспортной промышленности, крупных пароходных компаний и управления германских железных дорог (Сименс) была «Дейтше альгемейне цейтунг», которую они уже давно субсидировали.

В эти памятные недели Шлейхера поддерживали Крупп фон Бюлен-Кальбах и тайный советник Дуйсбург из И. Г. Фарбенинду-стри, заправила всегерманского объединения промышленников. Но у Палена были более прочные связи с Шпринггорумом и Тиссенем, с Гугенбергом и крупными аграриями. Все группировки были согласны между собой в том, что необходимо привлечь национал-социалистов в качестве политической опоры правительства буржуазной диктатуры. Разногласия касались только формы и размера участия национал-социалистов в правительственной власти. Тонкая сеть интриг во дворце президента республики отражала эти разногласия.

Скандал с «Остхильфе»

В конце января 1933 г., когда Шлейхер почувствовал, что махинации Палена и связанных с ним крупных аграриев становятся все опаснее для его правительства, когда его все энергичнее стали затирать в кругу приближенных Гинденбурга, он прибегнул для самозащиты к одному из своих давно испытанных маневров. В газетах появились чудовищные факты о хищениях, производимых крупными аграриями из сумм так называемой «Остхильфе». Тру-

дящиеся массы были возмущены. В рейхстаге образована была комиссия для расследования этого дела. Разразившийся скандал грозил вовлечь в свою тину самого Гинденбурга.

Еще в канцлерство Германа Мюллера аграрии получили через так называемую «Остхильфе» миллионы марок для финансового оздоровления своих обанкротившихся имений. При распределении денег львиная доля досталась крупным помещикам, мелкое крестьянство не получило почти ничего. В конце января 1933 г. комиссия рейхстага обнаружила, что богатые крупные землевладельцы получили при этом, «не имея на то права», много сотен тысяч, что эти деньги достались им путем самых настоящих хищений и мошеннических операций. Так например камергер Ольденбург-Янушау, крупный миллионер, владелец шести заповедных поместий, личный друг Гинденбурга и его сосед по имению, нагрел себе руки, получив 621 тыс. марок с помощью ложных показаний о состоянии своего имущества. Графы Вольф и Адальберт фон Казерлинг-Кастерхаузен получили 700 тыс. марок. Некий фон Кваст-Рабенслебен, который, по данным налоговой палаты в Руппине, разгосударствовал свое имение на женщин, карты и вино, «устроил» себе 281 тыс. марок. Заведующие местными отделениями «Остхильфе», Бронзарт в Бранденбурге и Вольф в Штетине, подписали друг другу дутые векселя и таким образом положили себе в карман десятки тысяч марок. Владелец заповедного имения Крек в округе Велау перевел свой живой инвентарь на имя жены, присвоил из денег «Остхильфе» 154 тыс. марок. Мало того, он объявил себя несостоятельным, а жена поспешила продать скот, отдала выручку дочери, которая затем купила на торгах имение для родителей по смехотворно низкой цене.

Ежедневно газеты сообщали новые имена, замешанные в скандале с «Остхильфе». Среди них оказались соседи Гинденбурга, свои люди и завсегдатаи в его имении Нейдек. Семья Гинденбурга встревожилась. В самом деле, скомпрометированный теперь помещик фон Ольденбург-Янушау в свое время побудил союзы промышленников и частных лиц преподнести Гинденбургу к его 80-летнему юбилею имение Нейдек в качестве подарка. Между прочим тогда не был уплачен налог с подаренного имущества, и имение было записано не на имя Гинденбурга, а на имя его сына, полковника и адъютанта; таким образом государство обманным образом лишило также будущего налога с наследства. Аграрии и промышленники уже два раза собирали деньги для обновления живого и мертвого инвентаря имения Нейдек. Поток грязи из «Остхильфе» грозил захлестнуть и дворец президента республики.

Аграрии пришли к выводу: Шлейхера надо убрать! Ведь Брюнинг тоже был удален с поста канцлера по проискам крупных аграриев,—тогда Шлейхер помогал этому.

Гитлер становится канцлером

Утром 28 января правительство Шлейхера подало в отставку, после того как Гинденбург отказал генералу в полномочиях на роспуск рейхстага. Гинденбург поручил Папену ведение перегово-

Канцлер «третьей империи»

Гитлер говорит:

«Это перст божий—теперь никто не помещает нам железным кулаком уничтожить коммунистов»

(Гитлер на месте пожара)

ров с Гитлером об образовании правительства «национальной концентрации». Два дня проходят в чрезвычайном напряжении. Коммунистическая партия распространяет прокламации, призывающие к всеобщей забастовке против грозящей диктатуры Гитлера. Шлейхер ведет переговоры с Лейпхартом. Борьба за кулисами обостряется. В ночь с 29 на 30 января Шлейхер подумывает уже о немедленном провозглашении военной диктатуры и о том, чтобы двинуть потсдамский гарнизон на Берлин. Каждый час может принести события, одно другого неожиданнее. В такой обстановке Гинденбург решается немедленно передать—на известных условиях—канцлерство Гитлеру. Впопыхах составлено было утром 30 января правительство Гитлера—Палена—Гугенберга.

В июне 1932 г. правительство Палена—Шлейхера нашло опору в том, что национал-социалистическая партия соглашалась терпеть его. Впоследствии Геббельс обвинял политических деятелей из «клуба господ», что они «по широкой спине национал-социалистической партии проворно добрались до власти». Еще в ноябре 1932 г. лидер национал-социалистической фракции в прусском ландтаге Вильгельм Кубе заявил, что национал-социалисты никогда не будут маршировать под лозунгом: «С Гугенбергом, за биржу и капитал!» Однако фон Пален в упорной, длившейся несколько месяцев закулисной работе подготовил перемену декораций, и, когда Гинденбург призвал национал-социалистов в правительство, они отбросили свои трескучие фразы и патетические уверения, как ненужный балласт.

Канцлерство досталось Гитлеру не как плод героической борьбы. То, что произошло 30 января, отнюдь не было «национальной революцией», смелым натиском, завоевавшим власть. Адольф Гитлер стал канцлером неожиданно, благодаря тому, что ведущие группы господствующего класса не только настаивали на усилении их власти против рабочих, но хотели как можно скорее потушить разгорающийся скандал с «Остхильфе».

Когда вечером 30 января штурмовики Гитлера и Стальной шлем устроили факельное шествие по Вильгельмштрассе и приветствовали ликующими кликами Гинденбурга и Гитлера, они и не подозревали о действительной подоплеке событий. Демонстранты, праздновавшие «день национального подъема», не знали, что у колыбели новой власти стояла продажность и погоня за наживой.

Нарастает волна сопротивления

30 января 1933 г. коммунистическая партия обратилась к президиуму социал-демократической партии и к лидерам социал-демократических и христианских профсоюзов с официальным предложением организовать всеобщую забастовку для свержения правительства Гитлера. Ответ социал-демократии и профсоюзов был: Гитлер пришел к власти легально, надо выждать, пока он сойдет с пути закона, а в настоящий момент бороться не следует. Социал-демократическая пресса писала в том тоне, что Гитлер скоро обанкротится.

Министр пропаганды «третьей империи»

Д-р Иосиф Геббельс, который придумал план поджога. «Растопчите коммунизм! Раздавите социал-демократию!»

(Лозунг на плакатах Геббельса после поджога рейхстага)

Значительные слои германского пролетариата верили этим заявлениям. Коммунистической партии еще не удалось собственными силами повести на борьбу большинство рабочего класса. Наспех сколоченное правительство Гитлера не в состоянии было бы противостоять объединенному натиску германских рабочих в начале февраля. Отряды штурмовиков недавно пережили жестокий кризис и местами растеряли до половины своих членов. Аппарат полиции еще не был прибран к рукам. У нового правительства были трения с рейхсвером Шлейхера. Вследствие того, что всеобщая забастовка не была немедленно объявлена, правительство Гитлера выиграло время и могло развернуть свои силы.

Тем не менее сопротивление рабочих повсюду росло: в Берлине, Гамбурге, Руре, на нижнем Рейне, в центральной Германии и во всех частях страны. Диктатуре фашизма противостоял рабочий класс, боевая сила которого не была сломлена. Рабочие не поддались на провокацию 22 января. Рабочие требовали объединенных боевых выступлений против усиливающегося террора штурмовиков, в массах ширилось движение в пользу таких выступлений. Происходило братание социал-демократических, христианских и коммунистических рабочих при защите зданий газет и профсоюзов от штурмовиков. Гитлер запрещал газеты, запрещал демонстрации, посылал отряды своих штурмовиков против рабочих кварталов, но в ответ на это все выше поднималась волна объединенной борьбы пролетариата против фашизма.

Провокация неминуема

Гитлер уже несколько недель находился у власти, но положение несколько не было для него благоприятным. Новое правительство распустило рейхстаг и назначило новые выборы. Восстановлены были террористические декреты Папена, даже в еще более суровой редакции.

Скандал с «Остхильфе» был похоронен в секретной комиссии. Гитлер в расплывчатых выражениях возвестил по радио о своем «четырёхлетнем плане», которого у него в действительности не было. Однако несколькими чрезвычайными декретами и туманными обещаниями Гитлер не мог удовлетворить миллионы своих избирателей, ожидавших осуществления «немецкого социализма».

В конце января Гитлеру пришлось войти в правительство на поставленных Гинденбургом ограничительных условиях. Гитлер согласился тогда на компромисс по ряду причин: недовольство среди членов партии и сочувствующих, кризис в организации штурмовиков и многочисленные случаи ухода из отрядов, неоплаченные многомиллионные долги партии. Среди буржуазии часть прежних национал-социалистических избирателей начала переходить на сторону националистов. 6 ноября коммунисты завоевали 11 новых мандатов в рейхстаг, тогда как национал-социалисты потеряли 35 мандатов. В новом правительстве три национал-социалиста противостояли восьми представителям националистов и Стального шлема. Без согласия Гинденбурга перемены в составе кабинета не допускались.

При растущем антифашистском боевом настроении рабочих перспективы Гитлера на предстоящих выборах в рейхстаг были неблагоприятны. Гугенберг и националисты заняли все командные хозяйственные позиции в правительстве, и широкие народные массы увидели, что Гитлер проводит политику самых заядлых акул капитализма. Разочарование масс должно было сказаться на результатах выборов, назначенных на 5 марта. Грозил новый прирост коммунистических голосов. Национал-социалистические главари нуждались во что бы то ни стало в какой-нибудь грандиозной провокации, чтобы таким образом изменить ситуацию: нужно было, чтобы выборы происходили в обстановке погромных настроений против коммунистов и социал-демократов. Заодно это сразу усилило бы положение национал-социалистов в правительстве¹.

Геббельсу принадлежит план самой подлой из всех провокаций, которые господствующие классы когда-либо пускали в ход против натиска пролетариата. Председатель рейхстага, он же глава прусской полиции, Геринг позаботился о точном выполнении этого дьявольского плана. Первоначально национал-социалисты намеревались организовать в ночь с 5 на 6 марта поход штурмовых отрядов на Берлин со всех концов страны; но от этого плана пришлось отказаться, так как союзники фашистов грозили двинуть против штурмовиков рейхсвер. И вот задумана была грандиозная провокация: она должна была отдать в руки фашистов всю правительственную власть и очистить поле для самого безудержного и дикого террора фашистских штурмовиков.

Национал-социалистические главари принялись за работу. Националистский президент берлинской полиции д-р Мельхер был переведен в Магдебург. Его место занял национал-социалист, контр-адмирал в отставке фон Левецов. 24 февраля полиция еще раз произвела обыск в доме имени Карла Либкнехта в Берлине, в котором помещался центральный комитет германской коммунистической партии. Хотя этот дом в продолжение нескольких недель был занят полицией и после безрезультатного расследования был очищен ею, на этот раз внезапно были найдены «чрезвычайно злонамеренные, обличающие» документы. Накануне пожара рейхстага во всей буржуазной прессе появились аршинные заголовки о «тайнах» дома имени Карла Либкнехта, о «подземных ходах», о документах, «изобличающих государственную измену», о «планах большевистского переворота». В газетах сообщалось о вымышленном железнодорожном покушении коммунистов в Восточной Пруссии (впоследствии никогда больше не было речи об этом покушении!). 25 января в берлинском дворце вспыхнул небольшой пожар; его всячески смаковали как сенсацию, как дело рук коммунистов. Так день за днем газета за газетой подготавливали общественное мнение к «большому козырю».

¹ Тут национал-социалисты и начали борьбу за безраздельную власть в правительстве, борьбу, в которой националисты впоследствии шаг за шагом вытеснялись из своих позиций. Через четыре месяца эта борьба окончилась уходом Гугенберга и роспуском партии националистов.

Коммунистическая партия получила надежные сведения, что правительство готовит провокацию. Депутат Вильгельм Пик рассказал об этом на митинге во Дворце спорта. Он рассказал о планах фашистов устроить фиктивное покушение на Гитлера или какую-нибудь другую провокацию, с тем чтобы за несколько дней перед выборами провести запрет коммунистической партии. Коммунистическая фракция рейхстага сделала аналогичное заявление на приеме представителей иностранной прессы.

В гитлеровской прессе травля революционных рабочих по указке из центра усилилась до крайности. Каждый человек с политическим чутьем чувствовал, что атмосфера напряжена до отказа. Каждый чувствовал, что «что-то висит в воздухе». И вот в ночь с 27 на 28 февраля радио возвестило со всех радиостанций Германии:

«Рейхстаг горит!».

ВАН ДЕР ЛЮББЕ—ОРУДИЕ ПРОВКАЦИИ

В ночь с 27 на 28 февраля зал заседаний рейхстага и купол здания стали жертвой пламени. В кулуарах рейхстага схвачен один из поджигателей; это—Маринус ван дер Люббе, который, как сообщает официальное прусское агентство печати, якобы назвал себя «членом голландской коммунистической партии». Радио, телеграф, телефон, печать, информационные агентства по поручению правительства Гитлера вопят на всю страну: «Коммунисты подожгли рейхстаг!»

Поймка этого ван дер Люббе в здании рейхстага послужила для правительства Гитлера формальным и юридическим предлогом для неслыханного погрома, направленного против германской компартии, социал-демократии и евреев, для массовых арестов, запретов организаций, для пыток и убийств, которые во всем мире связали имя фашистской Германии с представлением о самых варварских зверствах. Кто же этот ван дер Люббе? Как попал он в торящий рейхстаг?

Молодость ван дер Люббе

13 января 1909 г. торговец-разносчик Францискус Корнелис ван дер Люббе заявил в отделе метрик лейденской ратуши о рождении у него ребенка мужского пола. В качестве свидетелей при акте записи фигурировали не имеющий занятий Исаак Корнет и подметальщик улиц Герардус Беурзе.

Ребенку дано было имя Маринус. Мать его, Петронелла ван Хандель, состояла с Франциском Корнелис ван дер Люббе во втором браке. Дочь богатого крестьянина из северного Брабанта, она в молодые годы вышла замуж за унтерофицера колониальной службы ван Пеуте. Она родила ему дочь и трех сыновей. Пеуте умер в сравнительно молодом возрасте от болезни, схваченной в колониях. Вскоре после его смерти вдова вышла замуж за ван дер Люббе, который был разносчиком в Лейдене. У них родилось трое сыновей. Маринус был седьмым и последним ребенком Петронеллы ван Хандель.

Брак ван дер Люббе был не из счастливых. Профессия заставляла его по целым дням и неделям отсутствовать из дома, он пролавал в окрестных деревнях крестьянам свою галантерею. Обычноделки заключались в постоянных дворах и кабачках. Это приучает к вышивке. Алкоголь, вначале только средство для подстегивания

покупателей, становится потом неразлучным другом и в часы досуга. Францискус Корнелис ван дер Люббе стал пьяницей.

Он не печется о семье, заработок свой обычно пропивает, жене дает деньги на хозяйство только в редких случаях в недостаточном размере. Она должна сама зарабатывать, чтобы с грехом пополам прокормить детей. Целый день она стоит за прилавком небольшой лавчонки в Лейдене, вечером приводит в порядок хозяйство, штопает, ставит заплатки, шьет. Она страдает астмой в тяжелой форме. Врач заявляет, что ей необходима перемена климата. Семья переезжает в Бреда, а затем в Гертогенбош. Вскоре после переезда Францискус Корнелис ван дер Люббе расходится с женой и семьей. Он селится в Дордрехте и открывает здесь небольшой магазин галантерейных товаров. Это дело он ведет и по сию пору.

Петронелла ван Хандель продолжает заниматься мелочной торговлей в Бреда, затем в Гертогенбоше. У нее не остается времени для воспитания детей. Она ограничивается тем, что воздействует на них в религиозном духе. В родительском доме в деревне она приучена была к страху божьему и старается теперь внушить своим детям ту же примитивную религиозность. Молодой Маринус посещает в Гертогенбоше протестантскую школу. Грамота дается ему с трудом. По закону божьему он один из лучших учеников. Каждое воскресенье он с матерью и братишками ходит в церковь.

В доме ван дер Люббе—тяжелая, гнетущая атмосфера. На стене строгие лики святых. Мать частенько не знает, где взять денег на обед. Небольшая лавка в Гертогенбоше не может прокормить шестерых сыновей. Им остается одно: сделаться рабочими. Им не легко решиться на это—мешает происхождение и воспитание. Хотя в семье частенько царит горькая нужда, это все-таки семья мелкобуржуазная со всеми стремлениями и идеалами лавочника и торговца. Голод бросает молодых ван дер Люббе в ряды пролетариата. Они попадают в многотысячную армию фабричных и сельскохозяйственных рабочих; попадают, но не ассимилируются с ней. Еще до сих пор при разговоре с кем-нибудь из братьев Маринуса ван дер Люббе наталкиваешься на стену мелкобуржуазных иллюзий.

Смерть матери

Сводная сестра Маринуса живет в Лейдене, где она замужем за рабочим прачечного заведения Снардийном. 16 апреля 1921 г. ей пишут, что мать ее находится при смерти и выражает желание, чтобы сестра взяла Маринуса на воспитание. Одиннадцатилетний Маринус попадает в семью рабочего Снарлийна в Эгстгесте под Лейденом. В небольшой квартирке Снардийна уже играют трое детей; Маринус среди них самый старший.

Со слов товарищей Маринуса по школьной скамье мы знаем, что уже в школе его обуревало желание отличиться. Дома у Снардийна среди детей, из которых старшему только пять-шесть лет, ему легко быть первым. Несколько нехитрых фокусов, и дети благоговеют перед ним. Маринус драконовским способом осуществляет свою власть над ними.

Мать на смертном одре взяла с сестры клятву воспитать Маринуса в благочестии и страхе божьем. Он снова каждое воскресенье, теперь с сестрой и ее детьми, ходит в церковь. Сестра рассказывает, что он был тогда набожным, богобоязненным мальчиком. Действительно ли его влекла в церковь только набожность? Быть может, его магически притягивала власть священника над своей паствой? В те годы в нем созрела мысль стать священником, вождем общины, слепо следующей за ним. В двенадцать лет он часто и пространно говорит о том, что желает стать священником.

В промежутках между уроками в школе он нередко пробует выступать в роли проповедника. Это служит поводом для поддразнивания со стороны товарищей.

Они подтрунивают также над его страхом перед девочками. Эта его особенность так бросалась в глаза, что его бывшие товарищи и теперь еще в один голос вспоминают о ней. Его нельзя было уговорить остаться в обществе девочек. Он искал предмета своей любви среди своих сверстников-школьников.

Духовная карьера требует долгих лет учебы. Для этого необходимы средства. Рабочий Снардийн достаточно практичен. Он постарался, чтобы Маринус в четырнадцать лет начал зарабатывать себе на хлеб. Юношу определили учеником в торговое заведение, он работает там два года. После службы он посещает католические вечерние курсы. Воспитанный в протестантском духе, он вступает здесь в соприкосновение с новым для него миром.

Маринус ван дер Люббе не удовлетворен работой за прилавком. Правда, он унаследовал от отца его коммерческий дух, ему доставляет удовольствие всучить покупателям побольше товаров, но ему не улыбается перспектива стать торговцем, она слишком скромна для него. В долгих беседах со своим шурином Снардийном он перебирает всевозможные другие профессии. Как сообщает его шуриш, Маринус строил одновременно и самые смелые, и весьма скромные планы на будущее. То он говорит о том, что откроет цветочный магазин, то он мечтает совершить кругосветное путешествие. В конце концов он решается стать каменщиком.

В шестнадцать лет Маринус—коренастый, крепкий парень. За его могучее телосложение товарищи прозвали его «Дэмпсеем» (по имени известного чемпиона-боксера). При каждом удобном случае он любит показать силу своих мускулов. Тем непонятнее для его товарищей-каменщиков его боязнь женщин.

Товарищи Маринуса по работе рассказали нам, какие разговоры он вел с ними в те годы. Конечно, они не были в состоянии пересказать нам дословно эти разговоры—много было забыто, с другой стороны, осталось в памяти многое, не имеющее значения. Но все они в один голос сообщают о следующей черте в характере Маринуса ван дер Люббе: он старался во что бы то ни стало отличаться перед другими, выдвинуться. Все говорят о его фанатичном стремлении быть чем-то «особенным». В этом пункте рассказы его школьных товарищей, его товарищей по работе и родственников в такой степени совпадают, что не может быть сомнений: молодой Маринус ван дер Люббе был с детства тицеславием.

Тяжелый несчастный случай

Ежедневный контакт с людьми совершенно нового для него склада—с рабочими—внес некоторую перемену в жизнь Маринуса. До сих пор он слышал и его учили, что наивысшее благо—это страх божий. Посещение церкви по воскресеньям было для него потребностью, деление на богатых и бедных—чем-то само собой разумеющимся. Теперь он натолкнулся на взгляды совершенно иного рода. В промежутках между работой его товарищи-каменщики разговаривают не о боге, а о заработной плате. Они не считают существующий строй чем-то само собой разумеющимся и нерушимым, а говорят о необходимости свергнуть его. Изю дня в день молодой Маринус слышит такие разговоры. Он воспринимает их, но не перерабатывает в своем сознании. С ним произошло то же, что с его братьями. Он стал рабочим, но остался по своей психике мещанином.

Случай внес коренную перемену в его жизнь. Однажды во время обеденного перерыва два товарища надели ему в шутку на голову пустой мешок. При этом Маринусу попал в глаз кусочек известки. Три недели он возился с воспалением глаз. Вскоре после этого с ним происходит другой, гораздо более тяжелый несчастный случай. Опять попала в глаз известь, на этот раз она брызнула из ведра. В результате—тяжелое заболевание. Пять месяцев пробыл он в лейденской больнице, причем три раза подвергался операции. Он вышел из больницы с значительно ослабленным зрением на оба глаза; ему грозит опасность ослепнуть.

Болезнь глаз с необходимостью должна была усилить главную черту в характере Маринуса ван дер Люббе—его тщеславие и честолюбие. Молодой человек, духовно еще не сложившийся, подверженный самым разнородным влияниям, обуреваемый стремлением выдвинуться, быть первым среди других, находящийся целиком во власти этой навязчивой идеи, вдруг оказался перед опасностью потерять зрение. Его угнетает страшная мысль, что его жизнь оборвется, что он ослепнет раньше, чем успеет добиться своей цели. Какова его цель? Знает ли он ее? Видит ли он путь к ее осуществлению? Цель и смысл жизни для него на втором плане. Главное для него—это успех, стремление «заставить говорить о себе». Эта мысль всецело владеет им.

Незадолго перед этим несчастным случаем Маринус вступил в коммунистический союз молодежи в Лейдене. Коммунистическая партия Голландии находилась тогда в первой стадии своей организации. Лейденский комсомол только начал формироваться. Маринус ван дер Люббе вступает в союз, потому что чувствует силу коммунистического движения. Он чувствует эту силу, но в нем нет той устойчивости, которой коммунистическая партия требует от своих членов. Он находится в постоянном конфликте с организацией. Когда он вступал в комсомол, он надеялся, что быстро пойдет в гору. Он видит в комсомоле только поприще для своего честолюбия. Как только его желания не исполняются, он пишет заявление о своем выходе из организации. Маринус ван дер Люббе че-

тыре раза выступал из комсомола и три раза снова вступал в него. Каждый раз уходу предшествовала попытка захватить руководство в свои руки. В первый раз он ушел из комсомола в январе 1929 г., потому что его не назначили руководителем пионерской организации. Мы помещаем здесь одно из многочисленных писем Маринуса ван дер Люббе лейденскому комсомолу. Это письмо показательное для его поведения.

«Лейден, 13 декабря 1929 г.

«В постоянную комиссию секции союза коммунистической молодежи в Лейдене.

«Уважаемые товарищи!

«В ответ на письмо постоянной комиссии относительно моей просьбы созвать расширенное заседание комиссии я должен констатировать, что вы в общем и целом не понимаете моей просьбы созвать расширенное заседание комиссии и что этот отказ является—сознательно или бессознательно—тяжкой ошибкой с точки зрения организации.

«Вы того мнения, что этот вопрос не подлежит рассмотрению собрания. Если вы настаиваете на этом отказе, вы вредите интересам вашей собственной точки зрения, а также интересам секции. В этом письме я хотел бы также обратить ваше внимание на то, что для новой дискуссии (я считаю ее весьма важной) по поводу посланной мною статьи, а также обеих моих статей, которые я послал сверх того, необходимы расширенное заседание комиссии и заключительное голосование по этому вопросу; в этом случае я знал бы, на что я могу рассчитывать, тогда как без такого заседания я считаю вопрос нерассмотренным и в таком случае приму меры, чтобы довести этот вопрос до сведения общего собрания членов, чего я не желаю (и вы тоже).

«Поэтому я предлагаю созвать на ближайшее воскресенье заседание постоянной комиссии (стало быть, заседание расширенной комиссии—это я ставлю условием), ибо если я поступлю иначе, я причиню неприятность всей секции.

«При сем посылаю вам заявление, в котором изложена моя позиция по отношению к пожеланиям Дирка ван Роойен.

«С товарищеским приветом

(подписано) *Ван дер Люббе.*

P. S. Только посланное теперь заявление для Дирка ван Роойен должно быть рассмотрено полностью».

В погоне за тем, чтобы выдвинуться

Жизнь Маринуса ван дер Люббе после происшедшего с ним несчастного случая является сплошной погоней за признанием и славой, постоянным стремлением к необычному. Он перепробовал различные профессии, но все время мечтает о чем-то из ряда вон выходящем, о какой-нибудь большой удаче, которая сразу должна

Письмо ван дер Люббе от 13 декабря 1929 г.

выдвинуть его на первое место. Зимой 1927/28 г. он работает в качестве младшего официанта при буфете на лейденском вокзале, летом 1928 г.—в качестве лакея в отеле Van Holland в Нордвике. В промежутках он занимается торговлей. В течение нескольких недель он ведет за собственный счет торговлю картофелем. Затем он работает паромщиком на пароме, перевозящем строительные материалы между Нордвиком и Сассенхеймом. При этом его никогда не покидает мысль о каком-то большом «деле». В декабре 1929 г. у него снова конфликт с комсомолом, потому что он издает по собственному почину листовки, которые подписывает своим именем. В нашем распоряжении имеется письмо Маринуса ван дер Люббе, относящееся к тому времени, когда он в припадке самокритики характеризует свое отношение к коммунизму.

Он пишет:

«Все это показывает, что я не настоящий большевик. Я чувствую, что теперь никак не являюсь таковым (хотя я очень радикально настроен по отношению к капитализму и всему, что с ним связано) и быть может никогда не смогу стать им. Теперь я временами чувствую себя совершенно чуждым в лагере (я имею под этим в виду партию)».

Нельзя точнее охарактеризовать духовную жизнь Маринуса ван дер Люббе. Его анархический образ мышления, его стремление выдвинуться, его недисциплинированность делали его чуждым партии, которая требует и в интересах дела должна требовать от своих членов самой строгой дисциплины.

Нереплытие Ламанша

Летом 1930 г. ван дер Люббе отправлялся в Кале. По возвращении оттуда он рассказывает, что зарабатывал себе на пропитание на земляных работах, причем сделал несколько раз попытку переплыть канал. Мы произвели обстоятельное расследование, действительно ли им была предпринята такая попытка. Мы не нашли подтверждения этого. Однако,—безразлично, была ли сделана эта попытка или нет,—весь этот эпизод характерен для ван дер Люббе, для его мышления и образа жизни. Для него важно не само достижение, а тот факт, что он становится предметом разговоров, что о нем говорят. Он ищет славы, но она ему не дается. Хвастливые рассказы о его плавании через канал вызывают у большинства собеседников скептические улыбки и насмешки. Хотя в 1930 г. Маринус снова вступает в комсомол, связь между ним и другими комсомольцами становится все слабее. Организация тем временем значительно окрепла.

На ван дер Люббе все более и более смотрят, как на чуждый элемент, и все признаки говорят за то, что в самом скором времени должен последовать его окончательный уход из организации.

Дом на Уйтерсте Грахт

По своему наружному виду дом № 56 на Уйтерсте Грахт ничем не отличается от типичных голландских домов. Но когда вы заведете с лейденцем разговор об этом доме, вы сейчас заметите, что

это какой-то особенный дом, в котором живут особенные люди и происходят необычайные вещи. Некоторые лейденские обыватели считают этот дом притоном разврата. Обитатели его—степенная супружеская чета ван Цийп. Муж уходит на работу, жена ведет хозяйство. Несколько комнат она сдает жильцам. Комнаты эти меблированы убого и без комфорта. Сдаются они дешево, и поэтому в них жили и живут главным образом студенты и безработные, от поры до времени также какая-нибудь проститутка. Ван дер Люббе долгое время был жильцом у госпожи ван Цийп; переехав оттуда, он почти ежедневно приходил в этот дом. Одновременно с ним здесь жили студент Пит ван Альбада и шофер Исаак Финк. Одно время в число жильцов госпожи ван Цийп принадлежал также какой-то «таинственный» немецкий студент. Все названные жильцы были связаны одной общей чертой: они были гомосексуалисты; тот или другой из них быть может способен был также к нормальному половому влечению. Сам по себе этот факт не имеет значения и не заслуживал бы упоминания. Но мы должны подчеркнуть его, потому что на почве гомосексуальности ван дер Люббе возникла в дальнейшем его связь с национал-социалистами во время его поездки в Германию.

Пит ван Альбада, переехав из дома на Уйтерсте Грахт, женился. Шофер Исаак Финк тоже живет теперь с женщиной. Тем не менее установлено, что ван дер Люббе находился с ними, а также с другими в гомосексуальной связи. Исаак Финк рассказывал нашему информатору, что он часто спал с ван дер Люббе в одной постели. Пит ван Альбада находился в гомосексуальных отношениях с одним профессором лейденского университета. Маринус ван дер Люббе по всей своей конституции гомосексуалист. У него женская повадка, а его робость и страх перед женщинами установлены многими показаниями, известна также его потребность в привязанности и нежности мужчин.

Один голландский писатель, хорошо знакомый с условиями в доме на Уйтерсте Грахт и часто беседовавший с ван дер Люббе, рассказывает:

«Я всегда имел ощущение, что Люббе ищет физической близости со мной, но что у него нехватает смелости для этого».

У нас имеется, кроме того, еще одно доказательство гомосексуальности ван дер Люббе. В своих странствованиях он сталкивался со многими молодыми ремесленниками и рабочими. Когда в связи с пожаром в рейхстаге имя Маринуса ван дер Люббе заглавлено на столбцах газет, ко мне явился один молодой немецкий рабочий. Этот рабочий в 1931 г. переночевал вместе с ван дер Люббе в одной ночлежке для молодежи. Между ними завязался тогда разговор, о котором этот рабочий дал показания, засвидетельствованные у нотариуса.

Приводим то место из нотариального протокола, которое представляет для нас особую важность:

«Мы разговаривали таким образом очень долго. Во время разговора голландский рабочий придвинулся поближе ко мне. Он неоднократно пытался прикоснуться к моему половому ор-

гану. Только когда я решительно заявил ему, что не пойду на подобные вещи, он прекратил эти попытки».

Задача настоящей книги требует, чтобы жизнь ван дер Люббе была освещена во всех ее деталях и закоулках. Гомосексуальность ван дер Люббе вместе с его стремлениями заставить говорить о себе оказали решающее влияние на его жизнь. Вот почему этот вопрос здесь является чем-то большим, чем частным делом.

«Образовательное путешествие» по Европе

Перепись канала кончилось полным провалом. Оно не удалось фактически и не сделало ван дер Люббе известным. Тогда у Маринуса рождается новая мысль, которая должна импонировать лейденцам. Он замышляет большое «рабочее, спортивное и образовательное путешествие по Европе и СССР». Он заказывает открытки со своим портретом и портретом своего сотоварища по путешествию Хольверда. Эти открытки для него самое главное во всей затее. Над головами обоих парней сияет какая-то таинственная звезда: На открытке напечатано на четырех языках, что ван дер Люббе и Г. Хольверда предпринимает путешествие по Европе и Советскому союзу.

Входило ли это действительно в их намерения? Еще до начала путешествия приятели поссорились. Как сообщают друзья ван дер Люббе, ссора произошла из-за того, что Хольверда присвоил себе выручку за открытки, которые он продавал в Лейдене. Друзья Хольверда утверждают, что выручку присвоил себе ван дер Люббе. Как бы то ни было, Хольверда остался в Лейдене.

Намерен ли был ван дер Люббе после этого путешествовать в одиночку? В апреле 1931 г. он действительно отправился в Германию. На открытках значится, что путешествие начнется 14 апреля 1931 г. из Лейдена. Имеется открытка с видом, которую ван дер Люббе послал из Потсдама семье Хольверда. Открытка помечена 14 апреля 1931 г., т. е. тем днем, когда должен был начаться поход из Лейдена. 28 апреля 1931 г. ван дер Люббе арестовывается в Гронау в Вестфалии за то, что он продает на улице открытки, изображающие его и его приятеля Хольверда. Суд в Мюнстере приговаривает его к денежному штрафу за продажу почтовых открыток без надлежащего разрешения. После пожара рейхстага правительство Гитлера распространило версию, будто ван дер Люббе был арестован в Гронау за продажу коммунистической литературы. Коммунистическая литература заключалась в почтовой открытке, на которой изображены ван дер Люббе и Хольверда.

В начале мая ван дер Люббе снова в Лейдене. Путешествие по Европе закончилось тем же, чем и «переплытие канала».

Выход ван дер Люббе из комсомола

В начале апреля 1931 г., незадолго до первой поездки ван дер Люббе в Германию, произошел также окончательный формальный разрыв между ним и коммунистическим союзом молодежи. Мари-

нуса ван дер Люббе уже давно ничто не связывало с коммунистической молодежью Лейдена. Ему грозило исключение из комсомола и коммунистической партии. Он предупредил это, заявив о своем выходе из организации. С этого дня он нападает на коммунистическую партию Голландии при каждой возможности.

Внутренне он уже два года как отошел от коммунистического движения. 21 января 1929 г., когда в результате конфликта он вышел из организации, он обратился в комсомол с письмом, в котором писал:

«Меня охватил определенный пессимизм. Как это произошло, мне самому непонятно. Я пытался всячески бороться с этим».

Перед нами странный образ молодого человека, внешность которого ни в коей мере не соответствует его внутреннему состоянию. Сильный, столь сильный, что его называют «Демпсеем», повидимому имеющий все качества, чтобы оказаться победителем в жизни, он в действительности во всех отношениях пасует перед жизнью. Писатель Е. Кнуттель из Лейдена, которому часто приходилось иметь дело с ван дер Люббе, дает ему следующую характеристику:

«Когда вы долго беседуете с ван дер Люббе по какому-либо вопросу, он соглашается с вами. Вам кажется, что вы убедили его. На следующий день вы получаете от него письмо, в котором ван дер Люббе сообщает, что он остается при своей прежней точке зрения».

Этому упрямству сопутствует какая-то странная мягкость, которую часто можно заметить у гомосексуалистов. Наряду с этим — склонность к лжи и преувеличениям. Госпожа ван Цийп, которая очень хорошо знает ван дер Люббе, рассказывает, что он не очень церемонится с правдой. Его лучшие друзья — каменщик Хартвелд, шофер Исаак Финк и брат его Коос Финк — тоже говорят о тщеславии ван дер Люббе, которое часто толкает его ко лжи и преувеличениям.

Знакомство ван дер Люббе с д-ром Беллом

Вернувшись в Лейден из своей первой поездки в Германию весной 1931 г., ван дер Люббе рассказывает своим приятелям о каком-то господине, который взял его в свой автомобиль и совершил с ним большую поездку. Мы не знаем, верно ли это сообщение ван дер Люббе, не выдумал ли он этого господина из Лейпцига. Но мы знаем, что во время своей первой поездки в Германию ван дер Люббе познакомился с человеком, который оказал решающее влияние на его судьбу.

В это время д-р Георг Белл, натурализовавшийся в Германии шотландец, играл видную роль в национал-социалистическом движении. Приблизительно год спустя он и несколько его приятелей подверглись сильным преследованиям со стороны некоторых руководителей штурмовых отрядов, так что ему пришлось опасаться за свою жизнь. Ниже мы даем описание его убийства. Друзья его дали нам важные показания относительно связей д-ра Белла и

роли, которую он играл в партии национал-социалистов. Друг его, г-н В. С., в запротоколированном показании точно описывает знакомство Белла с ван дер Люббе. Цитируем дословно это место из его показаний:

«Белл рассказывал мне,—если память мне не изменяет, это было в мае 1931 г.,—что он познакомился с молодым голландским рабочим, который ему очень понравился. Кажется, он встретил его во время поездки в автомобиле в окрестностях Берлина или Потсдама. Они встретили на дороге странствующего парня и взяли его к себе в автомобиль. Он оказался молодым голландским рабочим. Впоследствии этот молодой голландец посетил Белла и в Мюнхене. Белл называл его Ренус или Ринус. Он часто с ним встречался».

С тех пор ван дер Люббе состоял в постоянной переписке с д-ром Беллом. Личную связь с Беллом он возобновил в сентябре 1931 г.

Поездка в Мюнхен

Маринус ван дер Люббе оставался в Лейдене недолго. В сентябре 1931 г. он снова собирался в Германию. Своему другу Коосу Финку он поручает получать за него и хранить его пенсию (она была присуждена ему в размере семи гульденов в неделю за инвалидность).

Путешествуя по Рейну, ван дер Люббе вступает в Бахарахе в разговор с одним мотоциклистом. Последний оказывается его соотечественником, трамвайным кондуктором Плегком из Гааги, Блемфонтейнштр., 24. Плегк берет Маринуса с собой, сажает его в люльку мотоциклетки. Переночевали они в Ротенбурге на р. Таубер,—Плегк—в гостинице, Маринус—в ночлежке для молодежи. Плегк сообщил нашему информатору некоторые данные о его разговоре с ван дер Люббе. Он спросил последнего, что тот делает в Германии. Ван дер Люббе ответил, что ищет работу. На вопрос, не проще ли было бы ему найти работу в Голландии, ван дер Люббе в самом уверенном тоне возразил, что работу в Германии он найдет. Кондуктор Плегк подчеркнул нашему информатору, что его очень удивила эта уверенность.

Из Ротенбурга Плегк поехал дальше, в Мюнхен. Он взял ван дер Люббе с собой до Мюнхена. У самого города они расстались.

Вероятно ван дер Люббе пробыл в Мюнхене несколько дней, ибо по своему возвращении он подробно и обстоятельно описывал друзьям этот город. Он говорил не только о самом городе, но много рассказывал также о своих приключениях в Мюнхене, о том что он познакомился там со многими людьми. Тот молодой рабочий, показавший, запротоколированные у нотариуса, мы уже цитировали выше, сообщает об этом следующее:

Голландец рассказывал мне, как ему хорошо жилось в Мюнхене. Он говорил, что им заинтересовался какой-то д-р Б., который познакомил его со многими лицами. Он намекнул, что

через посредство д-ра Б. он сошелся с влиятельными личностями. Об этом д-ре Б. он говорил в восторженных выражениях».

Этот д-р Б. не кто иной, как д-р Белл, которого ван дер Люббе посетил в Мюнхене. Д-р Белл ввел его в национал-социалистические круги и между прочим познакомил также с начальником гитлеровского штаба Ремом. В то время д-р Белл был еще советником Рема по вопросам внешней политики и столь близким его другом, что Рем впоследствии дал ему конфиденциальное поручение установить связь с майором республиканского флага Майром. Над Ремом висела тогда угроза расправы со стороны национал-социалистов, и он искал через посредство Белла поддержки у Майра. Все эти факты стали известны из показаний Майра и Белла на открытом судебном разбирательстве в октябре 1932 г., когда капитан Рем подал жалобу на социал-демократическую газету «Мюнхенер пост».

Белл был не только советником Рема по вопросам внешней политики он обдeldывал также его амурные дела. «Мюнхенер пост» и другие газеты опубликовали в 1932 г. письма Рема к молодым людям, письма, из которых видно, что Рем—педераст. Д-р Белл поставлял Рему этот живой товар. Он был посвящен в тайну гомосексуальных сношений Рема с рядом юношей, потому что сам свел его с большинством этих молодых людей. Белл вел точный список всех юношей, которых он сводил с Ремом. Он предвидел, что рано или поздно могут возникнуть трения между ним и национал-социалистическими главарями. Правда, он был доверенным лицом Альфреда Розенберга, главного редактора газеты «Фелькишер Beobachter», правда он был агентом Детердинга и по поручению национал-социалистической партии установил связь с этим последним; но у него были враги, которые не останавливались ни перед чем. С помощью этого списка Белл надеялся постоянно держать Рема в своих руках.

В настоящее время список этот больше не существует. В апреле 1933 г. Белл, которому грозила смерть от руки фашистов, бежал в Куфштейн в Австрию, но здесь на него напала банда штурмовиков и убила его. При этом похищены были все компрометирующие документы, которые находились у Белла и которые он хотел использовать против национал-социалистической партии, в том числе и этот список.

В. С., друг Белла, дал следующие за протоколированные показания относительно этого списка:

«Д-р Белл вынул из своего секретного шкафа несколько документов. Он указал мне на один лист и заметил: «Это перечень любовных похождений Рема. Если я когда-либо обнаружy этот перечень, Рем будет политически мертвым человеком». Он показал мне этот список. В нем значилось около 30 фамилий. Я с точностью помню одно имя «Ринус», за которым следовала голландская фамилия, начинающаяся словами «ван дер».

Министр полиции «третьей империи»

Германн Геринг, председатель кабинета министров в Пруссии и председатель рейхстага

«Пусть я раз-другой промахнусь, но все-таки я буду стрелять».
(Геринг 11/3 1933 г. в Эссене).

«Ринус» есть сокращенное имя Маринус. В списке любовных связей капитана Рема имелось также имя ван дер Люббе.

Из Мюнхена ван дер Люббе действительно совершает часть своего возвещенного с такой шумихой «рабочего, спортивного и образовательного путешествия». У нас имеется открытка, написанная им из Кракова. Наш анформатор видел письмо к приятелю, отправленное им из Будапешта, а также открытку из Белграда. Ван дер Люббе вернулся в Лейден в январе или феврале 1933 г. и много рассказывал о своем путешествии. Между прочим, он рассказывал, что по дороге в Будапешт он встретил молодого ремесленника, сестра которого жила в доме терпимости в Будапеште. Ван дер Люббе рассказывал, что он задумал спасти девушку из дома терпимости, что она требовала от него любви, но он провел с ней ночь в одной комнате, не дотронувшись до нее, и отправился затем дальше. Рассказы о спасении девушек типичны для гомосексуалистов и называются, по Фрейду, «комплексом Парсифаля».

Река на границе между Польшей и Советским союзом

Рассказ ван дер Люббе о его путешествии передан нашему информатору несколькими друзьями Маринуса, причем их сообщения не расходятся между собой. В этом рассказе необходимо отметить еще одно место. Ван дер Люббе рассказывал, что он был в Польше и дошел до советской границы. «Могучая река,—говорил он,—отделяет Польшу от Советского союза». Люббе якобы пытался переплыть эту реку, чтобы попасть в СССР, но ружейный огонь польских солдат-пограничников заставил его вернуться. Его якобы продержали несколько дней в польской тюрьме, из которой он мог видеть советскую пограничную охрану по ту сторону реки, затем его по этапу доставили на германскую границу.

Друзья ван дер Люббе были крайне изумлены, узнав от нашего информатора, что между Польшей и Советским союзом нет никакой «могучей пограничной реки». Этот рассказ тоже характерен для лживости и хвастливости ван дер Люббе.

Одно несомненно: *нога Люббе никогда не ступала на почву СССР*. При всем своем влечении к хвастовству он сам ни разу не утверждал, что был в Советском союзе.

Открытки и письма ван дер Люббе, которые видел наш информатор, показывают, что Люббе в последние месяцы 1931 г. и в начале 1932 г. действительно побывал в ряде городов Венгрии, Польши, Югославии и Чехо-Словакии. Повидимому, во время своего путешествия он завел знакомства с богатыми господами. Он рассказывал, что в Будапеште один господин подарил ему новые ботинки, а другой купил ему в Югославии железнодорожный билет.

Д-р Белл ввел ван дер Люббе в национал-социалистические круги, с которыми последний оставался с тех пор в постоянной связи. Его знакомые в один голос сообщают, что Люббе получал очень много писем из Германии. Люббе всегда старательно скрывал эти письма из Германии от своих друзей и знакомых.

В гостях у национал-социалистов

Ван дер Люббе вернулся в Лейден в январе или Феврале 1932 г. Он приехал раньше, чем его ожидали. Как рассказывает г-жа ван Цийп, он прислал ей из Берлина открытку, и в тот же день, когда пришла открытка, приехал сам. Следовательно, из Берлина в Лейден он приехал либо по железной дороге, либо на автомобиле. Остается открытым вопрос, откуда он взял деньги для этого.

Приблизительно через два месяца ван дер Люббе в третий раз отправился в Германию. Перед отъездом у него был конфликт с кассой, выплачивавшей ему пенсию за инвалидность. Он требовал повышения пенсии, касса отказала, тогда он пришел в ярость и разбил в помещении кассы несколько оконных стекол. Голландский суд приговорил его к трем месяцам тюрьмы. Ван дер Люббе уехал в Германию, не отбыв наказания. Мы знаем об этой поездке Люббе, что он побывал в Берлине и Саксонии. 1 и 2 июня 1932 г. он ночевал в Зерневице (округ Мейсен в Саксонии), где его видели в обществе гласного Зоммера и владельца садоводства Шумана. Зоммер и Шуман—национал-социалисты. После пожара рейхстага Зоммер сообщил бургомистру Броквицу о пребывании ван дер Люббе в Зерневице. Этот факт был официально запротокколирован д-ром Гертлем в окружном управлении в Мейсене. Протокол был доставлен саксонскому министру внутренних дел, который в особой записке довел об этом до сведения германского министра внутренних дел Фрика. Эти факты стали известны благодаря запросу социал-демократического депутата в саксонском парламенте. Их никто с тех пор не оспаривал.

Газеты, сообщившие об этом запросе, писали также, что вскоре после того как гласный Зоммер сделал свой доклад о пребывании ван дер Люббе в Зерневице, он бесследно исчез. Это сообщение тоже не было опровергнуто.

По всем вероятностям ван дер Люббе после своего пребывания в Зерневице оставался еще несколько дней в Германии. По возвращении в Голландию он был 21 июня арестован в Утрехте. Здесь он пробыл девять дней под арестом и затем был переведен для отбывания своего наказания в тюрьму С.-Гравенхаге в Гааге.

Ван дер Люббе усиливает свои нападки на коммунистическую партию

2 октября 1932 г. ван дер Люббе был выпущен из гаагской тюрьмы. Он приехал в Лейден. До конца года он предпринял несколько поездок: он посетил своего отца в Дордрехте, побывал в Амстердаме и Гааге. Во всех этих городах он выступал на различных собраниях с резкими выпадами против коммунистической партии.

Мы располагаем показаниями о той борьбе, которую ван дер Люббе вел против коммунистов. 6 октября 1932 г. он участвовал в митинге в здании хлебной биржи в Лейдене, на котором главным оратором был лидер голландских фашистов И. А. Баарс. Вскоре после пожара рейхстага, когда фашистская пресса объявила ван дер

Люббе коммунистом, несколько участников этого собрания, люди независимые изложили в нотариально заверенном протоколе, как вел себя ван дер Люббе на этом собрании. Он выступал тогда за то, чтобы не мешать говорить лидеру фашистов, обрушивался на присутствовавших в зале антифашистов за их попытки прервать. Барса и в своей речи воздержался от каких-либо нападок на фашистов. Приводим снимок с нотариально заверенного протокола.

hielt sich in seiner Rede jedes Angriffs gegen die Faschisten. Das notarielle Protokoll hat folgenden Wortlaut:

Heden, den voormelden Maart negentienhonderd drie en der sig, verschenen voor mij Hendrik Markus Markuse Notaris ter standplaats Leiden, in tegenwoordigheid der halve na te noemen getuigen:

1. de Heer Pieter Daniël Haanbe, timmerman, wonende te Leiden, Ambokstraat nummer 11.

2. Mevrouw Jacobs Maria van Wijk, puishoudster, wonende te Leiden, Levendaal nummer 456.

3. de Heer Fijnsluis Plasmeijer, fondeerde, wonende te Leiden, Levendaal nummer 53a.

4. de Heer Johannes Cornelis Bouras, loodgieter, wonende te Leiden, Driftstraat nummer 13a.

5. de Heer Jacobus Marijg, schilder, wonende te Leiden, Prinseng straat nummer 36.

die ten overstaan van mij, notaris, in tegenwoordigheid van na te noemen getuigen verklaarden:

dat zij, comparanten, allen bezitters zijn geweest van de fascistische openbare vergadering gehouden in de Oudeburg te Leiden, op den zonden October negentienhonderd twee en dertig, in welke vergadering als spreker is opgetreden de fascistische leider J. J. Baras.

dat zij hebben geconstateerd dat op deze vergadering aanwezig was de Heer Marijg van de Lubbe, destijds wonende te Leiden, die naar een mening op deze vergadering een inderk heeft gemaakt, niet geheel afwijzend tegenover het fascistische te staan en wel:

En eerste: door, toen de talrijke aanwezige arbeiders hun ongenoegen te kennen gaven over het optreden van den fascistische leider Baras, op één stoel te springen, het woord te nemen en hen aan te maken den spreker rustig aan te hooren.

ten tweede: door zijn weifelende houding in het debat dat hij gevoelde omtrent de Communistische Partij Nederland voerde, waarbij hij zich van elken rechtstreeksche aanval op de fascistische, die zooals hij het uitdrukte, toch ook arbeiders waren, onthield.

Wakende Akte.

In aanwezigheid is verleden te Leiden op den datum in den notitie van deze vermeld in tegenwoordigheid der Heer J. Klinka Holtkamp, candidaat-notaris, wonende te Oegstgeest en Frederik Johannes Landsest, particulier, wonende te Leiden, als getuigen, die evenals de comparanten aan mij, notaris, bekend zijn.

Onmiddellijk na voorlesing is deze akte door de comparanten, de getuigen en mij, notaris, ondertekend: P. D. Haanbe, J. M. van Wijk, W. Plasmeijer, J. C. Bouras, J. J. rijt, K. Holtkamp, F. J. Landsest, H. M. Markuse.

Beregistreerd te Leiden den vijftienden Maart 1933 drie en dertig deel 3 folio 40 nummer 17 een blad van renvoel.

Ontvangen van recht een gulden vijftig cent f 1,50. De Ontvanger, de Koning.

Uitgegeven voor afschrift.

[Handwritten signature]

Другой отчет рисует поведение ван дер Люббе на собрании бастующих шоферов в Гааге в декабре 1932 г. Полный текст этого отчета мы помещаем в следующей главе. На этом собрании ван дер Люббе зашел еще дальше, чем на других. Он самым резким образом обрушился на коммунистическую партию, напал в самых крайних выражениях на ее политику и призывал бастующих шоферов к террористическим актам вопреки линии компартии. Свыше двадцати участников этого собрания дали сообщения, запротоколированные нами, об этом выступлении ван дер Люббе. Подписавшиеся принадлежат к самым различным партиям, некоторые из них — беспартийные. Все они согласны, что речь ван дер Люббе на этом собрании была направлена против коммунистов.

Поведение ван дер Люббе после его выхода из голландской коммунистической партии носит вполне определенный характер. На каждом собрании его нападки на коммунистическую партию ста-

новятся все резче. Аргументы, с которыми он выступает в последние месяцы 1932 г., носят явную печать фашистской идеологии. Свидетели сообщают, что он вылетал в свои речи антисемитские выпады. Речи его были построены из фраз, прямо заимствованных из словаря национал-социалистической пропаганды. Свидетели показывают, что в своих речах он указывал на различие между «хищническим» и «созидательным» капиталом, т. е. употреблял терминологию национал-социалистов. Не подлежит сомнению, что ван дер Люббе, во всяком случае в последние месяцы 1932 г., поддался на удочку национал-социализма. Разочарованный мещанин вернулся в родное лоно.

Последняя поездка в Германию в феврале 1933 г.

В январе 1933 г. ван дер Люббе пришлось снова лечь в больницу. Болезнь глаз у него усилилась. Он пролежал в лейденской больнице четыре недели. В это время он получал много писем из Германии. Из больницы он вышел к середине февраля. Гитлер был тогда уже германским канцлером. Ван дер Люббе говорил своим знакомым, что должен ехать в Германию; он намекал при этом, что ожидает для себя многого от этой поездки. Сообщения, сделанные знакомыми ван дер Люббе нашему информатору, сходятся в следующем: Люббе говорил им, что его немецкие друзья настаивают на его приезде в Германию. Не установлено, знал ли уже тогда ван дер Люббе, что он предназначен для «большого дела». Быть может он надеялся лишь, что его национал-социалистические друзья помогут ему найти место и работу. Так или иначе, несомненно, что он многого ожидал от этой поездки. Об этом свидетельствует также его разговор с г-жей ван Цийп незадолго перед его отъездом. Она рассказала нашему информатору содержание этого разговора. Ван дер Люббе сказал, что скоро истекает срок его паспорта; тогда она спросила его, должен ли он непременно ехать и не лучше ли было бы для него остаться в Лейдене? На это ван дер Люббе ответил, что у него есть важное дело в Германии и что паспорт понадобится ему только еще этот последний раз.

Ван дер Люббе оставил Лейден в середине февраля 1933 г. Как сообщает «Фоссише пейтунг» от 2 марта 1933 г., он ночевал 17 февраля в Глиндове на Вердере и 18 февраля отправился далее в Берлин. В Берлине он встретился со своими друзьями национал-социалистами, с которыми его познакомил Беля. Он немедленно возобновил связь с группой графа Гельдорфа.

Ван дер Люббе—орудие провокации

27 февраля ван дер Люббе арестовывают в горящем здании рейхстага. При зареве пожара разыгрывается мистификация, героем которой несколько часов является ван дер Люббе. После этого он должен уступить сцену действительным главным актерам.

Прожекторы истины разрывают дымовую завесу лжи и проливают безжалостный свет на тех, кто решил воспользоваться ван дер Люб-

как орудием для выполнения своих замыслов. Это—Геринг и Геббельс.

Почему в качестве орудия был выбран ими именно ван дер Люббе? Ван дер Люббе был до апреля 1931 г. членом голландской коммунистической партии. Агенты Геринга и Геббельса полагали, что этого достаточно, для того чтобы взвалить на коммунистов вину в поджоге рейхстага.

Гомосексуальные связи ван дер Люббе с национал-социалистическими вождями, его материальная зависимость от них делали его покорным рабом поджигателей.

Голландское подданство ван дер Люббе было желательной придачей.

Оно облегчало Герингу и Геббельсу задачу—представить пожар рейхстага как дело интернационального заговора.

Геринг и Геббельс хотели представить поджог рейхстага как дело интернационального коммунизма. С этой целью были арестованы и обвинены в соучастии три болгарина, хотя они не имели ровно никакого отношения к этому делу.

По всем этим соображениям ван дер Люббе был избран орудием преступления.

Кто главные действующие лица в этом заговоре? Приемотритесь к ним.

План поджога сочинил фанатический поборник лжи и провокации д-р Геббельс.

Руководство всем делом находилось в руках морфиниста капитана Геринга.

Отряд поджигателей вел убийца из-за угла, исполнитель приговоров тайного фашистского трибунала—Эдмунд Гейнес.

Орудием был полуслепой мальчишка-подросток Мариус ван дер Люббе.

Когда в 1886 г. чикагская полиция с помощью нанятых провокаторов инсценировала покушение, причем от взрыва бомб погибло большое число полицейских, прошло целых семь лет, пока была вскрыта эта провокация. Орудия ее были хорошо выбраны. После поджога рейхстага достаточно было трех дней, и всему миру стало ясно, что рейхстаг подожгли национал-социалисты. Орудие провокации ван дер Люббе выбрано было слишком неумело.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПОДЖИГАТЕЛИ

Германский рейхстаг

9 июня 1884 г. в Берлине в присутствии Вильгельма I произошла закладка здания германского рейхстага. Здание это было построено по планам Франкфуртского архитектора Пауля Валлота в стиле традиционного ренессанса. Стройка продолжалась свыше десяти лет и обошлась в 27 млн. марок. Закончилась она 5 декабря 1894 г.

Здание рейхстага стоит на площади республики напротив памятника Бисмарку. Восточный фасад здания выходит на улицу Фридриха Эберта, южный—к Тиргартену, северный—по направлению к Шпрее.

Здание состоит из подвального этажа, партера, главного этажа, одного промежуточного и двух верхних этажей. Длина фасада—137 метров. Здание увенчано большим куполом, окруженным четырьмя малыми куполами. В центре главного этажа находится большой зал заседаний с трибунами.

Три стены зала заседания покрыты деревянной облицовкой, стена за креслом председателя обтянута материей. Эстрада, трибуны, скамьи депутатов,—все это из дерева. Скамьи расположены амфитеатром в виде семи расходящихся веером секторов; узкие проходы между скамьями устланы тяжелыми коврами. Зал заседаний окружен кольцевым коридором, ведущим в кулуары. Коридоры и кулуары устланы коврами, обставлены мягкими креслами и увешаны портьерами.

В главном этаже расположены кроме того многочисленные помещения и залы с окнами на улицу. Читальни, архив и библиотека помещаются частью в главном, частью в промежуточном этаже. В подвальном этаже находятся котлы центрального отопления и вентиляционная установка. Из подвального этажа небольшая лестница ведет к подземному ходу, который проходит под колоннадой рейхстага и под улицей Фридриха Эберта и ведет ко дворцу председателя рейхстага Геринга (дворец находится на другой стороне улицы). Подземный ход отделен от упомянутой лестницы, а также от подвалов центрального отопления особой дверью. По стенам этого коридора проходят отопительные трубы.

Главный вход в рейхстаг выходит на площадь республики и открывается только в торжественных случаях.

Как посетитель попадает в рейхстаг

Во всех своих сообщениях о пожаре рейхстага правительство Гитлера старательно обходило вопрос о том, каким образом поджигатели проникли в рейхстаг. Оно рассчитывало на то, что почти никто из немцев и иностранцев не знаком с процедурой пропуска в рейхстаг, с теми формальностями, которые должны быть выполнены при этом. Нижеследующий перечень показывает, что требуется от посетителя, для того чтобы он мог попасть в рейхстаг.

1. Не-члены рейхстага и посетители могут пройти в рейхстаг только через подъезд № 2 или через подъезд № 5. Первый выходит на Симсонштрассе, второй—на набережную Шпрее.

2. Проходя через подъезд № 5, посетитель попадает в отгороженное пространство. Оно отделено веревочным барьером. За барьером находятся специальные чиновники, регистрирующие посетителей.

3. Каждый посетитель обязан обратиться к такому чиновнику. Невозможно пройти в рейхстаг, не заявившись у чиновника. Для этой цели посетитель заполняет печатный бланк, указывает на нем свое имя, имя депутата, к которому он направляется, а также цель посещения.

4. Заполненный бланк относится курьером рейхстага к тому депутату, которого указал посетитель. Депутата спрашивают, согласен ли он принять посетителя.

5. Пока вернется курьер с согласием депутата, посетитель ожидает в особом помещении. При этом он находится под постоянным наблюдением дежурных чиновников рейхстага.

6. Когда получено согласие депутата принять посетителя, курьер ведет посетителя к данному депутату. Курьер обязан проводить посетителя до самого депутата и может удалиться только тогда, когда посетитель стоит перед депутатом, лицом к лицу с ним.

7. Все посетители вносятся в особый список. Запись производится на основе бланков, заполненных посетителями.

Пожар в рейхстаге

27 февраля между девятой и четвертой десятой в здании рейхстага вспыхнул пожар. Первое официальное сообщение о пожаре рейхстага последовало еще в тот же вечер по радио. Берлинская радиостанция кроме того сообщала, что поджигателем является голландский коммунист по имени ван дер Люббе. Он якобы во всем сознался. В официальном сообщении говорилось, что проникшие в горящее здание рейхстага полицейские чиновники нашли там ван дер Люббе, что на нем были только брюки, и что у него найдены голландский паспорт и членская книжка голландской коммунистической партии. Рано утром 28 февраля 1933 г. официальное «Прусское агентство печати» распространило следующую версию о пожаре рейхстага:

«В понедельник вечером возник пожар в рейхстаге. Имперский комиссар при прусском министерстве внутренних дел министр Геринг немедленно по прибытии на место пожара распо-

рядился принять меры и взял на себя руководство всеми действиями. При первом сообщении о пожаре прибыли также рейхсканцлер Адольф Гитлер и вице-канцлер фон Папен.

«Налицо несомненно самый серьезный из всех бывших до сих пор в Германии случаев поджога. Как показало полицейское расследование, во всем здании рейхстага, от подвального этажа до купола, заложены были горючие материалы. Они состояли из препаратов дегтя и зажигательных факелов и были заложены в кожаные кресла, под печатными материалами рейхстага, у дверей, занавесок, деревянных обшивок и около других легко воспламеняющихся предметов. Один полицейский чиновник заметил в погруженном в темноту здании людей с горящими факелами. Он немедленно выстрелил. Удалось схватить одного из поджигателей. Это 24-летний каменщик ван дер Люббе из Лейдена в Голландии: он имел при себе выправленный надлежащим образом голландский паспорт и объявил себя членом голландской коммунистической партии.

«Центральный корпус рейхстага сгорел дотла, зал заседаний со всеми трибунами и кулуарами уничтожен, убытки достигают миллионов.

«Этот поджог является самым чудовищным из всех террористических актов большевиков в Германии. Среди сотни центнеров злонамеренных документов, обнаруженных полицией при обыске в доме имени Карла Либкнехта, найдены инструкции по проведению коммунистического террора по большевистскому образцу.

«Согласно этому плану должны были быть подожжены правительственные здания, музеи, дворцы и наиболее важные предприятия. В инструкциях рекомендовалось во время беспорядков и столкновений гнать впереди групп террористов женщин и детей и по возможности даже семьи полицейских. Обнаружение этих документов помешало планомерному осуществлению большевистской революции. Тем не менее поджог рейхстага должен был послужить сигналом к кровавому восстанию и гражданской войне. Уже во вторник в четыре часа утра должны были начаться большие грабежи в Берлине. Установлено, что с сегодняшнего дня должны были начаться по всей Германии террористические акты против отдельных личностей, против частной собственности, против жизни и имущества мирного населения. Вслед за этим должна была развернуться гражданская война.

«Имперский комиссар в прусском министерстве внутренних дел, министр Геринг, принял против этой громадной опасности самые решительные меры. Он при всех обстоятельствах и всеми средствами поддержит авторитет государства. Пока можно установить, что первое нападение преступных элементов отбито. Для защиты общественной безопасности еще в понедельник вечером все общественные и наиболее важные предприятия получили полицейскую охрану. Полицейские броневики непрерывно патрулируют в тех частях города, которые подвержены наибольшей опасности. Вся охранная и уголовная

полиция в Пруссии немедленно была приведена в боевую готовность. Мобилизована вспомогательная полиция. Издан приказ об аресте двух руководящих коммунистических депутатов, против которых имеются серьезные подозрения относительно их участия в поджоге. Остальные депутаты и должностные лица коммунистической партии арестовываются в порядке предварительного заключения. Во всей Пруссии запрещены на четыре недели коммунистические газеты, журналы, листовки и плакаты. На четырнадцать дней запрещены все газеты социал-демократической партии, так как поджигатель в своем показании сознался также в связи с германской социал-демократической партией. Благодаря этому признанию единый фронт коммунистов и социал-демократов стал очевидным фактом. Этот факт требует от лица, ответственного за охрану безопасности в Пруссии, решительных мер; они диктуются его долгом сохранить в этот момент чрезвычайной опасности авторитет государства. Последние события полностью подтвердили необходимость уже ранее принятых особых мер (декреты, разрешающие применять огнестрельное оружие, вспомогательная полиция и т. д.). Эти меры дают государственной власти достаточную силу, чтобы подавить в зародыше всякое дальнейшее покушение на спокойствие в Германии, а с нею и во всей Европе. В эту серьезную годину имперский министр Геринг требует от германской нации соблюдения строжайшей дисциплины. Он ожидает всемерной поддержки от населения, за безопасность и охрану которого он поручился собственной головой».

Первые сообщения в прессе

Утром 28 февраля миллионы людей прочитали в газетах описание пожара рейхстага. Громадные кричащие заголовки возвещали: германский рейхстаг объят пламенем! Это событие затмило все остальные. В Лондоне Париже, Нью-Йорке, Амстердаме, Праге и Вене читателю преподносят подробное описание горящего рейхстага. Но пока еще говорят только репортеры; в их телеграммах не обходится конечно без таких выражений, как: «языки пламени, поднимающиеся к ночному небу», и без шаблонной фразы о «жутко красивой картине». Во всех сообщениях единодушно говорится, что большой зал рейхстага сгорел дотла, а также и купол над ним, что стеклянная крыша купола лопнула, стропила согнулись. Кольцевой коридор вокруг зала заседаний и кулуары тоже стали жертвой пламени.

В дальнейших сообщениях мировой печати обнаружился существенный разнобой. «Прагер тагеблат» сообщает 28 февраля, что огонь замечен был около 22 часов вечера, «Тан» пишет 1 марта, что пожар заметили в 21 час 15 минут, а лондонский «Таймс» от 28 февраля сообщает, что пожар вспыхнул вечером в 21 час.

Разнобой имеется также в сообщениях о том, как был открыт пожар. Принадлежащее Гугенбергу телеграфное агентство «Телеграфен унион» пустило следующую версию, подхваченную частью утренних газет 28 февраля 1933 г.

«Не подлежит сомнению, что с помощью факелов подожгли горючий материал в различных местах. Один полицейский заметил за оконным стеклом промелькнувший силуэт факелоносца и немедленно дал по нем выстрел».

В отличие от этого «Таг» от 1 марта 1933 г. сообщал, что первым заметил пожар служащий Дома инженеров, находящегося напротив рейхстага.

Число мест, в которых заложен был горючий материал, указывается газетами разное. «Прагер тагеблат» от 28 февраля сообщает о двадцати таких очагах пожара. Утреннее издание «Таймс» от того же числа сообщает, что рейхстаг был подожжен в четырех-пяти местах: так заявили берлинскому корреспонденту газеты дежурные полицейские офицеры. «Чикаго трибюн» пишет о десяти очагах.

Быстрота, с которой распространился огонь, позволяет заключить, что рейхстаг был подожжен во многих местах.

Начало погрома левых

Еще тлеет огонь на пепелище пожара, тысячеголовая толпа еще стоит перед горящим зданием рейхстага, как уже мчатся полицейские автомобили и мотоциклетки и маршируют колонны штурмовиков.

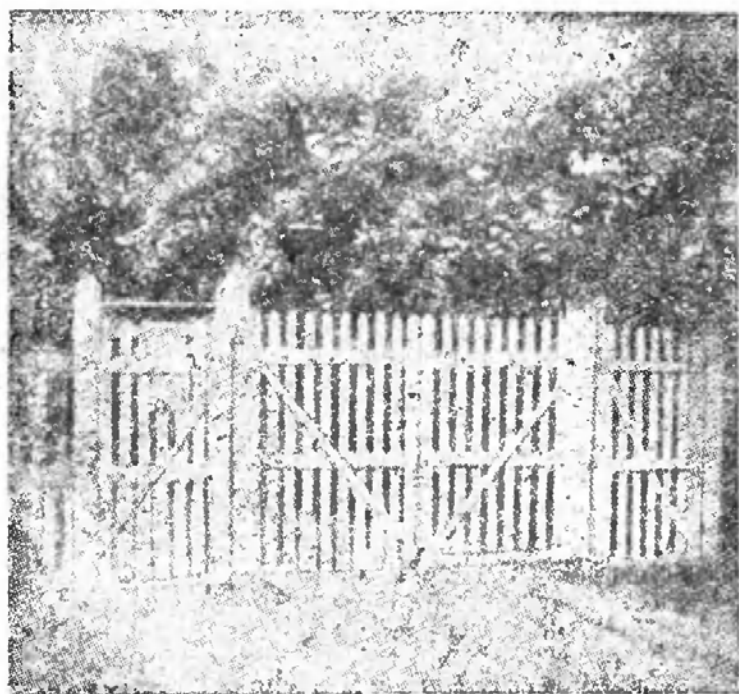
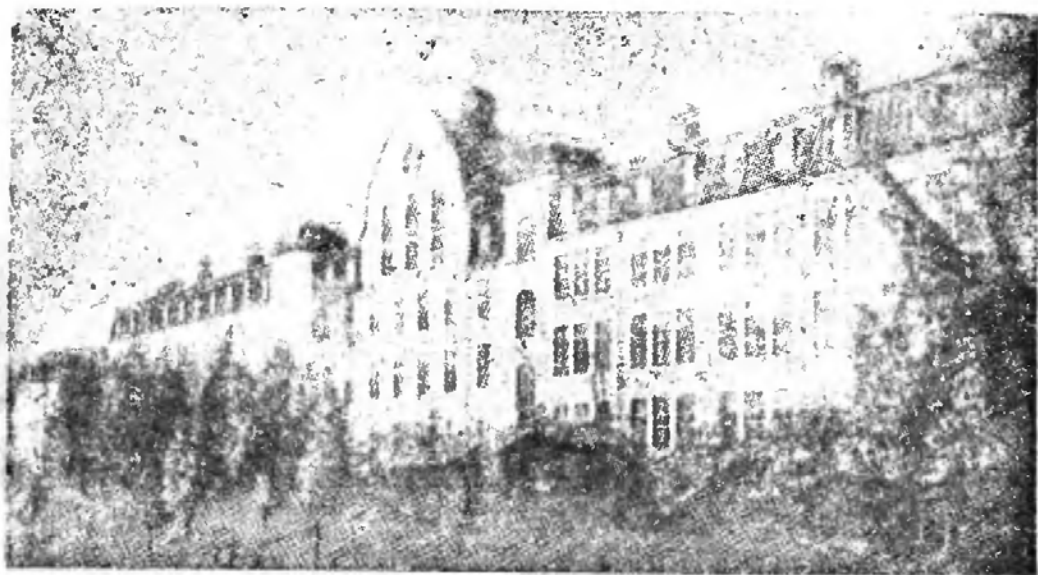
Первый арест последовал вскоре после полуночи. Когда забрезжил свет, в темных коридорах берлинского полицей-президиума на длинных скамьях сидели сотни арестованных: коммунисты, социалисты, нацифисты, писатели, врачи, адвокаты—их ночью вытащили из постелей и повезли в полицию. Многие из них спали, когда радио извещало о пожаре рейхстага.

Газеты, вышедшие в полдень, сообщили имена первых арестованных. Среди них находились писатели Людвиг Ренн, Эгон Эрвин Киш, Эрих Барон, Карл фон Осецкий и Отто Моман-Руссбюльдт; врачи Бенкейм, Шминке и Ходанн; адвокаты Литтен, Барбаш и Феликс Халле; коммунистические депутаты Вальтер Штеккер, Эрих Шнеллер, Фриц Эммерих, Оттомар Гешке и Вилли Каспер. Депутат рейхстага Торглер, обвиняемый в соучастии в поджоге, отправился утром 28 февраля в полицей-президиум, чтобы заявить протест против этого обвинения. Его немедленно арестовали. Коммунистические и социал-демократические газеты в этот день уже не вышли. Типографии газет «Форвертс», «Берлин ам morgen», «Вельт ам абенд» были заняты полицией еще в ночь с 27 по 28 февраля, напечатанный уже тираж утренних выпусков был конфискован. Типография «Роте фане», находившаяся в доме имени Карла Либкнехта, была уже за несколько дней до этого занята полицией. «Роте фане» была запрещена еще до пожара рейхстага.

Чрезвычайный декрет и декрет о смертной казни

Пожар в рейхстаге был потушен еще в ту же ночь. Через несколько часов президент республики подписал варварский указ, который был назван «Чрезвычайный декрет для защиты народа и государства»:

Дом для сумасшедших в Лангбро

Сверху: Общий вид больницы Лангбро около Стокгольма. По-середине: Въезд в закрытое лечебное заведение Лангбро. На доске у въезда написано: «Посторонний вход на территорию больницы воспрещается. За нарушение — штраф 15 крон». Снизу: Корпус для мужчин в лечебном заведении Лангбро.

«На основании статьи 48-й конституции в целях борьбы с антигосударственными коммунистическими актами насилия постановляется:

«§ 1. Статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 125 германской конституции отменяются впредь до дальнейшего распоряжения. Поэтому ограничения свободы личности, свободы выражать свое мнение, включая сюда и свободу печати, право союзов и собраний, нарушение тайны почтовой корреспонденции, телеграмм и телефонных разговоров, производство обысков и конфискаций, а также ограничения собственности допускаются независимо от установленных для этого законных пределов.

«§ 4. Кто нарушает распоряжения, изданные в порядке проведения этого декрета высшими властями союзных государств, равно как и всякий, кто призывает или возбуждает к такому противодействию, карается, поскольку это не наказывается более сурово другими статьями, арестом на срок не менее одного месяца или денежным штрафом от 150 марок до 15 тысяч марок.

«Нарушения абзаца 1, представляя опасность для человеческой жизни, караются каторжной тюрьмой, а при смягчающих вину обстоятельствах—тюремным заключением сроком не менее шести месяцев; если в результате этих действий последовала смерть человека, то виновные подлежат смертной казни, а при смягчающих вину обстоятельствах караются каторжной тюрьмой сроком не менее двух лет. Наряду с этим допускается также конфискация имущества.

«Кто призывает или подстрекает к совершению общепасных противозаконных действий (абзац 2), карается каторжной тюрьмой, а при смягчающих вину обстоятельствах—тюремным заключением сроком не менее трех месяцев.

«§ 5. Смертной казнью караются преступления, за которые уголовному кодексу, а именно по § 81 (государственная измена), 229 (отравление отдельных лиц), 307 (поджоги), 311 (взрывы), 312 (затопление), 315—абзац 2 (порча железнодорожных путей), 324 (массовое отравление),—полагается бессрочная каторга.

«Смертной казнью или—поскольку уже прежде не предусмотрено более суровое наказание—бессрочной каторгой, или каторгой сроком до 15 лет караются:

1. Лица, замышляющие убийство президента республики, или члена, или комиссара общегерманского или одного из союзных германских правительств, а также тех, кто призывает к такому убийству, или предлагает себя для его выполнения, или принимает такое предложение, или сговаривается с другим лицом о таком убийстве.

2. Лица, совершившие деяния, предусмотренные § 115, абзац 2 уголовного кодекса (мятеж) или § 125, абзац 2 уголовного кодекса (серьезное нарушение общественного мира), с оружием в руках или в сознательном и преднамеренном соучастии с вооруженным лицом.

Человек, который восстановил в немецких школах телесные наказания

Д-р Рист, прусский министр просвещения

«Д-р Рист в 1930 г., будучи чиновником министерства народного просвещения в Галловере, подал прошение об отставке, приложив к нему свидетельство от врачей. Он ссылаясь при этом на психическое расстройство. Этим самым он доказал, что является подходящим кандидатом на пост министра «третьей империи».

3. Лица, лишаящие другого свободы (§ 239 уголовного кодекса) с целью воспользоваться им как заложником в политической борьбе».

Травля коммунистов

Экстренные выпуски газет, речи министров, радио, плакаты возвещают стране: Коммунисты подожгли рейхстаг! За пожаром рейхстага должно было последовать восстание и гражданская война! Коммунисты собирались насиловать ваших жен! Убивать ваших детей! Они готовили массовые отравления! Травля проводится систематически и планомерно. Прессу наводняют баснями о зверских замыслах коммунистов. 1 марта 1933 г. «Фоссише цейтунг» сообщает из правительственных кругов:

«Правительство, как нам сообщают, придерживается того мнения, что создавшееся положение вещей угрожало и еще продолжает угрожать государству и народу. Материал, захваченный в доме имени Карла Либкнехта, рассматривается в настоящее время верховным прокурором республики. Согласно официальным сообщениям, в этих документах содержатся доказательства, что коммунисты готовили террористические акты в таком масштабе, который представлял громадную опасность для государства и народа. Передают, что в конфискованных документах коммунистов имеются специально выработанные планы захвата заложников, главным образом жен и детей известных лиц, затем инструкции относительно поджогов общественных зданий, инструкции для террористических групп, которые должны выступить на определенных городских площадях, между прочим также в форме полицейских, штурмовиков и Стального шлема. Как нам заявляют, есть основания подозревать, что террористические акты коммунистов будут продолжаться и что центральное руководство ими возможно будет перенесено из Берлина в другое место. Есть основание предполагать, что точно так же, как и в доме имени Карла Либкнехта, и в других местах имеются подземные ходы, через которые коммунисты могут скрыться в минуту опасности. В связи с этим на границе приняты необходимые меры, чтобы сделать невозможным ее переход подозрительными лицами. Относительно поджога рейхстага заявляют, что имеются бесспорные доказательства того, что председатель коммунистической фракции рейхстага депутат Торглер оставался в обществе ван дер Люббе несколько часов в здании рейхстага и что его видели также в обществе других участников поджога. Говорят также, что другие поджигатели могли скрыться через подземные ходы, которые соединяют (в связи с системой отопления рейхстага) здание самого рейхстага с домом председателя рейхстага.

В связи с этим указывают на арест двух лиц, телефонировавших из рейхстага, что зачинщиком пожара якобы является президент рейхстага Геринг; как заявляют, при этом обнаружилась связь с социал-демократической партией и ее прессой.

Власти заявляют, что борьба против коммунизма будет теперь вестись самым энергичным образом. Кто работает заодно с коммунистами, или против кого имеются достаточные подозрения в этом смысле, с тем будет поступлено с такой же суровостью, как с самими коммунистами. Вместе с тем из заявлений правительственных инстанций явствует, что выборы состоятся во всяком случае. Заслуживает внимания, что чрезвычайный декрет «для защиты народа и государства» и декрет, вводящий гораздо более тяжелые наказания за государственную измену, чем это было до сих пор, взаимно дополняют друг друга. Правительственные инстанции заявляют, что отдельные статьи упомянутых декретов «для защиты народа и государства», направленных главным образом против коммунистов, оказались необходимыми в связи с документами, найденными в доме имени Карла Либкнехта. Так например это относится в особенности к таким предусмотренным в уголовном кодексе преступлениям, как отравление отдельных лиц или организации массовых отравлений; ввиду учащения этих уголовных деяний назначены теперь более суровые кары, так как коммунисты собирались производить отравления в большом масштабе, в том числе отравления в народных столовых и в ресторанах, посещаемых неудобными им политическими деятелями и т. д.».

1 марта министр Герман Геринг выступил с речью по радио, переданной всеми германскими радиостанциями. Цитируем эту речь по сообщениям газет:

«Коммунисты посредством листовок и записей вербовали способных носить оружие рабочих в массовую красную самозащиту. Это было только маскировкой, для того чтобы мобилизовать массы и революционных коммунистов на борьбу против народа и государства.

«Я открыто заявляю, что мы ведем не оборонительную борьбу, а намерены перейти по всей линии в наступление. Моей главнейшей задачей будет искоренить в нашем народе коммунизм. Поэтому мы и мобилизовали те силы национальной Германии, которые в первую очередь должны ставить себе целью побороть коммунизм».

Далее Геринг утверждает:

«15 февраля было установлено, что германская коммунистическая партия формирует группы террористов численностью до 200 человек. Эти террористы должны были, переодевшись в форму наших штурмовиков, совершать нападения и налеты на автомобили, универсальные и розничные магазины и т. п. Имелись в виду также нападения на дружественные организации: Стальной шлем и национальные партии, — это должно было сорвать единый фронт национального движения. Другие террористические группы должны были совершать подобные же нападения, переодевшись в форму Стального шлема. При арестах должны были предъявляться поддельные удостоверения. Кроме того найдены были в большом числе подложные прика-

зы начальников штурмовых отрядов и дружин Стального пле-
ма. Эти приказы призывали штурмовиков к боевой готовности
в ночь на 6 марта, когда они должны были занять Берлин,
причем им предписывалось беспощадно пускать в ход оружие,
подавлять всякое сопротивление и т. д. Эти подложные при-
казы предназначены были для распространения среди граждан
и в учреждениях с целью,—вызвать призрак национал-социа-
листского государственного переворота и смутить умы рабо-
чих. Подделаны были также приказы по полиции, требовавшие
выдачи броневигов. На заседании германской компартии
18 февраля шла речь о сговоре объединенных пролетариев для
нападения на буржуазию и фашистские государства. В тот же
день был арестован вожак одной подрывной колонны, имевшей
задачу взорвать мосты; подозрение против него возникло, бла-
годаря пропаже большого количества взрывчатых веществ.

«Вскоре затем раскрыта была организация коммунистической
партии, созданная со специальной целью устройства массовых
отравлений. Подобный заговор был раскрыт в Кельне, причем
установлено было, что заговорщики должны были отравлять
кушанья в столовых штурмовиков и Стального плема. Другие
документы говорят о том, что коммунисты собирались захва-
тывать в качестве заложников жен и детей влиятельных особ,
а также жен и детей полицейских чиновников; этих заложни-
ков коммунисты намерены были гнать перед собой во время
демонстраций, как живую защитную стену. Руководство этой
разбойничьей организацией находилось в руках коммунисти-
ческого главаря Мюнценберга.

«22 февраля центральным комитетом партии дан был ло-
зунг о вооружении рабочего класса. В инструкции на этот
предмет сказано: «При применении террора следует пользо-
ваться любыми средствами и любым оружием». Назначены были
массовые забастовки. Для поддержки их предписывалось под-
готовлять забастовки солидарности. Все умеющие обращаться
с оружием должны были заявить об этом. Всюду должен был
произойти переход на нелегальное положение».

Далее Геринг говорит о плане организации вооруженного восста-
ния. В этом плане якобы сказано, что вооруженное восстание яв-
ляется первой фазой гражданской войны. План якобы содержит
указания относительно использования небольших террористических
групп и устройства в разных местах тысяч, десятков тысяч под-
жогов. Цель этой кампании—заменить полицию и войско в деревни
и затем поднять восстание в городах, оставшихся беззащитными.

«При использовании заложников,—цитирует Геринг свои вы-
мышленные документы,—не следует исходить из каких-либо
гуманных соображений».

Свою речь Геринг закончил следующими словами:

«Коммунистам я заявляю: мои нервы до сих пор еще не
отказались служить мне, я чувствую себя достаточно сильным,
чтобы дать отпор их преступным махинациям!».

Кто поджигатели?

При первых известиях о пожаре рейхстага вся мировая пресса поставила вопрос: кто поджигатели? Большинство германских газет солидаризировалось с сообщением правительства Гитлера, что рейхстаг подожгли коммунисты. Напротив вся заграничная пресса отнеслась к официальным сообщениям о пожаре скептически. По мере того как поступали дальнейшие сообщения, этот скептицизм превращался в открытое издевательство над официальными германскими утверждениями. «Ган» писал 1 марта:

«Официальное сообщение очевидно преследует цель довести население до бешенства и восстановить его против левой оппозиции. Нет возможности проверить утверждения полиции. Можно только констатировать, что пожар рейхстага приходится весьма кстати для выборной пропаганды правительства. Он служит предлогом для мер, направленных не только против коммунистов, но также против социал-демократов, и для того чтобы поставить штурмовые отряды и Стальной шлем на одну доску с вооруженными силами».

В том же номере газеты говорится, что «демократические и левые круги Берлина скептически относятся к утверждениям о виновниках поджога».

На следующий день эта газета идет дальше: «Арест ван дер Люббе и его признание недостаточны для того, чтобы приоткрыть завесу над тайной этого пожара».

Лондонская газета «Ивнинг стандарт» писала 1 марта:

«Нас удивило бы, если бы мир принял за чистую монету заявление Гитлера, что пожар рейхстага—дело коммунистических поджигателей».

Лондонская «Ньюс кроникль» от этого же числа пишет: «Утверждение, что германские коммунисты имели какое-либо отношение к пожару, просто вздор и глупость...»

Официальное агентство Рейтера сообщало 1 марта: «Не подлежит никакому сомнению, что миллионы людей в Германии не могут и не хотят верить распространяемой из официальных источников версии, что страна была на волосок от красной революции».

Лондонский «Дейли телеграф» писал 3 марта:

«Уже теперь ни один разумный немец не верит версии, что рейхстаг подожгли коммунисты. Тем временем стало известно, что капитан Геринг еще до поджога рейхстага подготовил целый ряд приказов и репрессивных мероприятий, словно он заранее знал, что в эту ночь в Берлине произойдет сенсационное событие».

Не прошло и трех дней после пожара рейхстага, как правительство Гитлера уже очутилось перед следующим фактом: никто в мире не верит его утверждениям. Непроходимая стена недоверия отделяет Германию от остального мира. Попрежнему через германскую границу ежедневно отправляются сотни поездов. Но разница в сравнении с прошлым заключается в следующем: поезда, идущие из Германии, переполнены людьми, бегущими от смерти и тюрьмы;

поезда, идущие в Германию, почти пусты; те немногие пассажиры, которые едут в них, едут по поручению газет и организаций, желающих знать, что на самом деле происходит в Германии. Письма, приходящие из Германии за границу—это один сплошной крик ужаса.

Кому нужен был пожар рейхстага?

Каждый криминалист прежде всего ставит себе вопрос: кому послужило на пользу данное преступление? Этот вопрос и здесь должен быть поставлен в первую очередь.

В своем официальном сообщении от 28 февраля правительство Гитлера утверждает, что рейхстаг был подожжен коммунистами, и что пожар рейхстага должен был послужить сигналом к кровавому восстанию и гражданской войне. Существует ли хотя бы одно единственное доказательство, что коммунистическая партия в ночь с 27 на 28 февраля намеревалась перейти к «кровавому восстанию»?

Тактика коммунистической партии определенно свидетельствует против этого. В официальных публикациях коммунистической партии неоднократно указывается, что окончательная борьба за власть возможна лишь тогда, когда партия в состоянии мобилизовать на борьбу большинство рабочего класса. Германская коммунистическая партия была лишь на пути к завоеванию этого большинства.

В заявлении германской коммунистической партии от 25 марта 1933 г. относительно пожара рейхстага мы читаем:

«Каждый, хоть мало-мальски знакомый с принципами коммунизма, с учением Маркса и Ленина, с резолюциями Коммунистического интернационала и германской коммунистической партии, знает, что методы индивидуального террора—поджоги, акты саботажа и тому подобное—не подлежат к арсеналу тактических средств коммунистического движения. Коммунистическая партия всегда заявляла, что ее целью является осуществление пролетарской революции. Для достижения этой цели германская коммунистическая партия прибегает к тактике революционной массовой борьбы, к завоеванию масс для коммунистического движения путем агитации и пропаганды, а в первую очередь путем организации повседневной борьбы за непосредственные интересы трудящихся. Такова та тактика, с помощью которой во всех странах коммунистическое движение идет к своей цели на основах марксизма-ленинизма. Ясно, что поджог рейхстага не мог иметь никакого смысла для коммунистического движения».

Правильность этого заявления подтверждается историей коммунистической партии с самого дня ее возникновения. Не существует и тени доказательства, что коммунисты изменили свою тактику и внезапно перешли к актам индивидуального террора. Это противоречило бы также всей их политике.

Германская коммунистическая партия в последние годы непрерывно росла. На первом туре президентских выборов в марте 1932 г. ее кандидат Эрнст Тельман получил 4 960 тыс. голосов. На выборах

в рейхстаг 31 июля 1932 г. число коммунистических голосов возросло до 5 300 тыс. круглым счетом. На выборах 6 ноября 1932 г. оно достигло 6 млн. Новые выборы, предстоявшие 5 марта 1933 г., сулили коммунистам самые лучшие перспективы. Почти вся мировая пресса предсказывала большой прирост коммунистических голосов.

В социал-демократическом лагере нарастало недовольство. Непрекращающиеся фашистские провокации, пассивность профсоюзных и партийных лидеров, допустивших, чтобы их министры в Пруссии были выгнаны из министерства армейским капиталом и тремя солдатами,—такие факты толкали широкие массы социал-демократических избирателей к коммунистам.

Не менее велико было недовольство в лагере национал-социалистов. На ноябрьских выборах 1932 г. Гитлер потерял более 2 млн. голосов. Процесс разложения ускорился. После прихода Гитлера к власти массы его приверженцев ожидали коренного поворота к лучшему. Этот поворот не наступил. Национал-социалистам угрожала опасность дальнейшего отхода их избирателей в коммунистический лагерь.

Правительство Гитлера в числе доказательств намерений, приписываемых им коммунистам, ссылается также на брошюру «Искусство восстания». Однако именно в этой брошюре имеется также следующая цитата из Ленина:

«Тут надо спросить себя не только о том, убедили ли мы авангард революционного класса,—а еще и о том, размещены ли исторически действенные силы *всех* классов, обязательно *всех* без изъятия классов данного общества, таким образом, чтобы решительное сражение было уже вполне назревшим,—таким образом, чтобы (1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам; чтобы (2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством; чтобы (3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззавестно смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела, вот тогда наша победа, если мы верно учли все намеченное выше, кратко обрассованные выше условия и верно выбрали момент, наша победа обеспечена» (Н. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Гос. изд. Пбрг. 1920 г., стр. 86—87).

В той же брошюре Ленин говорит:

«С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции, либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его

противника, было бы не только глупостью, но и преступлением» (там же, стр. 85).

Если бы Геринг хотя бы бегло прочитал брошюру «Искусство восстания», он вряд ли стал бы ссылаться на нее в доказательство своих обвинений коммунистической партии. Пущенная стрела попала в самого стрелка.

Гитлер в плену у Гугенберга?

30 января было образовано так называемое правительство «национальной концентрации» с Гитлером в качестве рейхсканцлера. Гинденбург назначил Гитлера канцлером на условиях, весьма тяжелых для национал-социалистов. Министры-националисты имели абсолютное большинство в кабинете. Имперским комиссаром Пруссии назначен был заместитель канцлера фон Папен, хотя в предыдущих правительствах этот пост занимал сам канцлер. Министрство рейхсвера, которое национал-социалисты в последней стадии своей борьбы за власть требовали для себя, было отдано в руки верного Гинденбургу генерала фон Бломберга. Когда Гинденбург 30 января принимал присягу нового правительства, Гитлер должен был в присутствии всех членов кабинета дать категорическое обещание, что не будет предпринимать никаких перемен в составе правительства, каков бы ни был исход выборов. Три национал-социалистских министра—Гитлер, Фрик и Геринг—были зажаты в правительстве в тиски между националистами, которым переданы были все министерства по делам хозяйства, руководство внешней политикой и министерство рейхсвера. По плану националистов Гитлер—«вождь»—должен был оказаться их пленником. Гинденбург принимал его только в присутствии фон Папена. Никогда еще ни одному канцлеру не ставились такие унижительные условия.

Легальным путем нельзя было добиться перемены этого положения. Националисты крепко цеплялись за эти формальности. Второй руководитель союза Стального шлема подполковник Дюстерберг огласил 12 февраля на предвыборном собрании категорическое обязательство Гитлера не предпринимать никаких перемен в составе своего кабинета. Дюстерберг преследовал при этом цель—связать Гитлера по рукам и ногам. Чаша весов склонялась в пользу националистов.

Окружение Гитлера, в первую очередь Геббельс и Геринг, не переставая рук работало после 30 января над тем, чтобы освободить Гитлера из тисков националистов.

Со дня на день давление возрастало. Только новое распределение власти внутри правительства могло положить предел растущему недовольству в рядах национал-социалистических избирателей. Насильственный переворот был чреват слишком большими опасностями. Рейхсвер и союз Стального шлема стояли на стороне Гинденбурга. Надо было считаться с тем, что в случае открытой борьбы союз республиканского флага тоже станет на сторону рейхсвера и Стального шлема против национал-социалистов.

Меморандум д-ра Оберфорена

В такой обстановке национал-социалисты вступали в предвыборную кампанию. Д-р Геббельс, самый изобретательный среди национал-социалистических главарей, отлично предвидел, какой оборот грозили принять события. В его голове впервые созрел план большой аферы, которая сразу должна была изменить положение национал-социалистов. Существуют документальные данные относительно этого плана, его возникновения и осуществления.

После выборов 5 марта 1933 г., когда национал-социалисты стали у националистов отбирать одну за другой их позиции, националистский депутат д-р Оберфорен пытался организовать борьбу националистов и Стального плема против Гитлера. Будучи доверенным лицом Гугенберга, он был хорошо осведомлен о всех происшествиях в кабинете. То, что ему было известно о приготовлениях к пожару в рейхстаге, он изложил в меморандуме, который разослал своим друзьям.

Этот меморандум д-ра Оберфорена попал контрабандным путем за границу. Отдельные главы были обнародованы в английских, французских и швейцарских газетах без указания автора, анонимно.

Через несколько дней один националистский депутат, впоследствии перешедший к национал-социалистам, сплавил меморандум Оберфорена в руки «тайной государственной полиции». С этого дня началась травля автора меморандума. 7 мая д-р Оберфорен найден был мертвым в своей квартире. Полицейский рапорт уверял, что Оберфорен покончил самоубийством. В официальном сообщении особенно подчеркивалось, что в квартире Оберфорена не было найдено никаких документов. В действительности же Оберфорен был убит национал-социалистами, причем убийцы похитили все бумаги, компрометирующие правительство Гитлера.

В начале меморандума Оберфорен рассказывает, что обыски, неоднократно производившиеся в доме имени Карла Либкнехта по приказу президента берлинской полиции Мельхера, остались безрезультатными. Затем в меморандуме описывается, как у национал-социалистов возник план пожара рейхстага.

«Д-р Геббельс, свободный от каких-либо моральных соображений и угрызений совести, сочинил план, который не только должен был сломить сопротивление националистов требованиям национал-социалистов о ликвидации агитации социал-демократов и коммунистов, но в случае полной удачи повел бы также к запрету коммунистической партии.

«Геббельс считал необходимым, чтобы в доме имени Карла Либкнехта был найден материал, доказывающий преступные намерения коммунистов. Из этого материала должно было явствовать, что со дня на день может произойти коммунистическое восстание и что поэтому опасно терять время. Так как полиция Мельхера снова ничего не нашла в доме имени Карла Либкнехта, то надо было назначить другого президента берлинской полиции, на сей раз национал-социалиста. С большой

неохотой фон Папен согласился на уход своего ставленника Мельхера из полицей-президиума. Предложение национал-социалистской партии назначить на его место графа Хельдорфа, руководителя берлинских штурмовых отрядов, было отклонено. В конце концов сошлись на более умеренном — адмирале фон Левецове, который правда принадлежит к национал-социалистической партии, но все еще сохранил связь с кругами националистов. Подбросить нужный материал в дом имени Карла Либкнехта, который к тому же пустовал тогда, было конечно пустяковым делом. Полиция имела все планы дома и знала следовательно расположение его подвалов.

«Геббельс с самого начала понимал также, что необходимо придать достоверность подброшенным сфальсифицированным им материалам, что для этого необходимо инсценировать хотя бы подобие какого-нибудь активного выступления коммунистов и подчеркнуть таким образом серьезный характер захваченных документов. Поэтому были приняты соответствующие меры.

«24 февраля полиция проникла в дом имени Карла Либкнехта, уже неделями пустующий, произвела обыск и опечатала дом. В тот же день в газетах появилось официальное сообщение, что при обыске найдено множество документов, уличающих коммунистическую партию в государственной измене.

«26 февраля агентство Конти, правительственное информационное бюро, опубликовало с большими подробностями результаты обыска. Нет смысла повторять здесь это сообщение во всех его деталях. Пинкертоновский стиль его бросался в глаза даже неподготовленному читателю. Много говорилось здесь о тайных ходах, секретных затворах, подземных сводах и каналах, катакомбах и тому подобном. Вся эта пинкертоновщина не могла не производить самого смехотворного впечатления. В самом деле нужна большая фантазия, чтобы говорить о погребах типичного новейшего дома для учреждений и контор, как о «подземельях», «подземных сводах» и «катакомбах»! Читателю должно было броситься в глаза, что в якобы столь старательно законспирированных кладовых этих погребов полицией найдены были сотни центнеров инструкций по проведению предстоящей революции. Особенно комично звучало утверждение, что эти документы показали, что «коммунистическая партия и ее организации живут двойной жизнью и наряду с легальным существованием ведут нелегальное существование в подполье».

«В тот же день, 26 февраля, после полудня адмирал фон Левецов, начальник берлинской полиции, сделал комиссару — министру внутренних дел Герингу доклад о найденных в доме имени Карла Либкнехта материалах.

«В связи с результатами обыска имели место горячие споры и пререкания внутри правительства. Папен, Гугенберг и Зельдте обрушились на Геринга с самыми резкими нападками, упрекая его в том, что он прибегает к таким жульническим приемам. Они указывали на то, что найденные якобы документы

подделаны так неумело, что их ни в коем случае нельзя предать гласности. Они говорили, что надо было действовать более умело, примерно в таком роде, как в свое время поступили английские консерваторы при подделке письма Зиновьева. Нападали на переданное бюро Конти неуклюже тривиальное описание дома имени Карла Либкнехта. Министры, принадлежавшие к партии националистов и к Стальному шлему, подчеркивают: ни один человек не поверит, что коммунисты выбрали для своей нелегальной квартиры как раз дом Карла Либкнехта. Если уже прибегать к подлогу, то надо было—к этому сводилась их критика—действовать умнее и открыть эту нелегальную квартиру коммунистов в какой-либо другой части города.

«Однако, когда все дело было предано гласности, националистам не оставалось ничего другого, как согласиться на дальнейшее обострение правительственных мероприятий против коммунистов на основании якобы найденных материалов. Ведь они вовсе не намерены были щадить коммунистов и порицали лишь неуклюжий подход к делу. Впрочем, кроме того они были заинтересованы в том, чтобы коммунисты непременно участвовали в выборах. Надо было воспрепятствовать тому, чтобы национал-социалисты могли, устранив коммунистическую партию, получить абсолютное большинство в рейхстаге».

Выполнение плана Геббельса

Д-р Оберфорен рассказывает в своем меморандуме, что Геббельс считал нужным усилить впечатление от якобы найденных в доме Карла Либкнехта материалов инсценировкой какого-нибудь активного выступления коммунистов. Наибольшего успеха он ожидал от ряда поджогов, которые—мы следуем тому же меморандуму Оберфорена—должны были произойти в последние недели перед поджогом рейхстага и увенчаться поджогом последнего. Пожар в рейхстаге назначен был на 27 февраля. Было условлено, что в этот день главные вожди национал-социалистов—Гитлер, Геринг и Геббельс—не будут выступать ни на каких предвыборных собраниях и останутся в Берлине. Приводим календарный план предвыборных выступлений Гитлера, опубликованный 10 февраля руководителем национал-социалистической пропаганды. В этом плане бросается в глаза, что Гитлер оставил себе свободные дни от 25 по 27 февраля:

23 февраля	выступление	в	Франкфурте н/М.
24	»	»	Мюнхене
28	»	»	Лейпциге
1 марта	»	»	Бреславле
2	»	»	Берлине
3	»	»	Гамбурге
4	»	»	Кенигсберге.

Далее сообщалось: «Возможно, что и 25 и 26 февраля состоятся предвыборные демонстрации.

Время демонстраций большей частью намечается от 8 до 9 часов».

Итак для пущей верности Гитлер оставил себе свободные дни с 25 по 27 февраля. Во всяком случае уже заранее было объявлено что 27 февраля Гитлер никак не сможет выступить на предвыборных демонстрациях.

Противоречия в официальных сообщениях

Наши доказательства непричастности коммунистов к поджогу рейхстага и того, что поджог был делом национал-социалистов, мы строим не только на показаниях независимых, не испирированных свидетелей и на имеющихся у нас документах. Мы можем построить наши доказательства также на официальных сообщениях правительства Гитлера.

В этих сообщениях так много противоречий, что достаточно вскрыть их, чтобы стало ясным, в каком лагере следует искать действительных виновников поджога.

В первых официальных сообщениях говорилось, что один из полицейских видел в погруженном в тьму здании рейхстага людей с горящими факелами и что удалось задержать поджигателя. Далее говорилось, что преступник был обнаружен в подвальных помещениях рейхстага и *не оказал сопротивления* при своем задержании. Напротив, 4 марта арест ван дер Люббе изображается следующим образом:

«Полицейская охрана заметила со стороны Бранденбургских ворот огонь в здании рейхстага. Один полицейский отчетливо видел факелы и сделал несколько выстрелов. На этот счет вначале высказывались сомнения, но затем действительно найдены были следы пуль. Проникнув в рейхстаг, полиция нашла Маринуса ван дер Люббе не в подвальных помещениях, как первоначально сообщалось, а в кулуарах рейхстага, причем преступник оказал упорное сопротивление, но был в конце концов смят полицейским».

Это—первое противоречие в официальных сообщениях.

Обвинения против Торглера и Кенена

Официальное «Прусское бюро печати» разослало вечером 1 марта следующее сообщение:

«Официальное расследование большого поджога в здании германского рейхстага дало до сих пор следующие результаты.—Только для того, чтобы притащить материалы для поджога, нужны были по меньшей мере семь человек. Для того чтобы разложить эти материалы в различных местах и зажечь их одновременно во всем громадном здании рейхстага, потребовалось, должно быть, не меньше десяти человек. Вне всякого сомнения, поджигатели были в совершенстве знакомы с этим обширным зданием, и что только те, кто в продолжение многих лет свободно расхаживали там, могли проявить такое точное знание всех его помещений. Поэтому имеется сильное подозрение против коммунистических депутатов, которые в особенно-

сти в последнее время весьма часто собирались в здании рейхстага по самым различным случаям. Этим знакомством преступников со зданием рейхстага, со всеми его входами и выходами, а также с распределением дежурств чиновников рейхстага объясняется и тот факт, что до сих пор удалось арестовать только голландского коммуниста, пойманного на месте преступления: не будучи знаком с планом здания, он не мог бежать после поджога. Арестованный известен и в Голландии своим крайним радикализмом, он постоянно присутствовал на заседаниях коммунистического комитета действия и настоял на том, чтобы его привлекли к участию в поджоге.

«Расследование установило далее, что за несколько часов до начала пожара три свидетеля видели арестованного голландского коммуниста в обществе коммунистических депутатов Торглера и Кенена в кулуарах рейхстага; это было в 8 часов вечера. При бросающейся в глаза наружности ван дер Люббе ошибка со стороны свидетелей невозможна. Вход, по которому проходят в рейхстаг депутаты, закрывается в восемь часов вечера; около половины девятого оба депутата—Торглер и Кенен велели принести их верхнее платье в их комнату и ушли из рейхстага только к десяти часам через другой выход. Как раз в это время произошел поджог. Ввиду этих фактов имеется сильнейшее подозрение против обоих упомянутых коммунистов.

«Слух, будто депутат Торглер добровольно явился в полицию, не соответствует действительности. Правда в тот момент, когда он увидел, что бегство стало невозможным, он просил через своего адвоката гарантии, что не будет арестован при явке в полицию. Однако в этой гарантии ему было отказано и он был арестован».

4 марта появилось сообщение начальника политической полиции, в котором говорится:

«О том, в какой мере следствием установлены серьезные основания для подозрения относительно участия других лиц, в настоящее время ничего не может быть сказано в интересах производящегося следствия и государственной безопасности».

Итак 1 марта имеется сильное подозрение против Торглера и Кенена, и соображения государственной безопасности не препятствуют сообщить, на чем основано это подозрение, а 4 марта сообщение об основаниях подозрения оказывается угрожает государственной безопасности.

В этом заключается второе противоречие.

В цитированном выше сообщении «Прусского бюро печати» от 1 марта сказано, что Торглер и Кенен вышли из здания рейхстага в десять часов вечера. По сообщениям официального «Бюро Вольфа», «Телеграфен унион» и иностранных корреспондентов, пожар был замечен между девятью часами и четвертью десятого. Пожарные приступили к тушению пожара в четверть десятого. Приблизительно в то же время полиция оцепила рейхстаг и сделала невозможным всякий доступ к нему. Через несколько минут после того, как замечен был пожар, на место пожара прибыл Геринг,

вскоре после него прибыли Гитлер, Геббельс, Папен и принц Август Вильгельм. И тем не менее официальное бюро печати утверждает, что Торглер и Кенен преспокойно оставили горящий рейхстаг, оцепленный полицией и окруженный тысячеголовой толпой, причем никому не пришло в голову хотя бы обратиться к ним с каким-либо вопросом!

Это—третье противоречие.

Полное алиби Торглера и Кенена

Два кельнера из ресторана Ашингера у вокзала Фридрихштрассе показали, что депутаты Торглер и Кенен 27 февраля ужинали в этом ресторане уже в половине десятого вечера. Это показание под присягой было занесено в протокол. Итак оба депутата должны были выйти из рейхстага самое позднее вскоре после восьми часов вечера, а не в десять часов, как утверждается в официальном сообщении.

Показание под присягой дал также депутат Вильгельм Кенен. Ниже мы помещаем его полностью. Из этого показания со всей очевидностью явствует, что оба депутата покинули рейхстаг между 8 ч. 10 м. и 8 ч. 15 м. Это показание важно потому, что Кенен пришел 27 февраля в рейхстаг примерно в половине седьмого вечера и с этого момента до половины второго ночи не разлучался с Торглером. Алиби обоих установлено полностью и показывает, что в обвинениях, взводимых правительством Гитлера на Торглера и Кенена, нет ни слова правды. Приводим это показание:

«27 февраля пополудни я, как почти во все дни предыдущей недели, зашел в полицей-президиум на Александрплац к комиссару по уголовным делам д-ру Брашвицу, чтобы продолжать с ним переговоры о выдаче нам материалов, предназначенных для предвыборной кампании, находившихся в доме Карла Либкнехта. После трех часов мы вместе с несколькими чиновниками отправились из полицей-президиума в дом Карла Либкнехта; здесь, как это уже делалось в предыдущие дни, были запакованы и вывезены несколько небольших книг плакатов, которые разрешено было использовать для предвыборной агитации. В сорок минут шестого, когда эта работа была закончена, я простился с комиссаром, сговорился в соседнем ресторане с нашими рабочими о дальнейшей транспортировке этого материала на другой день и позвонил затем в секретариат нашей фракции в рейхстаг, где мне надо было еще кой о чем поговорить в связи с распределением ораторов для последней недели предвыборной кампании. В связи с этим разговором по телефону я с той же целью поехал затем в рейхстаг; приехал я туда за несколько минут до половины седьмого. Там я застал своего коллегу Эрнста Торглера, который в качестве руководителя официального комитета по руководству выборной кампанией нашей партии занят был распределением наших депутатов для выступлений на собраниях. Около четверти восьмого я закончил свои дела, но мой друг Торглер просиял

**Оберлейтенант Гейнес, полицей-президент
Бреславля—начальник штурмовых отрядов**

У Гейнеса на совести не одно только тайное политическое убийство. В меморандуме нациста депутата Оберфюрера он указан как начальник колонны, которая подожгла рейхстаг.

меня остаться еще несколько минут, так как он ждет телефонного звонка; ему должны скоро позвонить, после чего мы пойдем вместе ужинать. Так как я взялся отправить по почте срочный перевод, я просил Торглера справиться в телефонной станции рейхстага, открыто ли почтовое отделение при рейхстаге. Он позвонил и ему ответили, что с семи часов отделение закрыто. Затем я рассказал Торглеру о тех трудностях, которые непрестанно чинят нам при выдаче из дома Карла Либкнехта материалов для предвыборной кампании. Мы решили, что Торглер, как руководитель центрального предвыборного комитета нашей партии, еще раз официально позвонит заведующему политическим сектором берлинской полиции д-ру Дильсу и вторично заявит протест против невыдачи нам различных плакатов и других материалов для предвыборной кампании.

«Этот разговор с д-ром Дильсом произошел приблизительно в половине восьмого. После этого я вызвал ассессора, который был правой рукой д-ра Дильса и нес ответственность за проведение выдачи; с своей стороны, я говорил с ним об упомянутых проволочках, а также о том, что предстояло сделать завтра и о чем я уже сговорился с комиссаром уголовного розыска, условившись встретиться с ним в доме Карла Либкнехта.

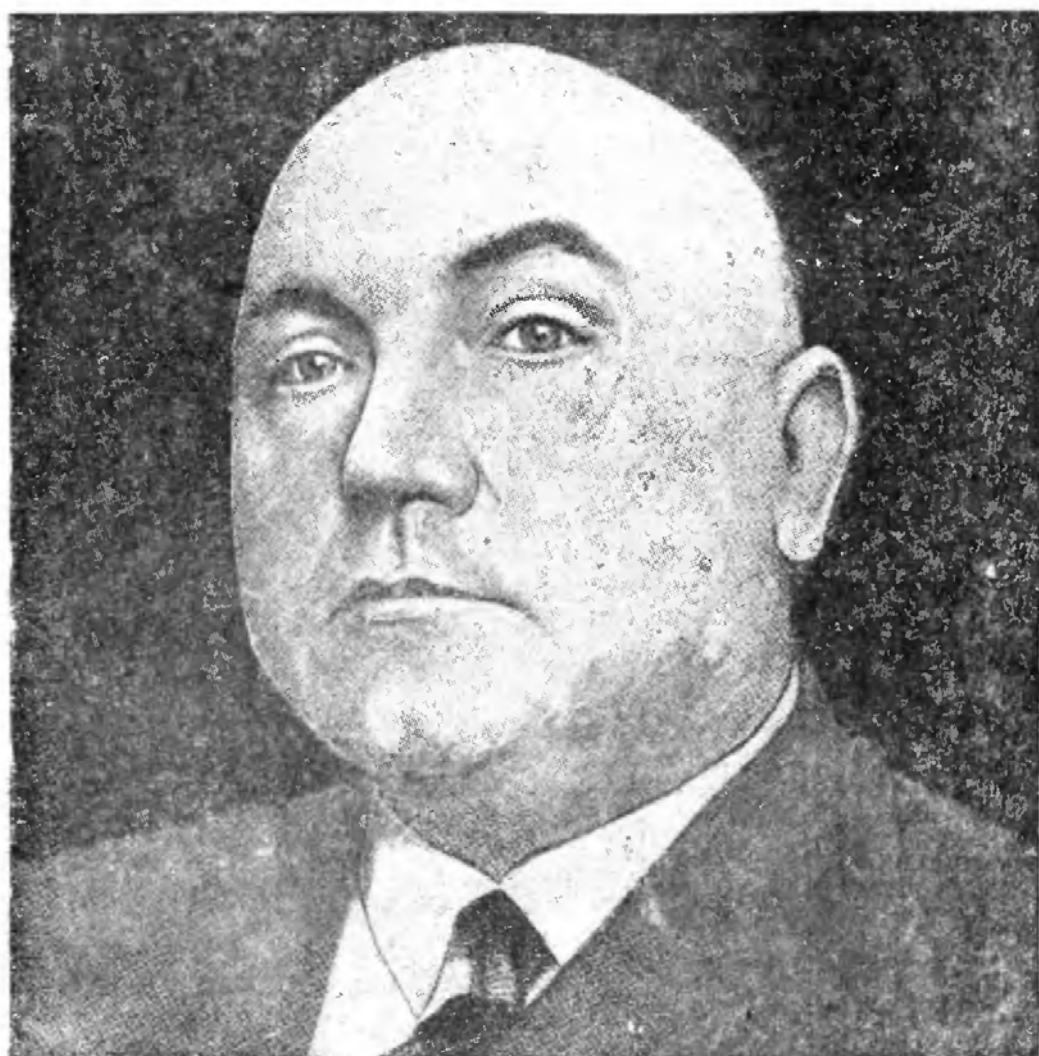
«После этих телефонных разговоров с полицией-президиумом Торглер позвонил еще адвокату д-ру Розенфельду. Это было приблизительно в три четверти восьмого. Так как ожидаемого им с семи часов звонка от партийного товарища все еще не было, он вызвал швейцара подъезда № 5 и сказал ему, что, если позвонят после восьми часов (время закрытия телефонной станции рейхстага) в швейцарскую, то надо будет через комендатуру вызвать его, Торглера, из секретариата фракции.

«Тем временем из раздевальной южного подъезда позвонили и спросили, собирается ли г-н Торглер сейчас уходить, или же надо как обычно принести ему верхнее платье в помещение фракции. Он просил принести платье наверх, что и было сделано. Это было примерно в восемь часов. В это время закрываются подъезд № 2 и южная раздевальная.

«Спустя несколько минут после восьми часов состоялся наконец телефонный разговор, которого ожидал Торглер. Разговаривать пришлось у швейцарского подъезда № 5, единственного, еще открытого тогда выхода из рейхстага. Для этого Торглера вызвали по внутреннему телефону вниз и конечно он очень торопился, так как спускаться приходилось с третьего этажа и он не желал заставлять своего друга напрасно ждать. Через несколько минут Торглер вернулся из швейцарской в помещение фракции. Вслед за тем мы оделись и вместе с секретаршей фракции вышли из рейхстага через подъезд № 5. Это было приблизительно в четверть девятого.

«Утверждения, что мы якобы бегом покинули рейхстаг, не соответствуют действительности; надо сказать, что именно в

Он знал о преступлении и его заставили молчать

Д-р Эрнест Оберфорен — председатель фракции националистов в рейхстаге

Д-р Оберфорен был найден 7 мая 1933 г. мертвым в своей квартире. В официальном сообщении утверждалось, что он покончил самоубийством. В действительности д-р Оберфорен был устранен фашистами, так как в меморандуме, попавшем за границу, он поименно указал действительных поджигателей.

этот вечер мы случайно выходили из рейхстага с такой чрезвычайной медленностью, как никогда прежде. Дело в том, что секретарша фракции, которая на этот раз вышла вместе с нами, страдала в то время воспалением вен ноги, ей было очень трудно ходить и поэтому мы могли идти только очень медленно.

«Таким медленным шагом мы дошли до вокзала Фридрихштрассе, где секретарша нас оставила, чтобы опираться дальше по подземной железной дороге. Вслед за тем—это было следовательно к половине девятого—мы пошли в ресторан Ашингера у вокзала Фридрихштрассе и сели там ужинать. Здесь мы встретили еще трех партийных товарищей, с которыми беседовали некоторое время. Двое из них, поужинав, оставили нас—примерно между половиной и тремя четвертями девятого. В десять часов сменились кельнеры, и мы уплатили по нашему счету незадолго перед этим.

«Лишь после десяти к нашему столу подошел новый кельнер, назвал меня по имени и сказал: «Г-н Кенен, знаете ли вы уже, что рейхстаг горит?» Крайне изумленный, я воскликнул: «Вы с ума сошли? Это совершенно невозможно!» Он ответил мне, волнуясь: «Нет, в самом деле. Все шоферы рассказывают об этом. Вы можете спросить их. Тысячи людей уже стоят там».

«Так узнали мы об одном из самых чудовищных преступлений в мировой истории.

Подпись: *Вильгельм Кенен*»

Это заявление разоблачает четвертое противоречие в официальных сообщениях.

Эрнст Торглер добровольно явился в полицию

В сообщении «Прусского бюро печати» от 1 марта 1933 г. сказано, что Торглер не явился добровольно, а был арестован. Ниже мы помещаем нотариальное заявление адвоката Курта Розенфельда, который сопровождал Торглера в полицей-президиум. Оно показывает лживость официального сообщения.

«Торжественно обещаю говорить истину. Заявляю следующее:

«Утром на другой день после пожара рейхстага меня вызвал по телефону г. Эрнст Торглер и спросил, согласен ли я сопровождать его в полицей-президиум, куда он желает пойти, чтобы опровергнуть обвинения, возводимые на него в связи с пожаром рейхстага. Я ответил согласием и тотчас же позвонил в полицей-президиум, что мы вместе с Торглером немедленно приедем. Если память мне не изменяет, я говорил с советником уголовного розыска Геллером. Затем я вместе с Торглером поехал в автомобиле в полицей-президиум и отправился к г-ну Геллеру. По приходе я обратился к нему со следующими словами: «Вот г-н Торглер, прошу допросить его в связи с обвинением, что он якобы каким-то образом причастен к пожару рейхстага». Когда стало известно, что Торглер добровольно явился для допроса, в комнату, где я находился, вошли не-

несколько полицейских чиновников; они обступили меня и стали спрашивать: «Торглер действительно сам явился?»

«Геллер отправился затем вместе с Торглерам в другую комнату, а я остался ждать в первой комнате. Прошло довольно много времени, пока Торглер вышел оттуда. Мы стали ждать вместе. Затем Геллер вызвал нас обоих в другую комнату и в моем присутствии объявил Торглера арестованным.

Подпись: *Курт Розенфельд*»

Из этого заявления определенно явствует, что Торглер добровольно явился в полицию.

Это—пятое противоречие.

«Прусское бюро печати» сообщило 1 марта, что депутат Торглер оставался несколько часов в здании рейхстага в обществе поджигателей и что его видели также вместе с другими лицами, замешанными в поджоге. Если бы Торглер действительно был соучастником поджога, то элементарная осторожность удержала бы его от того, чтобы показываться на глазах у всех в обществе ван дер Люббе.

Это шестое противоречие.

В сообщении «Прусского бюро печати» от 1 марта говорится, что коммунистические депутаты хорошо знакомы со зданием рейхстага и с распределением дежурств чиновников рейхстага. На самом деле коммунистические депутаты не были знакомы с распределением дежурств чиновников рейхстага. Они не имели своего представителя в президиуме рейхстага, были устранены также из всех комиссий, имевших дело с администрацией рейхстага. Кроме того, как мы покажем в дальнейшем, в день пожара инспектор здания рейхстага, национал-социалист, изменил порядок дежурств, так что об этой перемене мог знать президент рейхстага Геринг, но не депутаты-коммунисты.

Это седьмое противоречие.

Ван дер Люббе не коммунист

28 февраля официальное «Прусское бюро печати» сообщало, что ван дер Люббе «объявил себя членом голландской коммунистической партии». От переданной по радио версии, что ван дер Люббе имел при себе партбилет голландской коммунистической партии, отказались еще в ночь пожара, так как она была слишком неправдоподобна. Первый журналист, говоривший с ван дер Люббе после пожара рейхстага, был корреспондент амстердамской газеты «Де телеграф». 2 марта он написал в своей газете:

«Маринус сказал мне, что он уже несколько лет не состоит ни в какой партии. Он не является убежденным коммунистом».

В разговоре с земляком ван дер Люббе вышел из своей роли и в виде исключения сказал на сей раз правду. Действительно ван дер Люббе в апреле 1931 г. выступил из союза коммунистической молодежи в Лейдене, чтобы предупредить грозившее ему исключение.

Это—восьмое противоречие.

2 марта, 1933 г. «Телеграфное агентство Вольфа» сообщало из Амстердама:

«Попытка голландских коммунистов отказаться от ван дер Люббе не удастся им. В то время как они отрываются от него, гагская полиция дала следующую справку: Люббе не желал подчинить свои радикальные взгляды осторожной тактике голландской партии, но последняя отнюдь не исключила его, а лишь устранила его из первых рядов и свела на-нет».

Итак официальные германские инстанции хотят нас убедить, что коммунист, «сведенный на-нет» голландской коммунистической партией (на самом деле ван дер Люббе с апреля 1931 г. не являлся более членом голландского комсомола), привлечен был германской коммунистической партией для совершения террористических актов. Но разве сами национал-социалисты не утверждали много лет подряд, что коммунистические партии теснейшим образом связаны между собой и являются лишь секциями Коммунистического интернационала? Как вяжется с этим утверждение, что руководство германской партии с распростертыми объятиями встречает устранившегося голландского коммуниста и доверяет ему самые конфиденциальные поручения?

Это—девятое противоречие.

Ван дер Люббе против коммунистов

В том же сообщении «Телеграфного агентства Вольфа» говорится далее:

«Еще 22 декабря 1932 г. Люббе, присутствуя на собрании бастующих шоферов в Гааге, выступил с коммунистической речью. Это сообщение голландской полиции чрезвычайно важно для оценки пожара рейхстага как организованного террористического акта коммунистов».

Действительно участие Люббе на этом собрании крайне важно для оценки пожара рейхстага. Ван дер Люббе не только не выступал на собрании бастующих шоферов с коммунистической речью, но резко нападал, так же, как и неоднократно до этого собрания, на голландскую компартию.

Участники собрания следующим образом описывают выступление ван дер Люббе:

«Гаага, 12 марта.

«Я с возмущением узнал на прошлой неделе из буржуазных газет про сообщение полиции, будто ван дер Люббе выступил 22 декабря 1932 г. на собрании шоферов в Народном доме в Гааге с коммунистической речью. В качестве гагского корреспондента «Трибюне» я присутствовал на этом собрании и дал отчет о нем. Так как в «Трибюне» нет места для полных отчетов о собраниях, то мой отчет не появился. К счастью он у меня сохранился, и я достаточно независим, чтобы вывести на чистую воду лжецов буржуазной прессы. Настоящим я предлагаю властям опровергнуть данные приводимого ниже отчета. Отчет подписан рабочими, принадлежащими к различным направлениям.

«Это собрание созвано было стачечным комитетом шоферов такси совместно с синдикалистским союзом. От имени стачечного комитета говорили председатель его Стенбергер и секретарь Каптиц. От имени синдикалистского союза говорил Ньювенхиз. После его речи состоялась дискуссия. Товарищ Фордулин воспользовался случаем и говорил в защиту революционной профоппозиции. Другие товарищи, в том числе один синдикалист, выступали каждый со своей точки зрения. Ван дер Люббе тоже принял участие в прениях. Председателю пришлось несколько раз прерывать этого «оратора», так как он говорил не к делу. Все его выступление носило совершенно несерьезный характер. Он несколько раз терял нить и повторялся. Сказал он следующее:

«Организации показали в этой стачке снова, что они обманывают рабочих. Шоферы бастуют вот уже семь месяцев, и мы можем спокойно сказать, что стачка провалилась. «Новый профсоюз» поспешил предать шоферов их хозяевам, и в последние дни организация не могла уже поддерживать забастовку, так как иначе она нарушила бы договор.

«N. A. S.» во главе с Боуманом использовал недовольство шоферов и надавал им всяческих обещаний. Шоферов подстрекали к выступлению, и была объявлена забастовка. Но когда организации увидели, что последняя затянулась и поглощает слишком много денег, профбюрократы с директорскими окладами вступили в переговоры с хозяевами—за спиной шоферов. Ясно, что рабочие и теперь, в который уже раз, не сумели действовать самостоятельно. Во время забастовки должны бастовать все. А между тем часть такси работала и «желтополосые» тоже давали работу желтым штрейкбрехерам. Надо было силой воспротивиться этому. *Индивидуальных выступлений не было.* Забастовка текстильщиков тоже провалилась, и все забастовки провалятся. Времена стачек прошли, теперь надо найти нечто другое, но это возможно будет только тогда, когда предварительно будут разбиты все организации, в том числе и синдикалистские. Что сделал Ньювенхиз для строительных рабочих? Ничего, и ровно ничего, а теперь организации правые и левые, обманывают шоферов. Они стараются распылить свои небольшие кадры. Революционная профоппозиция или коммунистическая партия (это одно и то же) тоже применяла в стачке текстильщиков политику обмана и, так же как и другие, ничего не сделала для них. N. A. S. и «Новый профсоюз» тоже ведут только реформистскую политику. (Председатель просит ван дер Люббе говорить к делу и короче). Шоферы должны стоять каждый сам за себя и отказываться от помощи каких-либо организаций и партий. Каждый борется за свои собственные интересы. Надо искать новых форм борьбы, организации отжили уже свое время.

«Он все время повторялся, затем стал нападать персонально на Ньювенхиза и в конце концов запутался, не зная как кончить. Председатель говорит ему, что его время кончилось и

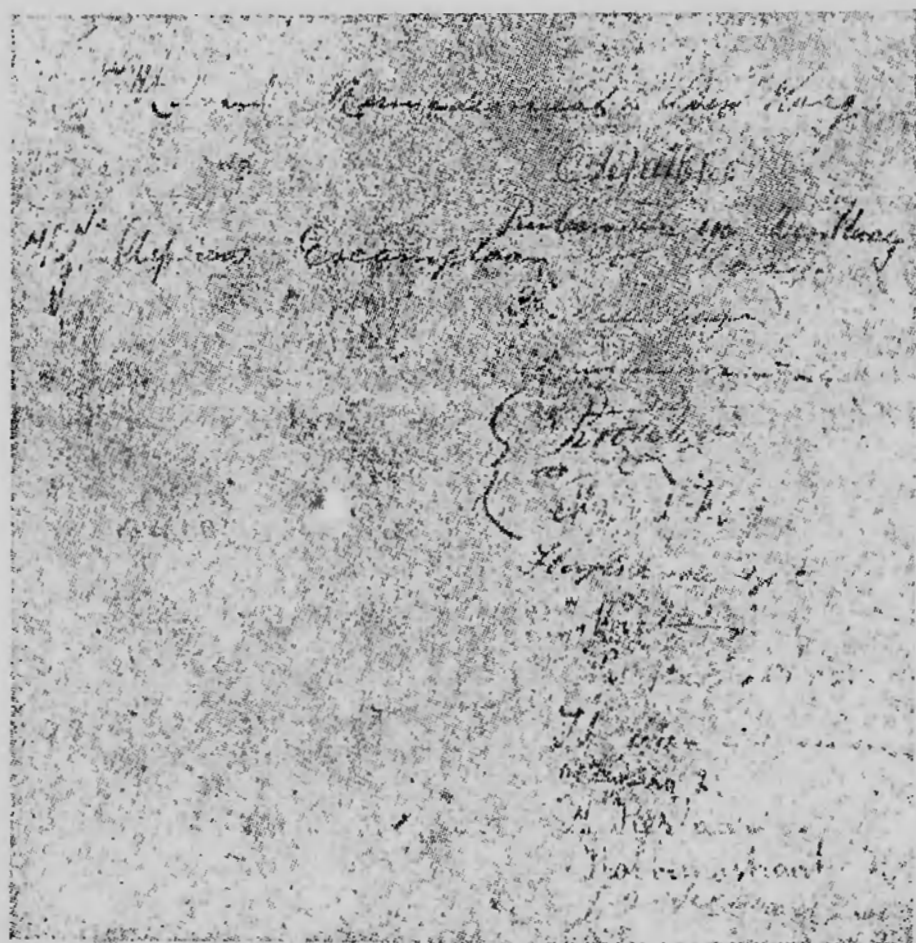
что собрание слишком затянулось. В своем ответе Ньювенхиз заявил, что не мог толком следить за ходом мыслей этого оратора; он понял лишь, что оратор против всяких организаций.

«Как редактор «Трибуне», я считал своим долгом разоблачить лживую кампанию полиции. Коммунистическая партия стоит за массовые выступления, она против индивидуальных актов.

Подпись: А. Тероль.

— «Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что присутствовали на собрании, о котором идет речь в этом отчете, и что ван дер Люббе выступал на этом собрании именно так, как рассказано в отчете».

(Следует 16 подписей).

Это—десятое противоречие. Его раскрывают независимые участники собрания шоферов в Гааге.

4 марта руководитель политической полиции сообщил, что ван дер Люббе владеет немецким языком. Из рассказов всех друзей ван дер Люббе, а также журналистов, посетивших его в тюрьме и говоривших с ним, явствует обратное: ван дер Люббе лишь с трудом изъясняется на ломаном немецком языке. 28 февраля «Локаль анцейгер» сообщал, что ван дер Люббе мог быть допрошен только с помощью переводчика.

Это—одиннадцатое противоречие.

В том же сообщении руководителя политической полиции говорится:

«Ван дер Люббе вообще известен полиции как коммунистический агитатор. Так 28 апреля 1931 г. он был арестован полицией в Гронау (Вестфалия) за продажу «тенденциозных коммунистических открыток».

На самом деле ван дер Люббе продавал в Гронау почтовые открытки, изображающие его и его приятеля Хольверду. Открытка снабжена следующим текстом (на четырех языках): «Рабочее, спортивное и образовательное путешествие Маринуса ван дер Люббе и Г. Хольверды по Европе и Советскому Союзу. Начало путешествия из Лейдена 14 апреля 1931 г.». Ни слова больше, ни малейшего намека на коммунистическую агитацию. Впрочем ван дер Люббе был арестован только потому, что не имел разрешение на уличную продажу открыток.

Это—двенадцатое противоречие.

Руководитель берлинской политической полиции д-р Дильс говорит далее:

«Он (ван дер Люббе) сознавался на допросе лишь поскольку его уличали свидетели-очевидцы».

Несколькими строками дальше в том же сообщении сказано:

«Он (ван дер Люббе) полностью сознался».

Правительство Гитлера не назвало очевидцев поджога. Даже официальное «Прусское бюро печати» не утверждало, что полицейские или кто-либо другой видели, как ван дер Люббе поджигал рейхстаг. Итак если следовать сообщению Дильса, ван дер Люббе вовсе не должен был сознаться в поджоге. С другой стороны тот же Дильс утверждает, что ван дер Люббе полностью сознался.

Это—тринадцатое противоречие.

Ван дер Люббе никогда не был в СССР

Мы помещаем ниже сообщение вечернего выпуска «Локаль анцейгера», в котором указывается, что ван дер Люббе получил выучку в Москве. Сообщение это послужило поводом для яростной кампании против СССР. «Локаль анцейгер» преподнес это сообщение в кричащей форме:

Reichstagsattentäter in Rußland ausgebildet.

Die Mitteilung der holländischen Polizei.

Stahlbericht unseres Korrespondenten.

Amsterdam, 28. Februar. Wie die | Amsterdamer Polizei mitteilt, ist der | norgerufen, die durch die Brandstiftung im deut-
schen Reichstagsgebäude. an
«genommene Reichstagsattentäter»

На самом деле голландская полиция не давала таких сведений. Сам ван дер Люббе никогда не утверждал, что был в СССР. Его ноги не было в СССР.

Это—четырнадцатое противоречие.

Ван дер Люббе вышел из Лейдена между 13 и 15 февраля. Как сообщала «Россише цейтунг» (от 2 марта 1933 г.) он ночевал в ночь с 17 на 18 февраля в ночлежном доме в Глиндове у Вердера. Отсюда он отправился 18 февраля пешком в Берлин. В интервью, данном голландским журналистам 13 марта, комиссар уголовного розыска Гейзит утверждал, что ван дер Люббе познакомился с коммунистами на регистрационном пункте для безработных и таким образом попал в коммунистический «комитет действия». Ван дер Люббе мог прибыть в Берлин не раньше субботы 18 февраля вечером. На следующий день, в воскресенье, регистрационные пункты были закрыты. Итак, если верить словам полицейского интервью, знакомство ван дер Люббе с коммунистами на регистрационном пункте для безработных могло произойти не раньше понедельника 20 февраля. Теперь представьте себе положение: голландец, говорящий на ломаном немецком языке и не имеющий никаких удостоверений от голландской коммунистической партии, знакомится на одном из пунктов для безработных с коммунистами, они сводят его с высшим руководством партии, а последнее с места в карьер поручает ему поджечь 27 февраля германский рейхстаг!

Это—пятнадцатое противоречие.

В сообщении официального «Прусского бюро печати» от 1 марта 1933 г. утверждается, что:

«Арестованный (ван дер Люббе) постоянно присутствовал на заседаниях коммунистического комитета действия и настоял, чтобы его привлекли к участию в поджоге».

На это центральный комитет германской коммунистической партии 3 марта 1933 г. ответил:

«Разумеется ни в рейхстаге ни в каком-либо другом месте никогда не происходили заседания какого-то коммунистического комитета действия, в которых участвовал арестованный в рейхстаге ван дер Люббе. Во-первых, не существует никакого коммунистического комитета действия, а есть только центральный комитет германской коммунистической партии и его политическое бюро. Во-вторых, на заседаниях коммунистической партии, или тех или иных организаций ее, не участвуют посторонние лица, не являющиеся ни членами германской коммунистической партии, ни членами какой-либо другой секции Коминтерна».

Этот ответ на вымыслы Геринга разоблачает шестнадцатое противоречие.

„Катакомбы“ в доме Карла Либкнехта

В сообщении официального «Прусского бюро печати» от 28 февраля 1933 г. говорилось:

«Среди сотни центнеров злонамеренных документов, обнаруженных полицией при обыске в доме Карла Либкнехта, най-

дена была инструкция по проведению коммунистического террора по большевистскому образцу. Согласно этому плану должны были быть подожжены министерства и правительственные здания, музеи, дворцы и наиболее важные предприятия. Во время беспорядков и столкновений группы террористов должны были гнать перед собой женщин и детей, по возможности семьи полицейских. Обнаружение этих материалов сделало невозможным планомерное проведение большевистской революции».

Центральный комитет германской коммунистической партии заявил 3 марта 1933 г.:

«Германская коммунистическая партия уже 30 января 1933 г. удалила из дома Карла Либкнехта весь материал, касающийся ее нынешней политической деятельности, и прекратила всю свою канцелярскую работу в доме Карла Либкнехта. Только в помещениях центрального комитета и областного комитета Берлин—Бранденбург оставлены были одно-два лица для приема и дальнейшего направления запросов, посетителей и т. д.».

Депутат рейхстага Вильгельм Кенен, один из руководителей коммунистической партии, постоянно работавший в февральские дни в доме Карла Либкнехта, дал нам следующую информацию об обысках в этом доме:

«17 февраля перед полуднем огромный наряд чиновников уголовного розыска, сопровождаемый несколькими отрядами полицейских, ворвался в дом Карла Либкнехта и занял все его помещения. Снова, чуть ли не в сотый раз, все помещения, все углы и закоулки, все шкапы и ящики были подвергнуты самому тщательному обыску. Полиция предусмотрительно захватила с собой своих слесарей, столяров и т. д.; они по всем правилам искусства разобрали на части некоторые письменные столы, к которым не оказалось ключей. Тщательно обшарили также подвальные помещения. Здесь как обычно нагромождены были материалы, оставшиеся от ряда кампаний за много лет, а также возвращенные экземпляры книг и брошюр. Кроме того в подвалах находились склады бумаги и склады книжного магазина. В то время полицейские комиссары считали еще себя обязанными предъявлять мне, по моему требованию, документы, конфискованные в качестве подозрительных, и формально устанавливать факт их конфискации или выдавать в этом квитанции. При этом обыске, весьма тщательном и длительном, не найдены были ни книга «Искусство вооруженного восстания», ни какая-либо другая так называемая разрушительная литература. Об этом не было также речи в сообщениях полиции непосредственно после обыска. Лишь семь дней спустя, хотя я почти ежедневно бывал с полицейскими комиссарами в доме Карла Либкнехта, чтобы получить предвыборную литературу, полицейско-президиум внезапно сообщил, что при новом обыске в «катакомбах» найдена была разрушительная литература, в том числе книга «Искусство вооруженного восстания». Этот якобы новый обыск, если он вообще состоялся, происходил без каких-либо гражданских

свидетелей и в отсутствие представителя заинтересованной стороны. Это тем более показательно, что именно в эти дни я почти ежедневно находился в доме Карла Либкнехта, где вел переговоры с полицейскими комиссарами относительно выдачи и вывоза предвыборной агитационной литературы, бумаги, библиотек и т. п. Итак хотя ежедневно можно было располагать мною, я не был приглашен присутствовать при обыске и меня не известили также в последующем порядке о якобы найденных материалах. А между тем известить меня об этом было очень легко, так как даже после 24 февраля, в субботу 25 и в понедельник 27 февраля я снова находился в доме Карла Либкнехта и в течение долгих часов вел переговоры с полицейскими чиновниками и комиссарами.

«25 февраля после того как в буржуазной прессе уже появились крикливые сенсационные сообщения о подземных ходах, сводах и катакомбах, я, закончив очередные переговоры о выдаче материалов для предвыборной кампании, обратился к старшему комиссару с вопросом, где же собственно находятся «катакомбы»? При этом присутствовало несколько товарищей, упаковывавших упомянутые материалы для предвыборной кампании. В ответ на мой вопрос комиссар к нашему изумлению показал нам в полуподвальном помещении, служившем сторожкой, откидную доску над полом, шириной примерно в метр с лишком; доска была приподнята, так что можно было видеть лесенку, ведущую в погреб. Один из товарищей-рабочих, многие годы служивший в этом доме в качестве упаковщика и носильщика и знавший его, как свои пять пальцев, сразу воскликнул: «Вот тебе раз! Ведь это наш старый пивной погреб!» Все мы разразились гомерическим хохотом и затем еще раз в один голос задали категорический вопрос: «Значит это—ваши катакомбы?». Комиссар ответил на это только смущенным кивком головы.

«Прежде на этом месте в доме действительно находилась пивная. Так же просто объясняются и подземные ходы, по которым якобы можно скрыться и выйти на соседние улицы. Дом Карла Либкнехта—угловой дом, в котором раньше помещались конторы промышленных предприятий; подвалы служили для подсобных мастерских и складов. Вот эти-то подвалы полиция Геринга назвала подземными сводами, ходами и катакомбами».

Оба эти заявления, центрального комитета германской компартии и Вильгельма Кенена, вскрывают семнадцатое противоречие в официальных сообщениях.

„Сигнал к гражданской войне“

28 февраля 1933 г. официальное «Прусское бюро печати» сообщало:

«Поджог рейхстага должен был послужить сигналом к кровавому восстанию и гражданской войне. Уже во вторник в четыре часа утра должны были начаться большие грабежи в Бер-

лине. Установлено, что с сегодняшнего дня должны были начаться по всей Германии террористические акты против отдельных личностей, против частной собственности, против жизни и имущества мирного населения. Вслед за этим должна была начаться гражданская война».

4 марта 1933 г. «Фоссише цейтунг» писала:

«Благодаря деятельности полиции, этот материал не мог быть до сих пор роздан всем коммунистам. Он находился в зашифрованном виде лишь в руках немногих партийных деятелей».

Последний обыск в доме Карла Либкнехта состоялся 24 февраля. При этом обыске якобы найден был террористический материал. Политическая полиция утверждает, что инструкции по террору не попали в руки всех коммунистов, а были известны лишь немногим партийным деятелям. Итак, в промежуток в три дня, с 24 по 27 февраля, германская коммунистическая партия должна была бы:

во-первых, перебросить материал из дома Карла Либкнехта во все районы Германии,

во-вторых, сформировать за этот срок группы для проведения террора,

в-третьих, инструктировать эти группы и обучить их технике террористических покушений,

в-четвертых, подготовить и организовать остальных членов партии для гражданской войны, которая должна была последовать за этими актами террора. Германская коммунистическая партия насчитывала в феврале свыше 300 тыс. членов, распределенных по всей стране. Чтобы в продолжение трех дней провести все те планы, которые ей инкриминируют официальные сообщения, германская коммунистическая партия должна была бы совершить подлинные чудеса.

Таким образом сопоставление обоих официальных сообщений вскрывает восемнадцатое противоречие.

Геринг не предает гласности «обличительные» материалы

Вечером 1 марта 1933 г. официальное «Прусское бюро печати» выступило со следующим сообщением:

«Прусское министерство внутренних дел объявляет по поводу чрезвычайного декрета имперского правительства от 28 февраля против коммунистической опасности, что этот декрет назначает за различные преступления особо суровые кары ввиду вполне доказанной и актуальной опасности тщательно подготовлявшейся системы безудержного коммунистического бесчеловечного террора. Эта система должна была свергнуть Германию в хаос большевизма. Покушения на убийство отдельных народных и государственных вождей, террористические акты против особо важных предприятий и общественных деятелей, захват в качестве заложников жен и детей выдающихся

личностей должны были ввергнуть германский народ в состояние ужаса и оцепенения и парализовать у граждан всякую волю к сопротивлению.

«Имперский комиссар в прусском министерстве внутренних дел, министр Геринг, в *кратчайший срок* предаст гласности документы, подтверждающие необходимость всех принятых мер. В настоящее время происходит лишь просмотр чрезвычайно обширного материала, а также последняя проверка его под тем углом зрения, чтобы опубликование этого материала не создало еще большей угрозы для государственной безопасности».

Документы по сей день не опубликованы.
Это—девятнадцатое противоречие.

Геринг сам себя опровергает

2 марта 1933 г. «Дейтше альгемейне цейтунг» и «Теглихе рундшау» поместили следующее сообщение официального «Прусского бюро печати»:

«В известной части заграничной печати немецкие марксисты распространяют клевету, что рейхстаг был подожжен не коммунистами, а национал-социалистами. Инициаторы этой клеветы уже арестованы и, как только закончится следствие, понесут заслуженную кару. Между прочим утверждают, что арестованный голландский коммунист на самом деле является провокатором и что национал-социалистические главарь подговорили его на поджог. Это якобы видно из того, что, хотя поджигатель употребил в качестве горючего материала свою куртку и рубаху, но он в то же время не позаботился избавиться от своих коммунистических документов и паспорта, которые были найдены при нем. Характерно якобы также то обстоятельство, что полиция не обнародовала фотографии поджигателя и снимков с найденных при нем документов и не назначила также премии для лиц, могущих дать дальнейшие указания о преступнике и доказать его связь с коммунистическими и социал-демократическими деятелями. Как утверждают, этот порядок, совершенно необычный при крупных преступлениях, является якобы доказательством того, что власти препятствуют раскрытию обстоятельств преступления. Поведение властей объясняют их желанием использовать национал-социалистическую провокацию как предлог для кампании против марксистов.

«На это официальные круги заявляют, что подобные клеветнические комбинации, само собой разумеется, лишены всякого основания. Фотография поджигателя и снимки с отобранных у него документов не были до сих пор обнародованы только в интересах следствия. Они будут обнародованы еще в течение сегодняшнего дня. Берлинские корреспонденты иностранных газет могут получить сегодня фотографические снимки в полицейском президиуме. Равным образом еще сегодня фотография преступ-

ника будет препровождена голландской полицией для окончательного удостоверения личности ван дер Люббе. Это исключит возможность всякой дальнейшей клеветы. Считаем нужным предостеречь от ее распространения».

Еще прежде чем другие германские газеты успели поместить это сообщение, перепечатка его была воспрещена.

Через «Бюро Вольфа» Геринг распространил версию, что «Дейтче альгемейне цейтунг» и «Теглихе рундшау» стали жертвами коммунистической мистификации.

Если поверить Герингу, достаточно любому человеку позвонить в редакцию газеты и сказать: «говорит «Прусское бюро печати», чтобы в печать было пущено любое сообщение. В действительности телефонная связь между информационными бюро и газетами имеет свой строгий распорядок: редакционная стенографистка, прежде чем принять сообщение, задает контрольный вопрос. Своим опровержением Геринг никого не обманет. Он сначала пытался через «Прусское бюро печати» ввести мир в заблуждение своим блефом, и лишь потом, поняв всю опасность этого,— правда, слишком поздно,—он взял назад свое сообщение.

Это—двадцатое противоречие.

В поисках соучастников поджога

4 марта 1933 г. агентство Конти, принадлежащее официальному «Телеграфному бюро Вольфа», сообщало:

«27 февраля на коммунистическом предвыборном собрании в Герене (Тюрингия) коммунистический депутат Шуман возвестил о предстоящем пожаре рейхстага. Как передают, он сказал буквально следующее: «Сегодня вечером будет гореть рейхстаг. Но в этом нет никакой беды. Когда этот танцевальный зал сгорит, положение в стране станет неустойчивым».

5 марта «Фоссише цейтунг» писала:

«Из Тюрингии было передано следующее распространенное по радио известие. В окружном управлении в Арнштадте (Тюрингия) получено было донесение о предвыборном коммунистическом собрании в городе Герене, которое состоялось в тот самый вечер, когда произошел возмутительный поджог рейхстага. В донесении сообщалось, что местный полицейский чиновник, присутствовавший на собрании в порядке надзора, зафиксировал слова докладчика, коммунистического депутата Шумана, в которых тот заранее возвестил о пожаре рейхстага. Однако, как сообщает «Тюрингер альгемейне цейтунг», произведенное расследование выяснило, что в помещении, в котором происходило собрание, имеется радиоустановка; и что хозяин гостиницы сообщил оратору во время его речи переданное по радио известие о пожаре рейхстага.

«Установлено, что упомянутый чиновник ошибся в своем донесении на один час, и что депутат Шуман произнес свою фразу только около четверти одиннадцатого вечера. Поэтому

можно с уверенностью полагать, что он уже знал об известии, переданном по радио».

Это—двадцать первое противоречие.

7 марта «Фоссише цейтунг» сообщала из полицейского источника:

«Дюрен, 6 марта.—В германском пограничном местечке Ламмердорф недалеко от бельгийской границы арестован вчера русский эмигрант по подозрению в участии в поджоге рейхстага. Он незадолго перед этим переслал через бельгийское почтовое отделение телеграмму в Париж, содержание которой до сих пор еще не удалось установить. Бельгийские пограничники доставили его на германскую территорию, где он и был арестован. На допросе он указал, что он родом из России и долгое время жил в Берлине; на ногах и руках у него серьезные ожоги. Таинственный иностранец был передан сегодня днем в распоряжение прокуратуры. Он все время упорно отказывается дать показания о своих занятиях в Берлине. Он до сих пор не назвал также своего имени».

8 марта 1933 г. «Фоссише цейтунг» напечатала следующее сообщение начальника полиции в Аахене:

«Начальник полиции в Аахене сообщает, что произведенным расследованием выяснена полнейшая непричастность к поджогу рейхстага русского подданного, арестованного близ Фрингхауза. Этот русский, правда, занимался литературной деятельностью в германской коммунистической партии. На этом основании он год назад был выслан. Никаких других фактов и подозрений против него не имеется. Он уже вновь выслан».

Это—двадцать второе противоречие.

Поджог ли ван дер Люббе рейхстаг один, без соучастников?

В начале марта правительство Гитлера послало комиссара уголовного розыска Гейзига в Лейден с поручением произвести там расследование относительно личности ван дер Люббе. Гейзиг дал представителям голландской прессы интервью, которое появилось 14 марта во многих газетах. В этом интервью сказано буквально следующее:

«Что касается важного вопроса, имел ли Люббе помощников или даже соучастников, то представляется вероятным, что поджог он совершил один, а приготовления к поджогу сделаны были его помощниками!».

Это заявление комиссара уголовного розыска Гейзига резко противоречит официальным германским утверждениям от 1 марта, что для того, чтобы одновременно зажечь горючие материалы в различных местах громадного здания рейхстага, понадобилось не менее десяти человек. Поэтому судебный следователь имперского суда Фохт поспешил в тот же день—14 марта—вечером выступить с опровержением этого заявления Гейзига через бюро печати министерства юстиции, которое извещало:

«В различных газетах распространяется сообщение, что ван дер Люббе совершил поджог рейхстага один. Это не соответствует действительности. Расследование, произведенное судебным следователем имперского суда, дает серьезные основания предполагать, что ван дер Люббе совершил преступление не по собственному почину. В настоящее время подробности в интересах следствия еще не могут быть опубликованы».

Это—двадцать третье противоречие.

„Связи“ ван дер Люббе с социал-демократией

28 февраля официальное «Прусское бюро печати» сообщало, что в своем признании ван дер Люббе указал также на свои связи с социал-демократической партией. Того же 28 февраля президиум социал-демократической партии выступил с заявлением, в котором говорится:

«В ночь с 27 на 28 февраля вся социал-демократическая пресса в Пруссии была запрещена на четырнадцать дней. Запрет мотивируется утверждением, что некое арестованное лицо призналось в поджоге рейхстага и в том, что оно перед этим состояло в известной связи с социал-демократической партией.

«Партия отвергает версию, будто социал-демократическая партия могла иметь что-либо общее с людьми, поджегшими рейхстаг».

Заявление президиума социал-демократической партии подтверждено было сообщением Фохта—судебного следователя при имперском суде. Это сообщение было опубликовано 22 марта 1933 г.

«Производящимся расследованием до сих пор установлено, что голландский коммунист ван дер Люббе, арестованный как поджигатель рейхстага, находился в период, непосредственно предшествовавший поджогу, в связи не только с немецкими коммунистами, но также с иностранными коммунистами, в том числе с лицами, приговоренными за взрыв собора в Софии в 1925 г. к смертной казни и к долголетней каторге. Эти лица арестованы. Расследование не дает ни малейших оснований полагать, что некоммунистические круги имеют какое-либо отношение к пожару рейхстага».

27 февраля ван дер Люббе якобы признался в связи с социал-демократами, а 22 марта не было ни малейших оснований для подобного утверждения.

Это—двадцать четвертое противоречие.

Ван дер Люббе и болгары

Вышеприведенное сообщение Фохта—следователя при имперском суде содержит утверждение, что ван дер Люббе находился в связи с виновниками взрыва собора в Софии.

Итак ван дер Люббе не только совершил чудо, завязав в течение семи дней с помощью коммунистов, с которыми случайно по-

ознакомился на регистрационном пункте для безработных, связь с руководящими кругами германской коммунистической партии, но ему удалось также отыскать за это время болгар, которым приписывают взрыв собора в Софии.

Это—двадцать пятое противоречие.

Арестованы и обвиняются в участии в поджоге рейхстага болгары Димитров, Попов и Танев.

Георгий Димитров был одним из вождей болгарской коммунистической партии. В 1923 г. он участвовал в восстании рабочего класса Болгарии. С этого года он не был более в Болгарии. Он совершенно не причастен к взрыву в соборе в Софии.

Благой Попов эмигрировал в октябре 1924 г. в Югославию и возвратился в Болгарию лишь в конце 1930 г. Он тоже не причастен к софийскому взрыву 1925 г.

Третий арестованный болгарин—Танев—принадлежит к болгарской националистической партии. Его имя тоже никогда не упоминалось в связи со взрывом в Софии.

Следователю при имперском суде Фохту эти факты известны так же хорошо, как и нам. Тем не менее он умышленно причисляет Димитрова, Попова и Танева к виновникам взрыва в Софии, для того чтобы таким образом представить поджог рейхстага как дело интернационального коммунистического заговора.

Это—двадцать шестое противоречие.

Судебный следователь утверждал, что Димитрова видели 26 февраля в обществе ван дер Люббе в одном помещении на Дюссельдорфштрассе. Этот следователь нашел также свидетельницу, которая под присягой показала, что видела в этот день ван дер Люббе вместе с Димитровым. Вскоре после этого свидетельница куда-то испарилась, исчезла, ибо Димитров в состоянии был доказать, что 26 февраля он находился вовсе не в Берлине, а в Мюнхене.

Это—двадцать седьмое противоречие.

Нет материала для большого коммунистического процесса

Еще 27 марта следователь имперского суда Фохт заявил, что судебное постановление об аресте состоялось только относительно ван дер Люббе, но 3 апреля он уже сообщает, что по делу о поджоге рейхстага имеется пять таких постановлений, а именно: относительно ван дер Люббе, трех болгарских коммунистов и коммунистического депутата рейхстага Торглера. Торглер был арестован 23 февраля, болгары—3 марта. До 27 марта, т. е. в тот промежуток времени, когда производились самые важные расследования, не были следовательно даны судебные распоряжения об аресте Торглера и болгар. Эти распоряжения отданы были лишь тогда, когда мировая пресса стала выражать удивление, что по делу имеется только один арестованный—ван дер Люббе.

Это—двадцать восьмое противоречие.

В сообщении следователя имперского суда Фохта от 3 апреля говорится:

«Против некоторых других заподозренных лиц пока изданы только приказы об аресте как мере пресечения».

2 июня официально сообщается:

«1 июня следователь имперского суда Фохт закончил предварительное следствие относительно ван дер Люббе, Торглера, Димитрова, Попова и Танева по делу о поджоге рейхстага и государственной измене. Документы по делу будут теперь полностью пересланы обер-прокурору имперского суда в Лейпциге».

3 апреля имелись еще и «несколько других заподозренных лиц».

1 июня о них уже нет речи.

Это—двадцать девятое противоречие.

22 апреля следователь Фохт передал для печати следующее официальное сообщение о ходе следствия:

«Имперский суд намерен объединить в один большой процесс все многочисленные следственные дела членов коммунистической партии, обвиняющихся в государственной измене. Полагают, что следствие будет закончено в 8—10 недель, и тогда все дела о государственной измене можно будет направить в имперский суд. В данном случае имеются в виду все дела о государственной измене, связанные с переменой правительства в Германии, следовательно все преступления, совершенные в течении января и февраля».

«Таким образом сюда будет включено также дело о поджоге рейхстага. Оно до сих пор не подвигалось быстро вперед потому, что арестованные, в особенности болгары, отказываются от дачи показаний. Усилились основания для подозрений относительно соучастия депутата Торглера».

Месяц спустя, 25 мая, уже нет более речи о большом коммунистическом процессе. Правительство Гитлера вынуждено распространить через парламентское информационное бюро следующее сообщение:

«Впрочем, вопреки появлявшимся несколько раз сообщениям, не следует ожидать, что дело о поджоге будет объединено с другими делами, которые возбуждены теперь против коммунистических вождей, в один большой процесс коммунистов. Дело ван дер Люббе и его сообщников будет слушаться в имперском суде, как только будет закончена необходимая предварительная работа».

Это—тридцатое противоречие.

«Фелькишер беобахтер», официальный орган Гитлера, напечатал 3 марта следующее сообщение из правительственных кругов:

«Заведующий бюро печати национал-социалистической фракции рейхстага заметил, что в стеклянной крыше над комнатой коммунистического депутата Торглера вынута одно стекло. Продолжая свои поиски, он нашел там большую лестницу; она лежала под окном одной из комнат коммунистических депутатов во втором этаже».

«Комиссары уголовного розыска немедленно произвели тщательное расследование. Очевидно, поджигатели этим путем про-

никли в здание перед поджогом или ушли из него после поджога».

1 марта Геринг утверждал, что поджигатели скрылись через подземный ход, ведущий из здания рейхстага в дом Геринга. Этим своим заявлением он подтвердил то, что предполагали многие, а именно, что поджигатели проникли в рейхстаг через его дом и таким же путем скрылись. Чтобы ослабить потрясающее впечатление, произведенное этим заявлением Геринга, выпустили на сцену заведующего бюро печати, который совершенно неожиданно открыл разбитое оконное стекло и лестницу. Выходит, что уголовная полиция, несмотря на трехдневные тщательные поиски, проглядела то, что немедленно открыл зоркий глаз руководителя германской прессы.

Это—тридцать первое противоречие.

Ван дер Люббе признается в том, чего от него требуют

Д-р Оберфорен рассказывает в своем меморандуме, что план Геббельса предусматривал ряд поджогов, которые должны были завершиться пожаром рейхстага. Для поджогов нужны поджигатели. Ван дер Люббе признается, что он поджег рейхстаг. Ван дер Люббе признается, что 25 февраля он пытался поджечь берлинский дворец. Газеты сообщали 27 февраля о пожаре во дворце следующее:

«Только теперь стало известно, что в субботу в берлинском дворце в одной из канцелярий на пятом этаже вспыхнул небольшой пожар, который удалось быстро потушить благодаря бдительности дежурившего во дворце пожарного. Причина пожара еще не вполне выяснена. Однако предполагают поджог.

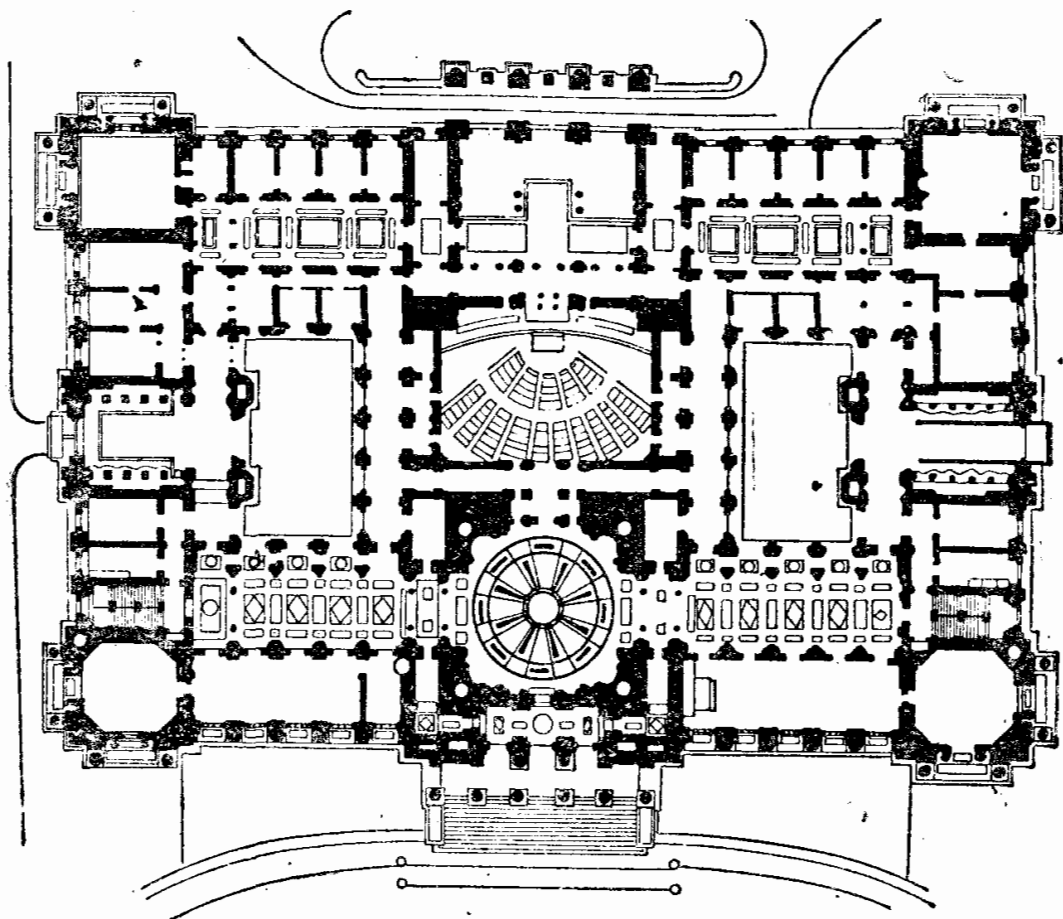
«За час до пожара инспектор здания совершал обычный обход дворца и прошел также через означенную канцелярию. В то время нельзя было заметить ничего подозрительного. Вскоре затем в комнате вспыхнул огонь. Как выяснилось, на подоконнике лежал раскаленный прибор для зажигания угля, такие же приборы находились под окном и на батарее парового отопления. Полицейское расследование еще не закончено».

Ван дер Люббе сознается, что пытался 25 февраля поджечь здание отдела социального страхования в Нейкельне. Ван дер Люббе сознается, что пытался 25 февраля поджечь берлинскую ратушу.

Этот ван дер Люббе чертовски ловкий парень. В один день учинить поджоги в трех различных местах Берлина! К тому же этот тип плохо изъясняется по-немецки. Он прибыл в Берлин только 18 февраля. По прошествии семи дней он уже достаточно знает город, чтобы произвести пожар во дворце, в ратуше и в здании отдела социального страхования. Ему понадобилось всего только девять дней, чтобы прекрасно ориентироваться в здании рейхстага и знать в нем все ходы и выходы, как у себя дома.

Ван дер Люббе надо было представить публике как «коммуниста» чистой воды. В представлении д-ра Геббельса «коммунист» обяза-

План главного этажа здания рейхстага

Посредине зал заседаний вместе с круговыми коридорами и кулуарами. Здесь находились главные очаги пожара.

тельно имеет при себе фальшивый паспорт. Поэтому ван дер Люббе должен изменить свое имя в паспорте. Он делает из немецкой буквы «и» букву «й». Таким образом благодаря двум черточкам настоящий паспорт превращается в «поддельный».

Ван дер Люббе чрезвычайно услужлив: он берет с собой в рейхстаг «коммунистические прокламации». Еще никогда ни один преступник не представал перед полицией с таким полным комплектом «удостоверяющих документов».

Разговор с Торглером накануне пожара рейхстага

В качестве председателя коммунистической фракции рейхстага Эрнсту Торглеру приходилось часто отвечать на запросы газет и журналистов. На приеме печати, организованном 24 февраля коммунистической фракцией, он заявил присутствующим на нем журналистам, что коммунисты имеют сведения о замышляемой национал-социалистами провокации. Он сообщил тогда, что между прочим поговаривают о фиктивном покушении на Гитлера. Эти сообщения Торглера были подхвачены всей заграничной печатью и

частью германской печати и поднесены публике как большая сенсация. Вскоре после этой конференции печати Адольф Филиппсборн, парламентский корреспондент «Фоссише цейтунг», просил депутата Торглера назначить ему свидание для разговора о тайных происках и планах национал-социалистов. Об этом последнем интервью с Торглером Адольф Филиппсборн рассказал в «Гегенантриф» 1 июля 1933 г.

«В качестве парламентского журналиста я в течение ряда лет был связан с депутатами всех партий германского рейхстага. По воле случая я встретился с Торглером 26 февраля с. г. в кафе Фридригер на Потсдамерплац за двадцать четыре часа до пожара рейхстага.

«Торглер пришел со своей одиннадцатилетней дочуркой. Я изложил ему как лидеру его фракции материал о происках и тайных планах национал-социалистов. В связи с этим мы около двух часов беседовали об общем политическом положении. Я никогда не был близок к коммунистической партии и указал на некоторые слабые ее стороны. Кое в чем Торглер откровенно соглашался со мной, но горячо защищал общую позицию своих товарищей. Под конец я поставил ему следующие вопросы:

«Распространяют слух, что коммунисты намерены еще до выборов в рейхстаг (5 марта) предпринять какое-то выступление против национал-социалистического правительства. Правда это?»

«Торглер: «Это—безумие. Ведь правительство только и ждет подобного случая, чтобы запретить компартию».

«Я: «Будут ли коммунистические вожди призывать к забастовке?»

«Торглер: «Конечно, мы требуем политической массовой забастовки как средства борьбы против фашистских насилий. Но мы знаем, что такое выступление может иметь успех только в том случае, если профсоюзы откажутся от своего сопротивления и включатся в боевой фронт».

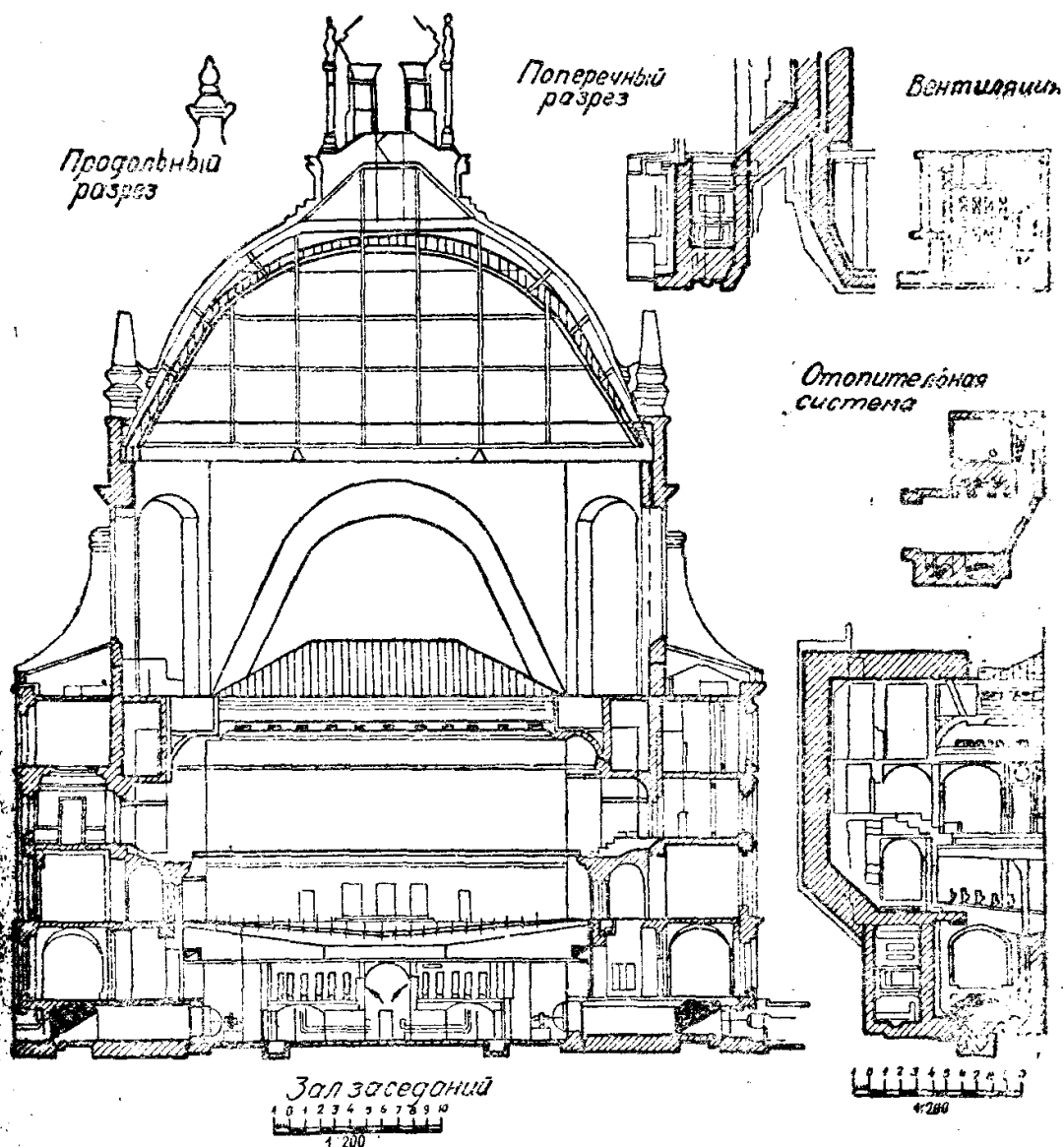
«Я: «Могу ли я, стало быть, сделать из нашей беседы тот вывод, что коммунистическая партия не намерена предпринимать ничего такого, что могло бы дать правительству фашистов повод к наступлению на марксистских рабочих?»

«Торглер (с убеждением и отчеканивая каждое слово): «Да, это так. Мы, коммунисты, знаем, что одни мы еще слабы для борьбы. Мы знаем, что Гитлер, Геринг и братья только и ждут случая, который даст им повод запретить коммунистическую партию и аннулировать ее парламентские мандаты. Мы знаем, что за нами следят, что наши телефонные разговоры подслушивают. Но мы не пойдем в западню, расставленную нам этими господами».

«В следующий вечер после этого разговора горел рейхстаг, и через несколько часов Торглер был арестован как «виновник».

Чертеж здания рейхстага

У места, обозначенного «зал заседаний» начинается подземный ход, который ведет к Дому Геринга.

«У меня тогда было убеждение—оно остается у меня и теперь,—что Торглер говорил мне чистую правду. И поэтому, хотя я противник коммунизма, я говорю каждому, в том числе и г-ну Герингу, хотя он несомненно знает это лучше меня, и судьям в имперском суде:

«Руки прочь от Эрнста Торглера, он не виновен».

Этот рассказ Филиппсборна является еще одним доказательством невинности Эрнста Торглера. Этот человек, добровольно явившийся в полицию, имеет столь же мало общего с пожаром рейхстага, как его товарищ Кенен и арестованные болгары. В другом месте мы показали, что коммунистическая партия неоднократно выступала с заявлениями против индивидуального террора и осуждала его. Никакие «свидетели», которых г-н Геринг выпускает теперь против Торглера и Кенена (Кенен спасся от ищеек полиции и продолжает борьбу против фашизма), не докажут своими оплаченными вымышленными показаниями вины обоих депутатов. Эрнст Торглер, Вильгельм Кенен, Димитров, Попов, Танев никогда не видели ван дер Люббе. Не они подожгли германский рейхстаг.

Доказательство виновности национал-социалистов

Уже одних противоречий, в которых запуталось правительство Гитлера в своих заявлениях по поводу пожара рейхстага, достаточно было бы, чтобы решить, кто является действительным виновником поджога рейхстага. Но и помимо этих противоречий имеются прямые доказательства виновности национал-социалистов в пожаре рейхстага. Мы приводим здесь не все доказательства, которыми мы располагаем. В этой книге приведены только самые важные и значительные из них. Пожар в рейхстаге был обнаружен в 9 часов 15 минут. Массовые аресты в Берлине начались вскоре после полуночи. Почти все приказы об аресте были снабжены фотографиями арестуемых, дата была заполнена чернилами. 28 февраля в одном Берлине было арестовано около 1 500 человек.

Возможно ли в три часа заполнить 1 500 приказов об аресте, подписать их и к большинству приколоть фотографии? Разгадку этой поразительной быстроты дают сообщения уволенных полицейских. Приказы об аресте были подготовлены в последние дни перед пожаром рейхстага. Только дата оставлена была незаполненной. Утром 27 февраля все приказы об аресте были уже готовы. Они были подписаны еще прежде, чем вписаны были день и число.

22 февраля прусское правительство решило усилить полицейский корпус вспомогательной полицией. В последнюю должны были назначаться только члены так называемых национальных союзов, т. е. штурмовых отрядов и Стального шлема. В провинции чины этой полиции должны были утверждаться начальниками округов, а для Берлина комиссар—министр внутренних дел Геринг оставил право их назначения за собой. Это постановление было сообщено печати 25 февраля за два дня до пожара рейхстага.

В первом официальном сообщении о пожаре рейхстага Геринг торжественно заявлял, что проведенная им организация вспомогательной полиции оказалась целесообразной и оправдала себя.

Национал-социалистические вожди и министры не удовлетворялись созданием вспомогательной полиции. 27 февраля все штурмовые отряды в Берлине были отведены в свои бараки и казармы. Один штурмовик, бежавший в конце марта из Германии, сообщает в парижском «Энтрансижан» следующие факты о приведении штурмовых отрядов в состояние боевой готовности:

«27 февраля к полудню мы получили приказ оставаться до дальнейших распоряжений в бараках. Строго запрещено было показываться группами на улицах. Только сборщикам пожертвований позволено было выходить со своими кружками, а также тем, кто выполнял специальные приказы.

«Мы не знали, что это должно означать, и ждали. И вдруг в десять часов вечера пришел приказ: «Все бегом к Бранденбургским воротам! Оружие оставить дома! Оцепление! Горит рейхстаг!»

«Руководитель берлинской колонны Эрнст созвал нескольких из нас в пивную на углу Вильгельмштрассе и Доротеенштрассе. Он поручил нам бежать в различные районы города и всюду на перекрестках, в закусочных и пивных разглашать, что коммунисты подожгли рейхстаг и что имеются определенные доказательства этого, одним словом говорить все то, о чем на следующий день писалось в газетах.

«Тогда еще не было известно, что ван дер Люббе голландец и что депутат Торглер последним оставил рейхстаг. Нам все это было сообщено как о вполне установленном факте, причем с такой уверенностью, что нас всех охватил бешеный гнев против поджигателей. Мы понеслись по городу и исполнили возложенное на нас поручение с великим усердием. Чем чаще я повторял свой урок, тем подробнее становился мой рассказ, и скоро мне стало казаться, что я сам был очевидцем поджога».

Руководитель колонны Эрнст занимает высокий пост в иерархии гитлеровского движения. Однако никакой мудрости руководителя колонны нехватит на то, чтобы спустя несколько минут после десяти часов знать, что Торглер последним оставил рейхстаг. Руководитель колонны Эрнст был посвящен в план Геббельса и Геринга. Ему досталась задача разослать по городу штурмовиков в качестве глашатаев «коммунистического поджога».

Гитлер выдает себя

27 февраля 1933 г. вспыхнул пожар в германском рейхстаге. 27 февраля 1933 г. главные вожди национал-социалистов находятся в Берлине, хотя во всей стране предвыборная кампания в самом разгаре. Гитлер не выступает в этот день ни на каком собрании. Геббельс не выступает в этот день ни на каком собрании. Вожди остаются в Берлине. Никто из них не занят в этот вечер на ка-

ком-нибудь совещании, не имеет делового свидания, не занят какой-либо другой работой.

Спустя несколько минут после известия о пожаре в рейхстаге на пожарище прибывает Геринг, вслед за ним Гитлер и Геббельс. В их обществе находится Сефтон Дельмар, берлинский корреспондент лондонского «Дейли экспресс». Фашистский «Дейли экспресс» — одна из немногих английских газет, дружественных Гитлеру. Сефтон Дельмар пользуется особым вниманием Гитлера. И тем не менее рассказ «Дейли экспресс» от 28 февраля 1933 г. более изобличает Гитлера, чем сообщения враждебных ему иностранных газет за тот же день.

В своем сообщении с места пожара Сефтон Дельмар описывает сцену, которая по всем вероятностям разыгралась спустя двадцать-тридцать минут после обнаружения пожара. Гитлер, который только что прибыл на пожарище, обратился к вице-канцлеру фон Папену со следующими словами:

«Это перст божий. Теперь никто не воспрепятствует нам уничтожить коммунистов железным кулаком».

И обращаясь к Дельмару, он продолжал:

«Вы свидетель новой великой эпохи в немецкой истории. Этот пожар — ее начало».

Канцлер «третьей империи» произнес эти слова тогда, когда «вина» коммунистов еще вовсе не могла быть установлена, когда ван дер Люббе еще только допрашивали с помощью переводчика. Допрос ван дер Люббе начался немедленно по его задержании и продолжался — в этом отношении все обещания в прессе совпадают — до утра. Ван дер Люббе был арестован приблизительно в двадцать минут десятого вечера. Следовательно к тому времени, когда Гитлер произнес свою цитированную выше тираду, ван дер Люббе еще никак не мог «полностью сознаться», и это признание не могло служить основой для тирады Гитлера, для его обвинений по адресу коммунистов.

Гитлер не умеет владеть собой и поэтому слишком поспешил со своим обвинением коммунистов. Он проговорился. Он не выждал момента и произнес свои четыре фразы раньше, чем ему полагалось.

В 1930 г. Гитлер заявил перед имперским судом, что в национал-социалистическом движении ничего не делается без его ведома. Во всяком случае это заявление его верно по отношению к поджогу рейхстага. Гитлер выступил с обвинением коммунистов в поджоге еще прежде, чем мог иметь какое-либо доказательство этого, какое-либо показание на этот счет. Какой другой вывод можно сделать из этого, как не тот, что Гитлер знал и одобрял план Геринга и Геббельса? Канцлер «третьей империи» был посвящен в планы поджигателей.

Собственный союзник обвиняет наци в поджоге

«Дейтче альгемейне цейтунг», орган тяжелой промышленности, с 1930 г. требовала, чтобы Гитлер был поставлен во главе правительства. Как и националисты, тяжелая промышленность исходила

в своих планах из иллюзии, что Гитлер удовольствуется дележом власти с националистами.

Уже в первые недели существования национального правительства обнаружались крупные противоречия внутри правительственной коалиции. В меморандуме Оберфорена эти противоречия показаны самым наглядным образом.

«Дейтче альгемейне цейтунг» старалась усилить позицию националистов. В первый период после образования национального правительства она не скупилась на критику. Вскоре после пожара рейхстага, когда национал-социалисты получили перевес в правительстве, эта газета дошла даже до того, что объявила утверждения Геринга противоречащими истине и высказала сомнения в виновности коммунистов. Она писала 2 марта 1933 г.:

«В политическом отношении в пожаре рейхстага совершенно непонятно только одно: что можно было найти коммуниста, который оказался настолько глупым, чтобы пойти на это преступление. Об едином фронте коммунистов и социал-демократов мы до сих пор мало слышали, если не считать речей, газетных статей и предложений единого фронта. Утверждение, что единый фронт образовался именно с целью совершить поджог германского рейхстага—в высшей степени невероятно. Мы опасаемся, что тщательное рассмотрение предпосылок, из которых исходил в своем известном заявлении имперский комиссар внутренних дел, докажет несостоятельность этого обвинения. А если это так, то было бы лучше совсем не возбуждать его».

Это пишет не марксистская газета, а орган тяжелой промышленности. Этим господам стало не по себе, когда они увидели результаты своей собственной игры.

Статья «Дейтче альгемейне цейтунг» подтверждает сообщения Оберфорена. Слишком поздно. Оберфорен был убит. Через несколько месяцев после пожара рейхстага «Дейтче альгемейне цейтунг» подверглась национал-социалистической «унификации», утратила свое прежнее политическое лицо. Главный редактор ее д-р Фриц Шлейн был смещен. Это произошло незадолго перед тем, как свен был на-нет и Гугенберг. Скрытая угроза, которая заключалась в цитированном заявлении «Дейтче альгемейне цейтунг», не достигла цели. Роспуска националистской партии уже нельзя было удержать. Впрочем для нас статья «Дейтче альгемейне цейтунг» является важным доказательством. Союзник Геринга обличает его лжи и сомневается в виновности коммунистов. В переводе на простой, недипломатический язык не означает ли это: рейхстаг подожгли национал-социалисты!

Почему Геринг оставил рейхстаг без охраны?

В феврале официальное «Прусское бюро печати» сообщало, что при документах, найденных в доме Карла Либкнехта, находились также инструкции для поджога рейхстага. Обыск в доме Карла Либкнехта произошел 24 февраля 1933 г. Вся буржуазная

пресса уже 25 и 26 февраля с великой шумихой печатала сообщения об убийствах, замышляемых якобы коммунистами. Берлинский полицей-президент сделал 26 февраля доклад Герингу о материалах, найденных якобы в «катакомбах». В качестве прусского министра внутренних дел Геринг распоряжался прусской полицией. В качестве председателя рейхстага Геринг был хозяином здания рейхстага. Никто не имел такой возможности, как он, защитить рейхстаг от покушения. Никто не был в такой мере, как он, обязан это сделать.

Геринг не привлек полицию для охраны здания рейхстага и не принял каких-либо мер в самом рейхстаге. Если бы сообщение о материалах, якобы обнаруженных в доме Карла Либкнехта, соответствовало действительности, то Геринг был бы виновен по меньшей мере в попустительстве тяжкому преступлению. Из того факта, что Геринг ничего не предупредил для охраны рейхстага, равно как из того, что по сию пору не опубликованы документы, якобы найденные в доме Карла Либкнехта, возможен только один вывод: эти документы существуют только в сообщениях официального «Прусского бюро печати». Коммунисты не имели намерения поджечь рейхстаг и не делали никаких приготовлений к этому, — напротив, Геринг подготовил все, чтобы дать сгореть рейхстагу.

Геринг раньше времени отпустил домой чиновников рейхстага

Геринг позаботился также о том, чтобы в день пожара чиновники рейхстага оставили последний до конца служебного времени. 27 февраля смотритель здания, национал-социалист, отпустил дежурный персонал уже в час дня. Чиновники заявили, что преждевременный уход с дежурства нарушает существующие правила. Тогда смотритель здания приказал им закончить на этот день службу, так как все равно нет никаких дел.

В марте самые большие заграничные газеты напечатали сообщение, что 27 февраля чиновники рейхстага были отпущены раньше времени. Правительство Гитлера не посмело выступить с опровержением этого сообщения.

Старший брандмайор Берлина Гемп обвиняет Геринга

24 марта появилось ошеломляющее сообщение, что старший берлинский брандмайор Гемп, начальник берлинской пожарной команды, отстранен от должности, так как допускал у себя на службе «коммунистические происки». Эти «коммунистические происки» заключались в том, что на совещании с брандмайорами и пожарными инспекторами Гемп сделал сообщения технического характера о пожаре рейхстага, которые выставляли в странном свете поведение Геринга на пожаре. Сообщения Гемпа касались следующих трех существенных фактов:

«На совещании со своими инспекторами и брандмайорами

1. Гемп незадолго до своей отставки жаловался, что пожарная

команда была вызвана слишком поздно. Только этим обстоятельством—заявил он—объясняется, что на месте уже находился отряд штурмовиков в составе примерно двадцати человек, когда наконец явились пожарные.

«Затем г. Гемп жаловался, что комиссар-министр внутренних дел Пруссии Геринг категорически запретил ему объявить немедленно сбор всех частей и в соответствии с этим отправить на тушение пожара больше пожарных команд.

«Наконец г-ну Гемпу бросилось в глаза, что в уцелевших частях здания рейхстага находилось большое количество горючих материалов, которые не были использованы для поджога; они разложены были в различных комнатах, под шкафами, в шкапах и т. д. Этот материал мог бы заполнить целый грузовик».

Это сообщение появилось 25 апреля в «Саарбрюккнер фолксштимме» и из этой газеты было перепечатано всей мировой прессой.

Геринг не ответил на заметку в «Саарбрюккнер фолксштимме» заявлением, что ее утверждения не соответствуют истине. Вместо этого он придрался к заметке, чтобы обвинить Гемпа в злоупотреблении своим служебным положением. «Дейтче альгемейне цейтунг» от 29 апреля сообщает, как Геринг реагировал на разоблачения «Фольксштимме».

«Государственный комиссар для особых поручений д-р Липперт сообщает: «24 марта с. г. государственным комиссаром д-ром Липпертом отстранен от должности начальник берлинской пожарной команды Гемп. Против Гемпа возбуждено было обвинение, что он допускал у себя на службе коммунистические происки. Тогда Гемп потребовал предания его дисциплинарному суду. Это требование было сначала отклонено ввиду того, что против Гемпа имеется подозрение в других проступках по службе. В настоящее время Гемп предан дисциплинарному суду на том основании, что при покупке автомобиля через ведавшего тогда вопросами пожарной охраны члена городской управы социал-демократа Аренса он совершил преступление, караемое по § 266 уголовного кодекса, злоупотребив своим служебным положением».

Эту тактику устранения неудобных им противников путем возбуждения против них уголовного преследования национал-социалы применили не только к Гемпу. На основании таких же обвинений был арестован член городской управы Аренс. Он тоже выступал с критикой, указывая, что пожарные части были вызваны слишком поздно.

Из обвинений, выдвинутых Гемпом против Геринга, ясно видно, что Геринг был заинтересован в распространении пожара, а не в локализации. Надо было, чтобы разрушения, причиненные пожаром, были как можно значительнее и производили сильное впечатление, поэтому пожар не должен был быть потушен слишком рано. Уже через три дня публику стали пускать на пожарище. Уже же национал-социалистический зритель здания рейхстага,

который 27 февраля раньше времени отпустил своих чиновников, исполнял теперь роль гида по опустошенному зданию рейхстага. Десятки тысяч людей устремились к месту пожара. Гид «компетентно» объяснял, каким образом коммунисты подожгли рейхстаг. При этом он непременно прикрашивал свое изложение баснями об ужасных планах коммунистов.

Геринг не посмел сам выступить с опровержением заявлений «Саарбрюккнер фольксштимме», но он вынудил дать опровержение старшего брандмайора Гемпа. Повидимому последний долгое время сопротивлялся. Лишь 18 июня 1933 г., после того как были убиты Белл, Ганусен и Оберфорен, в германской прессе появилось сообщение Гемпа, в котором он объявляет ложными утверждения «Фольксштимме». Иные «опровержения» лишь подтверждают правильность опровергаемого. Запоздалое опровержение Гемпа принадлежит к этой категории.

Под давлением возбужденного против него обвинения, под страхом тюрьмы, которая ему угрожала, Гемп подчинился требованию Геринга.

Кто затеял поджог

Во втором мартовском номере консервативного еженедельного журнала «Дер ринг», издаваемого Генрихом фон Глейхеном, мы читаем:

«Пожар в рейхстаге повел к сильнейшим репрессиям со стороны правительства. Правительственные учреждения приведены в состояние высшей боевой готовности. Вся германская печать, все передовицы пишут лишь об одном: как это было возможно? Неужели мы, весь наш народ, слепые куры? Где виновники этого поджога, результаты которого показывают, как метко был взят прицел? Чтобы дать ответ на все эти вопросы, мы констатируем трезво и конкретно: у нас нет такой тайной разведки, какую имеют англичане и другие нации...

«Если бы у нас существовало такое учреждение, мы уже теперь совершенно точно знали бы, в каком направлении следует искать виновников поджога, более того—мы уже знали бы этих людей. *Быть может они принадлежат к лучшему немецкому или интернациональному обществу.*»

Генрих фон Глейхен—один из самых влиятельных членов «клуба господ». Со времени канцлерства Папена фон Глейхен является одним из главных закулисных деятелей и инспираторов правительственной политики. Его связи с дворцом президента более чем превосходны. В вышеприведенной статье из «Ринга» фон Глейхен открыто обвиняет правительство Гитлера в том, что оно ничего не сделало для пролития света на виновников поджога рейхстага. Он спрашивает, где собственно находятся виновники поджога, результаты которого показывают, как правильно они построили свой расчет. Что же это может значить, как не то, что поджог—дело рук национал-социалистов, стремившихся таким образом обеспечить себе постепенное завоевание всех позиций власти.

После этой статьи «Дер ринг» был запрещен.

Д-р Белл проболтался

В главе о фашистских убийствах мы подробно останавливаемся на случае с д-ром Беллом и на его убийстве штурмовиками. Здесь мы коснемся только его роли в поджоге рейхстага. При этом мы не будем цитировать сообщений о том, что д-р Белл уже 27 февраля 1933 г., за час до пожара рейхстага, уведомил английских и американских журналистов о предстоящем пожаре. Это сообщение распространялось правительством Гитлера с определенной целью. Фашисты хотели создать себе таким путем возможность выступить с дешевым опровержением и дискредитировать действительные утверждения Белла.

Д-р Белл очень хорошо знал ван дер Люббе, был также самым точным образом осведомлен относительно тех связей, которые ван дер Люббе завязал в Берлине и Мюнхене в кругах штурмовиков. Хотя д-р Белл в последнее время около года состоял в оппозиции национал-социалистическому партийному руководству, у него еще было много друзей в национал-социалистической партии. От них он знал про инсценировку пожара рейхстага. 3 или 4 марта 1933 г. Белл—это было в национальном клубе на улице Фридриха Эберта—проговорился о том, что ему известно было про поджог рейхстага, одному политическому деятелю, принадлежавшему к народной партии. Этот последний в письмах к друзьям передал им о действительных поджигателях сведения, которые сообщил ему Белл. Одно из этих писем попало в руки Делюгеса, начальника тайной государственной полиции.

Это письмо стоило Беллу жизни. 3 апреля он был убит в тюрьме Куфштейне в Австрии штурмовиками, прибывшими из Мюнхена.

Убийство Ганусена

История убийства Ганусена будет также подробно рассмотрена в другой главе. Пока мы займемся Ганусеном,—лишь поскольку он имел отношение к пожару рейхстага. За день до этого пожара ясновидец Эрик Ганусен праздновал освящение своей новой квартиры в Берлине (Лейтценбургерштрассе, 16), которую он назвал «дворцом оккультизма». На празднестве присутствовали некоторые руководители штурмовых отрядов, в том числе граф Гельдорф, наряду с художниками, актерами и журналистами. В числе последних был репортер газеты «Берлинер цвельф ур блатт». Устроен был сеанс ясновидения. Во время этого сеанса Ганусен между прочим сказал буквально следующее: «Я вижу большой горящий дом». Ганусен издавал журнальчик: «Пестрое еженедельное обозрение Ганусена». В первом мартовском номере он поместил статью о политическом положении, в котором писал, что он заранее предчувствовал пожар рейхстага, но не имел права говорить об этом публично.

Закадычный друг Ганусена, руководитель берлинских штурмовых отрядов граф Гельдорф, был в числе поджигателей рейхстага.

От Гельдорфа Ганусен получил свою информацию еще до пожара рейхстага, которая дала ему возможность стать «ясновидцем» в этом вопросе. Ганусен вероятно знал очень много. Это видно из следующего данного под присягой заявления, полученного нами от бывшего главного редактора «Берлинер цвельф ур блатт», д-ра Франца Геллеринга:

«Торжественно обещаю говорить истину.

«Я, нижеподписавшийся д-р Франц Геллеринг, заявляю следующее: в качестве главного редактора «Берлинер цвельф ур блатт» и «Монтаг морген» я встречался в период от 1 февраля до 4 марта 1933 г. с Эриком Ганусеном, издателем национал-социалистической газеты ясновидцев, которая набиралась и печаталась в той же типографии, что и вышеупомянутые газеты. Личное знакомство между нами не завязалось, но однажды нас соединили по телефону, когда он вызывал редактора и заведывающего издательством Рольфа Нюрнберга, которого в то время не было в редакции. Это было ночью 27 февраля, когда произошел пожар рейхстага. В редакцию только что стали поступать первые известия о пожаре, как Ганусен уже позвонил. Он осведомился, какие размеры принял пожар и схвачены ли злоумышленники. Я ответил, что имеется непроверенное сообщение о коммунистической группе, которая якобы подожгла рейхстаг с помощью факелов. Вместе с тем я подчеркнул неправдоподобный характер этого сообщения. Я категорически заявил, что от коммунистов, в особенности при нынешней политической ситуации, нельзя ожидать такого безумного поступка, равносильного самоубийству. На это Ганусен волнуясь ответил, что он совершенно противоположного мнения: он знает, что здесь налицо коммунистический заговор, и что это докажут мне последствия. Ганусен позвонил между половиной и тремя четвертями десятого. Я рассказал об этом в нашей редакции, которой известны были близкие отношения Ганусена к графу Гельдорфу, в особенности в связи с его неоднократными телефонными разговорами из типографии. Все считали Ганусена человеком чрезвычайно осведомленным о планах национал-социалистов.

Подпись: д-р Франц Геллеринг».

В момент, когда в газетные редакции поступили лишь первые неопределенные сообщения о пожаре рейхстага, Ганусен уже говорил о поджоге его коммунистами, говорил что этот поджог повлечет за собой серьезные последствия. Эти слова Ганусена показывают, что его информатора следует искать в высоких национал-социалистических кругах.

Еврей Ганусен не долго наслаждался жизнью под властью Гитлера, прихода которой он так страстно желал.

7 апреля 1933 г. труп его найден был в небольшой сосновой роще у шоссе, ведущего из Барута в Нейгоф. Он умер от руки фашистов.

убийство д-ра Оберфорена

После Белла—Гануссен, после Гануссена—д-р Оберфорен. Из этих трех лиц, в точности знавших тайну поджога рейхстага, д-р Оберфорен был самым опасным. От Белла можно было отказаться как от политического авантюриста, от Гануссена как от шарлатана. Но д-р Оберфорен был влиятельным политическим деятелем, вождем фракции националистов в рейхстаге. Еще в феврале 1933 г. он на предвыборном собрании заявил, что правительство Гитлера останется в своем тогдашнем составе, каков бы ни был исход выборов. Д-р Оберфорен был архиреакционером. Его меморандум показывает, что для него важно было только сохранение позиций националистов в правительстве. Заключительная часть его меморандума рисует последнюю фразу борьбы внутри правительства. Этот меморандум стоил д-ру Оберфорену жизни!

«Как бы ни была согласна националистская партия с самыми энергичными мерами против коммунистов, она не одобряет организации поджога ее друзьями по коалиции. В заседании кабинета во вторник министры-националисты дали свое согласие на самые энергичные меры против коммунистов и отчасти также против социал-демократов. Однако не оставили никакого сомнения относительно того, что поджог чрезвычайно повредит за границей престижу национального фронта. На этом заседании кабинета не скупилась на самые резкие выражения в осуждении поджога. Национал-социалистическим министрам не удалось провести запрета коммунистической партии. Как уже было сказано выше, националистам нужны были коммунистические депутаты, чтобы не дать национал-социалистам возможности получить абсолютное большинство в парламенте. Одновременно на этом заседании кабинета самым категорическим образом воспрещено было г-ну Герингу предать гласности его фальшивки, найденные в доме Карла Либкнехта. Указывалось, что обнародование этих грубых подделок только еще более скомпрометирует правительство. Особенно не к стати было для правительства также то, что во вторник утром коммунистический депутат Торглер, председатель коммунистической фракции рейхстага, сам явился в полицию. Его бегство было бы желательнее. Для правительства был чрезвычайно неприятен тот факт, что Торглер, обвиненный в столь тяжком преступлении, добровольно явился в полицию, несмотря на произведенные тем временем аресты тысяч ответственных коммунистов и на грозивший ему чрезвычайный суд,—явился для того, чтобы выступить против обвинений его партии. Герингу поручили выступить в печати с опровержением известия о добровольной явке Торглера. Однако пожар рейхстага вызвал неожиданно в мировой печати столь единодушное эхо, голос этой печати столь единодушно приписывал поджог руководящим членам правительства, что престиж национального правительства был сильно погрязен.

«Герингу и Геббельсу было очень на-руку подавление пред-выборной пропаганды коммунистов и социал-демократов, они хорошо знали, что широкие массы мелкой буржуазии, служащих и крестьян поверят слуху о пожаре рейхстага и в соответствии с этим отдадут свои голоса национал-социалистической партии как застрельщику в борьбе против большевизма. Но мало радовала Геринга и Геббельса позиция националистских министров в кабинете. В запрете коммунистической партии им было снова отказано. К великому своему огорчению они со своими безмерными претензиями чувствовали себя зажатыми в железные тиски между националистами, Стальным шлемом и рейхсвером. Им было ясно, что надо как можно скорее избавиться от этих тисков. Все время происходили совещания в их лагере.

«В конце концов решено было прибегнуть в ночь с 5 на 6 марта к насильственному перевороту. Их план состоял в том, чтобы занять район, в котором находятся министерства, и потребовать от Гинденбурга преобразования правительства. Гинденбург должен был передать Адольфу Гитлеру свой пост президента республики, и в тот же момент Гитлер назначил бы Геринга государственным канцлером. Предлагалось также связать это выступление с большой манифестацией штурмовых и специальных отрядов по Берлину, устраиваемой в целях пропаганды и для чествования Адольфа Гитлера, и провести все это в пятницу 3 марта. Приготовления к этой манифестации были в полном ходу. В Берлине уже находились многочисленные отряды штурмовиков из провинции, полиция уже наметила улицы для прохода триумфальной процессии, движение было переведено на другие улицы, и тысячи людей ожидали на Вильгельмштрассе дефилирования процессии перед Адольфом Гитлером. Так как усилились слухи, что во время этой манифестации будет занят район со зданиями министерств, националистские министры в последнюю минуту добились того, что Адольф Гитлер отказался от прохода процессии по Вильгельмштрассе. Тысячной толпе, ожидавшей на Вильгельмштрассе, было вдруг к ее удивлению объявлено, что шествие штурмовиков направится по другому пути и пройдет не по Вильгельмштрассе, а через Принц-Альбрехтштрассе на запад. Правда, националисты должны были, с своей стороны, дать обязательство, что они отказываются от прохода Стального шлема через квартал министерств. Это шествие Стального шлема было приурочено ко дню выборов как чествование президента Гинденбурга. Вожди Стального шлема согласились на такое изменение.

«Положение было в высшей степени серьезным для националистических министров. Результаты выборов в Липпе-Детмольд показали, как велика была опасность массового перехода националистских избирателей с развернутыми знаменами в лагерь национал-социалистов. Вдобавок ко всему пропаганда националистов не могла равняться с ни перед чем не останавливающейся пропагандой национал-социалистов. Клуб господ,

группировки Стального шлема и националистские вожди продолжали совещаться. Только накануне, в пятницу, еле удалось избежать занятия квартала министерств штурмовиками, теперь снова грозила подобная опасность в ночь с 5 на 6 марта. Против этой опасности надо было вооружиться не только с помощью рейхсвера и Стального шлема. Было ясно, что массы шли уже не за старым генерал-фельдмаршалом, а за своим кумиром Адольфом Гитлером. Выступить против этих масс и против этого настроения масс только с помощью оружия было бы напрасным делом. Следовательно, необходимо было действовать с такой же бесцеремонностью, с которой действовали Геринг и Геббельс в поджоге рейхстага. Был принят следующий план: печать получает официальное сообщение об имеющихся пока результатах расследования относительно виновников поджога. Это сообщение должно было быть составлено таким образом, чтобы в случае нужды всегда можно было на него сослаться и указать, что уже тогда напали на след социалистических поджигателей. Такое официальное сообщение можно было бы использовать, чтобы в ночь с 5 на 6 марта оказать давление на национал-социалистических министров, если бы они действительно намерены были осуществить свой план и занять квартал со зданиями министерств. Преследовалась также цель смутить таким образом национал-социалистические массы и по возможности завоевать их для национального фронта, возглавляемого националистами и Гинденбургом. Подготавливали соответственное воззвание к национальной Германии, в котором Гинденбург разоблачал планы насильственного захвата власти, обвинял—с ссылкой на изданное раньше официальное сообщение—Геринга, Гитлера и Геббельса в поджоге рейхстага и призывал миллионы национал-социалистов сплотиться под руководством генерал-фельдмаршала, чтобы спасти национальный фронт от марксизма. Таким путем надеялись склонить массы к поддержке военной диктатуры, возглавляемой генерал-фельдмаршалом. Сам генерал-фельдмаршал должен был отсутствовать на чествовании, устроенном Стальным шлемом, и провести ночь с 5 на 6 марта не в своем дворце, а под защитой рейхсвера, рейхсвер же должен был находиться в боевой готовности».

Национал-социалисты—убийцы и поджигатели

В кабинете бреславльского полицей-президента находится большая фотография в рамке. На фотографии снята группа из пяти молодых людей. Эти пять молодых людей летом 1932 г. убили в силезской деревне Потемпа польского рабочего, убили со зверством, небывалым во всей истории уголовных преступлений. Суд приговорил убийц к смертной казни, рейхсканцлер Папен добился их помилования, рейхсканцлер Гитлер возвратил им свободу. Их фотография находится на письменном столе бреславского полицей-президента.

Они очень хорошо понимают друг друга—убийцы из Потемпа и полицей-президент Эдмунд Гейнес! Он тоже был осужден за убийство на смертную казнь, тоже был помилован, тоже недолго пробыл в тюрьме. Оберлейтенант Гейнес занимает высокое положение в «третьей империи» Гитлера. Он—предводитель штурмовых отрядов наравне с Герингом и генералом фон Эпп. Д-р Оберфорен доказал в своем меморандуме, что Гейнес был вожаком того отряда, который поджег рейхстаг.

Оберфорен пишет в своем меморандуме:

«Тем временем агенты г. Геринга под предводительством депутата рейхстага Гейнеса, главы силезских штурмовиков, прошли через подземные коридоры центрального отопления и подземный ход из дворца председателя рейхстага в здание рейхстага. Каждому из специально отобранных для этой цели вожаков штурмовых и специальных отрядов точно указано было место его «работы». Накануне была устроена генеральная репетиция. Ван дер Люббе шел пятым или шестым. Когда наблюдательный пост в рейхстаге сигнализировал, что все благополучно, поджигатели принялись за работу. Дело было сделано в несколько минут. Тем же путем, которым они пришли, поджигатели, сделав свое дело, вернулись назад. В здании рейхстага остался только ван дер Люббе».

Сообщение д-ра Оберфорена, что колонну поджигателей вел Гейнес, подтверждают также другие посвященные. Между прочим в последних сообщениях, сделанных д-ром Беллом его приятелям, он определенно заявил, что руководство колонной поджигателей находилось в руках Гейнеса.

Гейнес, можно сказать, создан для «такой работы». Это натура ландскнехта: он убивает по приказу, стреляет по приказу, поджигает по приказу.

Стратегическая база поджигателей

Чтобы с несомненностью установить вину фашистов в пожаре рейхстага, достаточно было бы вскрыть противоречия в их официальных сообщениях, достаточно было бы тех улик, которые мы привели. Но даже если бы этих доказательств не было, если бы агенты Геринга тщательнее подготовили провокацию, все еще осталось бы самое главное, *решающее доказательство* того, что рейхстаг подожгли национал-социалисты.

1 марта 1933 г. «Фоссише цейтунг» сообщала из правительственных кругов:

«Как нам сообщают, имеется безукоризненное доказательство, что председатель коммунистической фракции рейхстага депутат Гортлер в течение нескольких часов оставался в здании рейхстага в обществе поджигателя и что его видели также вместе с другими участниками поджога. Говорят, что другие злоумышленники могли скрыться через *подземные ходы* центрального отопления, соединяющие здания самого рейхстага с *домом председателя рейхстага*».

Как показано на чертеже, от здания рейхстага к дому председателя рейхстага действительно ведет подземный ход. Хозяином и обитателем этого дома, к которому ведет подземный ход, был в момент пожара рейхстага Герман Геринг. Он живет в доме, через который, по его собственным словам, скрылись поджигатели.

Герман Геринг не только прусский министр-президент, министр полиции и председатель рейхстага. Герман Геринг в то же время предводитель штурмовых отрядов. В его распоряжении находится один из специальных отрядов этих последних, отряд «Г». Его дом постоянно охраняется штабным караулом, состоящим по меньшей мере из 30 человек.

Как сообщало официальное «Прусское бюро печати», для того чтобы пронести в рейхстаг горючие материалы для поджога, необходимо было по меньшей мере семь человек, а в самом поджоге участвовало десять человек. Итак, если исходить из этих официальных данных, в поджоге принимали непосредственное участие не менее десяти человек.

Можно с уверенностью полагать, что горючие материалы были разложены в самых различных частях здания. Иначе нельзя было бы объяснить ту быстроту, с которой огонь распространился в том огромном здании. Это большое число очагов пожара требовало большого количества горючего материала. Все его должен был составить несколько центнеров. В своем техническом сообщении брандмайорам и пожарным инспекторам старший брандмайор Гемп заявил, что он после пожара нашел еще большие количества негоревших горючих материалов и что для перевозки их понадобился бы грузовик. Это заявление Гемпа подтверждает предположение, что поджигатели пронесли в рейхстаг очень много горючего материала.

Каким образом горючие материалы были пронесены в рейхстаг

В начале главы мы познакомили читателя с теми трудностями, которые должен преодолеть посетитель, чтобы попасть в германский рейхстаг. Вход в рейхстаг открыт для посетителей только через подъезд № 5. Посетителю приходится миновать ряд чиновников рейхстага. Можно ли представить себе, что на глазах у этих чиновников семь—десять человек пронесут в рейхстаг центнерами горючие материалы и что это не бросится в глаза никому из чиновников! Даже самый пристрастный человек должен будет признать, что никакой поджигатель, никакая группа поджигателей не осмелилась бы пронести горючий материал через подъезд № 5.

Точно так же обстоит дело с так называемым депутатским входом—с подъездом № 2. Проход здесь разрешается депутатам рейхстага. Предположение, что депутаты рейхстага проносят на глазах у чиновников, дежурящих в подъезде № 2, центнерами горючий материал в рейхстаг, не менее абсурдно, чем то, что этот материал был пронесен через подъезд № 5.

Итак поджигатели должны были выбрать другой путь, путь тайный, который позволил бы им проникнуть в рейхстаг незамеченными со стороны дежурного персонала, и доставить горючий материал на соответствующее место. К рейхстагу существует только один единственный тайный путь. Это подземный ход, который соединяет дом председателя рейхстага со зданием рейхстага. Этот подземный ход был той стратегической дорогой, по которой двинулась колонна поджигателей.

Для того чтобы использовать подземный ход в рейхстаг, надо сначала пройти через дом Геринга,—дом председателя рейхстага. Для этого надо пройти мимо штабного караула, который постоянно охраняет дом Геринга. Кроме того при этом имеется опасность быть замеченным кем-нибудь из обитателей дома Геринга.

Можно ли представить себе, что коммунисты проходят через дом Геринга к подземному ходу, причем их не задерживает и не арестовывает охрана (30 человек!)? Можно ли представить себе, что коммунисты проносят через дом Геринга центнеры горючего материала, причем их не задерживает и не арестовывает охрана? Можно ли представить себе, что коммунисты бежали через дом Геринга?

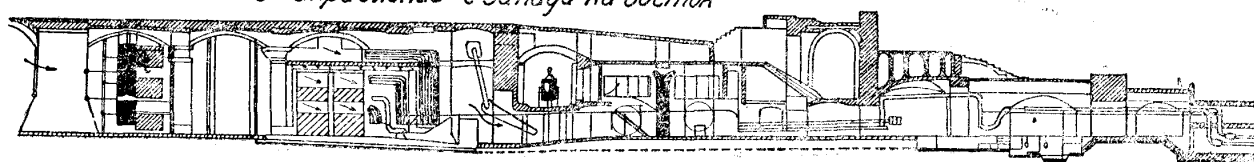
Это невозможно. Каждый коммунист, который в февральские дни пытался бы проникнуть в дом Геринга, был бы несомненно арестован.

Для коммунистов было невозможно проникнуть через дом Геринга и через подземный ход в рейхстаг. Для кого же это было возможно?

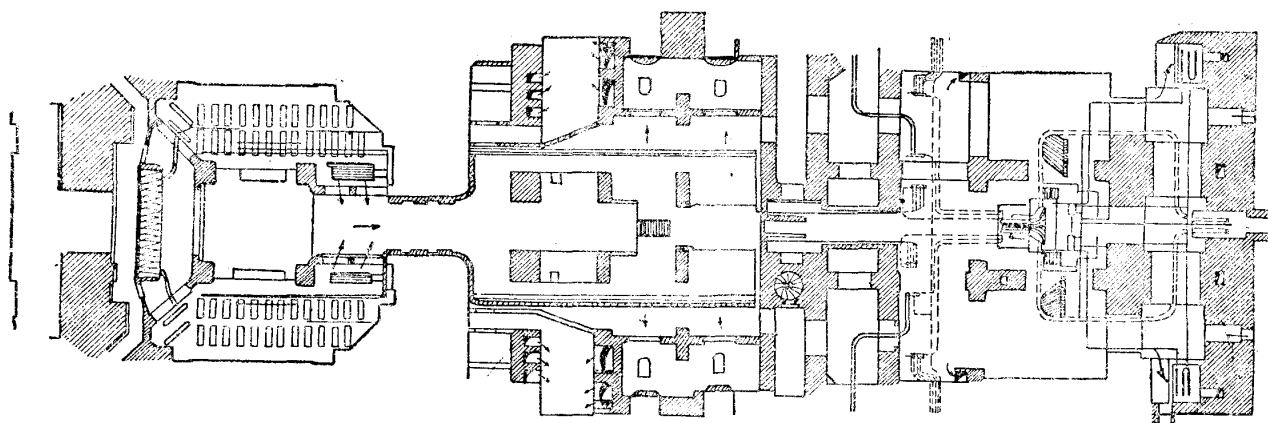
Только национал-социалистические лидеры могли проходить в дом Геринга, не возбуждая особого внимания, не вызывая ни тени подозрения у караула. В этом доме происходили многочисленные совещания между Герингом и партийной верхушкой национал-социалистов. Ни одному из штурмовиков не могло прийти в голову задержать людей, которые занимают высокие посты в его партии и которых он часто видел посещающими дом Геринга. Им нечего было опасаться. Они могли беспрепятственно входить и выходить из дома. В особенности это относится к высшему руководящему составу штурмовых отрядов; в качестве «начальства» караула им была обеспечена полная свобода в доме Геринга. Они могли без каких-либо затруднений проносить в дом Геринга в небольших количествах необходимые горючие материалы, никто не заметил бы этого. У караула не вызвало бы подозрения, даже если бы под видом документов или оружия в подвал дома перетаскивали целые ящики (транспорты оружия были в то время повсеместно обычным делом у фашистов).

Дом Геринга был ключом позиции для нападения на рейхстаг. Кто имел в своих руках дом Геринга, тот мог предпринять против здания рейхстага все, что угодно. Дом Геринга был предмостным укреплением, из которого колонна поджигателей пошла на штурм. В доме Геринга колонна хранила свои горючие материалы. Этот дом был надежным убежищем, куда поджигатели могли скрыться после совершения преступления.

*Средняя часть подвала - поперечный разрез
в направлении с запада на восток*

Общий план

Погреб, который связывает здание рейхстага с домом Гитлера. Этот подземный ход дает возможность сообщения между домом Гитлера и рейхстагом, находящимся вне всякого контроля. По этому ходу национал-социалистические поджигатели проникли в рейхстаг, по этому ходу они пронесли горючие материалы, по этому же ходу вернулись в дом Гитлера, совершив свое дело.

Колонна поджигателей

Мы уже говорили о том, что только предводители штурмовых отрядов могли проникать в дом Геринга, не возбуждая подозрений. Оберфорсен в своем меморандуме тоже говорит об отборных вожаках штурмовых и специальных отрядов. Ясно, что руководство национал-социалистической партии, сочинившее план поджога рейхстага и организовавшее самый поджог, всячески заинтересовано было в том, чтобы выполнение плана поручить наиболее надежным из своих преторианцев. Геббельс и Геринг не могли довериться рядовым штурмовикам. Они не могли подвергать себя опасности, что какой-нибудь недовольный штурмовик выдаст действительных поджигателей. Необходимо было искать помощников в рядах руководящих работников партии. Надо было найти людей, которые не останавливались бы ни перед каким преступлением и были бы столь тесно связаны целым рядом совместно совершенных преступлений с национал-социалистической верхушкой и ее судьбой, что можно было бы не опасаться предательства с их стороны. В национал-социалистической верхушке многие отвечают этим требованиям. В ее рядах находятся убийцы такого типа, как оберлейтенант Гейнес и оберлейтенант Шульц, уголовные преступники типа д-ра Лея и Кауфмана, извращенные аристократы-дегенераты в роде графа Гельдорфа. Из ассортимента этих людей, на жизнь и смерть связанных с национал-социалистической верхушкой, подобран был состав колонны поджигателей. Руководство ею поручено было, как мы знаем из сообщений Оберфорсена, Гейнесу, убийце, исполнителю приговоров тайных фашистских трибуналов. Его первым помощником был такой же матерой убийца Шульц; под его командой «работал» предводитель берлинских штурмовых отрядов граф Гельдорф.

Как произошел поджог?

Помещаемый ниже схематический чертеж сделан криминалистом и показывает первую фазу поджога. Колонна собралась в доме Геринга. Гейнес, Шульц, Гельдорф и другие могли беспрепятственно пройти мимо караула, которому они были известны как предводители штурмовых отрядов. Ван дер Люббе вероятно прошел в дом Геринга вместе с графом Гельдорфом.

Первой задачей, стоявшей перед колонной, был транспорт горючего материала. Для этой цели поджигатели использовали подземный ход, ведущий из дома Геринга в рейхстаг. Вероятно дорогу пришлось проделать несколько раз. Работу начали по условленному сигналу, который возвещал, что последние депутаты покинули рейхстаг. Опасность быть обнаруженными дежурными чиновниками рейхстага отпадала, так как они были раньше времени отосланы домой национал-социалистическим смотрителем здания. На раскладывание горючего материала в различных местах, на обливание легко воспламеняющихся предметов керосином, бензином и т. п. должно было уйти более или менее продолжительное время, по меньшей мере минут двадцать. Затем были подожжены очаги пожара.

Все тот же старый метод

В 1886 г. чикагская полиция инсценировала покушение бомбистов, при котором погибло много людей. Обвинение было ложно возведено на 5 революционных рабочих, которые были казнены. Действительные виновники покушения были установлены лишь через 7 лет и оказались состоящими на службе в полиции. Это покушение тоже было совершено с целью создать повод для свирепейшего преследования рабочего движения.

В первых сообщениях полиции и пожарной команды речь шла о семи—десяти поджигателях и о многих очагах пожара. Ни один человек в Германии не верил, что поджигатели проникли в рейхстаг и бежали из него обычным путем. Вставал вопрос: как же поджигатели ушли из рейхстага? Малейшее неосторожное слово пожарных, полицейских или сообщение в газетах могло произвести ошеломляющее впечатление. Геринг находился в чрезвычайно затруднительном положении. Он прибегнул к старому приему. Прежде чем кто-либо другой станет утверждать, что поджигатели бежали через подземный ход, он решил сказать это сам. Он желал таким образом парировать грозящий удар, желал выставить в безобидном виде то, что являлось чрезвычайно подозрительным. Геринг сам высказался в том смысле, что поджигатели скрывались через подземный ход. Он горько жалел потом об этих своих словах. Фортель не удался. Впоследствии никогда не упоминалось об этом подземном ходе к дому Геринга—ни в речах министров, ни в официальных сообщениях. Слова Геринга решили предать забвению.

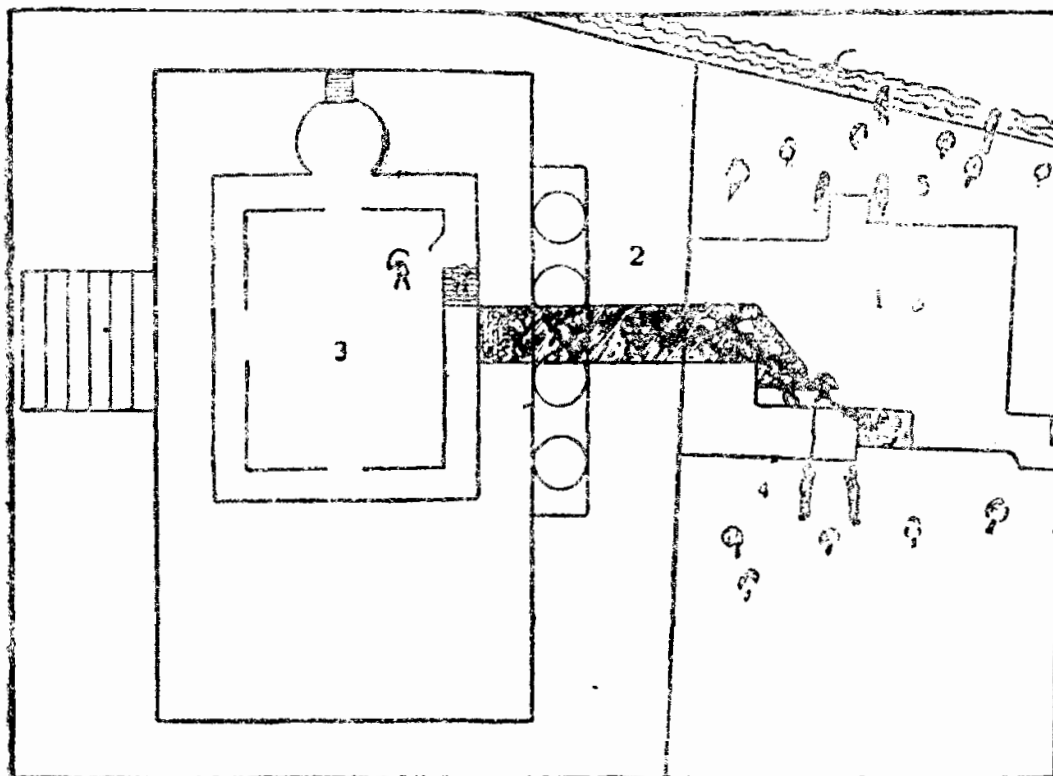
Но мы их не забыли. Да, поджигатели скрылись через подземный ход, но они могли воспользоваться им только потому, что знали, куда он ведет: в дом Геринга. Дом Геринга означал для них безопасность. Официальное «Прусское бюро печати» писало 28 февраля, что злоумышленники должны были обладать точным знанием местности. Кому же, как не друзьям председателя рейхстага Геринга, было легче всего тщательно ознакомиться с расположением, испытать и изучить во всех деталях этот подземный ход? Геринг был хозяином в рейхстаге. Он мог, пользуясь планами, ознакомить своих друзей с каждым уголком рейхстага. Он был хозяином во дворце председателя рейхстага. Он мог принимать у себя своих друзей. Он мог устроить в своем доме тайный склад горючих материалов. Он был прусским министром внутренних дел. Он обладал полицейской властью во всей Пруссии. В его руках соединены были все возможности подготовить пожар рейхстага.

Ван дер Люббе в горящем рейхстаге

«Прусское бюро печати» пыталось втереть очки общественному мнению, что ван дер Люббе не мог бежать, так как совсем не знал топографии рейхстага. Все другие сообщники ван дер Люббе, по данным «Прусского бюро печати» и Геринга, были знакомы с расположением. Для них ничего не стоило взять с собой ван дер Люббе и «спасти» его. Но ван дер Люббе не должен был быть «спасен». Гомосексуальные вожди штурмовиков, шедшие в колонне поджигателей, рекомендовали ван дер Люббе в качестве орудия преступления. Ван дер Люббе должен был при поджоге олицетворить своей персоной коммунизм. Этому тщеславному, полуслепому орудию чуждой воли легко было вдолбить в голову, что он избран для «великой роли». Ван дер Люббе должен был быть оставлен в горящем рейхстаге, и его оставили здесь, потому что он был единственной «уликкой» против коммунистов.

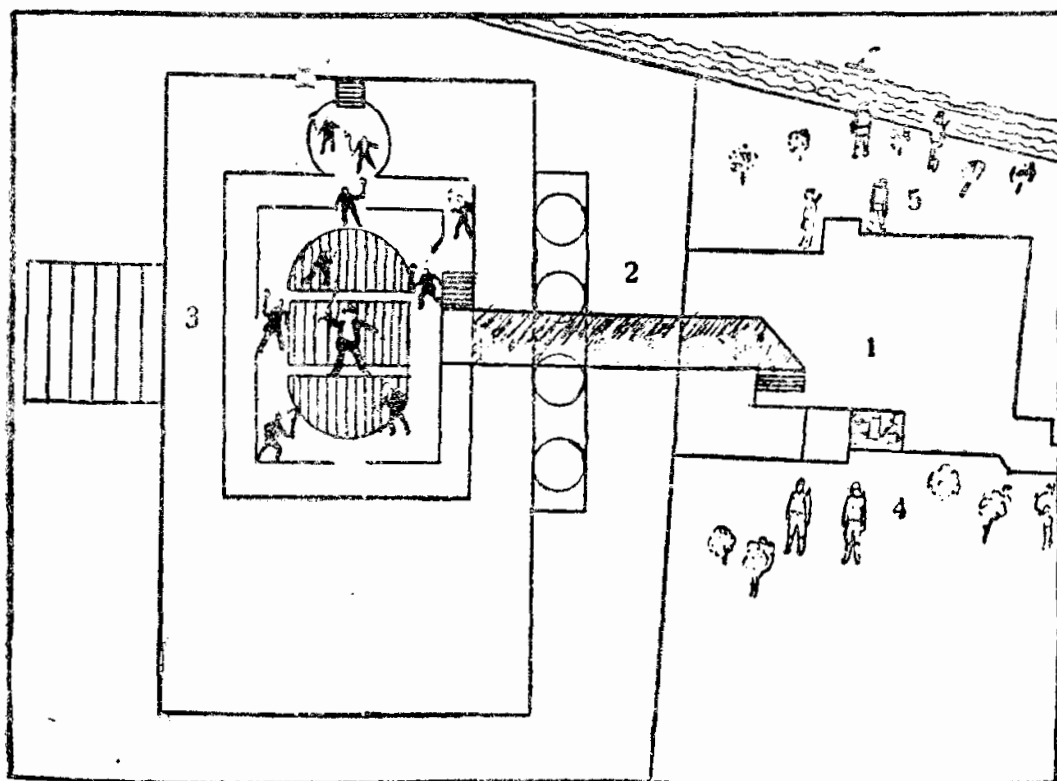
Схематическое изображение поджога рейхстага, составленное по указаниям криминалистов и официальным сведениям.

1. Дом Геринга.—2. Подземный ход из дома Геринга в здание рейхстага.—3. Зал заседаний рейхстага.—4 и 5. Охрана дома Геринга.

1-я фаза

По схеме видно, как поджигатели направляются подземным ходом в рейхстаг.

2-я фаза

Поджигатели за работой.

Ван дер Люббе сыграл свою роль, как умел. Он дал себя арестовать в горящем рейхстаге. Он сбросил рубашку и куртку, чтобы дать подлинный образ «коммунистического поджигателя». Он признался в поджоге рейхстага. Он признался во всех поджогах, как от него требовали: в доме отдела социального страхования в Нейкельне, в берлинской ратуше, в берлинском дворце. Ван дер Люббе и далее будет сознаваться во всем, чего только ни потребуют от него его заказчики. Он даст против Торглера все те показания, которые предпишут ему его национал-социалистические заказчики. Он покажет против Димитрова все, чего они пожелают. Он будет показывать против каждого, кого хотят уничтожить его друзья—национал-социалисты. Он будет выгораживать каждого, кого они хотят защищать.

Герман Геринг

Все признания ван дер Люббе не могли однако помешать тому, что вторая возложенная на него задача кончилась провалом. Эта задача заключалась в том, чтобы своим выступлением, своими услужливыми признаниями заслонить от глаз всего мира действительных поджигателей. Для этого фигура ван дер Люббе оказалась слишком ничтожной, его роль слишком прозрачной. Мир раскусил обман, понял, кто спрятан за этой фигурой, увидел за ней капитана Германа Геринга, предводителя штурмовых отрядов, министра германской республики, прусского министра-президента и министра внутренних дел, председателя германского рейхстага.

Sermann Wilhelm Göring
(Nationalsoz. Deutsche Arbeiterpartei).

Hauptm. a. D., z. St. Schriftst., Flugzeugf. in Darrischzell. Geb. 12. 1. 1893 in Rosenheim (Oberbay.), ev. Chmn., Kadettent., Lin. i. Inf.-Regt. 112, Rikshausen. Bei Kriegsausbr. Waff.-Wirt., Off. 1914 Flieger, Zul. Kommand. d. Jagdgeschw. „Freiherr v. Richthofen“. Absch. als Hauptm. 1919 Flieg. u. Berater im Flugw. in Danemark. — 1920 b. 1921 Flugchef bei Svenska Lufttraf. 1922/23 Univ. München, 1924/25 Stud. in Rom, 1925/26 in Stockholm Schriftst., 1927 in Dtschld. P. I. merito, Ritterfr. Hohenz. m. Schwert, E. R. I. u. II. Kl. Ritterfr. Militt. Karl-Friedr.-Ord. (Bav.), Zähr. Löwen m. Eisenk. u. Schwert, m. — M. d. R. I. 1928.

Биография Геринга в справочнике рейхстага

Капитан Геринг дал нам в справочнике рейхстага свою биографию. Это—история его орденов. В жизни этого человека как будто ничего не происходило кроме пожалования орденов. Даже его ближайшие друзья—как и он, бывшие офицеры, отказались от упоминания о своих орденах в биографиях, помещенных в справочнике рейхстага. Только Герман Геринг перечисляет их все до единого.

Капитан Геринг родился 12 января 1893 г. в Розентейме в Баварии. Даже если бы мы не знали этого из его биографии, можно было бы ни минуты не сомневаться в том, что он был воспитан в кадетском корпусе.

«Биографы» Геринга любят рассказывать о его героических подвигах в качестве летчика во время мировой войны. Они забывают прибавить, что он совершал свои полеты, предварительно ошьяняясь морфием. Шприц для вырыскивания морфия был его неизменным спутником и остался им и по сию пору.

«Биографы» Геринга рассказывают, что в 1924—1925 гг. он жил в Риме. Они забывают приобщить, что он бежал из Германии в 1923 г., когда путч Гитлера кончился неудачей. «Герой мировой войны», человек, «штурмовавший облака», дезертировал, когда ему грозило несколько месяцев заключения в крепости. Ему не грозила смерть, как тем рабочим вождям, которые—в Германии и за ее пределами—борются с фашизмом Гитлера, рискуя своей жизнью. Геринг обратился в бегство перед незначительным наказанием.

Его «биографы» сообщают, что Геринг жил в 1925—1926 гг. в Стокгольме и работал там на службе у одной авиационной фирмы. Они опускают при этом одну мелочь—забывают прибавить, что согласно официальным данным стокгольмской полиции он в 1925 г. содержался в сумасшедшем доме в Лангбро, так как врач нашел его душевнобольным. Впоследствии он был помещен в госпиталь Конрадсберг близ Стокгольма, но по причине буйного поведения его пришлось перевести обратно в Лангбро и держать там взаперти. В частных заведениях его нельзя было больше держать, так как персонал отказывался смотреть за ним. В Лангбро с ним тоже были такие припадки бешенства, что пришлось перевести его в отделение для особенно буйных больных.

Все опровержения Геринга и все процессы, которые он через посредство шведского правительства ведет против газет, напечатавших о нем эти сведения, будут тщетны. «Коричневая книга» приводит неопровержимое документальное доказательство, что Геринг содержался в сумасшедшем доме.

«Биографы» Геринга любят рассказывать о его браке с Карин фон Фок. В первом браке она была замужем за капитаном шведской службы Кантцовым. После развода бывшие супруги судились из-за вопроса об опеке над их сыном Томасом. Во время судебного разбирательства 22 апреля 1926 г. суду представлено было заключение судебного эксперта—врача Карла А. Лундберга, в котором определено заявляется, что Геринг страдает морфинизмом в тяжелой форме. Итак, морфинизм Геринга признан судом. Суд вынес решение, что Геринг не может быть назначен опекуном над малолетним Томасом. А национал-социализм доверил морфинисту Герингу опеку над 60 млн. немцев.

10 марта 1933 г. Геринг выступил в Эссене с речью, в которой между прочим сказал: «Мои нервы еще продолжают служить мне». Этим уклончивым ответом он надеялся заставить замолчать заграничные газеты, сообщающие о состоянии его нервов. Он не считался тогда с тем, что существуют документальные доказательства относительно состояния его нервов, его душевного расстройства, его морфинизма. Мы обнародываем эти документы не для того, чтобы разоблачать сенсационные детали из частной жизни Геринга. Мы обнародываем их для того, чтобы показать, в руки каких людей нацио-

нал-социализм отдал власть. В «третьей империи» самым видным человеком после Адольфа Гитлера является заведомый морфинист, которого шведский суд признал неспособным быть опекуном, человек, который по причине душевного расстройства содержался в сумасшедшем доме.

Не случайно этот Геринг играет руководящую роль в «третьей империи». В нем воплощена вся животная грубость прусского офицерства, которое с 1918 г. непрерывно стремилось к власти. В нем воплощен садизм офицеров, который в эти последние месяцы выразился в тысячах убийств и десятках тысяч грубых и жестких истязаний. В нем представлена та офицерская банда, которая убила Розу Люксембург и Карла Либкнехта, пролила в Венгрии потоки крови, воздвигла белые виселицы в Финляндии и превратила всю гитлеровскую Германию в один сплошной коричневый ад. Геринг воплощает в себе весь смысл национал-социалистической политики. Национал-социализм представляет не рабочих, не служащих, не среднее сословие,—он представляет интересы господствующего класса, интересы правящей касты. Национал-социализму была предоставлена политическая власть для того, чтобы он поддерживал существующую систему хозяйства и защищал ее против натиска социальной революции. Для защиты этих интересов, для защиты нетрудовых доходов, которые ему предоставляет государство, национал-социализм подобрал свой высший должностной персонал из рядов бывшего офицерства, дворянства, высшего чиновничества. По этому капитану Герингу, животному-грубому, лживому до последней степени, до последней степени трусливому, можно судить о подлинном лице национал-социализма.

Этот капитан Геринг является организатором пожара в рейхстаге. Его товарищ по партии Геббельс придумал весь план, Геринг его выполнил. В его руках сконцентрировались все возможности, он располагал всей необходимой властью, у него сходились все нити. *Морфинист Геринг поджог рейхстаг.*

РАЗГРОМ ЛЕГАЛЬНЫХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Теперь наступил час расплаты, когда мы с ледяным спокойствием должны сделать все выводы из положения. Вы не должны обольщаться надеждой, что расплата эта может оборваться неестественным образом. Революция только тогда завершится, когда будет покончено с ноябрьскими преступниками, со всей системой, со всем этим периодом! Мы будем преследовать этих людей вплоть до их последней лазейки и не успокоимся, пока этот яд не будет вытравлен без остатка из организма нашего народа.

(Гитлер 7 мая 1933 г. в Киле)

Уже в своей книге «Моя борьба» Гитлер объявил искоренение Марксизма решающим программным пунктом национал-социалистов. Он проповедывал смертельную вражду к учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Кровью и железом хочет он уничтожить 80 лет опыта, идеологии и организации рабочего класса Германии.

Почему гитлеровский фашизм *должен* всеми силами и средствами стремиться к уничтожению и искоренению политических партий, профсоюзов, потребительских союзов, спортивных и культурных организаций пролетариата? *Он не может допустить* дальнейшего существования пролетарской прессы. Он не может допускать забастовок, какую бы то ни было самостоятельную культурную деятельность, какие бы то ни было стремления к политической свободе со стороны рабочих. Подавление и уничтожение их — вопрос жизни для гитлеровского фашизма. Господствующие классы хотят насильственно — посредством фашистской диктатуры удержать свою власть, для которой средства буржуазной демократии оказались недостаточны.

В дальнейших главах книги мы увидим, как много убийств из-за угла, страшных издевательств, истязаний, пыток и тюремного мучительства было применено для уничтожения организации и руководящих кадров германского рабочего движения.

Миллионы людей, которые искали выхода из нужды и безнадежности кризиса, шли к Гитлеру. Они приходили к нему с верой и надеждой на социальное и национальное освобождение. Они не знали, что их поведут по реакционному пути и подло используют в своих целях; они не догадывались, что их стремления, их враж-

да к капитализму, их сила, сплоченная в коричневые отряды, станет в руках Гитлера и Геринга орудием разгрома рабочих организаций.

Хитрое соединение социального с методами насилия составляет сущность фашизма. На развалинах организаций, созданных самими рабочими, должны возникнуть под знаком свастики новые якобы дружественные рабочим организации. Фашистская Италия должна явиться примером: корпоративные организации всех профессий как орудия власти «государства в целом» — государства абсолютной фашистской диктатуры. Министерство пропаганды г-на Геббельса в напыщенных выражениях восхваляет «новую аристократию труда», в то время как в германских предприятиях полностью сохраняется прежняя эксплуатация. Новые псевдорбочие организации должны являться вспомогательной армией режима фашистской диктатуры. Ни один человек не получает работы, если он находится вне этих организаций.

Антикапиталистические фразы, которыми при случае пользуются фашистские вожди, не должны вводить в обман насчет *сущности* их политики. Не нужно также поддаваться обману из-за того, что фашисты раскрыли «злоупотребления» некоторых мелких предпринимателей. Руководитель национал-социалистического «Немецкого рабочего фронта», д-р Лей, опубликовал в «Фелькишер Beobachter» от 10 июня «основные положения о корпоративном строе и немецком рабочем фронте». Лей придает им чрезвычайно большое программное значение, больше того, с обычным национал-социалистическим бахвальством расценивает их как фундамент, на котором поколения могут строить в течение столетий.

В этом якобы столь оригинальном «фундаменте» основной раздел — «Руководство на предприятиях» гласит:

«Руководство на предприятии. Поэтому корпоративная организация в первую очередь передаст снова в руки естественного руководителя предприятия, т. е. предпринимателя (!), всю полноту руководства и тем самым возложит на него полную ответственность... Решать может только предприниматель».

Этой программе соответствует борьба против всех рабочих организаций, начиная с компартии и кончая даже миролюбивыми христианскими профсоюзами и союзами ремесленников-подмастерьев. Гитлеровский фашизм боится компартии, потому что эта организация, несмотря на ложь, клевету, страшные преследования и террор, — единственная, которая, даже находясь на нелегальном положении, непоколебимо продолжает организовывать массы. Этим объясняется почти истерическая ненависть фашистов к коммунизму, его организациям и прессе.

Преследование фашистов направлено и против социал-демократии, несмотря на то, что последняя давно открыто проповедует и осуществляет верность буржуазному государству и заботу «социального мира». Фашизм беззащитно нападает и на руководимые социал-демократией профсоюзы, несмотря на то, что они первые два месяца пожара рейхстага в своих циркулярных письмах, статьях и официальных заявлениях выражали готовность работать

под руководством Гитлера. Волна преследований обрушилась даже на христианские профсоюзы, католические союзы ремесленников, а также на националистские заводские организации, созданные националистскими партийными руководителями в противовес национал-социалистической организации на предприятиях.

Фашистская диктатура прежде всего преследует организации, созданные самим рабочим классом; какими бы строго государственными началами ни была проникнута их политика, фашизм стремится уничтожить их; в каждой такой организации он вынужден опасаться скопления антикапиталистических и антифашистских сил. В рядах социал-демократии, социал-демократических и христианских профсоюзов находятся миллионы антифашистски настроенных рабочих. Не должно ли гитлеровское правительство бояться дальнейшего полевення членов этих организаций после гибели веймарской «демократии»? Не должно ли оно опасаться, что эти организации станут центрами антифашистской борьбы, так как под лозунгом единого фронта коммунисты ведут в них упорную разъяснительную работу по собиранию всех сил против гитлеровского режима?

Страх, страх и только страх перед каждым самостоятельным движением и перед каждой самостоятельной организацией рабочих определяет все действия немецкого фашизма, не способного решить ни одного социального и национального вопроса, имеющего значение для немецких рабочих.

Гитлер экспроприрует!

Лозунг «против хищнического капитала» послужил Гитлеру для того, чтобы собрать миллионы людей под красное знамя с черной свастикой на белом поле. Гитлер не национализировал ни одного треста и не экспроприировал ни одного финансового короля, зато в первые два месяца своего господства он провел большую кампанию по экспроприации сколоченного из рабочих трудовых грошей имущества политических и профсоюзных рабочих организаций.

В ночь, когда произошел пожар рейхстага, *запрещены были сразу все коммунистические и социал-демократические газеты.*

Был запрещен центральный орган КПП «Роте фале» и все ее провинциальные газеты.

Был *запрещен* центральный орган германской с.-д. «Форверте», а также и вся ее провинциальная пресса.

Были *запрещены* близко стоявшие к революционному рабочему движению газеты: «Вельт ам абенд», «Берлин ам Морген» и «Арbeiter иллюстрирте цейтунг».

Были *запрещены* затем все рабочие журналы независимо от направления.

На основании чрезвычайного указа гитлеровского правительства от 5 февраля 1933 г. был конфискован, в неделю, когда произошел пожар рейхстага, как «очаг противогосударственной деятельности» дом имени Либкнехта.

На основании того же указа были конфискованы во всей Германии все типографии компартии, а также принадлежащие им здания. Тот же прием был применен в отношении издательства «Вельям абенд» и связанных с ним органов печати.

Штурм домов профсоюзов

Уже до пожара рейхстага во всех концах Германии начались регулярные нападения штурмовых отрядов на профсоюзные и народные дома. Во многих случаях нападения эти наталкивались на резкое сопротивление рабочих всех партий. 9 марта был застрелен штурмовым отрядом при занятии с.-д. типографии в Хемнице управляющий последней Ландграф. В тот же день рабочие с оружием и гранатами в руках защищали от штурмового отряда дом профсоюзов в Бурцене. В Брауншвейге при занятии с.-д. здания «Друг народа» был застрелен штурмовиками профсоюзный инструктор Ганс Зайле. В тот же день часть дрезденских рабочих бастовала в знак протеста против погрома, учиненного в народном доме. Варварски разгромлен был в этот день и берлинский дом профсоюзов.

Относительно захвата дома профсоюзов и дома Отто Брауна в Кенигсберге имеются следующие показания очевидца.

«Происходило очередное месячное заседание центрального союза (секция здравоохранения), а затем, как это было заведено с давних лет, была устроена дружеская вечеринка.

В это время под покровом ночной тьмы в здание проникли штурмовики. Сторож был очевидно заблаговременно разоружен и собравшиеся были застигнуты врасплох. Вдруг с двух сторон распахнулись двери, и около шестидесяти человек, вооруженных револьверами, ворвались в зал и дали несколько выстрелов в потолок и стену. Рикошетом пять человек были ранены, из них один очень тяжело. После этого бандиты с револьверами в руках выгнали мужчин и женщин из зала на улицу. Верхнее платье собравшихся было захвачено, так что женщинам пришлось возвращаться домой в легких платьях, а мужчинам без шляп и пальто. После этого были обысканы канцелярии профсоюзов и полностью разгромлены. Категорически уверяют, что в доме не было охраны «республиканского флага» и что не было произведено ни одного выстрела, так как иначе участники собрания обязательно должны были их услышать. Даже управляющий домом ничего не слышал.

Иначе обстояло дело при захвате дома Отто Брауна. В 11 ч. 20 м. вечера явились двое полицейских в форме, забрали у находившегося на посту ночного сторожа его револьвер и объявили его заложником, сказав при этом: «Примите к сведению, что если мы найдем в доме хотя бы одного вооруженного человека, то мы вас пристрелим». Десять минут спустя большой отряд штурмовиков вломился в дом, в котором не было никого, кроме ночного сторожа. В доме проживал управдом Нисланд, женой и двумя дочерьми. Три штурмовика направились в квартиру Нисланда и потребовали от него ключи от бюро. Затем

началась ломка и разрушение, совершенно непонятные нормальному человеку. Мебель разбивалась и изрубалась в щепы топорами, заранее принесенными штурмовиками. Картины были уничтожены, кассы и столы взломаны. Все бюро представляло груду обломков.

Так же было все разбито в районном бюро с.-д. и в бюро союза свободомыслящих. Урны были особым объектом этого разгрома. Три штурмовика с наведенными револьверами в руках приволокли затем управляющего издательства «Кенигсбергской народной газеты»; в течение почти 4 часов его водили под указанной охраной по помещениям дома, непрерывно грозя расстрелом. Управляющий Бланк был вынужден открыть сданные в аренду гаражи и перенести находившиеся там автомобили. Здесь находились автомобили частных лиц и фирм, арендовавших гаражи. Они также подверглись обыску. Бланк получил затем приказ—под угрозой направленных на него трех револьверов—сидеть на улице черно-красно-золотое знамя.

Дом построен три года назад и находился до вторжения бандитов-штурмовиков в наилучшем состоянии. Сейчас он начинается разрушенное и покинутое разбойничье гнездо».

Захват здания союза горняков в Бохуме описан в с.-д. «Фолькс-штимме» (в Саарбрюкене) от 13 марта:

«Центральное правление союза горняков в Бохуме подверглось нападению гитлеровских бандитов из штурмовых отрядов и защитных дружин и было разрушено сверху донизу. Все дела были сожжены, причем части дома также затронуты огнем.

Президиум союза, поскольку он находился в пределах досягаемости вместе с председателем, членом рейхстага Гуземапом, был захвачен штурмовиками».

Эти немногие примеры отображают лишь небольшую частицу событий тех дней *во всей Германии*. Над всеми зданиями профсоюзов, народных домов и редакций газет с.-д. и компартии был насильственно поднят флаг со свастикой.

Моральная провокация

Национал-социалисты не удовлетворились удавшейся провокацией, проведенной коричневой командой поджигателей в рейхстаге, они прибегли к средствам моральной провокации. Дом Карла Либкнехта они переименовали в «дом Хорста Весселя» и превратили в штаб политической полиции.

Имя Карла Либкнехта известно рабочим всего мира. Имя этого благородного, самоотверженного революционера священо для миллионов рабочих далеко за пределами Германии. Имя Либкнехта, безбоязненно, несмотря на опасное положение, в разгар мировой войны поднявшего свой голос против убийства миллионов людей, говорившего от имени всего грудящегося человечества,—это имя пользуется огромным уважением передовых людей всего мира.

Кто же был национал-социалистический «герой» Хорст Вессель, эта легендарная фигура национал-социалистических фальсификаторов?

Хорст Вессель, студент-кутила, сын пастора, сутенер в районе берлинской Мюнцштрассе. Даже сами фашисты не в состоянии оспорить тот факт, что «герой» Хорст Вессель, устраивавший со своими молодцами ночные охоты на «марксистов», жил на средства проститутки. Убит он был прежним сутенером этой же проститутки у нее в комнате. Национал-социалистические мифотворцы повествуют, что Хорст Вессель стремился только «спасти душу» этой проститутки. Национал-социалистическая пресса утверждала— и это стало официальной легендой, что Хорст Вессель пал от руки коммуниста. Имя этого «героя» присвоено теперь прежнему центральному зданию коммунистической партии Германии, имя Либкнехта стерто.

Разгром организаций, террор на предприятиях

Компартия официально не запрещена в Германии. Однако все коммунистические вожди и партийные работники объявлены вне закона с начала террористического похода, который ведется с драконовской жестокостью.

Вне закона поставлены все организации, которые имели репутацию организаций классовой борьбы.

Революционные профсоюзные организации, как то: объединенный союз горнорабочих, берлинский объединенный союз металлистов, революционная профсоюзная оппозиция загнаны в подполье. Та же судьба, что и компартию, постигла после пожара рейхстага внепартийные революционные рабочие организации, как антифашистский союз, общество красного спорта, революционные союзы писателей, деятелей изобразительных искусств, рабочих фотографов и др.

Германское общество «Красная помощь», пролетарская организация, помогающая всем трудящимся—жертвам юстиции независимо от их принадлежности к тому или иному политическому направлению, загнана в подполье. Нелегально должна организовываться даже самая скромная помощь жертвам гитлеровского варварства.

Вне закона объявлена международная рабочая помощь, которую называют «продовольственным отрядом бастующих рабочих», за ее работу во время многих экономических боев пролетариата. Имущество ее конфисковано, деятели и члены ее подвергаются преследованиям. Фашистское насилие направлено против всех социальных и культурных организаций рабочих: детских организаций, союза защиты матерей, рабочего союза социально-политических организаций. Оно направляется и против пацифистских организаций: лиги прав человека, германского общества мира и других.

Итоги мартовских выборов фабрично-заводских комитетов, происходивших уже в разгул разгрома рабочих организаций, конечно не отразили действительного настроения рабочих.

Маринус ван дер Люббе

Маринус ван дер Люббе был один только застигнут в горящем рейхстаге и арестован. Национал-социалистические поджигатели оставили его в горящем рейхстаге для того, чтобы использовать его как «доказательство» против коммунистов.

В каких условиях происходили выборы, даст представление отчет металлоставода «Унион» в Дортмунде. Он характерен для «выборов» фабрично-заводских комитетов почти на всех германских предприятиях.

«Накануне выборов на «Унионе» в Дортмунде был арестован и посажен в тюрьму руководитель выборов Дикман, много лет возглавлявший организацию на предприятии. Фашисты назначили президиум и предложили рабочим явиться на выборы. Они заявили при этом, что всякий, кто не примет участия в выборах, будет рассматриваться как враг национального правительства. Всех явившихся на выборы точно регистрировали, наблюдали за тем, какие избирательные записки вкладывались в конверты и передавались к столу, где находилась избирательная комиссия. По окончании подачи записок вожак фашистов взял урну и со своими друзьями подвел итоги выборов. Ни один рабочий какой-либо другой организации не присутствовал при подсчете голосов».

Несмотря на эти методы, фашисты все же остались на большинстве предприятий, равно как и на дортмундском «Унионе», при выборах фабзавкомов в меньшинстве. То, чего нельзя было достигнуть во время выборов запугиванием, шантажом и фальсификацией, фашисты провели в течение апреля посредством открытого насилия; из комитетов были «вычищены» представители свободных профсоюзов и революционно настроенные элементы. Мандатов лишены были даже христианские члены комитетов, которые были известны как антифашисты. Штурмовые отряды врываются в комнаты заседаний комитетов, члены комитетов избивались, арестовывались и вынуждались под угрозой убийства отказываться от мандатов. Для исправления результатов выборов на все предприятия были назначены в качестве членов комитетов национал-социалистические комиссары.

Разгром профсоюзов

«День национального труда» — 1 мая, когда под угрозой лишения работы (особенно в государственных, коммунальных и небольших предприятиях) сотни тысяч людей были принуждены принять участие в официальной демонстрации, послужил правительству Гитлера для подготовки еще более крупного акта. 2 мая штурмовые отряды заняли помещения профсоюзов. Разгром профсоюзов был объявлен от имени нового, дотоле неизвестного, «Комитета защиты немецкого труда».

Всеобщему германскому союзу профсоюзов не помогло и то, что он призывал участвовать в гитлеровской первомайской демонстрации: «Немецкий рабочий должен участвовать в первомайской демонстрации в сознании своих классовых интересов».

Помещения профсоюзов были заняты, над вождями издевались и их избивали. «Немецкий рабочий фронт» захватил в свои руки весь аппарат профсоюзов.

Мы приводим ниже некоторые документы, характеризующие методы разгрома профсоюзов.

Родители ван дер Люббе

Францискус Корнелис ван дер Люббе и Петронелла ван Хандель с ребенком Маринусом

«НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТЫ ЗАХВАТИЛИ В СВОИ РУКИ СВОБОДНЫЕ ПРОФСОЮЗЫ».

«ВОЖАКИ АРЕСТОВАНЫ — ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННАЯ КАМПАНИЯ».

(Заглавные строки «Дейче альсгейне цейтунг» 2 марта 1933 г.).

«Сила несомненно в наших руках, но еще не весь народ с нами. Тебя, рабочего, мы еще не имеем на 100 процентов».

(Из воззвания д-ра Лей 2 мая).

«ЧИСТКА СВОБОДНЫХ ПРОФСОЮЗОВ И СОЗДАНИЕ РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ».

«ЗАХВАТ ВСЕХ ДОМОВ ПРОФСОЮЗОВ ШТУРМОВЫМИ ОТРЯДАМИ—50 ПРОФСОЮЗНЫХ ВОЖАКОВ АРЕСТОВАНО».

«ВТОРАЯ ГЛАВА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

(Заголовок «Фелькишер беобахтер» от 3 мая 1933 г.).

«После того как 1 мая Германия в самом широком смысле усвоила национал-социалистическое толкование понятия «трудящиеся», движение сделало 2 мая выводы из этого обстоятельства. Так называемые свободные профессиональные союзы не были верны своему назначению и предали идею профсоюзов интернациональному марксизму».

(Альфред Розенберг в «Фелькишер беобахтер» 3 мая 1933 г.).

«Журнал национал-социалистических заводских организаций «Арбейтертум», орган теории и практики заводских организаций, с сегодняшнего дня становится официальным органом Всеобщего объединения германских профсоюзов и Всегерманского союза служащих».

(Воззвание комитета Лей от 2 мая 1933 г.).

«МАРКСИСТСКОМУ НАТРАВЛИВАНИЮ РАБОЧИХ ПОЛОЖЕН КОНЕЦ».

«После того как кампания против марксистских профсоюзов нашла совершенно исключительный отклик в народе и особенно у рабочих под влиянием грандиозного народного движения, центральный союз христианских профсоюзов Германии, объединение германских служащих, рабочих и чиновников (гиршдункеровское), профсоюз служащих и другие мелкие союзы вынуждены были объявить письменно о безусловном подчинении вождю национал-социалистической немецкой рабочей партии и беспрекословном выполнении распоряжений им назначенного исполнительного комитета для защиты германского труда».

(Из объявления д-ра Лей от 4 мая 1933 г.).

«МНОЖЕСТВО ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ В МАРКСИСТСКИХ ПРОФСОЮЗАХ».

«ТЕМНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ДЕЛИШКИ—ПОДЛОЖНЫЕ БАЛАНСЫ—8 МИЛЛИОНОВ ОРГАНИЗОВАННЫХ РАБОЧИХ ПОД РУКОВОДСТВОМ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА».

(Заглавные надписи в «Фелькиштер беобахтер» от 5 мая 1933 г.).

Первое воззвание д-ра Лей, руководителя «Комитета действия для защиты немецкого труда», было выдержано в тонах, очень дружественных профсоюзам.

«Мы никогда не разрушали ничего, что представляло какую бы то ни было ценность для нашего народа, и никогда не сделаем этого и в будущем. Это основное положение национал-социализма. В особенности это касается профсоюзов, которые были организованы на трудовые сэкономленные на еде и питье рабочие гроши. Рабочий, твои учреждения для нас, национал-социалистов, священны и неприкосновенны. Я сам сын бедного крестьянина и знаком с нуждой: 7 лет я сам провел на одном из крупнейших предприятий Германии».

Следует попутно отметить, что д-р Лей никогда не был рабочим, а 7 лет состоял высоко оплачиваемым старшим служащим И. Г. Фарбениндурии и ушел оттуда, получив крупную выходную сумму. Д-р Лей заставил о себе говорить благодаря своим похождениям и темным делишкам и особенно благодаря нападению в пьяном виде в Кельне на председателя с.-д. партии Вельса. В момент насильственного ограбления профсоюзов национал-социалистические вожди прибегли к тактике торжественных обещаний организованным в профсоюзы рабочим. Они обещали сохранить их социально-политические учреждения, но в то же время во всей национал-социалистической прессе была начата кампания разоблачения «злоупотреблений в профсоюзах». Штурмовые отряды стояли наготове, чтобы револьверами и дубинками убеждать членов профсоюзов в дружественном отношении фашистов к рабочим.

Несколько недель спустя, когда (10 июня) в своих «Основных положениях сословного строя» д-р Лей провозгласил абсолютную диктатуру капиталистического предпринимателя, от «святости» и «неприкосновенности» профорганизаций не осталось и следа. Профсоюзы должны по новой версии являться вспомогательными органами государства фашистской диктатуры. Так разлетаются в пух и прах обещания национал-социалистических вождей, после того как достигнута цель—мошенническая маскировка их подменной политики.

«Смертельный выстрел»

«Мы скорее дадим смертельный выстрел по марксизму, чем допустим когда-либо, чтобы он снова ожил. Лейпарты и Грасманы могут притворно заверять Гитлера в преданности—лучше, если у нас под замком. Поэтому-то мы и выбиваем у марксистской банды главное оружие из рук и лишаем ее по-

следней возможности когда-либо снова окрепнуть. Дьявольская мораль марксизма должна околоть на поле брани национал-социалистической революции».

(Из воззвания д-ра Лея от 2 мая 1933 г.).

«Коррупция» и коррупция

Одним из методов борьбы национал-социалистов является «ликвидация» противников путем обвинения их в злоупотреблениях. Так заткнули рот директору пожарных отрядов Гемпу, знавшему подробности поджога рейхстага. Этим способом «ликвидировали» многих чиновников веймарской республики и многих руководителей еще не «унифицированных» буржуазных организаций. Так свели счеты с комиссаром труда Гереке за то, что в 1932 г. во время президентских выборов он был руководителем избирательного комитета и боролся, таким образом, против кандидатуры Гитлера.

После того, как под председательством Лея были «унифицированы» свободные профсоюзы и весь их организационный аппарат, в виде дополнения к быстро забытым обещаниям понизить профсоюзные взносы и улучшить обслуживание профсоюзами своих членов национал-социалистические вожди начали кампанию разоблачений «растрат и хищений».

Пространные репортерские отчеты фашистской прессы описывали, как роскошно были устроены канцелярии профсоюзов. Целые столбцы в газетах повествовали о высоких окладах, получаемых руководителями профсоюзов. Фашистские вожди, подчинившие разграбленный профсоюзный аппарат бюрократическому политическому командованию фашистских комиссаров, ловко пытались использовать для фашистской «чистки» возмущение радикально настроенных членов профсоюзов бюрократизмом вождей и их политикой мира в промышленности во время прежних стачек.

С этой целью фашистская пресса противопоставляла нужде членов союзов, задержкам в выдаче пособий во время экономических боев широкий образ жизни профсоюзных вождей. Крупным шрифтом «Фелькишер беобахтер» оповещал, что председатель всегерманского союза служащих Ауфхейзер получил выходное пособие в размере 18-месячного оклада из расчета 940 марок в месяц—всего 16 920 марок. Под заглавием «Сброд» «Дортмундер локаланцейгер» опубликовал письмо Лейпарта, в котором последний при принятии должности руководителя АДГБ (всегерманского объединения профсоюзов) требовал жалованья в размере 4 тыс. марок в месяц, при этом умалчивалось, что письмо Лейпарта относится к 1921 г., когда 4 тыс. марок составляли на деле 240 золотых марок.

Эта лицемерная борьба с «злоупотреблениями» дополнялась просто измышлениями национал-социалистических «разоблачителей». Всякий расход и трата, которые приходились не по политическому вкусу фашистов клеймились как «измельнические». Так например «разоблачили», что во время президентских выборов профсоюзы предоставили с.-д. партии 300 тыс. марок для поддержки политики Гинденбурга. Центральный союз служащих выдал весной 1932 г.

Союзу республиканского флага 50 тыс. марок, а в июле и ноябре 1932 г.—по 15 тыс. марок с.-д. партии. Представители революционной профсоюзной оппозиции постоянно боролись против использования средств профсоюзов на буржуазную с.-д. политику. Но политическим трюком является несомненно, когда национал-социалистические вожди, разгромившие классовые профсоюзы, выступают в качестве борцов против использования профсоюзных средств не на цели классовой борьбы!

Конфискация имущества с.-д. партии и Союза республиканского флага

Национал-социалисты провели свои мероприятия против профсоюзов и потребительских обществ во имя «сохранения трудовых грошей». Следующим ударом была конфискация всего имущества с.-д. партии и Союза республиканского флага.

«Берлин» 10 мая 1933 г.

«Главный прокурор I берлинского судебного округа распорядился о конфискации всего имущества с.-д. партии Германии и ее газет, равно имущества Союза республиканского флага и его газет. Основанием конфискации являются многочисленные случаи растрат, которые были вскрыты при принятии профсоюзов и рабочих банков национал-социалистическими организациями. Следует еще добавить, что кроме имущества с.-д. партии конфисковано также имущество близких с.-д. партии организаций».

(«Ангриф» 10 мая 1933 г.).

В тот же день были конфискованы все денежные средства с.-д. партии на текущих счетах в почтовых отделениях, в партийных издательствах и в рабочем банке. Помещения с.-д. организаций, Союза республиканского флага и с.-д. газет были закрыты. Официальное «Прусское бюро печати» разослало сообщение, что возбуждено дело «о растрате и мошенничестве» против с.-д. депутата профсоюзного вождя Лейпхарта, ввиду того, что «значительные средства профсоюзов были истрачены не по назначению».

Те же меры были постепенно приняты против всех близких к с.-д. организаций, против спортивного рабочего союза, против немецкого союза свободомыслящих, союза улучшения быта рабочих и других. 11 мая последовало распоряжение о передаче потребительских союзов в «надежные руки».

«В целях сохранения больших ценностей, вложенных в предприятия потребительских союзов, которым грозит опасность, потребительские союзы должны, согласно указаний вождя—имперского министра хозяйства и других компетентных органов, быть переданы в надежные руки для дальнейшего ведения дел.

«Желательно, чтобы потребительским союзам не чинилось препятствий в их дальнейшей работе. Вместе с тем ясно пред-указано, что они не должны расширяться дальше. Проведение

соответствующих мероприятий руководитель немецкого рабочего фронта д-р Лей возложил на руководителя рабочего банка партийного товарища Карла Мюллера».

(«Фелькишер беобактер» от 12 мая 1933 г.).

Под флагом борьбы с растратами и хищениями последовала затем конфискация имущества профсоюзов.

«Отдел прусского министерства юстиции по борьбе с злоупотреблениями наложил арест после конфискации имущества с.-д. партии и Союза республиканского флага на все имущество профсоюзов. Проведение надлежащих мероприятий принял на себя руководитель немецкого рабочего фронта д-р Лей».

(«Фелькишер беобактер» от 13 мая 1933 г.).

23 июня 1933 г. гитлеровское правительство распорядилось в обычном для него порядке о роспуске с.-д. партии; партии запрещена всякая политическая работа, представители ее исключены из всех парламентов. Не помогло ни то, что с.-д. одобрили 17 мая в рейхстаге внешнеполитическую декларацию Гитлера, ни то, что новый председатель партии Лебе делал попытки добиться от гитлеровского правительства терпимого отношения, отмежевываясь от эмпирировавшей части президиума партии.

Конфискация имущества компартии

27 мая, спустя много месяцев после того, как все находившееся в пределах досягаемости имущество компартии и связанных с ней родственных организаций было конфисковано, был издан следующий закон о конфискации коммунистического имущества:

§ 1. (1) Высшие власти германских государств, равно и другие инстанции по их указанию, вправе конфисковать в пользу государства имущество и права КПП и ее вспомогательных и замещающих организаций, равно права и имущества, которые имели назначением содействие коммунистическим целям.

(2) Имперский министр внутренних дел может предписать местным властям применять мероприятия, указанные в разделе I.

§ 2. Параграф 1 не применяется к объектам, сданным в аренду, или поставкам с сохранением права собственности за поставщиком, за исключением тех случаев, когда арендатор или поставщик имел целью путем передачи своих вещей содействовать коммунистическим целям.

§ 3. Права на конфискуемые вещи погашаются. Конфискацией земельных участков не погашаются права на эти участки. Конфискующее учреждение может объявить право погашенным, если передачей эквивалента преследовалось содействие коммунистическим целям.

§ 4. Во избежание чрезмерных строгостей допускается удовлетворение кредиторов из конфискуемой массы...

§ 7 устанавливает недопустимость возмещения, а § 8 уполномочивает министра д-ра Фрика издавать во исполнение закона всякого рода распоряжения.

Конфискации, направленной против коммунистического или числившегося якобы коммунистическим имущества, подверглась самая распространенная рабочая берлинская газета «Вельт ам абенд», стоящая на позициях классовой борьбы. Газета выходила в издательстве «Космос».

Когда в первые же месяцы гитлеровской диктатуры выяснилось, что официальные национал-социалистические газеты не находят распространения среди широких рабочих масс, в министерстве пропаганды г. Геббельса придумали новый мошеннический трюк. В конце мая была выпущена под прежним названием, в прежнем формате и виде новая национал-социалистическая газета «Вельт ам абенд». В первые дни она пыталась замаскировать также и содержание, дала видимость объективной информации из СССР и постоянно апеллировала к рабочему читателю, но уже через несколько дней эта национал-социалистическая газета вынуждена была защищаться публично от тех *разоблачений, которые были сделаны берлинскими рабочими в нелегальных летучих листках.*

«Сословные» цели национал-социалистов

Чем отчетливее становилась в течение первых 5 месяцев национал-социалистического режима его полная неспособность преодолеть хозяйственные затруднения, а также то, что он неуклонно ведет Германию к катастрофе, тем грубее должны были национал-социалисты осуществлять свою диктаторскую власть. Они вынуждены идти к полной узурпации власти, к монопольному положению партии и своих псевдо-рабочих организаций. Фашисты разогнали при помощи полиции католический съезд подмастерьев в Мюнхене, на котором должен был выступить в качестве официального оратора вице-канцлер фон Папен. Христианским организациям запрещена всякая деятельность кроме чисто религиозной. Возраставшая конкуренция заводских организаций и боевых дружин националистов была подавлена полицейской силой. Немногие представители христианских профсоюзов во вновь образованном «Большом конвенте труда», — верхушке «унифицированных» профсоюзов, были изгнаны оттуда по распоряжению д-ра Лей как «враги национального правительства».

В уже упомянутых «основных положениях о сословном строе и немецком рабочем фронте» («Фелькишер беобахтер» от 8—10 июня 1933 г.) д-р Лей излагает, какие сословные цели фашисты ставят себе после уничтожения легальных рабочих организаций.

Программа Лей:

а) Рабочим воспрещается борьба за более высокую зарплату, так как она является выражением «жажды наживы».

Лей пишет буквально следующее:

«Мы знаем, как дух наживы может овладеть человеком, мы знаем, как жива в людях жажда денег. Один стремится к большей зарплате, другой — к большим дивидендам, но именно потому, что мы это знаем, мы ясно поняли и то, что не следует поощрять это «свинское начало» в человеке при помощи ис-

кусственных организаций и что задачей более высокого управления государством является препятствовать этим человеческим порокам, обуздывать их и, если нужно, грубой силой подавлять и ограничивать их...

б) Восстанавливается на предприятиях без всяких ограничений «руководство» предпринимателей.

Д-р Лей говорит:

«Поэтому сословный строй в первую очередь передает снова в руки естественного руководителя предприятия, т. е. предпринимателя, всю полноту руководства и тем самым возлагает на него полную ответственность.

«Фабрично-заводской комитет состоит из рабочих, служащих и предпринимателей. Но он обладает только совещательным голосом. Решать может только предприниматель. В течение ряда лет многие предприниматели требовали, чтобы они были «хозяевами в доме».

Теперь они снова станут такими «хозяевами».

в) «Твердые» тарифные договоры прошлого должны быть уничтожены, они должны быть елико возможно «жизненными и гибкими».

г) Существовавшие до сих пор рабочие суды лишаются всякой тени независимости. Вместо них учреждаются так называемые «сословные суды», в которых наряду с представителями от предпринимателей будут заседать отборные фашисты под маской представителей от рабочих и служащих.

Программа д-ра Лей не носит частного характера. Это официальный партийный и правительственный документ, составленный по поручению Гитлера. Его враждебное отношение к рабочим и дружественное отношение к предпринимателям совершенно очевидно. «Сословный строй», долженствующий преодолеть классовое деление и классовую борьбу во всех областях, обострит повсюду классовую диктатуру предпринимателей.

Назначение «12 арбитров по труду», которым предоставлено во всех областях Германии право диктаторски устанавливать условия труда, служит той же цели: полному устранению права рабочих участвовать в регулировании условий их жизни. Назначение национал-социалистов на все посты в профсоюзах, в государственном аппарате и других организациях создает широко разветвленную национал-социалистическую бюрократию. Эта монополия в условиях капитализма при полном отсутствии контроля снизу должна стать источником самых отвратительных злоупотреблений.

Каждый день в Германии служит новым свидетелем того, что ни произвол, ни ярость погромщика, ни жажда убийства, проявляемая национал-социалистическими вождями, не в силах уничтожить классовую борьбу германского рабочего движения. Можно разрушить его легальные организации, но десятки тысяч убежденных и бесстрашных борцов за социализм продолжают вести нелегальную борьбу.

ПОХОД НА КУЛЬТУРУ

Одновременно и наряду с главным наступлением на рабочий класс Германии и его организации Гитлер и Геббельс ведут войну против лучших слоев германской интеллигенции.

Салоги штурмовиков растаптывают то, что создано упорным трудом лучших ученых и художников. Они растаптывают многих интеллигентов в буквальном смысле слова, подвергая их жестоким истязаниям, хотя они часто совершенно не поддерживают никаких связей с борющимся пролетариатом; фашисты ненавидят их за независимость, прогрессивность и свободомыслие. Уже один либеральный образ мыслей является при Гитлере «преступлением», которое должно безжалостно караться.

Геббельс командует коричневыми инквизиторами, которые считают возможным повернуть назад колесо истории—далеко за пределы, предшествующие Великой французской революции. С его костылем, церемониальным маршем и требованием слепого послушания на националистический лад фальсифицированный *Fridericus rex*¹ должен являться содержанием «культуры» «третьей империи». Все «еврейское» и «либеральное» или так называемое «марксистское», олицетворяющее буржуазный прогресс и просвещение последних 150 лет, должно быть истреблено.

В гитлеровской Германии нет места ни для идей «свободы духа», ни для самого скромного стремления буржуазных ученых к научной объективности, нет места для самого скромного выражения социальной борьбы народных масс за свободу в произведениях искусства. Все это изгнано с кафедр, со сцены, с дирижерских пультов, из клиник, научно-исследовательских институтов и академий. Костры из произведений прогрессивной литературы на площадях немецких городов своими огнями свидетельствуют о том, что коричневое варварство стремится не только физически уничтожить наиболее смелых и бескорыстных антифашистов, но что оно намерено уничтожить все, что может оставить жизнеспособного и ценного в наследство рабочему классу буржуазная культура, и даже все, что выступает под знаком буржуазного прогресса.

Последние знаменосцы идей «либерализма» физически и морально подвергаются уничтожению со стороны коричневых насильников, которых разнуздали господствующие силы, чтобы замедлить гибель капиталистической системы. Последние германские события показали яснее ясного, что в нашу эпоху *будущее культуры неразрывно связано с борьбой за свободу рабочего класса.*

¹ Прусский король—Фридрих II.

Преследование ученых

«О век! о наука! как радостно жить!»

(Ульрих фон Гуттен)

Смертельная вражда фашизма обрушивается, само собою понятно, прежде всего на тех интеллигентов, которые открыто признают себя сторонниками освободительной борьбы рабочего класса или близки к пацифистским организациям.

Со всей силой она обрушилась на них уже в первые дни после пожара рейхстага. Первая волна арестов, прокатившаяся вслед за провокацией коричневых поджигателей, захватила немецкую группу основанного в Амстердаме общества врачей для борьбы с империалистической войной. Их вожака д-ра Феликса Бенгейма держат в гитлеровской тюрьме с конца февраля.

Д-р Бенгейм—весьма уважаемый и хорошо известный своими научными трудами специалист по внутренним болезням. Он не состоял ни в какой политической партии. Научное значение его работ доставило ему место главного врача в одной из самых больших больниц Берлина—в Гуфеландовском госпитале. Одного факта, что д-р Бенгейм стал по долгу совести во главе движения врачей против войны, было достаточно для того, чтобы навлечь непримиримую вражду гитлеровских фашистов.

Его деятельность в интернациональном обществе врачей квалифицируется как «государственная измена». Ему не предоставлено никакой правовой защиты; несмотря на многие месяцы тюремного заключения он лишен свиданий и связи с семьей.

Макс Ходанн, известный своей активной работой в пролетарских кругах как консультант по сексуальным вопросам, автор многих научно-популярных работ, уже много месяцев находится в руках гитлеровских палачей.

Известный ученый марксист Герман Дункер, пользующийся большой известностью в мировом рабочем движении, посажен в тюрьму несмотря на тяжелую болезнь и глубокую старость. Жизнь его в величайшей опасности. Человек, в котором до войны целое поколение с.-д. рабочих видело своего уважаемого учителя, осужден на психическую и физическую гибель в гитлеровской темнице.

Писатель Карл Август Витфогель—автор ценной работы о Китае, писатели Людвиг Ренн, Карл фон Осецкий, Курт Гиллер, Эгон Эрвин Киш, Эрих Мюзам, Клаус Нойкранц, Эрих Барон и др., врачи проф. Шеллер из Бреслава, д-р Аш из Берлина, д-р Вольгемут из Гамбурга были арестованы. Научные институты, университеты и школы должны превратиться в заведения, где путем муштры насаждается «культура штурмовиков».

Преследование крупных ученых, подозреваемых в марксистских, пацифистских или либеральных идеях, распространяется даже на немецких националистов. Преподавательские кадры важнейших немецких университетов уничтожаются с варварским безрассудством.

Доносительство и карьеризм бездарных, но сумевших воспользоваться моментом недсучек, торжествуют во-всю.

Мы берем лишь несколько примеров из громадного списка увольнений, отставок и преследований.

Уничтожают цвет немецкой науки

Наиболее известен случай преследования знаменитейшего физика Альберта *Эйнштейна*. Эйнштейн—швейцарский подданный, член Прусской академии наук, навлек на себя ненависть фашистов своими леводемократическими политическими настроениями, активным интересом к еврейскому вопросу и всемирно известными научными трудами. Для фашистов он в силу этого «не немец». Научные труды Эйнштейна были сожжены на костре у Берлинского университета под ликующие возгласы «фашистов». Уже одно это выступление против получившего нобелевскую премию Эйнштейна делает гитлеровскую Германию посмешищем в глазах современной науки.

Без развития точных наук не может существовать ни одна отрасль высокоразвитой промышленности, тем не менее гитлеровский режим прогнал из высших школ наиболее достойных представителей естествознания и математики.

Геттингенский университет имеет старые научные традиции: он воспитал в течение последних 50 лет целое поколение крупных исследователей. Крупнейшие профессора этого университета изгнаны.

Джеймс *Франк*—физик-экспериментатор с мировым именем, награжденный нобелевской премией, был принужден к «добровольному» уходу в отставку как еврей.

Проф. *Борн*—известнейший физик, не может продолжать в Германии свои «немецкие исследования».

Математик *Курант*—авторитет в области теории функции, *Бернштейн*—самый крупный страховой математик в Европе, *Эмма Нётер*—видный ученый в области математики и высшей алгебры—все они должны были покинуть свои места.

Берлинский математический факультет лишен лучших преподавателей. Большие потери понес и Берлинский политехникум.

Среди изгнанных находится проф. *Артур Корн*—физик, заслуга которого заключается в том, что он первый указал практические методы осуществления телевидения.

Среди жертв «чистки» высшей школы на первом месте находятся берлинский математик *Шур* и профессора *Миссес* и *Биберах*.

Это яростное преследование представителей точных наук равносильно самоубийству даже с точки зрения современного капиталистического ведения хозяйства. Оно находится в резком противоречии с теми большими возможностями, которые в СССР предоставлены всем честным ученым.

Среди жертв национал-социалистической чистки находится также награжденный нобелевской премией Фриц *Габер*. Являясь главой целой школы химиков, Габер уже до войны был крупным научным авторитетом первого разряда. Он первый разработал прак-

тически оправдавший себя способ получения азота из воздуха. Он меньше всего пацифист. Габер оказал вильгельмовской Германии величайшие услуги во время мировой войны. Имя его связано с высшим развитием современной германской химии. Как совершенно правильно отмечает «Таймс» (4 мая 1933 г.), ирония истории заключается в том, что фашисты вынудили уйти в отставку такого человека (Габера), которому вероятно Германия более чем кому-либо другому обязана тем, что могла продержаться в течение четырех лет войны.

Одновременно изгнан проф. *Полани*—ближайший сотрудник Габера.

Среди других известных ученых—представителей точных наук, которые должны были уйти благодаря варварству национал-социалистов, мы находим проф. *Бюка*, работавшего над теорией квантов Планка; кенигсбергского математика *Гейзеля*, известного самостоятельными работами по теории чисел, кильского проф. *Адольфа Франкеля*, опубликовавшего крайне ценную книгу по теории количеств, берлинского физика *Принсгейма*, в трудах которого разрабатываются вопросы теории лучей.

Все указанные научные работники—известные и уважаемые в кругах специалистов ученые, исследователи и педагоги. Уже *неполное* перечисление показывает, что при этом разгроме дело идет о действительном уничтожении немецкой науки, что немецкий фашизм борется против всякого научного прогресса посредством инквизиции и костров.

Не давать заграничных паспортов ученым

Приглашение Альберта *Эйнштейна* в «Институт Франции» и лекции «подвергнувшегося каре» гинеколога проф. Бернгарда *Цондека* в Стокгольме повели к тому, что серьезно стали обсуждать вопрос об отобрании заграничных паспортов у подвергшихся каре профессоров. «Немецкий» дух этих ученых не должен быть использован и заграничными университетами:

«Правая «Теглихе рундшау» от 17 апреля 1933 г. предъявила правительству требование, принимая во внимание приглашение Эйнштейна в «Институт Франции», о немедленном лишении заграничных паспортов 16 уволенных в отпуск профессоров, так как никто не может гарантировать, что тот или иной из них не будет в ближайшее время развивать противогерманскую политику с кафедры в Париже, Лондоне или Оксфорде. При этом следует иметь в виду, что некоторые из них, как *Кельзен*, *Ледерер* и *Бонн*, имеют великолепные заграничные связи».

Самые выдающиеся врачи не вправе работать в Германии

В другом месте этой главы нами приводится неполный список уволенных, находящихся в долгосрочном отпуске и отстраненных ученых Германии.

Мы хотим вкратце охарактеризовать лишь нескольких снятых с работы врачей.

Бернгард *Цондек* был охарактеризован известным шведским ученым *Эйлером*, получившим нобелевскую премию по медицине как исключительная крупная величина. Мы обязаны Цондеку открытием химического метода анализа мочи, дающего возможность установить беременность в самом ее начале. Метод этот имеет величайшее значение как с точки зрения чисто медицинской, так и с точки зрения социальной гигиены. Цондек дал блестящие работы в области исследования гормонов. Он стремился к исследованию половых гормонов, специфического у мужчин и женщин вещества, наличие которого установлено лишь в последние годы. Цондек, один из пионеров этих новых методов исследования, в самое последнее время продолжал работать с удивительным успехом над получением «искусственных» половых гормонов. Гитлеровское правительство нашло нужным лишить его кафедры.

Берлинский исследователь туберкулеза *Фридман*, устраненный от работы, посвятил всю свою жизнь борьбе с народным бедствием — туберкулезом. Он нашел ценное средство против туберкулеза.

Мориц Борхард, директор хирургического отделения Моабитской больницы (в Берлине), тайный медицинский советник, профессор, был в молодости ассистентом знаменитого немецкого хирурга *фон Бергмана*, затем главным врачом больницы им. *Вирхова* в Берлине. Борхард боролся с туберкулезом как хирург. Его сместил национал-социалистический «комиссар здравоохранения».

Как был разрушен и уничтожен Гиршфельдовский институт изучения половой жизни

Вполне надежный и достоверный свидетель-очевидец, не работавший в институте, но имевший возможность наблюдать события, составил следующий протокол, как был разрушен этот всемирно известный исследовательский научный и лечебный институт.

«Утром 6 мая 1933 г. «Берлинер локаланцейгер» сообщила, что «чистка» книг «ненемецкого» направления в берлинских библиотеках начнется утром этого дня и что в институте Гиршфельда эту операцию проведут студенты высшей гимнастической школы.

Институт изучения половой жизни был основан в 1918 г. в доме, ранее принадлежавшем князю Гацфельду, доктором *Магнусом Гиршфельдом*, и вскоре институт перешел в ведение прусского правительства как общепольное учреждение. Благодаря исключительным, не имеющим себе равных коллекциям и исследованиям, архиву и библиотеке, институт получил международную известность и признание. Много иностранных ученых, врачей, писателей приезжало в Берлин для работы в институте.

Ввиду указанного газетного сообщения была сделана попытка переправить в надежное место некоторые, особенно ценные

частные книги и манускрипты. Это оказалось однако невозможным, так как молодой человек с книгами был задержан и ограблен стражей, которая была выставлена у института очевидно еще ночью. 6 мая в 9 ч. 30 м. к институту подъехало несколько грузовиков со 100 студентами и духовым оркестром. Они построились перед домом по-военному и затем под музыку ворвались в дом.

Ввиду утреннего часа канцелярия института еще была закрыта, и ответственный представитель отсутствовал; в институте находились только несколько уборщиц и один имевший косвенное отношение к институту человек. Студенты потребовали, чтобы их впустили во все помещения института. Так как некоторые помещения института, как то: приемные комнаты в партере и Бюро международной лиги сексуальной реформы пустовали и были заперты, то студенты взломали двери. После того как в нижнем этаже они не нашли для себя ничего интересного, они направились в первый этаж, где прежде всего сблили чернилами ковры и рукописи, а затем принялись за частные книжные шкафы. Они забирали с собою все, что им казалось «сомнительным», придерживаясь все же в основном «черных списков». Они забирали кроме того и другие книги; так например из личной библиотеки секретаря Гизе они забрали большую книгу о Тутанхамоне и много художественных журналов. Они извлекли и забрали из архива большие стенные таблицы случаев гермафродитизма, которые были изготовлены в свое время для международного конгресса врачей в Лондонском кенсингтонском музее в 1913 г. Большинство этих таблиц они выбросили вниз через окна своим товарищам.

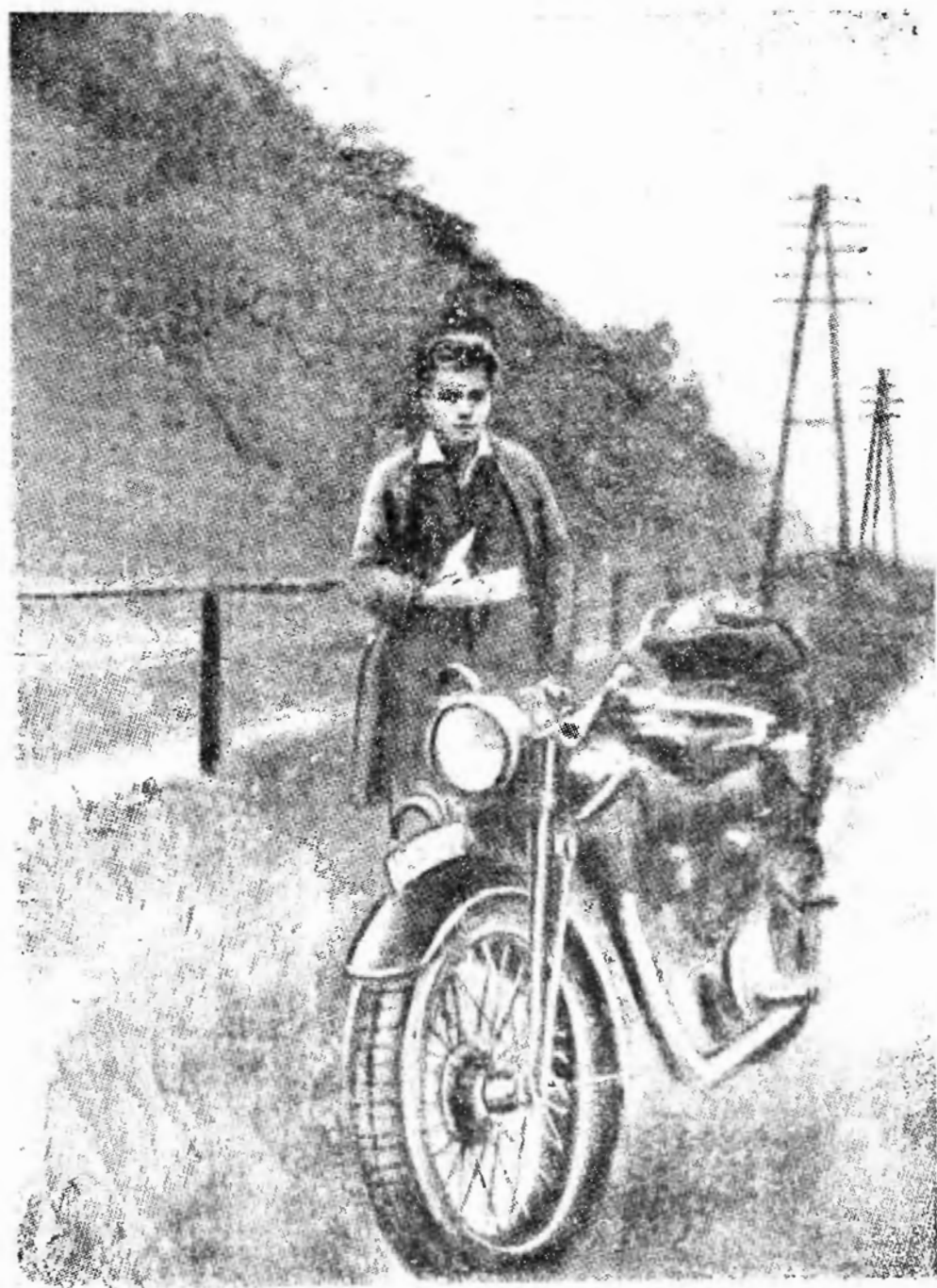
Большинство картин и фотографий сексуальных типов они снимали со стен и играли ими в футбол, в связи с чем образовались кучи битого стекла и мусора. На указания одного студента, что это ведь *медицинский* материал, другой ответил, — что «это неважно»; дело не в конфискации нескольких снимков и книг, а в *уничтожении института*.

После довольно продолжительной речи была выброшена на мостовую и разбита модель (в натуральную величину), которая изображала процессы внутренней секреции. В другом кабинете разбили шваброй пантостат, обслуживавший пациентов, затем захватили бронзовый бюст д-ра Гиршфельда и ряд других произведений искусства. Из институтской библиотеки они взяли с собою только несколько сот книг.

Служащие находились все время под охраной; играла музыка, которая привлекла к дому большие толпы любопытных. В 12 часов вожак произнес заключительное слово и под звуки похабной песни и марша Хорста Весселя команда удалилась.

Живущие в институте полагали, что этим дело кончилось, но в 3 часа дня явились снова грузовики со штурмовиками, заявившими, что они должны продолжать конфискацию, так как утренняя команда не имела достаточно времени, чтобы основательней провести операцию. Эта вторая команда пред-

Поездка в Мюнхен

На этом снимке ван дер Люббе изображен рядом с мотоциклом, на котором он в сентябре 1931 г. доехал до Мюнхена. Мотоцикл № 53102 принадлежит трамвайному кондуктору Плегку в Гааге. Во время своей первой поездки в Германию ван дер Люббе познакомился с д-ром Беллом, а в сентябре 1931 г. он посетил его в Мюнхене.

приняла тщательный обыск всех помещений и в корзинах натаскала два полных грузовика ценных книг и манускриптов. Судя по бранным репликам, имена авторов, находившихся в специальной библиотеке, были знакомы студентам. Так, не только Зигмунд Фрейд, портрет которого был утащен с лестницы, удостоился звания «жида Фрейда», но и Гавеллок Эллис был обозван «свиньей Эллисом». Кроме Эллиса особое внимание было уделено сочинениям английских авторов — Оскара Уайльда, Эдуарда Карпентера и Нормана Гейра, из американских — судьбе по делам малолетних Линдсею, Маргет Зенгер и Джорджу Сильвестру Фирэку; из французских — Андре Жида, Марселю Прусту, Иверу Лоти, Золя и т. д. Книги ван де Вельде и датского врача д-ра Леунбаха тоже вызвали брань студентов. Были захвачены целые комплекты журналов, как например 24 тома «Ярбух фюр сексуэлле цвишенштудфен». Намеревались утащить и заполненные анкетные листы (несколько тысяч), и только категорическое указание, что это анкеты больных, заставило студентов отказаться от этой мысли. С другой стороны, оказалось невозможным воспрепятствовать тому, чтобы не был забран материал Международной лиги социальных реформ, полный комплект журнала «Сексус» и картотека. Много (в том числе и неопубликованных) рукописей (среди них Крафт—Эбинга и Карла Гейнриха Ульрихса) погибло.

Они все спрашивали, когда *вернется* д-р Гиршфельд. Они хотели, как они выражались, чтобы им «намекнули», когда он *вернется*. Еще до погрома неоднократно в институт являлись штурмовики и спрашивали, где д-р Гиршфельд. Когда они получили ответ, что вследствие заболевания малярией он находится за границей, они ответили: «Ну, тогда, надеемся, он околеет и без нашей помощи, — и нам не придется его повесить или убить».

Когда 7 мая стало известно из берлинских и заграничных газет о разгроме института, президиум Международной лиги послал телеграфный протест, в котором было указано, что среди материалов института имеется много заграничного имущества и что оно поэтому не должно быть сожжено, как предполагается. Телеграмма эта, направленная министру просвещения, была оставлена без внимания; напротив того, много книг и картин было сожжено три дня спустя на площади оперы вместе с другими книгами. Число уничтоженных томов из специальной библиотеки института превышает 10 тыс. Во время факельного шествия студенты несли бюст д-ра Гиршфельда, который был затем брошен ими в костер».

В отчетах национал-социалистов этот *культурный* акт изображен следующим образом :

ЭНЕРГИЧНОЕ НАПАДЕНИЕ НА КУХНЮ ЯДОВ

Немецкие студенты выкуривают Институт изучения половой жизни

«Отряд X округа немецкого студенчества занял вчера Институт изучения половой жизни, которым руководил еврей Маг-

Две открытки ван дер Люббе

Верхнюю открытку ван дер Люббе продавал перед своим путешествием в Европу в феврале — марте 1931 г. в Лейдене, а позже и в Германии. На открытке указано, что «образовательная поездка» начинается с 14 апреля из Лейдена. Эта открытка и является якобы «коммунистическим агитационным материалом», из-за которого ван дер Люббе был арестован в Гронау в Вестфалии.

Изображенная внизу открытка подтверждает болезненную наклонность ван дер Люббе ко лжи. Она адресована тому самому Холверде, который должен был якобы участвовать в путешествии. Она сдана в Потсдаме на почту в день, когда путешествие должно было начаться из Лейдена пешком.

нус Гиршфельд. Институт этот, который пытался прикрыться научными интересами и в течение 14 лет марксистского господства постоянно поддерживался существовавшей властью, являлся, как это твердо установлено обысками, очагом грязи и смрада. Был конфискован целый грузовик порнографических картин и рукописей, а также дела и картотека... Частью найденного материала займется уголовная полиция, другая часть будет сожжена публично».

«Ангриф» от 6 мая 1933 г.

«Немецкие социологи, государственствоведы и юристы»

Выбрасывая видных социологов, государственствоведов и юристов, фашисты удалили со своих мест и многих весьма консервативных исследователей.

Наиболее известен из изгнанных Альфред Вебер—гейдельбергский социолог. Вместе со своим покойным братом Максом Вебером он в ряде крупных работ дал очерки развития первобытных хозяйственных форм внеевропейских народов и культур. Вебер—отнюдь не марксист, буржуазный ученый. Смертный грех Вебера заключается в том, что он не накладывал национал-социалистическую печать полуобезьян или низших рас на другие нации и культуры.

Берлинская высшая торговая школа потеряла своего ректора—известного либерального политэконома, профессора Бонна. Государствовед Аншюц вынужден был покинуть Гейдельбергский университет. Аншюц считался первоклассным авторитетом в своей области еще в вильгельмовской Германии. Позднее он занялся комментированием веймарской конституции. Изгнаны и многие другие правоведы: кельнский буржуазный проф. Кельзен, Гармс из Килья, Файлер, прежний редактор «Франкфуртер пейтунг», правый с.-д.—Эмиль Радбрух, с.-д. Зинигеймер из Франкфурта, Ледерер из Гейдельберга, Геллер из Франкфурта.

Крупнейший немецкий цивилист—проф. Мартин Вольф был насильственно удален с кафедры студентами-фашистами. Либеральный проф. международного права Левин-Шюкинг из Килья, представитель Германии в Гаагском международном трибунале, уволен.

Прогнаны также и крупные психологи. Вильям Штерн (Гамбург), опубликовавший крупные работы по детской психологии, и Макс Вертгеймер (Франкфурт) не имеют больше права преподавать в немецких университетах. В Гамбурге наряду с полудюжиной менее известных профессоров уволен высоко образованный известный представитель так называемой марбургской школы философ Эрнст Кассирер.

На костер

«Политическая полиция конфисковала в Берлине около 10 тыс. центнеров книг и журналов и перебросила их в колючки бывшей конной полиции, где они будут подвергнуты подробному осмотру. Конфискация проходила не всегда без

трений. После того как стало известно о готовящейся конфискации, многие библиотеки постарались припрятать книги. Большинство скрытых книг было однако найдено в сараях, погребах, садовых беседках, чердаках и на частных квартирах» («Фелькишер беобахтер» от 21—22 мая 1933 г.).

«Мы не являемся и не хотим быть страной Гёте и Эйнштейна. Этого-то мы и не хотим» (Гуссонг. «Берлинер локаланцейгер» от 7 мая 1933 г.).

«Когда калиф вознамерился сжечь Александрийскую библиотеку, многие стали умолять его, чтобы он пощадил это ценное собрание.

— Зачем?—спросил калиф.—Если в книгах написано то, что сказано в коране, тогда они излишни. Если же они содержат что-нибудь другое, тогда они вредны».

Поэтому Александрийская библиотека была сожжена.

10 мая на площади берлинской оперы напротив университета пылало пламя громадного костра. Вся площадь была оцеплена повоенному черными и коричневыми отрядами штурмовиков. Грузовики подвозили громадные штабелы книг. Играли оркестры, раздавались крики толпы, на автомобиле примчался министр пропаганды Геббельс.

Эта единственная в своем роде сцена сожжения книг под звуки «Германия превыше всего» и марша Хорста Весселя имела место в 1933 г. На костер летели сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Розы Люксембург, Карла Либкнехта и Августа Бебеля. Сожжение сочинений этих великих ученых и борцов, указавших трудящемуся человечеству путь к свободе, стало зрелищем для распушенной реакционной погромной толпы. «Германия, Германия превыше всего!...»

В огонь бросали сочинения писателей-нацифистов, пламя пожирало сочинения буржуазных поэтов и социальных реформаторов, имена которых пользовались величайшим почетом в буржуазной Германии. Огонь уничтожил книги Томаса Манна, Генриха Манна, Леонарда Франка, Магнуса Гиршфельда, Зигмунда Фрейда, Якова Вассермана, Стефана Цвейга, Бертольда Брехта, Альфреда Деблина и Теодора Пливира. «Германия, Германия превыше всего!»...

Это аутодафе продуктов творчества прогрессивных умов происходило вблизи памятников Александру и Вильгельму Гумбольдтам у Берлинского университета. Вильгельм фон Гумбольдт, основатель этого университета, носитель духа эпохи просвещения, хотел поднять юнкерскую Пруссию до уровня тогдашнего буржуазного мира Запада. Перед его памятником немецкое студенчество в форме штурмовиков устроило погром и уничтожило прогрессивную литературу. «Германия, Германия превыше всего!»...

Пылающее пламя перед университетом, клубящийся дым над головами шовинистической возбужденной толпы, речь министра пропаганды Геббельса—зрелище, которое верная Гитлеру газета «Цвельф ур блат» назвала «призрачным». Забыт дурной опыт угнетателей всех времен с применением костра, воскрешены средневековые призраки. Пламя перед Берлинским университетом должно по-

плотить вместе с марксизмом высшие достижения буржуазной культуры и науки последних 150 лет.

Во всех частях Германии происходит яростное уничтожение прогрессивной литературы. 10 тыс. частных библиотек конфискованы во время обысков, и во многих случаях они уничтожены на месте или увезены.

Библиотека лейпцигского пародного дома, одна из самых больших и ценных в Германии, содержащая исключительно редкие книги по рабочему движению, стала жертвой ненависти к марксизму коричневых «культуртрегеров».

Вот несколько случаев публичного сожжения книг на основании сообщений националистского «Телеграфен унион» от 10 мая 1933 г. Берлин. 10 мая

— В Мюнхенском университете имело место празднество, во время которого ректор, тайный советник фон Цумбуш, торжественно передал студентам новые правила о студенческих организациях. Торжественную речь произнес баварский министр просвещения Шемм, говоривший о национальной революции и задачах университетов. В заключение состоялось факельное шествие к королевской площади, где было совершено сожжение «ненемецких книг».

«В Дрездене на студенческой демонстрации говорил поэт Вильгельм Веспер. После торжественного акта было организовано факельное шествие к бисмарковской колонне, где после речи старшины дрезденского студенчества была сожжена вся безнравственная литература».

«В Бреславле состоялась демонстрация студенчества на площади перед замком. После торжественной речи профессора университета Борнгаузена было сожжено около 40 центнеров безнравственной литературы».

«Во Франкфурте на Майне демонстрацией руководил профессор университета Фрике; организована она была на историческом римском холме. Два вола тащили воз с макетами книг, которые должны были быть символически сожжены. Сожжение закончилось пением гимна Хорста Весселя».

Несколько дней спустя были сожжены на костре в Дюссельдорфе сочинения великого немецкого поэта Генриха Гейне. В своей берлинской речи господин Геббельс назвал шествие запряженных волов к костру и сожжение книг «мощным символическим актом». Сожжение однако дело не чисто символическое,—реакция германского фашизма стремится сжечь всякое печатное слово, которое приходится ей не по вкусу, так же как она старается уничтожить физически авторов и распространителей антифашистской литературы.

Коричневый список

Коричневый список, подлежащий сожжению литературы, мы находим в гутенберговской «Нахваустабе» от 26 апреля 1933 г.

«Художественная литература: Шолом Аш, Анри Барбюс, Бертольд Брехт, Макс Брод (за исключением его романа «Тихо Бра-

ге»), Альфред Деблин (за исключением его «Валленштейна»), Илья Эренбург, Альберт Эренштейн, Артур Элессер, Лион Фейхтвангер, Иван Голль, Ярослав Гашек, Вальтер Газенклевер, Артур Голичер, Генрих Эдуард Якоб, Иосиф Калеников, Гина Кауз, Эгон Эрвин Киш, Гейнц Липман, Генрих Манн (кроме его «Флейт и кинжалов»), Клаус Манн, Роберт Нейман, Эрнст Оттвальт, Курт Пинтус, Теодор Пливир, Эрих Мариа Ремарк, Людвиг Ренн (только «После войны»), Альфред Широкауер, Артур Шницлер, Рихард Беер Гофман, Эрнст Толлер, Курт Тухольский, Арнольд Цвейг, Стефан Цвейг и книга Андриены Томас—«Катя идет в солдаты».

Политика и государственные науки: Ленин, Карл Либкнехт, Карл Маркс, Гуго Пройс, Вальтер Ратенау, Рудольф Гильфердинг, Август Бебель, Макс Адлер, С. Ауфгейсер, Н. Бухарин, Е. И. Гумбель, Л. Байер, Елена Келлер. Из Лассаля все, кроме его—«Речей перед судом присяжных» и «Об особенной связи современной эпохи с идеей рабочего сословия».

История. Вообще все пацифистские и «пораженческие» сочинения должны быть удалены, в том числе вся пробольшевистская литература по истории России.

Должны между прочим быть искоренены работы Отто Бауера, Карла Чупика, Оскара Блюма, Пауля Гана, Мюллер-Франкеля, Курта Керстена—«Бисмарк и его время», Франца Меринга—«К немецкой истории» и «К истории Пруссии», а также сочинения Глезера, Эптона Синклера».

Председатель германского студенчества округа Берлин-Бранденбург Гутъяр руководил сожжением книг на площади перед Берлинским университетом. Кроме указанных книг он сжигал также сочинения Энгельса, Зигмунда Фрейда, Эмиля Людвига, Альфреда Керра, Осецкого, Теодора Вольфа, Георга Бернгарда, Берты фон Зутнер, Розы Люксембург, Теодора Гойсса, фон Шенайха и ван де Вельде.

Идеологическое бессилие коричневых властителей проявляется в их борьбе за уничтожение науки и литературы, в их явном стремлении уничтожить в публичных библиотеках все то, что необходимо для понимания истории культуры и науки.

Сожжение Гитлером всех произведений немецкой прогрессивной мысли не должно ни на минуту заставить забыть, чем человечество обязано в прошлом духовному творчеству Германии.

Не погибла в огне на костре на площади оперы способность Германии служить человеческой культуре. Никогда Гитлер, Геббельс, Геринг и Руст не были представителями «истинно немецкого духа». Действительные культурные творческие силы Германии воплощены в тех миллионах людей, которых со звериной жестокостью преследуют и терроризируют фашисты: в рабочих-антифашистах, ученых, художниках и интеллигентах. Эти миллионы людей служат залогом того, что Германия в будущем станет ведущей социалистической культурной страной.

«Чистка» Прусской академии художественной литературы

Когда мы говорим о гитлеровском походе Прусской академии художественной литературы, мы вовсе не ставим себе целью выяснить, являлась ли ее работа в годы веймарской республики действительно положительной и творческой.

Несомненно однако, что по сравнению со своими фашистскими преемниками все изгнанные или ушедшие по принуждению члены академии являются поистине гигантами по дарованию и знаниям и пользовались заслуженной репутацией.

Среди «вычищенных» членов академии Томас *Манн*, получивший нобелевскую премию, вероятно наиболее выдающийся писатель буржуазной Германии. Его преступление заключалось в том, что в течение последних лет он приближался к с.-д. и неоднократно протестовал против организованных судебных расправ и убийств (дело Сакко и Ванцетти и Ракоши). Этот большой писатель германской буржуазии был выброшен из академии; ему никогда не простят того, что он однажды назвал национал-социалистическую партию «наиболее испорченными отбросами современности».

Брат его Генрих *Манн* пытался создать себе в буржуазном обществе положение «независимого свободного ума». Он дал карикатурное изображение буржуа периодов империи («Верноподданный») и республики («Великое дело»). Генрих Манн поддерживал международное амстердамское массовое движение против империалистической войны. Гитлеровские молодцы выкинули его так же, как и его брата Томаса.

Третий писатель германской буржуазии, ненавидимый фашистами,—Яков *Вассерман*. Сочинения его переведены на многие языки. Главное его преступление—еврейское происхождение и буржуазно-либеральная идеология его романов.

Четвертый вычищенный—Альфред *Деблин*, по профессии врач, работавший в рабочем квартале Берлина, начал свою литературную карьеру фантастическими, частью экзотическими романами («Три прыжка Ванг Луна», «Валленштейн», «Горы, моря и гиганты»). Последний большой роман его «Берлин-Александрплац». В публичных выступлениях сам Деблин характеризовал себя как «классово сознательного буржуа». Его формально художественные эксперименты примыкают к ирландцу Джемсу Джойсу и американцу Дос Пассосу.

Франц *Верфель*—писатель с чисто буржуазной идеологией, 20 лет назад был вождем экспрессионизма. Его роман о Верди доставил ему большую популярность. Фашисты его не выносят.

Вычищены далее Рене *Шикеле*—немецкий поэт из Эльзаса, Леонард *Франк*—автор книги против войны («Человек добр») и романов с общественно-критической тенденцией («Банда разбойников» и «Причина»). Его погубило в глазах фашистов его прошлое, так как в последние десятилетия Леонард Франк все более склонялся направо и уделял внимание чисто буржуазным темам.

Драматург Георг *Кайзер*—своеобразный с анархическими тенденциями талант, вынужден был покинуть академию. Фриц фон *Унру*—драматург веймарской республики; либеральный писатель Бернгард *Келлерман*; лирические поэты *Момберт* и Рудольф *Панвиц*, а также Людвиг *Фульда*—автор комедий—выброшены за борт. Одна из немногих женщин-писательниц, обнаруживших крупное литературное дарование, Рикарда *Гух* сама вышла из состава академии в начале апреля.

Наряду с никогда не выступавшими политически Оскаром *Лерке*, Яковом *Шафнером* сохранил свое место в академии и Гергард *Гауптман*.

Автор «Ткачей» проделал уже ряд «эволюций». Во время войны он подписал позорную декларацию 93 ученых и писателей в защиту применявшихся способов ведения войны германскими империалистами. После войны его чествовали как поэта веймарской республики. Он упорно молчал, когда коричневый террор изгонял лучших буржуазных писателей и ученых из Германии.

Посмотрим теперь, кого ввел в Прусскую академию национал-социалистический министр просвещения Руст.

Их свадебный генерал—Ганс *Иост*, который когда-то держа нос по-ветру, приветствовал революцию. Это ноябрьское преступление ему простили. Он—единственный национал-социалистический писатель, создавший себе некоторое имя. Сейчас по приказу гитлеровского правительства идет на сцене сотен германских театров его драма «Шлягетер», герой которой говорит буквально следующее:

«Когда я слышу слово культура, я спускаю предохранитель своего браунинга».

Остальные аттракционы господина Руста в Прусской академии поэтов—это Ганси *Каросса* да еще незначительные литераторы вроде Эмиля *Штрауса*, Вилия *Веспера*, Вильгельма *Шефера*, Агнесы *Мигель* и Петера *Дёрфлера*. Ганс *Грим* придумал в своем романе «народ вне пространства», а Бернс фон *Мюнхгаузен* писал романтические баллады тевтонского направления.

В поисках людей с именем фашисты пытались привлечь в академию лирика Стефана *Георге*. Коричневые вандалы и «обновители немецкого народа» охаживают смиренно этого наиболее ненародного из немецких поэтов и ярко выраженного сноба, чтобы прикрыть его именем культурную политику Адольфа Гитлера.

Коричневая поэзия

Д-р Иосиф Геббельс—министр пропаганды—написал роман под заглавием «Михаил или судьба немца—роман-дневник». Михаил, ищущая немецкая душа, имеет видения. Зло является ему в образе русского Ивана и хочет совратить его благородную душу в большевизм. Душа Михаила борется с искусителем.

«Но я его сильнее
И хватаю его за глотку.
Бросаю на землю.

Он лежит,
Хрипя с набухшими от крови глазами.
Издохни, стерва! Я разбиваю ему череп!
И теперь я свободен!»

Вот тот дух, который свидетельствует о полной зрелости для гитлеровской академии литературы.—«Я разбиваю ему череп! Издохни, стерва!»

Известный писатель Ганс Гейнц Эверс, которого Геббельс назначил руководителем союза защиты немецких писателей, пока еще не назначен официально в академию. Этот порнограф, романы которого «Альрауне», «Вампир» несколько позже попали даже в национал-социалистические списки безыравственной литературы (они-то единственно этого вполне заслужили!), является официальным биографом национал-социалистического героя Хорста Весселя.

Ганс Гейнц Эверс, спекулировавший раньше в литературе как «сатанист» на всяких половых извращениях, сейчас занимается идеализацией сутенерской среды и изобразил, как «герой» Хорст Вессель пал жертвой своего соперника—тоже сутенера. В день рождения Гитлера германское радио передавало «Хорст Вессель»—произведение Ганса Гейнца Эверса. Имя Эверса уже много лет предано забвению, и только сейчас он снова появился на литературном горизонте в качестве поэта «третьей империи». В 1922 г. Эверс написал весьма дружественное евреям предисловие к книге Израиля Зангвиля («Голос Иерусалима», изд. Самуила Кронбаха, Берлин 1922). Конъюнктура сейчас изменилась, и Г. Г. Эверс стал антисемитом.

Прусская академия обновлена во имя нового духа, «пробуждающаяся лирика» которого звучит в унисон популярным песням штурмовиков:

«Все птички уже прилетели»!

(Мотив «Прощай» и «Все птички»)

1. Прощай, дорогая родина.
В Страсбурге на валу
Начинается большая печаль.
Слава тебе, украшенному венком победителя.
Как раскат грома раздается клич:
Роза Люксембург утоплена в канале,
Карл Либкнехт повешен на дереве.
2. Все птички уже прилетели,
Все в полном сборе—
Дрозды, зяблики и синицы
И республиканский флаг черно-красный—
Жаль, что нет в нем золота.
Вот ведь жалость!

(Из книги «Германия, проснись!». Малая книга песен националистов, изд. «В» Пауля Аренда, Зульцбахплац).

Нельзя сказать, чтобы это 8-е распространенное издание коричневой лирики не было типичным. Оно собственно не отличается ничем от популярной песни штурмовиков.

«Когда по ножу течет еврейская кровь,
Мы счастливы вновь!»

или другой:

«Вен до крови красное отродье!
Штурмовики идут—прочь с дороги!»

Этим программным настроениям фашистов вполне соответствует и то, что мюнхенский городской совет распорядился уничтожить и сравнять с землей могилы Густава Ландауэра и Курта Эйснера, убитых баварской контрреволюцией в 1919 г.

Поход против «ненемецкой» музыки

Господин Иосиф Геббельс — имперский министр пропаганды — заявил 9 мая руководителям театров и работникам искусства.

«Для искусства нужно уменье, а не благие пожелания». В качестве иллюстрации к этой красивой фразе приведем еще один список потерь, понесенных германским искусством.

Среди лучших немецких музыкальных исполнителей всегда называли имена дирижеров: Бруно Вальтера, Отто Клемперера и Фрица Буша.

Отто Клемперер был несколько лет руководителем оперы Кроля в Берлине, которую он сделал рассадником современной музыки. Благодаря ему выдвинулись Гиндемит и Курт Вейль. После того как опера Кроля закрылась, Клемперер был приглашен в Государственный оперный театр, где он работал в том же направлении. Дирижерская палочка вырвана из рук Клемперера, так как он еврей.

Бруно Вальтер — всемирно известный дирижер, ученик Малера. Его знают в Америке и Англии не хуже, чем в Германии. Он еврей, но «для искусства нужно уменье», и потому он не вправе больше быть дирижером в Германии. Его заменил какой-то господин Фузель, придворный музыкант фашистов (капельмейстер какого-то большого духового оркестра), чуждый как искусству, так и уменью, он будет теперь внедрять искусство в «пробудившуюся» немецкую нацию.

Главный руководитель дрезденской оперы Буш — блондин, его «арийское» происхождение вне сомнения. Человек он консервативный, но не национал-социалист. Буш внес новую жизнь в работу знаменитой Дрезденской оперы. В дни «национального пробуждения» какой-то доносчик-фашист вышел во время спектакля на сцену и потребовал, чтобы Буш отказался от своей должности.

«Берлин. 8 марта.

Штурмовой отряд в 60 чел. занял вчера вечером сцену городской оперы, где исполнялось «Риголетто» под руководством известного дирижера Буша. Как сообщает «Фоссише цейтунг», начальник штурмового отряда объявил публике, что дальнейшее руководство театром он принимает на себя и что дирижер Штригер сейчас сменит Буша. Когда Буш пытался дирижировать дальше, штурмовики подняли страшный шум, и Буш был вынужден покинуть театр, а Штригер занял дирижерский пульт».

Наиболее известный сейчас немецкий пианист—несомненно Артур Шнабель, достигший тридцатилетней работой крупнейших успехов в музыкальном исполнении. Он руководил высшим классом рояля Берлинской консерватории. Его выгнали за еврейское происхождение. Удалили и его товарищей по консерватории—Эмиля Фейермана, единственного крупного сейчас германского виолончелиста, Леонида Крейцера—хорошего пианиста и профессора высшего музыкального отделения консерватории. Устранен прекрасный скрипач Карл Флеш; выкинуты известный дирижер Оскар Фрид, много поработавший в области новой музыки; известные оперные дирижеры Фриц Штиори, Густав Брежер и крупный пианист Бруно Эйслер.

Из композиторов к фашистам немедленно примкнул Макс фон Шиллингс, лишенный всякой оригинальности композитор и шаблонный дирижер. Шиллингс старался занимать и занимал высокие посты при веймарской республике: после отставки Макса Либермана он занял пост председателя Академии искусств. Его друг—композитор Ганс Пфизнер всецело на стороне фашистов. К этой компании примыкает из видных композиторов еще Рихард Штраус. Хотя его произведения и служат, по мнению фашистов, «еврейскому похотливому щекотанию чувственности», но он уже на пути к тому, чтобы стать придворным композитором.

Из современных немецких композиторов фашисты не оставили на месте почти ни одного.

Арнольда Шенберга выгнали из высшей музыкальной школы. Шенберг,—как бы ни расценивать его музыку,—оказал крупнейшее влияние на развитие современной музыки. Политически консервативный Шенберг был революционером музыкальной формы и музыкального языка. В гитлеровской Германии нет места для этого искавшего новых путей человека.

Курт Вейль—один из наиболее известных немецких композиторов, автор «Оперы нищих», имевшей мировой успех. Его музыка запрещена, и он как еврей не имеет теперь родины.

Уволен из Берлинской музыкальной школы оперный композитор Франц Шрекер (наибольшей известностью пользуется его опера «Далекий звон»), человек мало прогрессивный. Его происхождение «не безупречно».

Особую ненависть фашистов навлек на себя первый пролетарский революционный композитор Ганс Эйслер, которому тоже пришлось уехать за границу. В последние годы он создал для немецкого рабочего класса большие хоровые произведения («Die Massnahme») и много популярных боевых песенок, распеваемых с величайшим одушевлением рабочими на улицах, в собраниях и дома и получивших распространение и за границей. Он постоянно и сознательно рассматривал свое творчество как орудие пролетарской борьбы. Вышедши из шенбергской школы, он дал ряд новых ценных достижений в области революционной пролетарской музыки. В гитлеровской Германии его ждут муштра в концентрационном лагере или мученическая смерть в казарме штурмовиков.

Германская музыка, вот уже ряд лет переживающая общий кризис, лишилась из-за фашистов своих лучших сил.

Это побудило работающего в муссолиниевской Италии знаменитейшего дирижера с мировым именем Артуро Тосканини отказать от участия в вагнеровском юбилее в Байрейте. В начале июня он послал госпоже Виннифред Вагнер следующую телеграмму:

«Вопреки моим надеждам до сих пор не изменился ход событий, оскорбляющих мои чувства человека и художника. Я считаю поэтому своим долгом нарушить молчание, которое я хранил в течение 2 месяцев, и известить вас, что лучше будет с точки зрения моего, вашего и общего спокойствия не думать больше о моем приезде в Байрейт.

«С чувством неизменной дружбы к семье Вагнер

Артуро Тосканини».

Театр—изобразительные искусства—кино

На немецкой сцене должно теперь торжествовать шовинистическое прославление Шлягетера и романтическая идеализация Хорста Весселя. Господин Геббельс ставит сейчас в Берлине свою «известную» пьесу «Странник».

С немецкой сцены сошли крупные артисты, которые могут похвалиться большими достижениями. Все государственные, городские и частные театры «унифицируются». Все организации театральных работников находятся во власти фашистских комиссаров. Фриц Кортнер, Макс Палленберг, Массари, Бергер; режисеры Макс Рейнгарот и Еснер изгнаны за границу как «не немцы».

При коричневой диктатуре Руста не выступают больше оперные артисты Лотта Шене, Фрида Лайдер, Александр Кипнис и др. Изгнан за границу пролетарский революционный певец Эрнст Буш—одаренный художник, популяризовавший пролетарские песни Эйслера и ставший тем самым глашатаем борьбы за свободу немецких рабочих масс.

Кинообщество «Уфа» издало распоряжение, согласно которому еврей-актеры могут играть в выпускаемых обществом фильмах только роли отрицательных типов. Хозяева немецкого кино намерены демонстрировать в своих фильмах евреев только в качестве плутов, преступников и патологических типов. В начале июля последовало распоряжение Геббельса, что евреи могут вообще выступать только с его предварительного разрешения.

В помещении бывшего союза работников сцены (также «унифицированного» насильно подобно профсоюзам) состоялось 6 июня общее собрание объединения художественных руководителей театров. Объединение это вошло в качестве специальной группы в национал-социалистический союз борьбы за немецкую культуру.

Государственный комиссар Гинкель объявил на этом общем собрании новый поход—«чистку» деятелей искусства.

«Согласно предложению прусского министерства просвещения министру-президенту Герингу доложено об организации прусского театрального комитета. На этот комитет, председателем которого назначается Гингель, возлагается пересмотр личного состава директоров театров, заведующих музыкальной частью, капельмейстеров, режиссеров, солистов всех городских театров. На днях последуют распоряжения, которые дадут возможность аннулировать, изменять и дополнять договоры с тем, чтобы впредь художественное творчество в духе немецкого театра не встречало никаких препятствий. Мероприятиями в области законодательства можно аннулировать частнопроводимые обязательства, если они противоречат интересам немецкого театра».

(«Франкфуртер цейтунг», 8 июня 1933 г.).

Безрассудная разрушительная работа ведется во всех областях искусства. На основании параграфа об арийцах заставили уйти в отставку весьма консервативного председателя Академии искусств, крупного художника Макса *Либермана*. Он вынужден был уйти также и из берлинской сецессии, одним из основателей и многолетним председателем которой он являлся. Само собой понятно, что при национал-социалистическом курсе должна была отправиться в изгнание Кете *Колльвиц*—гениальная художница рабочего мира. Художникам и скульпторам, явившимся жертвами немецкой «чистки» художественных выставок, нет числа.

Наиболее известные прогрессивные германские *кинорежиссеры* вынуждены искать работу за границей. В черные списки попали все близкие пролетариату деятели кино, все пролетарские прогрессивные фильмы. Немедленно были запрещены гитлеровским правительством между прочим следующие фильмы:

«Куле Вампе», «Ничья земля», «Товарищи», «Путь матери Краузе к счастью», «Другая сторона», «Завещание д-ра Мабузо», «На западном фронте без перемен», «Женское счастье—женское горе», «Деревянные кресты» (французский фильм). Из советских фильмов между прочим запрещены: «Путевка в жизнь», «Потомок Чингисхана», «Мать», «10 дней, которые потрясли мир», «Конец С.-Петербурга», «Человек без памяти» и др.

Горе всякому, подозреваемому в какой бы то ни было связи с пролетарским кино!

Характерным примером является арест и избиение д-ра *Штейглера* штурмовиками и вспомогательной полицией. Штейглер работал много лет в качестве директора общества народного кино в Берлине (Фридрихштрассе, 238). По соображениям чисто коммерческим у общества имелось в прокате несколько советских фильмов. Этого оказалось вполне достаточным для того, чтобы штурмовики и полиция заняли помещение и арестовали всех служащих. Будучи доставлен в казарму, д-р Штейглер подвергся ужасным избиениям и истязаниям в присутствии своих сотрудников.

Школа «третьей империи»

«Говорят, что в наших школах участвуют в состязаниях нагие мальчики и девочки, и таким способом из них воспитываются воины и амазонки. Но дают ли им школы какие-нибудь знания? Не возбуждает ли у них нагота чувственности?»

«Никким образом, мой дорогой, так как мы заставляем их упражняться до тех пор, пока они дохнуть не могут, а когда они уже утомлены, они не в состоянии ни думать, ни испытывать страсть».

«А как же, мудрый законодатель, с науками и искусствами, которые они должны изучать?»

«Им вовсе не нужно ни учиться, ни думать. Кто в состоянии думать, может замыслить и дурное; тот же, кто достигает телесного совершенства и весь день не имеет возможности передохнуть, может быть вполне полезным гражданином».

(Из беседы о спартанском воспитании в древней Греции).

Веймарская республика допускала некоторые, пусть весьма недостаточные эксперименты в школьной политике. Она создала возможность (по крайней мере в более крупных городах) кончать народную школу без изучения закона божия. Привилегии имущих классов в области просвещения не были затронуты ею. Но все же были сделаны некоторые робкие шаги к допущению в высшие учебные заведения рабочих, кончивших среднюю школу. Кое-где допускалось существование курсов для подготовки таких рабочих.

Сейчас школа сверху донизу превращена в казарму религиозно-христианской муштры. Запрещены и ликвидированы все опыты (вроде тех, которые производились в реальной гимназии им. Карла Маркса в Нейкельне) с новыми методами преподавания, опыты группового ведения занятий (в зависимости от преобладающей склонности участников в группе, хотя бы в виде деления на группы по изучению языков) и прежде всего опыты систематической подготовки рабочих к поступлению в высшую школу.

Уже в своей книге «Моя борьба» Гитлер развил свою школьную программу. Она в достаточной степени родственна цитированной выше программе спартанского циника. В школе «третьей империи»,—по мнению Гитлера,—должны обучаться не наукам, но прежде всего повиновению вождю. То, что Гитлер говорит грубо, без обиняков, Фрик старается несколько завуалировать.

В программной речи 9 мая 1933 г. перед министрами просвещения немецких государств Фрик, отсиживавшийся во время мировой войны в тылу на родине в Пирмазенсе, требует от школы героического воспитания для подготовки пушечного мяса. «До сих пор, заявляет Фрик, все шло плохо, так как дети не воспитывались, а учились».

Чего хочет Фрик?

ан дер Люббе

допрашивается в Берлине в присутствии нескольких журналистов комиссаром Гейзигом по обвинению в поджоге рейхстага.

Письмо ван дер Люббе

из следственной тюрьмы в Берлине. Наш корреспондент гidel, восемь писем, которые Люббе написал из тюрьмы в апреле.

Berlin

Berthe Jan

Je hartelijke brief in dank
vernommen. Je moet echter
meer met meer over die
doad schrijven. Dat gaat toch nie
later schijft ik nog veel is, ook
meer. Alles gaat mij goed.
Mijn hartelijke groeten aan
om mijn ook aan alle ande
mette ^{grijpen} gijdet hebben dat goed ma

«Больше чем когда-либо мы должны сейчас помнить, что перед нами стоят мировые задачи, которые мы должны разрешить совместно с родственными нам по расе германскими народами северной Европы и созданными ими заокеанскими государствами. задачи, решение которых должно открыть для энергии северной расы широкое поле для культурно-созидательной работы».

Точно не указано, кто эти «родственные по расе» народы? Господин Фрик хочет, кажется, объединить их против всех «людей низших рас», чтобы создать мировую «третью империю», которая должна показать, как обстоит дело в благоустроенном гитлеровском государстве, всем «малоценным» представителям романской и других «рас».

«Наряду с развитием чисто физической ловкости и силы следует придавать особое значение воспитанию воли и решительности, которые являются необходимым условием для выработки радостного чувства ответственности, являющегося основой характера».

Школа должна выпускать недоучек, хорошо вымуштрованных активных солдат «третьей империи». Для того чтобы внушить детям, что нет в мире ничего лучшего, чем «третья империя», мир должен быть изображен им таким, каким он никогда не был. В соответствии с этим история должна являться национал-социалистической фальсификацией. Новые учебники истории «должны содержать по возможности меньше материала». «Необходимо максимальное ограничение». Совершенно достаточно поэтому «выявить главные движущие силы истории, которые действовали во все времена. Главным предметом исторического рассмотрения должны являться последние два десятилетия нашего времени». Фрик уточняет вопрос, требуя, чтобы особенное внимание было уделено *начинающемуся пробуждению нации от борьбы за Рур до победы национал-социалистической идеи свободы и восстановления единства немецкого народа в день потсдамских торжеств*».

Наряду с историей этого сорта должны преподаваться особо поощряемое «расоведение» и «Введение в основные понятия генеалогии».

Баварское министерство просвещения издало приказ, в котором между прочим сказано:

«Относительно преподавания истории во всех классах баварских школ в 1933/34 учебном году—вне зависимости от учебных планов и программ—предписывается первые 4—6 недель посвятить исключительно периоду 1918—1933 гг. Остальная часть программного курса должна быть распределена на оставшиеся месяцы учебного года и соответственно сокращена. Последний час по окончании этого курса должен превратиться в торжественный акт с короткими речами о национальной революции преподавателя и одного из учеников, пением патриотических песен; класс должен быть украшен флагами. Особенно следует иметь в виду, что важнейшая для возбуждения патриотического духа баварской молодежи тема—«националь-

ная революция» должна являться не только предметом преподавания (истории, медицины и т. д.), но и как *принцип преподавания* подлежит самой серьезной концентрической разработке. На поверочных испытаниях в конце триместра этому предмету должно быть уделено особое внимание».

В докладе о реорганизации берлинских школ берлинский государственный комиссар д-р Мейнстаузен заявлял («Фелькишер беобахтер» от 6 мая 1933 г.):

«Конец всякому либеральному сюсюканию. По еврейскому вопросу лозунгом должно служить: сентиментальничанье—измена народу!»

В соответствии с этим национал-социалистические министры просвещения совершенно преобразовали все педагогические учебные заведения и уволили всех «подозрительных» преподавателей. Все чисто светские школы закрыты. Введено снова принудительное преподавание закона божьего; *восстановление телесных наказаний* явилось первым достижением коричневой школьной политики.

Уничтожены тенденции к обновлению школы. Ученики последнего старшего класса реорганизованной реальной гимназии имени Карла Маркса в Нейкельне в Берлине оставлены еще на два года в школе; в течение этого срока они должны пройти фашистскую муштру, прежде чем будут допущены в высшую школу.

Из университетов изгоняются не только еврей-профессора, но и еврей-студенты. В высшую школу будет приниматься только 1½% лиц «неарийского происхождения» (указ прусского министерства просвещения от 8 мая 1933 г.).

Для всех учителей обязательно участие в фашистском союзе учителей, иначе они не допускаются к педагогической работе на государственной службе.

Предоставим теперь слово новой Германии— вот несколько ее приказов.

Из закона о переполнении и засорении инородческим элементом высших школ

§ 1. Число учеников и студентов во всех школах, кроме обязательного обучения, должно быть ограничено так, чтобы обеспечивались основательная подготовка и покрытие потребности в кадрах соответствующей профессии.

§ 4. При новом приеме должно наблюдать за тем, чтобы число вновь поступающих германских подданных, которые являются лицами неарийского происхождения в смысле закона от 7 апреля 1933 г., не превышало в каждом учебном заведении и на каждом факультете процентного отношения неарийцев к немецкому населению Германии. Для всей Германии устанавливается единая 1½% норма.

§ 7. Закон вступает в силу с момента его опубликования.

Облегчение юридических испытаний для членов национальных союзов

«Имперский комиссар прусского министерства юстиции Керль приказом от 5 апреля распорядился, чтобы все кандидаты прав и кандидаты на судебные должности, которые вели определенное время патриотическую работу в качестве членов признанных национальных союзов, в виде компенсации за отрыв от занятий подвергались юридическим испытаниям в сокращенном объеме, если они об этом возбуждают ходатайство».

(«Дейтше альгеймейне цейтунг» 12.IV 1933 г.)

«Мысли» студентов, сжигающих книги

1. Корень языка и литературы—в народе.
2. Между литературой и немецкой народностью в настоящее время зияет пропасть. Это позор.
3. Чистота литературного языка зависит от тебя.
4. Еврей наш самый опасный противник.
5. Еврей может думать только по-еврейски. Он лжет, если пишет по-немецки. Немец, пишущий по-немецки, но думающий не по-немецки, изменник!..
6. Мы хотим искоренить ложь, заклеить измену.
7. Мы готовы уважать евреев как чужаков и будем серьезно считаться с народностью. Мы требуем потому от цензуры: *произведения евреев должны выходить на еврейском языке*. Если они выходят по-немецки, должно быть указано, что они переводные... Немецким языком могут пользоваться только немцы. Не немецкий дух должен быть искоренен из публичных библиотек».

(Из 12 тезисов «Против ненемецкого духа», вывешенных берлинскими студентами 13 апреля в Берлинском университете)

Фашизирование прессы

Вечером 30 января 1933 г.,—в день образования правительства Гитлера—Гугенберга—новый министр внутренних дел Фрик пригласил представителей берлинской прессы и заверил их, что в отличие от всех прежних новое правительство предоставит печати очень широкую свободу.

Несколько дней после этого «слова, данного немцем», началась волна запрещений коммунистических и с.-д. газет. К середине февраля была запрещена уже почти вся коммунистическая пресса Германии. Посыпался град запретов с.-д. и демократических газет. Во время избирательной кампании в рейхстаг в Рейнской провинции штурмовые отряды подходили ночью к типографии газет партии центра, вынуждали печатать речи национал-социалистических министров и под защитой полицейских властей применяли самые грубые меры предварительной цензуры.

В последние дни перед пожаром рейхстага сапоги штурмовиков и полиции почти вконец истоптали фрикковскую «свободу печати». Отряды рабочей самообороны мужественно защищали редакции и типографии рабочих газет от попыток разгрома.

Когда чудовищная провокационная затея в рейхстаге удалась и со всей силой разразился коричневый погром, сразу были запрещены последние коммунистические с.-д. газеты.

Последний остаток свободы печати был уничтожен. Коммунистические, с.-д. и левобуржуазные журналисты арестовывались или становились жертвами палачей-салистов в казармах штурмовиков. Продолжавшие выходить буржуазно-демократические газеты и газеты центра начали «приспосабливаться» к погромному режиму. Крупные демократические издательства Берлина—Моссе и Ульштейн, либеральная пресса во всей Германии начали «добровольно» снимать с работы евреев, пацифистов и вообще неугодных фашистам журналистов. И эта пресса прославляла «грандиозные, решающие судьбу нации события этих дней».

Она вдруг почувствовала симпатию к Гитлеру и к «пробуждению» нации. Она замалчивала организованную в рабочих кварталах резню, акты убийства и истязаний—более страшные, чем могла изобрести самая богатая фантазия.—которые происходили ежедневно тут же поблизости от редакции. «Еврейские газеты» опровергли факт преследования евреев.

Иностранная пресса, не проявлявшая такой уступчивости в замалчивании нечеловеческих ужасов, очень скоро оказалась в конфликте с гитлеровским правительством.

7 марта было опубликовано официальное правительственное сообщение.

«Вследствие злонамеренной информации иностранной прессы о событиях внутри Германии были подготовлены серьезные мероприятия в отношении ряда корреспондентов иностранных газет. Часть означенных корреспондентов избежала вмешательства полиции благодаря отъезду. Что касается остальных корреспондентов, то имеется их заверение в том, что они воздержатся впредь в своих корреспонденциях от всякой злонамеренной тенденции и будут избегать двусмысленностей. Ввиду этого их высылка отменена, и им предоставлен двухмесячный испытательный срок».

5 апреля гитлеровское правительство потерпело неудачу с союзом иностранных журналистов. Правительство пригрозило союзу бойкотом, если не будет смещен его председатель *Маурер*—корреспондент «Чикаго дейли ньюс». Общее собрание союза отклонило однако 60 голосами против 7 при 3 воздержавшихся заявление Маурера об отставке. Под влиянием заграничного общественного мнения гитлеровское правительство было вынуждено сделать ряд дальнейших уступок корреспондентам заграничной прессы.

Принудительному «фашизированию» подверглись: общегерманский союз немецкой печати—председателем его был назначен Дитрих, ведающий всеми делами печати национал-социалистов, объединение издателей газет, союза издателей журналов, а равно все крае-

вые организации издателей и журналистов. Общегерманский союз немецкой печати принял при новом руководстве постановление, согласно которому его членами не могут быть еврейские и «марксистские» журналисты.

«Германизация» штаба журналистов и смиренное подчинение политике Гитлера очень мало помогли издательству Рудольфа Моссе, издающему газету «Берлинер тателат». В первые же дни апреля издательство было фактически экспроприровано и передано новому акционерному обществу. Руководство последним было поручено националистическому комиссару Осту, директору издательства Карлу Феттеру и национал-социалистическому фабрично-заводскому комитету. Был назначен новый штат журналистов; национал-социалистический комиссар Ост, доверенное лицо тогдашнего руководителя штурмовых отрядов графа Гельдорфа, был несколько недель спустя арестован. Он присвоил себе несколько сот тысяч марок при захвате с помощью шантажа издательства Рудольфа Моссе. В середине июля после трехмесячного хозяйничания национал-социалистических комиссаров издательство прекратило платежи.

Характерным примером фашизации многих буржуазных газет является то, что «Дортмундер генераланцейгер» добровольно превратился в национал-социалистическую партийную газету. Названная газета, владевшая самой крупной типографией в Европе, имела наибольший тираж в Германии (если не считать берлинских газет). Так как она была распространена главным образом в густо населенных рейнско-вестфальских промышленных районах, то она должна была отдавать должную дань антикапиталистическим и антифашистским настроениям масс. После образования гитлеровского правительства прежние сотрудники должны были уйти, и началась «добровольная» фашизация. Но этого оказалось для коричневых насильников недостаточно. 20 апреля в газете наряду с гимнами ко дню рождения вождя был помещен рисунок—портрет Гитлера работы графика Штумпа. Руководители штурмовиков усмотрели в этом портрете карикатуру на Гитлера. Они конфисковали газету и закрыли при помощи штурмовиков здание редакции. Дортмундский полицей-президент поручил редактору национал-социалистической газеты «Роте эрде» дальнейшее ведение газеты.

Мы не можем перечислить здесь все запреты и мероприятия против буржуазных газет и журналов. Фашизация повела к диктаторскому преобразованию всей германской системы информации: было сменено руководство официальным агентством Вольфа. Правдивые сообщения о Германии, идущие из-за границы, германскому читателю совершенно недоступны.

«В Германии запрещены свыше 250 иностранных газет. в частности из САСШ—9, Аргентины—2, Бельгии—7, Канады—2, Дании—4, Данцига—3, Англии—5, Франции—31, Голландии—9, Латвии—2, Литвы—1, Люксембурга—5, Австрии—37, Польши—24, Румынии—1, Саарского района—4, Швеции—1, Швейцарии—26, СССР—9, Испании—2, Чехо-Слова-

кии—66. Всего больше запрет коснулся таким образом газет Чехо-Словакии, Австрии, Франции, Швейцарии и Польши.

Германия была страной с наибольшей литературной продукцией. Следующее сообщение характеризует падение литературной продукции в первые же недели гитлеровского режима.

Сокращение потребления бумаги издательствами

«Согласно сообщению «Франкфуртер цейтунг» от 15 апреля 1933 г. степень загруженности фабрик, вырабатывающих газетную и печатную бумагу, за время «национальной революции» упала во многих случаях до 25%».

«Дейтше альгемейне цейтунг» от 22 апреля сообщает, что продукция издательств в I квартале 1933 г. упала на 30% против 1931 г. Экспорт показывает непрерывное падение. Германская книжная торговля лишилась своих лучших клиентов, целые области науки и литературы опустошены».

Список деятелей науки и искусства, «подвергшихся наказанию» в гитлеровской Германии

Профессора высшей школы

Берлин—университет

Проф. Альберт Эйнштейн (физика — получил нобелевскую премию), проф. д-р Фриц Габер (химия — получил нобелевскую премию), проф. д-р Фриц Габер (химия — получил нобелевскую премию), проф. д-р Фишель (история искусства), проф. д-р Иолосс (зоология), проф. д-р Вальтер Норлен (страховое дело), проф. д-р Рихтер (медицина), проф. д-р Прингсгейм (химия), проф. д-р Герман Гроссман (техника), проф. Эмиль Лелерер (политическая экономия), проф. Г. Фрейндлих (коллоидная химия), проф. д-р Поляны (физическая химия), проф. Фердинанд Блюменталь (исследование рака), проф. Франц Блюменталь (дерматология), проф. Петер Рона (химия и физиология), проф. д-р Бирнбаум (психиатрия), проф. Митвох (семитическая филология), проф. Юлиус Покорный (кельтская филология), проф. д-р Исак Шур (математика), проф. Манес (страховое дело), проф. д-р Бик (физика), доцент д-р Отто Линман (психология), доцент д-р Конрад Кон (зубные болезни), проф. Джемс Гольдшмит (уголовное право), проф. д-р Карл Брандт (земледелие), доцент д-р Фриц Бааде (социология), доцент д-р Балог (философия), доцент Курт Генчель (законодательство о печати), доцент д-р Вальтер Ланде (медицина), проф. д-р Вольф Эйспер (медицина), проф. Неллер (ветеринария).

Берлин—высшая техническая школа (политехникум)

Проф. д-р Курейн (техника), проф. д-р Шлезингер (машиностроение), проф. д-р Шверин (теория упругости), проф. д-р Леви (политическая экономия), проф. д-р Леман (фотохимия),

проф. Корн (фототелеграфия), проф. Траубе (коллоидная химия), проф. Далингер (электричество), приват-доцент д-р Келлен (гидравлика), доцент Грабовский (математика), проф. Хаес (гигиена), проф. Нольде (химия), проф. Фриц Франк (химия), проф. Игель (железнодорожное строительство).

Берлин—немецкая высшая школа политических наук

Проф. д-р Ек, проф. д-р Симонс, проф. д-р Древе.

Аахен—высшая техническая школа

Проф. Блюменталь (техника), проф. Гопф (высшая математика), проф. Фукс (физика), проф. Мейзель (политическая экономия), проф. Маутнер (железные конструкции), проф. Леви (органическая химия), приват-доцент Штрасс (литература), приват-доцент Пик (математика).

Франкфурт на Майне

Проф. Геллер (публичное право), проф. Горктеймер (социология), проф. Леве (политическая экономия), проф. Плеснер (восточные языки), проф. Зоммерфельд (филология), проф. Мангейм (социология), проф. Тиллих (философия), проф. Зинцгеймер (рабочее законодательство), проф. Саломон (социология), проф. Карл Меннике (философия), проф. Вертгеймер (психология), проф. Штруп (международное право), проф. Вейль (восточные языки), проф. Прибрам (политическая экономия), проф. Рихард Кох (медицина), проф. Глацер (юдаика), проф. Вальтер Фенкель (металлургия), проф. Фриц Майер (химия), проф. Эрнст Кан (торговая журналистика), проф. Неймарк (политическая экономия), проф. Эрнст Кон (гражданское право), проф. Браун (гигиена), проф. Людвиг Вертгеймер (банковое дело), проф. Альтшуль (политическая экономия).

Ниль

Проф. Шюкинг (международное право), проф. Канторович (уголовное право), проф. Адольф Френкель (математика), проф. Эрнст Френкель (юриспруденция), приват-доцент Кольм (политическая экономия), проф. д-р Феллер, проф. Штенцель (философия), приват-доцент Мелита Гергардт, проф. Гебер, проф. Гуссерль (римское право), проф. Генигер (юриспруденция), проф. Леве, проф. Гардер, проф. Якоби (философия), проф. Кейзер, приват-доцент Колле, проф. д-р Кронер, проф. д-р Липпе (германская филология), проф. Нейсер (политическая экономия), проф. д-р Розенберг, проф. Шралер, проф. Опет (германское право), проф. Скальвейт (политическая экономия), проф. Велемейер, проф. Раух (философия), проф. д-р Клемперер (медицина), проф. д-р Эмиль Фукс (теология), лектор д-р Марано, проф. Вильгельм Оперман, доцент д-р Фридрих Копей.

Кенигсберг—университет

Проф. Генцель (публичное право), проф. Панет (химия), проф. Райдемайстер (математика), проф. Шнайдер (философия).

Проф. Роговский, проф. Гензлер, проф. Кюрбс, проф. Фейлер.

Кельн

Проф. Кельзен (публичное право), проф. Шмаленбах (политическая экономия), проф. Кон-Фосен (математика), проф. Браунфельс (философия), проф. Лиле (социология), проф. Шмитман (политическая экономия. Арестован). Проф. Шпицер (философия), проф. Эш (транспорт), проф. Байер (педагогика), проф. Гонишштейн (социология).

Иена

Проф. Эмиль Клейн (медицина), проф. Теодор Мейер-Штайнег (история медицины), проф. Ганс Штиммель (философия), проф. Матильда Вертинг (педагогика), проф. д-р Петерс (психология), проф. Шаксель (зоология), проф. Бертольд Йозеффи (политическая экономия), приват-доцент Лео Браунер (ботаника).

Бреславль

Проф. Марк (философия права), проф. Кон (юриспруденция).

Бонн

Проф. Левенштейн (психиатрия), проф. Канторович (зубные болезни), проф. д-р Ганс Розенберг (философия).

Марбург

Проф. Репке (государственные науки), проф. Герман Якобсон (индо-германская филология. После увольнения покончил с собой).

Геттинген

Проф. Джеймс Франк (экспериментальная физика; получил нобелевскую премию), проф. Гоники (уголовное право), проф. Курант (математика), проф. Борн (теоретическая физика), проф. Эмми Нетер (философия), проф. Бернштейн (статистика), проф. Бранди (история).

Грейсвальд

Проф. Клингмюллер (гражданское право), проф. Циглер (классическая филология), проф. д-р Браун (политическая экономия. После увольнения арестован).

Мюнстер

Проф. Фрейд (юриспруденция), проф. Брук (политическая экономия), проф. Гейльборн (ботаника).

Гейдельберг

Проф. д-р Ганс фон Эккардт (журналистика), проф. Радбрух (уголовное право), проф. д-р Аншюц (публичное право), проф. Альфред Вебер (социология).

Ганновер

Проф. Теодор Лессинг (философия).

Дрезден—высшая техническая школа

Проф. д-р Гольдак (юриспруденция).

Галле

Проф. Д. Ден (теология), проф. д-р Обин (юриспруденция), проф. Франкль (история искусства), проф. Киш (история права), проф. Кицингер (уголовное право), проф. Утиц (психология), проф. Герц (социология), приват-доцент д-р Бер (математика).

Гамбург

Проф. Эдуард Гейман (юриспруденция), проф. Пановский (история искусства), проф. Вильям Штерн, проф. В. А. Берендсон (литература), проф. Рихард Саломон, проф. Эрнст Кассирер (философия).

Тюбинген

Проф. д-р Геглер, проф. Вейзе (история искусства).

Лейпциг

Проф. Витковский (история литературы), проф. Гец (история), проф. Апфельт (публичное право), проф. Эвет (журналистика), проф. Гельман (медицина), доцент д-р Беккер (философия).

Дюссельдорф

Проф. Боден, проф. Элингер, проф. д-р Майер, приват-доцент д-р Нейштадт.

Доценты педагогических академий

Проф. д-р Отто Гаазе—Эльбинг, проф. д-р Карл Тиме—Эльбинг, проф. Ганс Гафенрихтер—Эльбинг, проф. Эмиль Госов—Эльбинг, проф. Елена Цигерт—Эльбинг, доцент Иоганна Кречман—Эльбинг, проф. Юлиус Франкенбергер—Галле, проф. д-р Елизавета Блохман—Галле, проф. Эмиль Фукс—Киль, проф. Вильгельм Оперман—Киль, доцент д-р Фридрих фон Копет—Киль, проф. д-р И. Зишпель—Дортмунд, доцент д-р Ганс Плуг—Дортмунд, проф. д-р Конрад Амелън—Дортмунд, проф. Мартин Шмидт—Франкфурт, проф. д-р Марьяна Кунце—Франкфурт,

д-р Фриц Гашек—Галле, проф. Анна Дейнелъ—Галле, проф. Мартин Ранг—Галле, проф. Герберт Кранц—Галле, проф. д-р Адольф Райхвайн—Галле, проф. д-р Карл фон Голандер—Галле, проф. Фриц Кауфман—Галле, проф. д-р Ганс Гофман—Галле, проф. д-р Герда Симонс—Франкфурт, проф. д-р Герман Земиллер—Франкфурт, проф. д-р Шнеман—Франкфурт, доцент Ганс Тирбах—Франкфурт, доцент Берта Кизер—Франкфурт, проф. Ганс Розенберг—Бонн, проф. д-р Иоганесс Рихтер—Лейпциг.

Музыка

Ото Клемперер—главный дирижер, Брунс Вальтер—главный дирижер, Фриц Буш—главный дирижер, Фриц Штидри, Густав Брекер—главный дирижер, Оскар Фрид, Арнольд Шенберг, Франц Шрекер, Курт Вейль, Фриц Крайслер, Бруно Эйслер, Ганс Эйслер, проф. Артур Шнабель, проф. Карл Флех, проф. Даниель—консерватория, Берлин, проф. Леонид Крейцер, консерватория, Берлин, проф. Эммануил Феерман—консерватория, Берлин, проф. Герт—консерватория, Берлин, проф. Гюнеман—консерватория, Берлин.

Живопись

Проф. Кетте Кольвиц (должна была покинуть Академию искусств), проф. Макс Либерман, почетный президент Прусской академии искусств (подал в отставку), проф. Отто Дикс (уволен из Академии изобразительных искусств), проф. Карл Гофер («уволен в отпуск» из Академии изобразительных искусств), проф. Пауль Кле («уволен в отпуск»), проф. Оскар Мольт («уволен в отпуск»), проф. Георг Талерт—государственная школа искусства, Берлин-Шенеберг, проф. Курт Лас—государственная школа искусства, Берлин-Шенеберг, проф. Иозеф Винецкий—государственная школа искусства, Берлин-Шенеберг, проф. Фриц Вихерт—директор школы прикладного искусства в Франкфурте.

Музеи

Тайный советник Вильгельм Ветцольд—главный директор государственных музеев в Берлине, тайный советник Макс Фридендер—директор Кайзер Фридрих музеума в Берлине, тайный советник Людвиг Юсти—директор Национальной галереи в Берлине, проф. Георг Шварценский—директор Штедел института во Франкфурте и многие другие руководители музеев.

Присяжные поверенные

В одном только Берлине устранены от их профессиональной работы свыше 1 200 присяжных поверенных как евреи или «марксисты».

Поэты и писатели, сочинения которых запрещены в Германии и которые большей частью покинули пределы Германии

Томас Манн, Генрих Манн, Эрнст Толлер, Стефан Цвейг, Арнольд Цвейг, Яков Вассерман, Лион Фейхтвангер, Курт Тухольский, Эмиль Людвиг, Альфонс Гольшмидт, Густав Реглер, Отто Кац, Теодор Вольф, Альфред Кер, Берт Брехт, Карл фон Осецкий (арестован), Гельмут фон Герлах, Отто-Леман Руссбюлт (арестован), д-р Фридрих Вольф, Анна Зегерс (получила премию им. Клейста), д-р Мартин Бубер, д-р Юрген Кучинский, Эрих Мария Ремарк, Иозеф Рот, Ганс Мархвица, Альфред Деблин, Вернер Гегеман, Бруно фон Заломон, д-р Эрнст Блох, Вальтер Меринг, Артур Голичер, проф. Э. Гумбель, проф. Гроссман, С. Кракауер, Герман Вендель, К. А. Витфогель (арестован), Бото Лазерштейн, Эгон Эрвин Киш (выслан), Ф. Вайскопф, Иоганесс Р. Бехер, Бруно Фрай, Пауль Фридлендер, Гейнц Поль, Отто Геллер, Эрих Вейнерт, Людвиг Ренн (арестован), д-р Герман Дункер (арестован), Бернард Келлерман, Леонард Франк, Франц Верфель, Людвиг Фульда, Вики Баум, Андриенно Томас, Фердинанд Брукнер-Тогер, Карл Штернгейм, Георг Кайзер, Карл Цукмайер, Георг Бернгардт, Генрих Симон («Франкфуртер цейтунг»), Эрих Барон (умер в тюрьме), Вальтер Шенштедт и многие др. поэты, писатели и журналисты.

Врачи

Д-р Магнус Гиршфельд, проф. Шеллер (бактериология), Бреславль (покончил самоубийством после освобождения из-под ареста), д-р Феликс Бенгейм (арестован), д-р Годанн—член Городского совета и писатель (арестован), д-р Фриц Вайсс, д-р Шминке—городской врач, д-р Френкель, д-р Елизавета Ашенгейм, д-р Карл Бамберг, д-р Георг Бенъямин, д-р Боринский,—Главное управление здравоохранения в Берлине, д-р Кон, городской врач, д-р Кон—врач Главного управления здравоохранения в Берлине, д-р Густав Эммануэль, д-р Курт Фридман, д-р Альфред Готгеймер, д-р Роза Гольде, д-р Леви—главный врач общей местной больничной кассы в Брауншвейге (арестован), д-р Макс Леви, д-р Юлиус Левин, д-р Руфь Люблинер, д-р Эрвин Маркусен, д-р Зелигман—Главное управление здравоохранения в Берлине, д-р Иосиф Стуйенас (литовец по происхождению)—директор больницы Берлин-Лихтенберг (был выслан), д-р Вольгемут—член правления союза врачей, работающих в больничных кассах в Гамбурге (арестован), д-р Аш—Берлин—убит, д-р Динеман—больница в Витенау, д-р Гец—старший врач лечебницы в Вульгартене и свыше 1 000 других врачей-евреев, которые не вправе заниматься медицинской деятельностью. Из них многие арестованы и убиты.

ИСТЯЗАНИЯ И ПЫТКИ

Национал-социалистическая германская рабочая партия, которая долгие годы состояла на содержании аграрных и промышленных магнатов, училась своей роли на исторических примерах. Она не изобрела ничего нового. Она изучала прежние эпохи упадка, ибо знала, что должна оказать последние услуги погибающему миру. Она обучалась поджогу у Нерона, наветам на евреев и преследованию их—у средневековья, кровавому террору против эксплуатируемых—у убийцы крестьян Лютера и у убийц социалистов—итальянских фашистов.

В течение ряда лет национал-социалистическая партия обещала в своих официальных документах устроить варфоломеевскую ночь; официально она называлась «ночью длинных ножей». Ночь эта началась с пожара рейхстага. Она до сих пор еще не кончилась. Сопротивление революционных рабочих и крестьян слишком сильно; вокруг знамен свободы собралось слишком много миллионов. Германская национал-социалистическая рабочая партия должна была превратить варфоломеевскую ночь в варфоломеевский год, год шпигутенов, отчет о первой четверти которого мы здесь представляем.

Друзья гитлеровского режима весьма охотно повторяют заявления правительства, что в Германии царит тишина и порядок. Опровержениями пытаются успокоить общественное мнение за границей, празднества и парады должны отвлечь внимание от действительных событий. Почему многие не в состоянии видеть, как действительно складываются события в Германии?

Те немногие заграничные туристы, которые еще имеют охоту посещать очутившуюся в руках тиранов Германию, не попадают ни в казармы штурмовиков, ни в концентрационные лагеря. Приезжий иностранец может лишь случайно сделаться очевидцем ночных пыток, расстрелов «при побеге», организованных убийств из-за угла. А иностранный журналист? Не подвергается ли строжайшей цензуре каждый его телефонный разговор, каждая его телеграмма? Не следят ли за каждым его шагом? Не грозит ли ему ежедневно высылка?

Когда слишком громкие, страшные крики пытаемых вырываются из подвалов казарм штурмовиков и долетают до ушей населения, когда внезапно жена какого-нибудь мученика в ветхозаветной ярости изливает свое горе на улице публично, когда национал-социалистические зверства случайно попадают в поле зрения сотен лю-

дей, тогда в гитлеровской Германии спешат заявить: «ведь это исключительный случай».

Но министр Геринг официально заявил: «лес рубят—щепки летят» (Эссен, 10 марта 1933 г.), и массовое собрание восторженно приняло это заявление.

По поводу этого министерского заявления мы должны сказать: «превращение в щепы» организовано давно; *средневековые методы*, применяемые сейчас национал-социалистами, давным-давно пропагандировались и разработаны национал-социалистическим руководством.

Национал-социалистические вожди воскресили средневековые погромы, суды Линча, lettres de cachet с их арестами по произволу, костры, шприцутены и пытки первого, второго и третьего разряда. Средневековые методы применялись публично, поскольку они могли иметь пропагандистское действие. Но пытка осталась тайной. Ее осмеливаются применять под покровом ночной тьмы. До сегодняшнего дня миллионы немцев ничего о ней не знают. Наша книга открывает им глаза.

Ночной террор

Разгул тайного террора свирепствует с 27 февраля текущего года. «Сводят счеты». Аресты ведутся систематически, мучают умышленно с расчетом. Министр Геринг предвосхищает сомнения по поводу допустимости ничем неоправданных пыток и указывает, как далеко можно идти: «Пока я не видал коммунистов, гуляющих с отрезанными ушами и носами, нет основания волноваться».

Вот до каких пределов можно идти. Не существует никакой обязанности внимательно присматриваться к жертвам или слишком точно проверять доносы. Штурмовые отряды, имеющие такие недвусмысленные указания от своего главы полиции, следуют при арестах наставлению французского кардинала, который в аналогичном случае (во время варфоломеевской ночи, ставшей теперь образцом) заявил спрашивавшим его:

«Убивайте их всех, а бог уже отберет праведных христиан».

Ежедневно к нам являются жертвы ночных пыток и показывают свои еще не зажившие раны, они рассказывают о мучениях, которые им пришлось испытать с той особой дрожью подвергшихся истязаниям людей, у которых не только окровавлены тела, но в сердцах которых зажжено неугасимое пламя ненависти к мучителям.

Мы публикуем здесь протоколы и отчеты, которые мы проверили со всей тщательностью и основательностью, которых требует наше дело.

Камеры пыток

Перед нами лежит отчет, где приведено точное число ударов за различные «преступления». «Обыкновенная принадлежность к социал-демократической партии наказывается тридцатью ударами резиновой дубинки по обнаженному телу, за принадлежность к коммунистической партии, как общее правило, полагается сорок ударов. Если наказуемый выполнял политические или профсоюзные функ-

Георгий Димитров

Выдающийся теоретик и борец болгарского рабочего движения, с 1923 г. изгнанный правительством Цанкова, проживает в эмиграции. Гитлеровское правительство арестовало его с целью создать связь между покушением на взрыв собора в Софии и пожаром рейхстага.

Эрнст Торглер, председатель коммунистической фракции в рейхстаге.

Национал-социалисты обвиняют его в поджоге рейхстага совместно с другими. В сознании своей полной невиновности он на следующее утро после пожара рейхстага явился в берлинский полицейский президиум, чтобы заявить протест против этого коварного обвинения. Он был арестован и Верховный прокурор возбудил против него дело по обвинению в поджоге.

ции, то мера наказания увеличивается. Наказания должны зависеть также от поведения арестованного».

Рабочий деятель Бернштейн из Берлина-Нидершеневайде был брошен в казарме штурмовиков на кобылу и наказан пятьюдесятью палочными ударами как коммунист; ему было дано еще пятьдесят палочных ударов, так как он «кроме того еврей».

Существует таким образом несколько ступеней пыток; протоколы подтверждают это. Последуем за арестованными по их скорбному пути.

Пытки начинаются с того момента, когда жертва «извлекается» из своего жилища. Перед открывающим двери потрясают револьверами; членам семьи грозят, мебель разбивают, библиотеки растаптывают или выбрасывают на улицу. У писателей тут же на глазах уничтожают рукописи, плоды трудов многих месяцев. У рабочих отнимают последнюю получку. При этом присутствует семья. Растерянно смотрят дети, как незнакомые молодые люди бьют отца по лицу, а он стоит беззащитный; всех беспокоит страшная забота, чем все это кончится. Жена видит грубые лица молодцов, пришедших арестовать мужа. Она начинает догадываться о том, что еще предстоит. Она хочет узнать несколько больше. Она обращается с вопросом, куда отправят мужа, и слышит только издевательские насмешливые ответы; арестованного выталкивают из квартиры и гонят вниз по лестнице на улицу к ожидающему автомобилю. (Все опровержения, что подобные действия имели самочинный характер, мы можем опровергнуть тем, что во всех наших отчетах фигурирует такой автомобиль; в течение ряда месяцев все отряды штурмовиков по приказанию высшего руководства имели в своем распоряжении автомобили; списки подлежащих аресту были распределены. Задание было большое—требовалась спешность.)

Так как стремились внешне действовать по возможности легально и боялись публичной критики своих проделок, то их переносили на такое время, когда обыватель спал. Если жильцы дома просыпались, пытались изобразить и замаскировать операцию так, как будто происходит нечто совершенно нормальное. Один из отчетов сообщает, что во время одного ареста арестованного начали избивать уже на лестнице. Вдруг арестованный слышит команду руководителя отряда: «Внимание. Не бить». Удары прекращаются, арестованный видит, что в доме напротив проснулись люди. Как только появились люди, штурмовой отряд «дисциплинируется».

Этой предосторожностью они могли пренебречь в своих подвалах. С того момента как арестованный попадает в казармы штурмового отряда, он совершенно вне закона, как это уже много лет было обещано вождями штурмовым отрядам. Он еще не успел постигнуть, насколько он теперь бесправен, как дубинки гонят его уже вверх по ступенькам дома пыток. Борцу всегда позорно быть вынужденным удираť от опасности, но еще глубже обида, когда беспомощный попадаешь в руки врагов, когда удары резиновых дубинок гонят тебя из угла в угол и знаешь, что всякая попытка к самозащите немедленно влечет за собой смерть.

Каждая минута в домах пыток наносит новые глубокие раны. Приходится на каждом шагу замечать, что нет никого, кто проявил

бы хоть малейшее сочувствие к беспомощности жертвы. Арестованного бьет и топчет всякий, кто только встречает его на лестнице и коридорах. Труссы стали убийцами. Рыцарство им незнакомо. Изо дня в день стоят они перед комнатами, где применяются пытки первого разряда, и ждут новых партий. Арестованные должны проходить через их строй, свистят кнуты, бьют сапогами в зад, резиновые дубинки наносят тупые удары по голове.

Затем открывается дверь к начальнику штурмовиков, начинается «допрос».

Перед фашистским тайным судом

За столом сидит фашистский судья, три звездочки на обшлагах штурмовой формы дали ему судебную власть над всеми арестованными. В стол воткнуты блестящие кинжалы, штыки и тесаки; слева или справа часто дрожит пламя свечей. Арестованного подталкивают к столу, к нему вплотную подступают штурмовики. Он их чувствует возле себя, они сопровождают его ответы ударами. Если он доказывает свою невиновность, они бьют его сзади. Всякая защита становится бессмысленной, речь идет не о правде. Суд только комедия, повод для новых мучительств.

Арестованный внезапно узнает источник доноса, из-за которого он попал сюда. Он надеется опровергнуть обвинения, возбужденным тоном излагает он факты, но резиновые дубинки обрушиваются со свистом на него. «Говорить -ты должен только тогда, когда тебя спрашивают». Требуют адресов. Нужны новые жертвы. Рассчитывают на политические успехи, если можно будет всюду оповестить о том, что вожди рабочего движения предают друг друга. Но наталкиваются на преданность. Товарищи никого не выдают. И озлобленные садисты снова начинают избиения. Почетной страницей истории германского рабочего движения является то, что тысячи рабочих не поколебались даже под дубинками штурмовиков. Вся жестокость не принесла пользы; товарищи предпочитают погибнуть, чем выдавать палачам новые жертвы. Фашистские суды 1933 г. могли физически истязать революционеров, превращать их на всю жизнь в калек, но они не в силах были сломить их мужество. Они могли мучить человека, избивать его на смерть, они могли довести до самоубийства десятки арестованных, но их громадный аппарат с трудом мог добиться хоть небольшого числа предательств. Эта стойкость всего лучше доказана дальнейшим мероприятием штурмовиков: они вынуждены были изобрести второй разряд пыток.

Подвал избиений

Перед допросом арестованных приводят в подвал, несчастные уже шатаются, страшно тяжело чувствовать себя совершенно одиноким, окруженным одними убийцами. Ужасно сознание того, что здание пыток находится в современном большом городе, где миллионы людей спокойно спят в своих постелях и не думают об этих позорных актах, которые применяются из ночи в ночь по распоряжению правительства страны. Кажется, что из гроба снова встал профос времен армии Фридриха Прусского. Арестованные видят стоящую уже неделями наготове в полутьме подвала

«кобылу». Воздух подвала пропитан запахом крови и холодным потом страха. И вдруг все начинает казаться каким-то наводнением. Все это происходит в те дни, когда Гитлер держит свою первую канцлерскую речь перед рейхстагом в гарнизонной церкви Потсдама у гробницы Фридриха. Кругом звонят колокола церквей, сотни тысяч людей стоят на улицах, говорят о пробуждении нации, о ее возрождении. Арестованный еще слышал эти фразы, и здесь у «кобылы», он переживает всю чудовищность этой лжи. Государственный акт в Потсдаме становится символическим; там у гроба короля с костылем «вождь» держит речь перед генералами и потомками Гогенцоллернов, здесь штурмовая гвардия избивает и пытается беззащитных рабочих в тюрьмах-подземельях, откуда не проникает наружу ни один звук. Но символическое отличие заключается в том, что сейчас—в 1933 г.—германская стальная промышленность доставила сама орудия для своих опричников. Арестованного бросают на «кобылу» стальные щипцрутены ударяют его по спине.

В крайнем возмущении, горя всем телом, арестованный стремится оказать сопротивление. Его голову обертывают грязным тряпьем, он грызет зубами тряпку. Он чувствует, своего рода облегчение, когда кровь из ран заливает платье, но новые удары уже рвут в клочья живое тело.

Палачи бьют вчетвером, на извивающемся теле едва хватает места для бесконечных ударов. Наконец они устают. Стоны избиваемого звучат, как музыка, в их ушах. Смеясь осматривают они его и издеваются над ним. Затем они загоняют его в соседний подвал, где он наконец уже не одинок. По углам сидят на корточках его товарищи по несчастью; на соломе, на мешках из под картофеля извиваются тяжело раненные. Некоторых покидают последние силы, и они плачут. Безумие бродит под сводами. Из соседнего помещения доносятся крики очередной жертвы.

Подлинные полулюди

Палачи не торопятся. Несмотря на усталость они некоторое время наслаждаются психической пыткой. Они стараются придумать что-нибудь особенно унижительное: новый арестованный должен сам раздеться.

Они повторяют садистские приемы своих развращенных учителей.

Перед нами отец семейства—рабочий, организатор столовой для безработных; он рассказывает,—его голос дрожит при воспоминаниях,—как в подвале штурмовиков он должен был согнуться и подставить голый зад под точно рассчитанные удары штурмовиков. Штурмовики оставили его довольно долго в таком положении, наслаждаясь этим зрелищем, а затем стали бить

Заключенные из соседнего помещения могут все видеть, так как двери оставлены раскрытыми. Новый арестованный вскакивает при первом ударе стальным прутком, но новое приказание заставляет его принять прежнее унижительное положение. Его вскакивания «наказуемы», процедура проводится строже; он должен теперь громко считать удары, которые ему наносят. Отсчет становится неясным, слы-

ваясь с криками от боли, удары сильны, кожа разрывается после пятого удара, штурмовики между тем уже успели отдохнуть.

Вторая степень уже переходит в третью—к психическим пыткам. Она изобретается начальником отрядов. Примитивная жажда мести, проявлявшаяся у рядовых штурмовиков в простых формах, получила садистское извращение у начальства. В будущем можно будет установить, какую роль при этом играла извращенная сексуальность многих руководителей штурмовых отрядов. Присутствие гомосексуалиста графа Гельдорфа, нынешнего полицей-президента Потсдама, при многих пытках—достаточное основание подозревать, что многие явились несчастными жертвами извращенности руководителей штурмовиков.

И теперь еще боялись гласности. Документ из Берлина-Кепеника сообщает о порядках в помещении штурмовиков в Кепенике:

«В пивной Демута в этих избиениях принимал особое участие сын хозяина, кроме него постоянный руководитель операций начальник штурмовиков Шарзих Герберт из Кепеника. В первое время сын хозяина заводил мотор своего мотоцикла, чтобы заглушать крики. Сейчас лица жертв завертывают в тряпье. Соседи неоднократно обращались к полиции. Жильцы дома, спальни которых выходили во двор, сделали соответствующие перестановки в комнатах и спят теперь в тех комнатах, которые выходят на улицу, чтобы не слышать криков. В окнах, выходящих во двор, нельзя никому показаться. Во дворе постоянно стоит вооруженный штурмовик. Наша жизнь также находится в опасности в особенности, когда заметили, что мы думаем об этой империи».

Садисты изобретательны

Арестованный, избитый до полубессознательного состояния, сбрасывается с «кобылы», лица штурмовиков становятся строгими, начальник отряда подходит ближе и заявляет еле стоящей на ногах окровавленной жертве: «Теперь мы тебя пристрелим»: Арестованного, который снова в ужасе начинает все сознавать, ведут к стенке, поворачивают лицом к стене подвала; наступает глубокая тишина, он слышит за собою только манипуляции палачей, слабые звуки револьверных предохранителей. Но выстрелов пока не дают. Арестованный стоит в оцепенении у стенки, он вспоминает семью, товарищей; должен ли он предавать тех, кого он не знает. Есть ли спасение? Израненная спина горит, платье царапает изодранную кожу. Боль повергает его в бессилие. Верная смерть за спиной пробуждает к ужасному бодрствованию. Он стоит в полном оцепенении. Раздаются выстрелы. Он слышит, как они пролетают мимо, они для него почти избавление, но он замечает, что пули его не задели. Нельзя предположить, что палачи не хотели попасть в него. Он стоит, как приказано, расставив дугою ноги. Сейчас он чувствует, что они стреляли между ног, судорога еще удерживает его на ногах. Смертельный выстрел не следует. И внезапно он валится, как мешок на землю. В помутившемся сознании слышит он смех штурмовиков.

Не следует с недоверием качать головой: не сомневайтесь в этой бесчеловечности! Сотни сообщений подтверждают эти факты. Мы приводим из многих сообщений одно:

«Я живу в доме № 50 по Еврейской улице в Берлине Ц, где помещался штурмовой отряд. Девятнадцатого марта продолжались произвольные аресты, о которых я писал в своем последнем сообщении. Около 21 часа, вскоре после того как туда был приведен новый арестованный, жильцы услышали из раскрытого окна канцелярии отряда выстрел. Я не удержался, стал наблюдать и увидел, что у окна был поставлен какой-то человек, вероятно арестованный, в согнутой позе, затем раздались еще выстрелы, которые однако не попали в арестованного. Это вероятно делалось намеренно. Все же видно было, как арестованный упал и как несколько штурмовиков со смехом нагнулись над ним. В тоне приказа кто-то неоднократно командовал: «Встать! Домой!» Арестованный, казалось, не слышал издевательской команды. Со страха он лишился чувств. Неудивительно, если слышишь, что люди при этом сходят с ума».

Сотни арестованных вынесли даже это. Их вытащили из камеры пыток и выбросили «в комнату ожиданий» к товарищам. В последнюю секунду, прежде чем они падали в полном изнеможении на свои мешки, им заявляли, что расстрел будет произведен завтра. Боль делала их равнодушными к этим новым угрозам, но они вспоминали их несколько позже, когда пробуждались. Ни у кого не было основания сомневаться в том, что угроза будет приведена в исполнение. Так сидели они среди стонущих друзей и ждали своего последнего часа. Национальная революция готовила им «ночь перед плахой». Каждая минута казалась вечностью и слишком быстро приближала к концу. Рассвет, который проникал в темный подвал, возвещал наступление последнего часа. Караульный, молчавший ночью, иронически напевал, опершись о косяк двери, песню: «Утренняя заря, утренняя заря, засвети мне в час ранней смерти». (Эта деталь содержится в одном сообщении с Гедеманштрассе.) Над сводами слышны уже шаги. Но ночь еще растягивают.

Мы постоянно читаем в протоколах, что после этих угроз арестованные много дней оставались в ужасном состоянии полной неопределенности. Они слышат, как рядом снова начинаются избиения. Дверь к ним растворяется, они видят пытки. Время от времени их вызывают и снова «допрашивают».

Упиваются грязью

Ужас почти притупил чувствительность арестованных, но они видят постоянно новые виды пыток. Они не хотят больше смотреть туда, но ужасающий крик то и дело заставляет головы поворачиваться в ту сторону. Вот доставили нового арестованного, по видимому интеллигента, в камеру, где находится кобыла. Они видят, как держат его голову, раздирают челюсти, штурмовик поднимет бу-

тылку и льет касторку в хрипящую глотку. Арестованный с отворачиванием давится, штурмовики хохочут. Их обхождение становится, как кажется, «благороднее». Они предлагают арестованному, чтобы он опустил брюки, они «просят» об этом. С блуждающими глазами арестованный расстегивает платье и пояс, и брюки падают. Его на сей раз не бросают на кобылу, а оставляют стоять в течение четверти часа в согнутом положении с голым задом. Арестованные в соседнем помещении переживают вновь все это унижение. Штурмовики делают свои замечания. По совершенно непонятной причине они ждут. Наконец они берутся за шпицрутенны. Удары свистят, падают на худое тело интеллигента.

Он выпрямляется при каждом ударе, кричит, его снова сгибают, вдруг он начинает выть и хвастается за внутренности. Штурмовики продолжают его бить. Зад краснеет, и под ударами замученный человек испражняется.

Национал-социалистическое руководство будет оспаривать все эти мерзости. Наш архив опровергнет их ложь. В нем имеются не только протоколы писателей и рабочих, которые должны были перенести подобного рода пытки, но также и протокол доверительного заседания берлинских штурмовиков, где нынешний министр народного просвещения доктор Геббельс поучал и разъяснял, как он действовал бы в качестве министра внутренних дел против журналистов, которые не согласились бы немедленно с его мнением.

«Тогда защитные отряды должны направиться в редакции соответствующих газет и дать каждому редактору по литру касторки».

Штурмовики действуют, как видим, только согласно инструкций. Поэтому их совершенно не трогали несчастья их жертв.

«Красный крест» в подвалах штурмовиков

Заключенные валяются на полу подвалов после мучений и избиений без помощи, облегчения, утешения. Стоны тяжело раненых, плач замученных лишают их сна. Национал-социалистические врачи присутствуют главным образом только при пытках; они должны не помогать, а только установить—в состоянии ли заключенный еще переносить дальнейшие избиения. Это настоящие врачи пыток, знакомые нам по былым камерам инквизиции. Пытки приостанавливают при опасности для жизни.

Все отчеты подтверждают, что лекарства даются лишь тогда, когда опасаются смерти жертвы. Впрыскивания делаются только в последнюю минуту. Отправка в больницы имела место лишь тогда, когда специалист заверил, что надо ожидать смерти.

Национал-социалистические санитары работают таким же образом; перевязки делаются, не учитывая возможности заражения; истинное настроение этих «команд помощи» доказала та жестокость, с которой затягивалась марля и пластырь на ранах. Неохотно тащут тяжело раненых в уборные. Иногда ужас охватывает кого-либо из них, глядя на то, как здесь обходятся с людьми. Один лишь раз прочитали мы среди сотни протоколов, что санитар дал

глоток из своей фляжки с водкой избитому, который непрерывно падал в обморок. Это случилось только раз, но сотни раз черствый человек стоит совершенно равнодушным перед крайним человеческим горем. Нигде не давали воды для умывания, часто при этом еще издевались.

Пьяные убийцы

Заключенные лежат в грязи и вони. Самые слабые отправляют естественные потребности под себя, боль ослабляет задерживающие центры. Зачумленный воздух становится все гуще. Под вечер издалека доносится рев палачей. Они празднуют свою «революцию». Они набираются сил при помощи пожертвованного пива. Пьяными явятся они глубокой ночью к несчастным и будут чинить новые «допросы».

Один арестованный, жена которого смело последовала за ним в ад штурмовиков, рассказывает о шпиике, которого к нему подослали, когда он лежал смертельно больной на полу. Шпиик должен был добиться от него признания. Арестованный смело противостоял шантажисту. Чтобы легче справиться со своей тяжелой задачей, национал-социалистический шпиик основательно хлебнул.

«Он склонился надо мною, от него сильно пахло алкоголем.

— Что ж ты, негодяй, хочешь, чтобы из-за тебя рухнуло величие Германии, вонючка! Мы скоро прикончим тебя.

Он вытащил револьвер. Я лежал молча без движения.

— Или вам жизнь не мила, и вы хотите доставить еще больше страданий жене?

Он долго говорил, потом внезапно переменял тон.

А жизнь ведь так прекрасна. Я люблю славян—милый, приятный народ. Я был на Украине. Скажите, наконец, что вы шпион ЧК! Я знаю также много болгар, вы должны только отвечать не мне, а другим, которые будут задавать вопросы!

Шпиик еле держится на ногах, речь его совершенно запутывается, он начинает чертыхаться, бьет ногой тяжело изувеченного и кричит:

— Это говорит вам не кто-нибудь, а уполномоченный правительства, комиссар по военным делам».

(Взято из протокола болгарского врача Ангелучева; протокол депонирован у нотариуса в Париже 15 мая 1933 г.)

Иногда сама жертва преподносит в подарок алкоголь. Мы передаем здесь сообщение одного уже бежавшего за границу товарища о казарме на Гедеманштрассе.

Арестованный слышал вечером, что другой арестованный еврей, который имел при себе деньги, пытался облегчить свою участь, пожертвовав алкоголь. Он также был привлечен к попойке, он вероятно верил, что худшее миновало. Арестованные слышат всю ночь шум, пьяные возгласы. Утром входит в подвал штурмовик, чтобы сменить караульного, который еще пьян, качается и рассказывает заплетающимся языком: «Ну

и дрепнули же мы, уж так мы перепились, что в конце концов вывели Вольфсона в расход. Он должен был того ждать, трусливая свинья».

Сейчас нельзя проверить, имело ли действительно место это убийство. Тяжело раненым и заключенным лишней раз становится ясным, что они могут ждать от своих пьяных тюремщиков всяких актов насилия и всякого рода пыток. К грубым избиениям присоединяется циничное издевательство, меняющееся в зависимости от настроения начальника штурмовиков.

Душевные пытки

Пострадавшим оставалось до сих пор последнее утешение: «взяли» их одних, семья находилась под угрозой только в течение немногих минут ареста. Постепенно однако пропадает и эта уверенность; нужно понять, что от штурмового отряда не защищены и родные. Арестованные спрашивают. Они хотят получить хоть какие-либо известия о своей семье. Они знают, что со дня ареста их семья осталась без хлеба. Последняя заработная плата попала в руки штурмовиков при аресте. Они видят своих детей плачущими рядом с отчаявшейся матерью. Они опасаются, что отделы призре-ния откажут их женам в поддержке (что неоднократно и случалось). Они повторяют свой вопрос караульным. «О ваших женах,— отвечают людям, которые в своем ужасном положении могут еще думать о своих близких,—о ваших женах мы хорошо позаботились; через девять месяцев вы можете найти у себя дома бравых гитлеровских молодцов». «Почетная гвардия Гитлера» хвастает тем, что она насильовала женщин. В данном случае речь идет о казарме штурмовиков на Палештрассе в Берлине. С точки зрения нашего исследования совершенно безразлично, сказал ли штурмовик правду или только хотел повергнуть арестованных в отчаяние.

Они поют «Интернационал»

Революционные рабочие не поддавались на провокацию палачей. Они не поколебались ни на одну минуту. О их твердости можно судить по многообразию вновь изобретаемых пыток. Коричневые отряды должны были изобрести сотни новых мучений, чтобы сломить выдержку арестованных. Они могли разбить их физически, довести беспомощных людей до унижений пытками, которые длились неделями, издегать им нервы, но каждый раз перед ними стоял новый человек, вынуждая прибегать к новым пыткам. Если они праздновали как победу то, что коммунисты читали «отче наш», что евреи сами обзывали себя «свиньями», то мы здесь констатируем, что жертвы принуждались к этому побоями, электрическим проводом. Стальные прутья и кожаные портупей должны были быть пущены в ход, для того чтобы тяжело раненые выкрикивали «Да здравствует Гитлер».

Горящими папиросами приходилось жечь обнаженные пятки. чтобы услышать гимн Хорста Весселя из искаженных болью уст.

Но рабочие стоят молча перед своими мучителями, когда те требуют, чтобы они пели «Интернационал» (отчет из Эссена рассказывает об этом героическом эпизоде). Рабочие вспоминают при этом о сотне собраний, где они вместе со своими детьми пели этот гимн освобождения всего мира, гимн первого в мире пролетарского государства, свой священный гимн. Окруженные десятками тысяч они пели его еще в январе 1933 г., идя с товарищами плечо к плечу. Они умрут, но не будут петь его перед палачами. Их избивают резиновыми дубинками, в помещение сваливаются все время новые команды и скопом бьют этих людей, у которых изо рта и висков брызжет кровь. Глаза их горят лихорадочным огнем, они еще держатся за руки, но не поют. Удары сыплются градом. Люди шатаются, и вот они одновременно падают на землю. С громким смехом отступают от них мучители к стене.

Но тишина продолжается только минуту. Внезапно из кучи заключенных раздается пение дрожащими голосами.

Они поют, в то время как те думают, что они добились дешевой жестокой победы. Лежа на земле, разбитые и окровавленные, но не сломленные, они поют то, чего никакая власть земли не в состоянии убить: «Вставай, проклятьем заклеенный!» Штурмовики стоят минуту в оцепенении, затем подсакивают и избивают поющих, пока они не умолкают, лишившись чувств. Но песня звучит в воздухе, наполняет пространство, проникает за стены камеры пыток, она громче свиста шницрутенгов.

Террор клеветы

Национал-социалисты могли применить пытки лишь после того, как они создали атмосферу подозрений, которая могла служить якобы оправданием для применения пыток. В средние века спекулировали на вере в ведьм, на примитивных представлениях глупых прихожан, которые видели в каждом ученом знаменосца дьявола, в каждом аптекаре ночного заклинателя подземных духов.

1. «Ноябрьские преступники»

Национал-социалистическое руководство в течение ряда лет сознательно лгало, утверждая, что исход войны был делом нескольких преступников—«ноябрьских преступников» на языке фалшив. Оно постоянно повторяло эту ложь, так что у миллионов обманутых возникло убеждение, что разгром Германии действительно датируется ноябрем 1918 г.

Министр Геринг до сего дня утверждает, что самым позорным моментом его жизни является ноябрь 1918 г., когда у кайзеровских офицеров срывали погоны. Рейхсканцлер Гитлер плакал в своей жизни единственный раз и плакал он тоже о погонах. Он не простил матросам 1918 г. то, что они нападали на офицеров; рейхсканцлер по сей день гордится, что он состоял при них ефрейтором.

Вся эта пропаганда проникнута единственной руководящей мыслью: виноваты «ноябрьские преступники». Содержание всей пропаганды поэтому все то же: во всем виноваты «ноябрьские пре-

ступники». Гитлер признает, что в своей пропаганде он спекулирует на легковерности политически неразвитых масс. Он считает восприимчивость масс ограниченной, их кругозор узким. В то же время прошлое легко изглаживается из их памяти.

К пропаганде Гитлера можно применить те его слова, которые он посвятил Антанте во время мировой войны. И гитлеровская пропаганда «казалась в начале безумной по наглости своих утверждений, стала затем неприятной и наконец ей поверили» («Моя борьба», стр. 203). Но результаты мы видим в отделе иллюстраций этой книги. Штурмовики подходят с тачками к квартирам «ноябрьских преступников» и вывозят этих людей через ряды наспех согнанной бушующей черни. Месть штурмовиков не щадит даже покоя мертвецов. Разрушают могилы восставших матросов Райхпича и Кебеса, разбивают памятники на их могилах: «ноябрьские преступники» не заслуживают могилы.

2. Советская Россия

Ни смерть, ни границы Германии не служат пределом для клеветы.

Едва Гитлер успел притти к власти, как начались первые нападения на советских граждан.

Советский гражданин Шаяг (Берлин, Грейфвальдерштрассе, 12) был избит в своей мастерской. Когда он пожаловался, его поволокли в казармы штурмовиков. Здесь его избили до крови и вышвырнули на улицу. Штурмовики врываются в гамбургское отделение торгового представительства СССР и подвергают его грабежу и разгрому.

Закрывается общество «Друзей новой России», в которое входят граф Арко, Кардорф и многие другие видные лица из буржуазии. Секретаря общества Эриха Барона бросают в тюрьму и доводят до самоубийства.

С 10 марта все немецкие радио передают пьесу «Хорст Вессель», в которой повторяется гитлеровская ложь о СССР: якобы в России убито два миллиона человек с 1917 г. Советы являются якобы представителями лжи, обмана, воровства, погромов, грабежа. Ни одного звука о том, что международный нефтяной капитал подготовил и вызвал те страшные интервенционистские войны, что жертвы должны быть полностью отнесены за счет генералов интервенции. Ни одного слова о героической борьбе русских рабочих и крестьян в защиту завоеванной наконец свободы. Ни единого слова о страшной жестокости белогвардейских командиров в захваченных городах и селах. Клевета служит национал-социалистам средством для широко задуманной травли коммунистов, для преследования немецких рабочих и интеллигентов.

3. «Наследственный враг»

Национал-социалистические вожди отвлекают внимание от собственных позорных действий также клеветой на западного соседа

Германии. Они добились уже первых результатов. В «третьей империи» нападают на французов даже во время мира. Франция остается для Гитлера наследственным врагом: «ублюдочная» нация, которая должна желать гибели Германии. Вражду к Франции разжигают, юношество начинают мыслями о реванше. О достигнутых результатах говорит письмо жены французского рабочего, который нашел себе работу в Дюссельдорфе и на которого в конце марта напали штурмовики. Женщина обратилась за помощью к своему консулу:

«Я, жена Фрица Бланка, живущего в Золинген Вальд по Главной улице в доме № 265-а, позволяю себе обратиться к вам по очень серьезному делу: мой муж был арестован штурмовым отрядом национал-социалистов 31 марта в 2 часа полудни в нашем саду. Он был доставлен в казармы штурмовиков. Здесь он, не зная за собой вообще никакой вины, был избит зверски, скотски, как и не придумать человеку. Очки были разбиты на нем ударом в лицо на множество мелких кусков. Вшестером они бросили его на землю, один нанес ему очень опасный удар ногой в нижнюю часть живота, другой приставил к груди его револьвер с возгласом: «Защищайся, французская собака». Затем он получил тяжелый удар твердым предметом сзади по голове и потерял сознание. Еще он помнит, что ему брызгали водой в лицо, сопровождая это издевательскими замечаниями. Он долго лежал в большой луже крови и мог истечь кровью. Затем был вызван врач национал-социалист из Золингена, который распорядился отправить его в больницу. При доставке в больницу парни заявили, что они якобы нашли его. Его платье выглядело, точно он был на бойне. Оно находится сейчас в нашей квартире и может быть осмотрено. Я не могу описать во всех подробностях, как выглядит мой муж.. В больнице они первую ночь думали, что он умер. Меня вызвали туда вечером по телефону. У нас двое детей: шести лет и семи недель. От этих волнений у меня пропало молоко».

Сегодня стал жертвой штурмовиков французский рабочий в Дюссельдорфе, советский гражданин в Берлине, чешский писатель. Чей черед наступит завтра?

6. Вымыслы об ужасах

Террор клеветы исходит не только от «вождей». Тысячи агитаторов пробовали перещеголять Гитлера в течение многих лет в изобретательстве жутких сказок. Семена разбрасывались полными пригоршнями, сейчас, в весенние дни, мы только узнаем, какое безграничное количество лжи было извергнуто. Нет такой глупости, которой не поверили бы в тяжелое время.

Протокол сообщает:

«Врач избит до крови в казарме штурмовиков и лежит тяжело раненый на соломе. Входящий в комнату штурмовик требует, чтобы он встал, но другой обращает его внимание на

положение врача. Объяснение это приводит штурмовика в величайшее возбуждение, он начинает орать, и выясняется, что он слышал от своего начальника следующую гнусную небылицу: все врачи-евреи мстят в течение многих лет немецким девушкам, которые попадают в их больницу, тем, что они тайком вырезают им яичники, чтобы размножалась только «еврейская сволочь» и получила господство над Германией.

Штурмовик наносит раненому удар ногой в живот».

Этот штурмовик—непосредственный ученик Гитлера:

«Подобно тому как он (еврей) сам планомерно губит женщин и девушек, точно так же он не останавливается даже перед тем, чтобы помочь другим в большем масштабе производить смешение крови» («Моя борьба», стр. 237).

Террор в провинции

Гитлер особенно широко использовал ограниченность, которая свойственна всем провинциальным городам. Сословные предрассудки, реакционность мелкобуржуазных взглядов в области морали сохранились раньше всего в немецкой провинции. Рука об руку с ограниченностью идет неумолимость мещанских законов, готовность преследовать всякого чужака, сомневаться во всяком прогрессивном начинании и осыпать его клеветой. Гитлер собрал поэтому много голосов в провинции. Собище завсегдатаев пивных, среди которых начал свою карьеру Гитлер, осталось и в дни террора местом совещаний провинциальных генштабистов в деревнях и местечках. Руководящую роль там большей частью играют помещики или бывшие офицеры. Тяжелый аграрный кризис объясняют мелкому крестьянству как результат марксистской политики. Антисемитизм послужил для того, чтобы на первых порах дать выход возбуждению мелких торговцев, переживающих трудное время. Еврейских лавочников доводят до банкротства. Еврейский торговец скотом изображается бедным крестьянам как один из главных виновников их бед. Многие были избиты и убиты в дни национал-социалистического «восстания».

Перешли затем к шантажу и вымогательствам. Отравленные газы доносов потянулись через крыши домов и усадеб. Линчевали социал-демократических председателей общин (в верхнем Гессене). Одобралось всякое зверство против коммунистов. Со времени захвата власти Гитлером в деревнях регулярно появлялись автомобили коричневых самокатчиков, которые оказывали содействие руководителю опорного пункта данного места в предпринимаемых им операциях. Доносы влекут за собой обыски, обвинения, аресты. Доносчики становятся ближайшими сотрудниками властей. Штурмовики задерживают на дорогах автомобили; по ростовщическим ценам продаются портреты Гитлера, которые должны наклеивать немедленно на стекла автомобилей. Штурмовики ходят из усадьбы в усадьбу с подписными листами, в правомочиях их никто не смеет усомниться. Уклонение от денежных взносов неизбежно влечет за собой кару, никто не противодействует поэтому вымогательствам.

Национал-социалистические вожди несут ответственность за пролитую кровь

В какой мере национал-социалистические вожди ответственны не только за средневековые методы их специальных отрядов, но и за убийства своих приверженцев, свидетельствуют высказывания вождей до и после захвата власти.

Нынешний имперский министр внутренних дел Фрик заявил:

«Не беда, если пострадает несколько десятков тысяч марксистских деятелей».

Бывший вице-президент рейхстага Штер сказал на массовом собрании:

«Мы дадим заработок пеньковой промышленности».

Ту же любовь к судам Линча и виселице проявил непосредственно по занятии должности ольденбургский министр-президент:

«Мы будем у виселицы бросать воронью на съедение марксистов и членов партии центра».

Окружной командир Тельшов сказал на собрании, состоявшемся 22 октября 1929 г. в Бейгаузе на Эльбе:

«Мы будем вести борьбу всеми средствами. При борьбе неизбежны трупы. Когда нужно будет действовать против еврейской сволочи, мы не остановимся перед трупами. Может случиться, что некоторые матери не досчитаются своих сыновей».

Десятого марта 1933 г. министр Геринг держит речь на массовом собрании в помещении выставки в Эссене. Страна возмущена позорными действиями разнузданных штурмовиков. Но министр Геринг объясняет собранию:

«Пусть я раз-другой промахнусь, но я все же предпочитаю стрелять».

Документ об убийствах

Слова Геринга пали на плодородную почву. В конце апреля дортмундский полицейский-президент Шепман издал приказ, который в известном смысле перецегалял все полицейские приказы современности:

«Последнее время снова неоднократно распространялись коммунистические листки. Приказываю подчиненной мне полиции пускать в ход огнестрельное оружие немедленно при всякой попытке распространения коммунистических воззваний».

Террор был организован

1. В ночь пожара рейхстага в одном только Берлине было подготовлено тридцать казарм штурмовиков для зверств. Стальные прутья, кнуты, цепи, веревки, чтобы вязать, кувшины и касторка были закуплены заранее. Они нашли себе применение в ту же ночь. Ко всем казармам были прикреплены врачи.

2. Имеются сообщения из многих немецких городов, которые свидетельствуют, что штурмовые отряды находились в эту ночь в

состоянии полной боевой готовности и что держали под особым наблюдением квартиры рабочих вождей, а равно вокзалы и почту.

3. Выбор жертв был тот же во всех немецких городах.

4. Аресты были поручены главным образом штурмовым отрядам и их специальным дружинам. Полиция несла в эти дни только вспомогательную службу, так как в ней еще не были уверены.

5. 22 февраля начали пользоваться штурмовиками в качестве вспомогательной полиции; верный признак того, что предполагались более крупные операции и собирались по мере возможности придать им видимость легальности.

6. Уже 17 февраля Геринг в качестве прусского комиссара дал своим приказом о применении огнестрельного оружия всем полицейским полную свободу для всякого террора и для бессудных казней. Приказ этот не только разнуздал все сомнительные и колеблющиеся элементы среди полицейских, но и легализовал убийства со стороны штурмовиков:

«Всякого, кто при исполнении этих обязанностей применяет огнестрельное оружие, я покрываю своей ответственностью независимо от последствий. Напротив, тот, кто из ложной осторожности воздержится от этого, будет привлечен к ответственности. Всякий чиновник должен постоянно иметь в виду, что всякое уклонение от выполнения того или иного мероприятия расценивается как несравненно более тяжелый проступок, чем ошибки при его выполнении».

7. В кровавом подвале на Гедеманштрассе и в других казармах постоянно находились высшие руководители национал-социалистов. Они руководили избитыми и вели допросы. Установлено между прочим, что руководитель штурмовиков граф Гельдорф, который находился и находится в постоянной ежедневной связи с Герингом и Гитлером, производил смотры избитым.

Наши документы

В нашем архиве лежат 536 протоколов тяжело избитых людей. Факты проверены, и правильность их установлена.

137 медицинских свидетельств подтверждают наличие у этих жертв тяжелых хронических повреждений.

375 протоколов сообщают о подписях, которые должны были дать избитые после пытки. Пытаемые должны были подтвердить еще на месте пыток, что «с ними хорошо обходились».

Наш материал из городов и сел «третьей империи» приводит к выводам, что с 28 февраля было избито около 60 тыс. человек.

Теперь мы дадим слово самим жертвам.

Они называют себя друзьями рабочих...

От безработного, который просил милостыню у коммунистов и получил у них работу по дому, требовали, чтобы он заплатил своим товарищам изменой за солидарность. Он поплатился за свое мужество. Он пишет:

«В понедельник 6 марта в 17 часов к входным дверям квартиры депутата Х. явилось двое штурмовиков с начальником и потребовали, чтобы ихпустили. Так как я находился в квартире, где разобрал белье, то я открыл дверь, но сначала только до предохранительной задвижки. В щель был немедленно просунут револьвер, и штурмовик потребовал, чтобы дверь была открыта настежь. Спросили, где находится товарищ Х., чего я указать не мог. После этого они забрали меня с собой. Меня отвезли на Бехтерштрассе в прицепной тележке мотоцикла. Там начались избиения. И по сей час, когда я пишу, на мне имеются видимые следы всего того, что надо мной проделали. Под глазами синяки, на левой половине лба четырехсантиметровая затянувшаяся рана от укуса, руки опухли и расцарапаны. Меня ругали «убийцей» и т. д. без всякого к тому основания. Затем я должен был смыть с себя кровь. Она текла изо рта, носа и лба. Едва только я умылся, как меня снова приволокли в первую комнату и снова стали избивать. Я искал себе защиту на стоявшей в помещении скамейке и закрыл обеими руками лицо, чтоб таким образом избежать ударов, так как в противном случае они безусловно раздробили бы мне челюсть, но они этим не удовлетворились.

Вместе с двумя другими арестованными я был доставлен на Гедеманштрассе на таксомоторе. Нас сопровождали два мотоцикла. При отправке мне сказали, что я должен радоваться тому, что они были так гуманны, в подгруппе «работают» иначе. Я чуть не рассмеялся при этом.

На Гедеманштрассе при допросе я сказал, что я попрошайничал и что мне всегда что-нибудь подавали из квартиры Х. Затем я стал туда чаще наведываться, чтобы иногда поговорить и о политике, и наконец госпожа Х. мне поручила кое-какую домашнюю работу, как-то: выбивать ковры и т. п. Я сказал штурмовикам, что меня очень радовало то, что со мной так хорошо обходились коммунисты. Я также сказал им, что я сочувствую КПП и голосовал за третий список. На это допрашивавший меня сказал: «К людям, говорящим правду, мы еще милостивы. Мы хотим уничтожить не вас, а ваших вождей и с ними рассчитаться».

... но в действительности они преследуют тысячи рабочих

Вот особенно ясное доказательство этого, рассказывает рабочий, которого затащили на Гедеманштрассе:

«Вечером 5 марта я с шестью другими рабочими, находящимися в пивной Х на улице у северной части Берлина, подвергся нападению группы одетых в форму штурмовиков. Мы сидели там в ожидании результатов выборов. Штурмовики приставили нам к груди револьверы и принудили нас с поднятыми вверх руками отправиться в их помещение на улице Х. Там мы были прежде всего избиты в кровь как «коммунисти-

ческие свиньи». Затем нас отправили на автомобиле в центральное помещение штурмовиков на Гедеманштрассе, 6. Нас погнали на четвертый этаж, и в длинном коридоре непрерывно на нас сыпались удары кулаками и хлыстами. Коридор был снизу доверху украшен «добычей» — социал-демократическими знаменами и плакатами. У стены на виселице висело чучело, одетое в форму красного фронтовика, которое должно было изображать Эрнста Тельмана.

Здесь мы были загнаны ударами в общее помещение, нас принудили под крики «Да здравствует Гитлер!» стать на колени, читать «отче наш» и петь затем гимн Хорста Весселя. Кто не подчинялся, того немедленно избивали до полусмерти. Затем нас оттащили к стене помещения и стали непрерывно стрелять из револьверов почти над самой нашей головой. Нам дали короткую передышку, после чего начались первые «допросы». Каждый из нас вызывался поодиночке в комнату, где стояло с полдюжины штурмовиков с хлыстами. Какой-то человек сидел у пишущей машинки. Мы должны были раздеться донага, и нам заявили, что нас будут бить до тех пор, пока мы не скажем всего. От нас требовали самых невозможных признаний. У нас выпытывали имена и адреса коммунистических работников, спрашивали о каких-то тайных складах оружия и множительных аппаратах. Во время этого допроса нас непрерывно били. Затем нам давали по полчаса на размышление, после чего пытки начинались сызнова.

Некоторым антифашистам, которые раньше состояли в рядах штурмовиков, остригали волосы, оставляя только спереди перевязанный клок волос. Нам объяснили, что эти люди будут на следующее утро расстреляны. Когда мы пришли, они уже лежали в бессознательном состоянии в общей камере. Кроме нас в общей камере находилось около 50 рабочих социал-демократов и коммунистов. При освобождении от нас потребовали, чтобы мы дали расписку, что нас выпустили невредимыми. Подписку мы дали. Двух своих спутников я нашел затем в больнице «Фридрихсгайм». Один был ранен выстрелом в шею».

Кроме этого, не вызывающего никаких сомнений документа мы даем еще ряд дальнейших сообщений избитых рабочих, чтобы показать, как национал-социалистическое движение ознаменовало повсюду свой официальный приход к власти.

«Покрит ранами»

«Рабочий И. М., живущий на Фердерштрассе в Берлине, захвачен в ночь с 27 на 28 марта штурмовиками и тяжело избит в национал-социалистической казарме на Рудоверштрассе. Все его тело покрыто ранами».

Квартира разрушена

«К рабочему Р. из Шенберга, который был известен как партийный работник, явились на квартиру в понедельник

Попов

Болгарский рабочий, 31 года, был в 1931 г. арестован вследствие революционной пропаганды в Болгарии и приговорен к 12 годам принудительных работ. Ему удалось бежать, и он эмигрировал в Германию.

Танев

Македонский борец за свободу, был присужден в Пловдиве к 12½ годам тюремного заключения. Бежал в Германию. Гитлеровское правительство арестовало Попова и Танева по той же причине, что и Димитрова. Верховный прокурор возбудил против Димитрова, Попова и Танева дело по обвинению в поджоге.

(после нападения). Там его сильно изранили стальными прутьями и затем потащили в казарму штурмовиков. В тот момент, когда составлялось настоящее сообщение, еще не было известно, что случилось с этим рабочим. Его квартира была совершенно разгромлена штурмовиками».

Дикая стрельба

«Рабочий Макс Ф. в провинции Бранденбург подвергся ночью нападению 40 вооруженных штурмовиков. Дверь в квартиру была выбита, после чего штурмовики начали немедленно неистово обстреливать квартиру. Ф. успел, несмотря на тяжелое ранение, спастись, выпрыгнув в окно. Во время бегства он получил еще ранение руки и груди. Он спасся и нашел приют в больнице. Место, куда он спасся, пришлось держать в строжайшей тайне, так как родные подвергались каждый день после нападения угрозам» (точный материал об этом случае имеется в нашем архиве).

Переломы костей

«36-летний рабочий Павел Попроцкий, Мальплякштрассе, 23, был вытащен из своей квартиры в ночь с 26 на 27 марта в 3 часа. Большой отряд штурмовиков препроводил арестованного в помещение штурмовиков на Утрехтштрассе, где от него требовали адресов партийных работников. Когда он отказался указать адреса, его начали избивать. Спустя несколько часов его отпустили с тяжелыми повреждениями и, как установило медицинское обследование, весьма вероятно со сложным переломом малой берцовой кости».

«Отче наш» или портупей по голове

«18-летний рабочий Курт Гакенбуш, Грюнталерштрассе, 63, был арестован вместе с тремя товарищами 26 марта и доставлен в помещение на Принценштрассе. Они были избиты портупеями. Арестованные отказались читать «отче наш» перед собравшимися штурмовиками. Их снова стали избивать. Несколько часов спустя арестованные были доставлены на пункт скорой помощи, где они под угрозами должны были заявить, что штурмовики спасли их от совершенного на них нападения. У Гакенбуша оказалась при этом кроме кровоподтеков на лице и спине еще тяжелая рана на голове».

Кровоподтеки

«Рабочий Яков Иклер, Кассель, Кеттенштрассе, 4, был взят штурмовиками, производившими обыск в квартире его отца, доставлен в помещение Бюргерзале, положен на скамью и избит затем резиновыми дубинками. Удары в нижнюю часть лица, по голове, кровоподтеки на спине, ягодицах и верхней части ляжки. Состояние засвидетельствовано врачомным удо-

Как фабрикуются покушения

Индус Тагор, племянник Рабиндраната Тагора, заподозренный в покушении на Гитлера.

стоверением (в архиве). Имя врача здесь не называется, так как в Германии периода «третьей империи» стало не безопасным оказывать врачебную помощь изувеченному.

Моча для утоления жажды

Социал-демократический депутат, бывший министр Вильгельм Зольман пишет о глумлениях над ним штурмовиков и дружинников из защитных отрядов следующее:

«В четверг 9 марта в 3 часа пополудни к моему дому в Кельне подъехало три автомобиля со штурмовиками. Так как я в это время вел телефонный разговор с депутатом городской думы, то я еще успел крикнуть по телефону: «В дом ко мне врываются штурмовики» и вызвать полицейскую помощь.

В этот момент в мой рабочий кабинет ворвалось несколько штурмовиков с наведенными револьверами, топорами и ножами. Прежде чем я успел что-либо сказать, я был ударом сбит с ног у своего стола. Штурмовики были охвачены каким-то неистовством и преисполнены ненависти и радости, что они могут со мной расквитаться. Большая часть рассыпалась по остальным комнатам квартиры, и буквально в несколько секунд они разбили все вдребезги. Осыпая тумками, меня бросили в открытый автомобиль. На возглас моей жены: «Куда вы везете моего мужа?», один из команды ответил с хохотом: «Это уж вы потом узнаете». Меня повезли сначала через пустошь по направлению к лесу. Так как сидевший передо мною штурмовик непрерывно размахивал револьвером перед самым моим носом, то я предположил, что меня расстреляют у ближайшего леса. Но меня повезли дальше, осыпая самыми нелепыми ругательствами. Затем замедлили ход автомобиля и на оживленной Главной улице меня то и дело показывали прохожим: «Вот великий Зольман: глядите, как он ничтожен». Меня доставили на Моцартштрассе в окружное управление национал-социалистов. Ударом кулаков, ног, толчками меня гнали вверх по лестнице в комнату заседаний. Жалюзи были спущены, и в комнате была полутьма. Здесь я должен был предстать перед трибуналом. На столе было выставлено большое знамя со свастикой. Я видел, что мой товарищ по редакции Эфферот сидел близ окна в таком же виде, как и я. Едва только я успел занять место возле Эфферота, как началась двухчасовая пытка. Затем человек в форме штурмовика, которого мой коллега назвал городским гласным Эбеле, произнес короткую речь против Эфферота, сказав, что теперь с ним рассчитываются. Штурмовики затем набросились на нас и стали наносить нам удары кулаками. В течение получаса Эфферот и я лежали на полу совершенно обессиленные, не будучи в состоянии подняться. Удары кулаками и ногами продолжали сыпаться на нас, нас тащили за волосы и сталкивали головами. Затем силой нас заставили встать, усадили на стулья, один штурмовик держал нам руки сзади за спинкой стула, дру-

гой разжимал нам зубы, а третий влил каждому в глотку по четверти литра касторки. Один из палачей велел подать еще соль, чтобы увеличить наши мучения, но очевидно ее не так легко было найти. Затем сделали маленький перерыв. Я попросил стакан воды. Вода имела какую-то подозрительную окраску, и потому, заметив это, я использовал ее, для того чтобы омыть свои окровавленные руки. Один из штурмовиков крикнул: «Почему ты не хлебашь воду?» (вообще к нам обращались только на ты), в тот же момент он бросил стакан с остатками воды мне прямо в лицо. Избиение возобновилось.

Вдруг среди наших палачей почувствовалось какое-то беспокойство. Я предположил, что полиция получила сведения о том, что на нас напали и утащили. Около 5 часов нас сбросили с лестницы с криком: «В угольный подвал».

Подвал вероятно не был открыт, и штурмовики видимо спешили от нас избавиться. Продолжая избивать нас кулаками и ногами—наши лица уже превратились в сплошную кровоточащую массу,—нас через улицу погнали к автомобилю. Мы должны были сесть в нем на корточки. Какой-то человек рядом с шофером, как впоследствии выяснилось, бывший офицер, крикнул: «Дайте ногой в зад», что немедленно и было выполнено. Избиения продолжались в закрытом автомобиле; я получил удар кулаком в правый глаз. Мы остановились у полицей-президиума; депутат рейхстага Шаллер, который руководил транспортом, открыл ворота. Мы были принуждены бежать изо всех сил по коридорам и лестницам, хотя мы совершенно валились с ног... Кто-то сказал, что мы будем на следующий день идти впереди факельного шествия национал-социалистов и нас сожгут затем на костре из горящих факелов... Полицей-президент предложил нам пойти под арест. Я сослался на свою парламентскую неприкосновенность. Он присоединился к моей точке зрения, но просил меня однако перейти вместе с Эфферотом в тюремный лазарет. В лазарете нам сделали перевязки и зашили раны. Во время пыток один из штурмовиков всадил Эффероту намеренно медленно нож в бок. Врач объяснил нам, что рана была бы опасна для жизни, если бы она была на один сантиметр глубже. На следующий день в газетах появилось сообщение, что на нас напали политические противники и мы получили небольшие телесные повреждения.

Пытки врача и его жены

«6 марта в 4 часа утра у входной двери раздался звонок, несколько мужских голосов крикнули: «Здесь полиция, открыть». Моя жена ответила: «Пожалуйста приходите завтра утром, ночью я не открою». Последовал ряд сильных ударов в дверь, она была выбита, и в квартиру ворвалось 5 человек в форме штурмовиков без полицейских значков—с револьверами. На мой вопрос, что им угодно, последовали удары кулаками и резиновыми дубинками. «Молчать. Тебя не спрашивают». Они скомандовали «руки вверх», несколько человек схва-

тили меня за шиворот и прижали к стенке. «Конец вам, евреям, большевистской шайке». Когда я хотел возразить, они снова избили меня.

Они обыскали квартиру, вскрыли ящики письменного стола, наполнили один чемодан книгами, рукописями и письмами и скомандовали: «Вон». Моя жена, которая не хотела оставить меня одного в руках громил, последовала за мною без требования с их стороны, Ударами ног они толкали меня вниз по лестнице. Когда моя жена энергично протестовала против такого обращения с больным, ее обругали и столкнули с сиденья автомобиля: «Нахальная свинья, веди себя спокойно, а то тоже получишь». Автомобиль остановился перед домом, у которого стояла толпа штурмовиков и дружинников защитного отряда. Едва мы вышли из автомобиля, нас погнали резиновыми дубинками и плетками на четвертый этаж. Так как вследствие болезни (грипп, слабость сердечной мышцы) я не мог идти быстро по лестнице, то меня били с особой яростью, пока я не добрался до верхнего этажа. Меня втокнули в какой-то коридор, и я с женой должны были пройти через ряды штурмовиков, которые набросились на нас с ударами. Меня поместили в отдельную комнату. Я заявил, что несомненно здесь какое-то недоразумение, и просил дать мне возможность объясниться».

Арестованный, работавший 7 лет в берлинских больницах и в последнее время состоявший старшим врачом специального отделения городской больницы в Нейкельне, после долгого допроса узнал, что ему предъявлено совершенно нелепое обвинение в том, что он является руководителем коммунистической пропаганды в Германии. На его уверения в невинности отвечали только издевательствами и побоями. Он сообщает далее:

«Они набросились на меня, с животной яростью избивая резиновыми дубинками, кожаными плетками и стальными прутьями. Они старались бить меня по голове, вскакивали на столы и стулья и немилосердно били сверху. Кровь текла по лицу, мои крики о помощи быстро стихли. Несколько ударов металлическим стержнем, свист в левом ухе, я зашатался и упал без чувств».

Пострадавший рассказывает дальше, что скоро он оказался в состоянии, опасном для жизни, и ему вынуждены были подать медицинскую помощь. Хотя силы могли каждую минуту покинуть его, он все же сохранил силу духа, чтобы внимательно наблюдать за всем, что происходило кругом. Мы даем в выдержках некоторые важнейшие описания.

«В комнате сидели молодые люди с бледными лицами, у некоторых головы были забинтованы. Они ожидали допроса. Часто входили штурмовики и требовали, чтобы все арестованные вскакивали с мест с приветствием «За здравствует Гитлер!». Тех, кто медлил с исполнением этого приказа, заставляли ударом плетки вставать и снова садиться. Это повторялось 10—15 раз, причем темп все время ускорялся.

Официальное подтверждение проводимого террора

[illegible]

Berlin - L. Herfelde 17/IV
Mutter von E. Schaefer
y 6 0585

Halliburton

203

Приходили штурмовики и брали из ящичков письменного стола револьверы и другое оружие. Ящички были полны револьверов, и каждый выбирал по своему вкусу. Другие приходили за списками добровольцев, желающих отправиться в Австрию (!).

Какой-то человек, который за несколько дней до того оскорбил штурмовика, был вытащен из постели и арестован этой ночью; женщина, которая упрекала в беспринципности одного фашиста, перешедшего к наци из коммунистического лагеря, была арестована у себя на квартире, и ее приволокли сюда.

Внезапно раздались возгласы: «Арестованы Пик и Ульштейн и будут доставлены сюда». Штурмовики пришли в дикий экстаз. Они размахивали дубинками в воздухе. «Пусть только покажутся». Объявили, что пришел рабочий Шульце. Все штурмовики вышли из комнаты, в течение четверти часа слышно было, как они бушевали в коридоре. Затем в дверь втолкнули рабочего небольшого роста, приблизительно 30-летнего возраста. Правый глаз его распух; при допросе он признал, что был членом «красной помощи». Его обвинили в том, что он участвовал в убийстве штурмовика. Он это отрицал. Он заявил, что вследствие подозрения в этом преступлении его держали уже в предварительном заключении, но выпустили на свободу. Его начали избивать плетками и приказали на каждый поставленный вопрос отвечать «так точно». Его избивали до тех пор, пока он не стал говорить «так точно». «Ты убийца, сволочь?»—«Нет», отвечал рабочий. Нет? и его били еще сильнее. Все лицо его было залито кровью. Он вытер его рукавом. «Ведь ты только что признал это». Ответ: «Это было вынуждено». Они били его опять. Его спрашивали, сколько он произвел на свет детей, со сколькими женщинами он жил, все ли его дети такие идиоты, как он сам.

Затем его отправили на кухню, где его коротко постригли. Когда он вернулся, его подвели к 80-летнему дряхлому старику, пастору из Лихтерфелье. Седой, как лунь, старик должен был протянуть ему руку и приветствовать словами: «Добрый день, товарищ». Старик протянул ему руку и сказал: «Я жму вашу руку, вы страдающий человек». Все смеялись. «Ах, так ты приветствуешь убийцу!» Старик возразил: «А если бы даже и так!—Он замученный человек, а вы—олицетворение насилия, которое недолговечно. Мои убеждения вы не можете искоренить резиновыми дубинками, вы националисты, а я интернационалист». Это мужественное поведение старика повергло в робость некоторых из мучителей. Когда кой-кто из них бросился на него, другие их удержали».

Из дальнейшего сообщения пострадавшего видно далее, каким мучениям подверглась тем временем жена врача.

«После полуночи несколько рук втолкнули меня в комнату на допрос. Там я нашел свою жену, бледную как смерть. Она тихонько на ухо сказала мне по-еврейски: «Я не могу больше выдержать, я выброшусь из окна, не могу больше. Они хотят

объявить тебя шпионом чека и расстрелять». «Не делай глупостей, возьми себя в руки». То, что мы обменялись несколькими словами, вызвало яростные крики допрашивавшего штурмовика, который от усталости (опьянение) еле держался на ногах. Мою жену вывели. Мое состояние стало хуже, и я потребовал врача. Меня вывели в комнату начальника. По требованию жены ей разрешили поить меня с ложечки».

Несмотря на критическое положение истерзанного арестованного, штурмовой отряд не отказался от своей цели—вынудить у врача признание, которого они добивались. К нему подослали говорящего по-болгарски шпика, который должен был заставить его говорить. Шпик имел точное указание, как он должен был вести себя в казарме. Врач пишет об этом:

«Он вынул револьвер и сказал: «Три пули: одну в лоб, одну в рот и одну в живот, конец и на помойку». Я лежал молча без движения... Он поднял кулаки и ударил меня в лицо: «Через несколько минут вам будет конец. Я повешу тебя здесь на косяке окна. Я так вешал в Киеве. Еще через несколько минут я выйду из комнаты, и уже будет поздно. Скажешь ты или нет, сволочь несчастная! Что делает чека, как действует ГПУ?» Я лежал без движения, изо всей силы он ударил меня ногой в живот, я потерял сознание».

Завлекают врача в ловушку

Мы берем следующие сообщения из саарбрюкенской «Арбайтер-цейтунг» от 14 апреля:

«17 марта состоялось очередное заседание берлинского медицинского общества. После доклада первый председатель общества 70-летний профессор Гольдшейдер, руководитель университетской клиники, просил коллег остаться еще несколько минут, так как он хочет продемонстрировать им особенно интересный случай. После этого ввели сплошь забинтованного пациента, и профессор Гольдшейдер сказал: «Господа, этот пациент—наш коллега доктор Люст. Третьего дня вечером его вызвали по телефону в Лихтерфельде к больному. Когда он прибыл туда, его приняли штурмовики и так ужасно изувечили». При этих словах собрание охватило страшное возбуждение. Всемирно известный профессор Зауербрух, националист, взволнованно вскакивает и заявляет, что он готов принять в свою клинику жертву штурмовиков. Вследствие этого случая среди широких кругов берлинских врачей распространилась паника, так как многие боялись, что их может постигнуть такая же судьба, когда их зовут к пациентам».

Убит 50-летнюю женщину

Сообщение свидетелей—фотодокумент.)

Ночь с понедельника на вторник, т. е. с 20 на 21 марта, было совершено нападение на состоящую членом городского совета со-

циал-демократку Марию Янковскую (в ее квартире на Бергманштрассе, 18, в Берлине-Кененике). Автомобиль прачечного заведения Митке (Кененик, Карлштрассе) остановился перед домом. Из него вышли 20 штурмовиков, взломали дверь, заняли подъезд и лестницу, 6 штурмовиков ворвались с револьверами в руках в квартиру. Янковская вместе с двумя партийными, уже находившимися в автомобиле, работниками-коммунистами была доставлена в помещение кененикского штурмового отряда (Елизабетштрассе, 29).

На дворе в сарае ее заставили раздеться до-гола и лечь на деревянную скамью, которая была покрыта черно-красно-золотым знаменем. Ее держали крепко четыре человека, а один прижимал лицо к куче старых тряпок.. В течение 2 часов 50-летнюю женщину немилосердно избивали дубинками, стальными прутьями и илетками.

После этого мучительства Янковскую вывели на улицу. В 5 часов утра прохожие нашли ее и привезли в таксомоторе домой. Врачи установили, что ее жизнь в опасности. Ей отбили почку, на теле не осталось буквально ни одного неизраненного места. В госпитале (Антониевский госпиталь в Карлсгорсте) Янковская дала следующие показания, занесенные в протокол:

«В то время, как меня избивали, мне непрерывно приказывали называть адреса и имена рабочих. Я должна была считать по порядку цвета республики и вместо черно-красно-золотого должна была говорить черно-красно-говеенное. Мне ставили вопросы: получала ли ты деньги из управления по призрению, давала ли ты приют и кормила ли ты коммунистов; крала ли ты обувь безработных; составляла ли ты список подлежащих бойкоту национал-социалистических магазинов? Меня немилосердно били, если я что-либо отрицала. Когда я кричала, пятый мучитель запыхал мне рот тряпкой. Я свалилась со скамьи, после того как получила, по крайней мере, 100 ударов. Меня снова подняли и так сильно ударили по лицу, что я упала в угол. При этом мне поранили колено. Потом я должна была вместе с обоими коммунистическими рабочими, которых также пытали, петь гимн: «Германия, Германия превыше всего...»

Я вынуждена была подписать заявление, что я выступаю из с.-д. партии, что никогда не буду более заниматься политической деятельностью и каждый четверг буду являться к фашистам за указаниями. После этого отношение ко мне изменилось. Мне дали стакан воды, почистили и вернули мое платье. Начальник штурмовиков приказал одному штурмовику «вывести» даму. Штурмовик поддерживал меня, чтобы я не упала, и закрыл за мной дверь, вежливо сказав: «Добрый вечер».

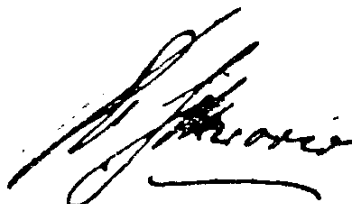
Муж пострадавшей сделал заявление в полиции, но получил ответ, что полиция бессильна, что-нибудь предпринять. Что побудило молодых парней совершить те нечеловеческие зверства, которые воспроизводят фотография и протокол? Они мучили женщину, которая в течение многих лет на ответственном посту облегчала страдания и нужду, которая по возрасту могла бы быть им матерью. Не думайте, что дело шло об акте личной мести. Они не

Dr.med.Fritz S c h w ö r e r

Charlottenburg, 2. April 1933
Berlinerstr. 98.

Heute um 11 Uhr kam Herr _____ zu mir
und bat mich um Ausstellung dieses Attestes. Die vorgelegte
polizeiliche Anmeldung lautete auf:

Befund: Die Weichteile um das linke Auge sind stark
geschwollen und blutunterlaufen, auch über dem rechten Auge
und auf der Stirne blutunterlaufene Stellen. Auf dem behaarten
Teil des Schädels, besonders rechts, zahlreiche Beulen und blutig
verschorfte Stellen. Die linke Ohrmuschel gerötet und stark ver-
schwollen, an der linken Halsschlagader ebenfalls Schwellungen und
Hautdefekte. Beide Oberarme, besonders der rechte, geschwollen
und blau und rot unterlaufen. Die rechte Hand und das Handge-
lenk vollständig geschwollen, besonders schmerzhaft sind das
Handgelenk, der Handrücken besonders im Bereich der 2. und 3.
Mittelhandknochen und das Daumengrundgelenk und Mittelfinger-
grundgelenk und das Endglied des 4. Fingers. Ob eine Fraktur
vorliegt, bedürfte der Röntgenuntersuchung. An der linken Hand
ist der Handrücken geschwollen und schmerzhaft, besonders der
2. Mittelhandknochen und das Grundgelenk. Beide Gesäßbacken
und der obere Teil beider Oberschenkel sind vollkommen rot und
teilweise striemig blutig, mit Hautdefekten unterlaufen, ebenso
Striemen an der Vorderseite des rechten Oberschenkels. Das rech-
te Knie zeigt links unten der Kniescheibe eine alte Operations-
narbe, es ist stärker als das linke und ist schmerzhaft.

Dr. med. Schwörer
Arzt
Charlottenburg, Berlinerstr. 98

Оригинал врачебного свидетельства

только избивали нагую женщину, они требовали адреса социал-демократов. Они действовали по поручению руководства штурмовиков. Руководство не только покрыло это преступление: более того, когда этот случай стал известен за границей, они возбудили дело за «распространение слухов о зверствах» против смертельно больной женщины, которая всю жизнь будет страдать от последствий перенесенных пыток...

Врач-невропатолог высылается из Германии после избиений

«Во вторник 21 марта был арестован в своей берлинской квартире большим отрядом штурмовиков врач по нервным болезням доктор Френкель, который обслуживал главным образом пролетарские круги. Он был доставлен в национал-социалистическую казарму на Палештрассе и содержался там до четверга. В течение этих двух дней он подвергся нескольким допросам, и его избивали много раз стальными прутьями и плетками. Уж после того как доктор Френкель был выпущен, были точно засвидетельствованы следы причиненных ему побоев и повреждение глаз ударом плетки. Доктор Френкель был выпущен 23 марта, после того как он дал подписку за себя и свою жену в том, что они обязуются немедленно и навсегда покинуть пределы Германии.

Доктор Френкель, который исполнил это вынужденное обязательство и сейчас живет в эмиграции, сообщает между прочим следующие подробности обстановки национал-социалистической казармы:

«В помещение, в котором я находился во время моего ареста, было доставлено 15 молодых рабочих. Я свидетельствую, что эти молодые рабочие были избиты самым страшным образом. В качестве врача я могу утверждать, что по крайней мере 8 из них должны были умереть от нанесенных им побоев на Палештрассе. Рабочих пытали еще в течение многих часов, после того как их связали, им жгли горящими палочками пятки. Одновременно со мной туда был доставлен доктор Филинсталь из Берлина-Бисдорфа. Этот коллега был тяжело ранен. Я очень сомневаюсь в том, что этот врач сможет оправиться». (Доктор Филинсталь был 23 марта перевезен в больницу Урбан и там действительно скончался.)

Члены Союза республиканского флага и партийные работники в камере пыток

Опровержения национал-социалистического правительства все время пытаются изобразить все эксцессы в штурмовых казармах как произвол отдельных штурмовиков. Мы приводим ряд сообщений из Касселя, которые устанавливают с несомненностью, до какой степени связаны были избиения с официальным руководством штурмовиков. Даже для виду не старались разграничить допрос и избиения; приходится читать, что арестованные «выпускались»

после исключительно мягкого допроса, но затем уже на лестнице были схвачены штурмовиками для «последующей обработки» и ватаскивались в подвалы.

Руководитель Союза республиканского флага Ганс Квер сообщает в протоколе:

«24 марта после часа дня четверо штурмовиков и один в штатском взяли меня в рабочем кабинете 51 в ратуше. «Господин Квер, вы должны следовать за нами». Двое берут меня за руки. Ведут с лестницы. Штурмовики, стоявшие на лестнице, кричали публично: «Вот идет генерал республиканского флага Квер». Ведут в помещение Бюргерзале. Имя одного из сопровождающих штурмовиков Диппель (агент; последнее время работал в отделе призрения, был уволен за растрату, осужден к 4 месяцам тюрьмы). Один из штурмовиков отбирает у меня сведения, касающиеся моей личности и партийной принадлежности. После этого следует заявление, что я свободен.

На лестнице меня задерживают двое штурмовиков, заявляя, что мне еще нельзя уходить. Один из них входит в комнату к штурмовику, который меня допрашивал, и очень быстро возвращается обратно. Он делает жест рукой, который должен означать, что я буду отправлен в подвал. Там меня встречают 10—15 штурмовиков и требуют, чтобы я немедленно скинул пальто и шляпу. Затем меня уводят насильно в темный подвал к месту, где стоит скамья. Штурмовик идет впереди с карманным электрическим фонариком и освещает дорогу. Лампочка погасла. Меня бросают на скамью и по крайней мере в продолжение 10—15 минут избивают зверским образом. Когда я в полубессознательном состоянии свалился со скамьи и просил обходиться со мной человечнее, в ответ прозвучал издевательский смех. После этого последовали удары еще сильней. Когда я, покидая подвал, шел недостаточно быстро, мне было сказано: «Слишком мало получили, если не поторопитесь, поведем еще раз обратно».

Городской секретарь Мартин Мейер, 30 лет (Беннерштрассе, 14), был арестован 24 марта половина первого штурмовиками в отделе исполнения ратуши города Касселя, где он работал, и доставлен на Карлштрассе в помещение Бюргерзале. Там он был отведен в темный подвал, положен на скамью, и в течение получаса его с короткими перерывами избивали резиновыми дубинками. Большие кровоподтеки на носу и правом глазу.

Кашель Зепель, секретарь профсоюза (Кассель, Шильштрассе, 14), был арестован 23 марта 1933 г. в пять часов пополудни вместе с профсоюзным секретарем Герке и из дома профсоюзов был отведен 8 штурмовиками для допроса в помещение Бюргерзале. Содержался в большом зале. Слышал крики из нижнего помещения. Ждал час. Отведен 8 штурмовиками в темный подвал, положен на стол и в три приема был избит 6 штурмовиками резиновыми дубинками. Находится на врачебном излечении. Еще лежит в постели. Вероятно повре-

ждение почек, моча с кровью, спина, ягодицы, верхняя часть бедер повреждены.

Баль Генрих, купец (Кассель, Людвигштрассе, 2), арестован около трех часов пополудни 4 штурмовиками в магазине и доставлен в помещение Бюргерзале. Был избит уже на улице. Грозили расстрелом в случае побега. В помещении Бюргерзале был избит. Били резиновыми дубинками четверть часа по обнаженному телу (брюки спущены). С тех пор лежит в постели больной в кассельской областной больнице.

Управляющий местной больничной кассой в Касселе Христиан Витрок (Кассель, Луизенштрассе, 20), 40-летнего возраста, был взят у себя в конторе 24 марта 2 штурмовиками. Его вели по лестнице ратуши, а затем через толпу к помещению Бюргерзале на Карлштрассе; по дороге его били и топтали ногами. В помещении Бюргерзале штурмовики опросили его и затем сказали: «Витрок свободен». Затем он был выведен из зала, как будто бы его действительно отпускают, но из здания его не выпустили, а совершенно неожиданно направили в темный подвал, бросили там на скамью и избили резиновыми дубинками. Два удара в голову, кровоподтеки на спине, ягодицах и на бедрах, платье и обувь выпачканы, частью изодраны. Затем он снова был доставлен в верхнее помещение и там вторично избит. Находится на врачебном лечении.

И офицеры становятся жертвами тайных фашистских судов

На второй неделе марта отставной оберлейтенант Ангальт, который работает теперь в качестве окружного землемера, живущий в Берлинер-Темпельгоф, Германияштрассе, 12, был арестован тремя штурмовиками и одним штатским у себя на дому. Он немедленно вызывает полицию, которая появляется, но отказывается от вмешательства. Штурмовики отвозят Ангальта в комендатуру подгруппы на Гедеманштрассе.

Там он прежде всего был избит штатским, бывшим в группе, за то, что осмелился вызвать полицию. Затем его отвели в помещение, где на соломе лежало уже 12—15 человек. Ангальта принял штурмовик, которого называли «старший ездовой». Здесь совсем не было разговора о том, в чем обвиняли Ангальта, а именно, что он нелегально обучал членов республиканского флага обращению с оружием. Ездовой знал только, что перед ним стоит бывший офицер. С двумя помощниками он начал экзекуцию и не прекращал избивения до тех пор, пока у Ангальта не потекла кровь изо рта и носа. Тогда он приподнял тяжело избитого Ангальта и показал его другим стоящим на полу арестованным со словами: «Смотрите сюда, эта свинья—оберлейтенант, а не может со страху стоять прямо». Так как Ангальт приподнялся и тем самым уличил его во лжи, то штурмовик ударил его в подколенную чашку и

продолжал бить до тех пор, пока Ангальт не свалился с ног. Затем последовало новое избивание, но оно казалось не могло в желательной степени сломить арестованного. Ангальт принимал молча удары, что привело штурмовика в бессильную ярость. «Будешь ты выть, собака», кричал он и бил так долго Ангальта, пока тот не потерял сознания. Тогда он бросил его на солому к другим арестованным.

Только нервное расстройство

Отто Герке пришел в половине четвертого в кассельский дом профсоюзов. С ним заговорили трое членов вспомогательной полиции. Первый сказал: «Этот тоже из таких». Второй: «Этого мы возьмем». Третий: «Это Герке из союза металлистов».

В половине пятого четверо штурмовиков явились в канцелярию. «Господин Герке?» «Да». «Одевайтесь. Вы должны следовать за нами на допрос». На вопрос, уведомлен ли об этом полицией-президент, последовал ответ: «Да». В сопровождении восьми штурмовиков я был доставлен в помещение Бюргер-зале через Шпорштрассе, сначала меня повели в караульное помещение, затем наверху в зале был подвергнут обыску для установления, нет ли при мне оружия. Между половиной и тремя четвертями шестого меня вызвали. Двое штурмовиков повели меня вниз по лестнице к ходу в подвал, где по правой стороне стояло несколько велосипедов. Потом меня заставили снять пальто и шляпу. Был отведен затем в подвал, куда вело 12 ступенек; здесь был брошен на заранее приготовленный стол. Меня держали за голову и руки и в течение 15—20 минут избивали резиновыми дубинками. Когда меня сорвали со стола, я должен был кричать: «Да здравствует Гитлер!», но не был в состоянии этого сделать. Был вызван затем немедленно домашний врач, который установил наличие подтеков и нервное потрясение.

Копия врачебного удостоверения

Кассель, 28 марта 1933 г. «Настоящим удостоверяю, что я лечил господина Отто Герке в Касселе на Юссовштрассе от больших кровоподтеков в области обеих рук, задней стороны бедер, коленных чашек и задней стороны голеней. Кровоподтеки наверху доходят до области почек. Я лечу господина Герке с 24/III 1933 г. Он не в состоянии ходить на службу и должен лежать в постели. Подпись».

Огромный фильм вместо обеда

В понедельник 3 апреля в половине седьмого я был арестован двумя штурмовиками из защитного отряда. Хотя при допросе выяснилось, что для ареста не было никакого основания, я тем не менее был вместе с двумя другими арестован-

ными приведен в подвал-ледник. Это было подземное помещение длиной около 3 метров и шириной около 2 метров. В эту дыру не проникали ни свет, ни воздух. Мы узнавали друг друга только тогда, когда стояли рядом и могли касаться друг друга. Очень скоро мы стали испытывать удушье и пытались притти в себя, принимая лежачее положение. Лечь можно было только на старую походную кровать без матраца и одеяла. Здесь валялось несколько мешков из-под картофеля, которые мы использовали в качестве одеял. Питьевой воды не было, воды для мытья нам не давали. Еда была для нас мучкой. Пища всегда была холодной.

Один из арестованных евреев получил при допросе приказание приветствовать каждого штурмовика, входившего в подвал словами:

«Я хочу в Палестину».

Мне было очень жаль его, так как я по его голосу чувствовал, как тяжело было для него это унижение.

В четверг в пол часа двенадцатого мы были выпущены наконец из погреба и доставлены в школьное помещение. В пятницу казалось, что нас освободят, но над нами только потешались. Жившее по соседству фашистское население было видимо мобилизовано штурмовиками. Когда нас погружали в автомобили, перед школой стояла большая толпа, которая встретила нас оскорбительными возгласами. Эти люди должны были видеть, что всем нам было не по себе, но их развлекало наше горе. К нашему изумлению нас отвезли в кино. Фильм, который нам показали, назывался: «Истекающая кровью Германия». Это была сплошная травля Франции. Одна сцена изображала расстрел Шлягетера. Один из присутствовавших национал-социалистов произнес речь. Он вообразил, что может нас переубедить. Но для нас убедительней всего оказалось то, что мы в этот день не получили обеда.

В пятницу ночью в 12 часов я был внезапно взят двумя штурмовиками и отведен в караульное помещение. И здесь я не дал ответов, которые их удовлетворили бы. Полицейский комиссар приказал увести меня. Через час двое из защитного отряда взяли меня, но не в прежнее арестное помещение, а повезли в лес. Вдруг автомобиль остановился. Меня выбросили из него на землю и спросили: «Где оружие?» Я сказал: «Ничего не знаю». Тогда меня начали избивать. Мое лицо прижали к земле. Я вдыхал запах сырой земли, песок набивался мне в зубы, а на спину сыпались удары резиновых дубинок. Самой ужасной была мысль о том, что меня каждую минуту могли прикончить.

Немного спустя они перестали бить меня и снова спросили: «Где оружие?» Я хотел уже кинуться на них, потому что вдруг мне все стало безразличным, но они повернулись, и я заметил, что они устали от избиения. Вдруг рука, прижимавшая мою голову к земле, разжалась, страшный удар обрушился мне на голову, я потерял сознание.

Эрнст Тельман

Вождь коммунистической партии Германии

Эрнст Тельман

в своей камере в полицейской тюрьме в Берлине
на Александрплац.

Эрнст Тельман, по профессии транспортный рабочий, еще до войны боролся в рядах германского рабочего класса. Во время войны 1914—1918 гг. он был в числе наиболее активных противников войны. Он организовал антивоенную пропаганду в округе Гамбурга и морского побережья. После раскола независимой социал-демократической партии он в 1920 году стал во главе большинства гамбургских независимых, перешел к коммунистической партии. Эрнст Тельман стал вождем коммунистов в Гамбурге. В 1928 г. он стал членом Центрального комитета коммунистической партии Германии и в 1925 и 1932 гг. был кандидатом германских революционных рабочих на президентских выборах.

В качестве вождя коммунистической партии Германии он в дни разнузданного гитлеровского террора вел работу среди берлинских рабочих.

3 мая 1933 г. Эрнст Тельман после лихорадочных поисков был арестован полицией гитлеровского правительства. Против него готовится процесс по обвинению в государственной измене.

Когда я очнулся, их уже не было. Я поплелся домой. Просил вызвать врача, но он был настолько труслив, что побоялся написать удостоверение.

Это совершеннейший обман, когда они обещают в качестве контрмеры при помощи специальных команд защищать от необоснованных нападений штурмовиков; они только пускают пыль в глаза. Меня охватил ужас, когда я говорил с другим освобожденным, рассказывавшим мне, что он должен был дать подписку в том, что его не избивали. Едва только он дал расписку, как его стали снова бить и при этом издевательски приговаривать: «У нас есть теперь твоя подписка в том, что тебе ничего плохого не сделали».

Инвалиды войны тоже подвергаются пыткам

Во второй половине марта штурмовые отряды заняли берлинскую электрическую станцию на Шифбауердаме. Они заняли помещение, не позволили служащим разойтись, арестовали всех членов заводского комитета и отправили их в казарму штурмовиков. Правление акционерного общества берлинской электрической станции в течение многих часов тщетно пыталось добиться вмешательства полиции. Путем непосредственных переговоров с национал-социалистами удалось лишь на следующий день добиться освобождения арестованных.

Тринадцать рабочих рассказали, что их заставили часами маршировать в военном строю и непрерывно петь «Германия, Германия превыше всего...» Всякое сопротивление подавлялось под дулом револьвера. Это мучительство все находили тем более бесчеловечным, что среди рабочих было двое инвалидов, тяжело пострадавших на войне, которые обессилев лишились чувств. Как и во всех других случаях эти рабочие тоже должны были дать подписку, что с ними обращались безупречно.

24-летний рабочий из Берлина (имя хранится в архиве) был взят поздно вечером в понедельник 27 марта штурмовиками и доставлен на Гедеманнштрассе. Его держали там до среды и неоднократно избивали хлыстом за то, что он отказался назвать имена своих партийных друзей. Одновременно с ним национал-социалисты взяли и его отца, инвалида, тяжело пострадавшего во время войны. Сын должен был смотреть, как избивали старика-отца хлыстом. Из медицинских свидетельств видно, что оба получили ранения лица, что носы у них вспухли, а затылок и ягодицы были покрыты синяками.

Он должен вылизывать свою собственную кровь

На хлебном заводе Витлера в северной части Берлина молодой рассыльный Циглер 21 года сделал в разговоре в заводской столовой антифашистское замечание. Штурмовик Мюллер, который также работал у Витлера, узнал об этом и мобилизовал дружинников защитного отряда на Гентерштрассе. Они подстерегли Циг-

лера, приставили револьвер к его груди и пригрозили расстрелом при попытке к побегу. Затем они увели его.

О том, что с ним случилось затем, торжествуя и с издевкой рассказывал штурмовик: «Его так долго били собственным ремнем, пока ремень не разлетелся на-двое. Затем он *былизал* свою кровь. Мы очистили ему затем щеткой язык, и начальник отряда сказал ему: «Ты, сволочь, находишься на земле Гитлера, и она станет еще для тебя священной».

Подлинный ариец знакомится с «третьей империей»

Как мы уже сообщали в другом месте, в последнюю неделю апреля был арестован в южной Германии племянник индийского поэта Рабиндраната Тагора по подозрению в подготовке покушения на Гитлера. Изображение тюрьмы «третьей империи», которую он дает, может претендовать на беспристрастность в большей мере, чем данное кем-либо другим. Тагора вынуждены были выпустить на свободу, после того как он натерпелся в течение нескольких дней всяких унижений и глумлений. Он рассказывает:

«Помещение, в которое меня привели, находилось под землей и было лишено света и воздуха. Здесь находилось уже в заключении 22 арестованных, исключительно члены левых партий, большей частью коммунисты. Многие из них содержались здесь уже более месяца, но еще ни разу не были допрошены. Время от времени вызывали по одному человеку и выводили из камеры. Слышны были потрясающие вопли, затем нашего товарища вталкивали к нам обратно. Со стоном показывал он следы тех жестокостей, жертвой которых он сделался. Один коммунистический член рейхстага показал мне следы избиений и сказал при этом: «Смотрите, вот это называют национальной немецкой культурой».

В день моего ареста вызвали молодого человека по фамилии Рам, он вернулся с израненными и окровавленными ляжками. Штурмовики били его стальными прутьями за то, что он отказывался давать ложные показания против своих товарищей. Мы с большим трудом улеглись на вонючую солому, служившую нам подстилкой, но он не был в состоянии сделать этого, так как у него была изранена вся спина. Во вторник утром в нашу камеру втолкнули человека, который еле держался на ногах. Совершенно распухшая рука была забинтована, лицо было окровавлено. Фамилия его Фулер, он профсоюзный работник. Штурмовики ворвались в дом профсоюза и, когда Фулер не удовлетворил их требования о выдаче оружия, воткнули ему палку в бок, разодрали щеку почти до самого глаза, повалили на земь и избивали его ногами.

Ночью невозможно было сомкнуть глаз. Тюрьма отлащалась криками арестованных, песнями и хохотом наших мучителей. В соседней камере арестованный непрестанно кричал и призывал свою мать. Штурмовики врываются нередко в камеры, чтобы удовлетворить свои зверские инстинкты.

Продовольствие нам отпускали в достаточном количестве, но плохое. Узник на неопределенное время в темнице чужой страны, в руках незнакомых страшных врагов, я лежал в этом аду, отрезанный от мира, не зная, в чем меня обвиняют».

Документы, которых не может опровергнуть даже Геббельс

Совершенно аполитичный киножурналист *Курт Гаас* был арестован штатскими лицами 28 февраля ночью у себя на квартире. Он отказался следовать за ними, так как кроме удостоверения штурмовика они не могли предъявить никакого официального документа. Ему пригрозили немедленным расстрелом, заткнули ему рот, избили его в постели, связали и уже тяжело раненого увезли на автомобиле. Гааса спас полицейский патруль, который случайно по пути был остановлен возмущенным шофером. Ему сделали перевязку в городской больнице и отпустили на свободу. Достойная сожаления «ошибка»?

Сам по себе этот случай не представлял ничего необычайного. Гаас жалуется в министерство внутренних дел, и с этого момента случай этот получает особое значение. Министерство покрывает задним числом действия арестовавших его штурмовиков, хотя они никак не могли доказать, что они действовали по официальному поручению.

Мы приводим дословный ответ министерства Геринга:

«Прусский министр внутренних дел

Начальник связи штурмовых команд. Бранденбург № 29/33. Берлин, 13 марта 1933 г.

Господину Курту Гаасу—Берлин-Вильмерсдорф.

Ваше заявление на имя министра иностранных дел от 4 марта 1933 г. по инстанции поступило ко мне на рассмотрение и распоряжение.

Мною установлено, что данные вашего заявления в существенных пунктах неверны и извращают действительность. Штурмовики были несомненно в праве вас арестовать и действовали согласно указаниям. Как мною установлено, они поступили—после того как они согласно вашему же признанию удостоверили, что они действительно штурмовики—в полном соответствии с обстоятельствами. После того как вы по требованию штурмовиков оделись, вы сами подали повод к тому, что ваше сопротивление должно было быть сломлено силой, так как вы внезапно подняли шум, с криком набросились на штурмовиков и даже так укусили одного из них в плечо, что последний до сих пор не зажил.

Как мною установлено, меры примененного принуждения не переходили границ необходимого.

У меня нет никаких оснований предпринимать какие-либо репрессивные меры против командиров и штурмовиков; напротив я должен сохранить за раненым штурмовиком право привлечь вас к ответственности. Копия сего направлена для све-

дения господину советнику уголовного розыска Геллеру, на которого вы сослались.

Начальник связи штурмовых отрядов в прусском министерстве внутренних дел

(подпись) д-р Гейль.

Тот, кто в смертельном страхе схватил зубами за пальцы убийцу, тот сам виновен и заслуживает новой кары. На жалобу гражданина министры отвечают подстрекательством к погромам. Новый кодекс третьей империи гласит:

Всякий, на кого нападают штурмовики, должен знать, что он вне закона.

За этим документом следует признать историческую ценность. Его так же нельзя опровергнуть, как и то официальное сообщение из Билефельда, которое между прочим показывает, как безнаказанно можно говорить в Германии о своих преступлениях.

«Билефельд. 3 марта 1933 г. С.-д. депутат рейхстага и член городской думы Штрек арестован вчера; он лежит сейчас в больнице».

Классический пример. Арест равносителен тяжелому увечью.

Бесполезны всякие опровержения. Гитлеровская полиция сама себе составила обвинительный акт.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЕВРЕЕВ В ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Одним из первых подвигов нового националистского правительства Тюрингии было запрещение Центрального союза германских граждан иудейского вероисповедания в Тюрингии. Правительство дало по этому поводу следующие объяснения:

Одной из главных задач Союза является борьба с антисемитизмом. Так как в Германии не существует никакого антисемитизма, то у Союза нет права на существование. Поэтому он с сегодняшнего дня распушен.

Здесь мы говорим только о фактах: подлинные сообщения и свидетельские показания о пытках, избиениях, о лишении прав и изморе голодом евреев в Германии в точности покажут, где проходит граница между «вымыслами о зверствах» и ужасной действительностью. Тогда окажется, что так называемые «сообщения о зверствах» в отдельных случаях быть может оказались неточными или преувеличенными, но что в то же время они скорее в слишком слабых красках изобразили жестокости, действительно имевшие место. Например сообщали о каком-нибудь господине Кон, что у него выдергивали волосы, и потом оказывалось, что этот господин Кон цел и невредим и давно уже находится за границей. Но зато имелся какой-нибудь господин Леви, у которого не только вырывали волосы, но выбили глаз, так что он смертельно раненый уже несколько недель лежит в какой-нибудь больнице. Ошибки, касающиеся личности и места действия, случались, но на каждый случай неправильного или преувеличенного сообщения имеются сотни случаев пыток, убийств и ограблений, которые еще не получили огласки, потому что пострадавшие лишены возможности сказать правду о преступлениях, ежедневно совершающихся в гитлеровской Германии, так как им за это угрожает смерть.

Изложение фактов можно в значительной степени дать независимо от рассмотрения проблем, связанных с еврейским вопросом. Попытки проанализировать положение евреев в Германии делались во многих книгах и со многих точек зрения. Нас интересуют здесь только одна сторона проблемы. Но все же необходимо предварительно, хотя бы очень кратко, упомянуть о неразрывной связи существующей между гитлеровским движением и антисемитизмом.

1. Антисемитизм как основа национал-социализма

Господствующие классы с давних пор применяют это средство: отвлекать внимание масс, недовольных режимом, от подлинных причин, вызывающих их бедственное положение. Здесь нет возможности с достаточной научной основательностью изложить, почему этот маневр, предпринимаемый для отвлечения внимания в течение многих столетий, в течение всего средневековья и потом снова в наше время, избирал своей мишенью именно евреев—сначала как представителей определенного вероисповедания, а теперь главным образом как расу. Это уже сделано в гениальной статье «К еврейскому вопросу», написанной Марксом в его молодые годы. На фундаменте, заложенном Марксом, были построены впоследствии многие труды по этому вопросу, рассматривавшие еврейский вопрос в связи с общественными условиями. Поэтому в настоящее время суть еврейского вопроса представляется нам, не как беспорядочное нагромождение понятий: раса, нация, народность, вероисповедание и т. д., а как социальный вопрос (включающий расовые, национальные, религиозные моменты). Анализ еврейского вопроса непосредственно связан с анализом общественных отношений в целом.

Новогерманский антисемитизм

Гитлеризм как характерная форма процесса распада мелкой буржуазии в эпоху промышленного капитализма имеет своих предшественников. Новогерманский антисемитизм исторически связан с антисемитским движением, которое распространилось в последнюю четверть прошлого столетия под руководством придворного проповедника Адольфа Штеккера. Движение это вызывалось экономическими причинами. Безудержная спекуляция в годы грюндерства, после победоносной войны 1870—1871 гг., сменилась тяжелым экономическим кризисом, от которого наряду с рабочими пострадала в первую очередь мелкая буржуазия. Придворный проповедник Адольф Штеккер в поисках социально-политической деятельности, напуганный серьезными предостережениями со стороны предпринимателей и правительства, придумал новый многообещающий лозунг—травлю евреев. Эрнст Оствальт в своей превосходной книге «Германия, проснись!» пишет: «Совершенно не умея разобратся в основных экономических явлениях, Штеккер приписывает влиянию евреев все, что ему кажется в Германии нездоровым и вредным. Чрезмерная задолженность крестьянского населения в восточнопрусских провинциях—неизбежное последствие роста мирового производства хлеба—Штеккер ставит в вину исключительно евреям, которые, по его словам, ссужают деньги крестьянам, чтобы потом с дьявольской злостью согнать их с земли. Жалкое положение германских промышленных рабочих Штеккер объясняет не жаждой наживы предпринимателей того типа, который появился с усовершенствованием средств производства, — он видит только предпринимателя-еврея, поэтому для него «евреи во всем виноваты».

Бисмарк — «еврейский лакей»

Антисемитские выходы имеют известный успех. Первый революционный подъем ограбленной мелкой буржуазии концентрируется на самом слабом пункте: на еврейском меньшинстве. Правда, когда Адольф Штеккер начинает нападать также на богатых и влиятельных евреев, солидарность класса имущих и влиятельных людей проявляет себя в более сильной степени, в дело вмешается сам Бисмарк и придворный проповедник, превратившийся в агитатора, устранивается от должности. Не лишено пикантности, что антисемитское движение этого времени направлено также против Бисмарка, которого называли «еврейским лаксем». В брошюре, вышедшей в 1878 г., мы читаем: «Князю Бисмарку принадлежит заслуга превращения евреев и их соратников в господствующую клику в Германии... Поощрение, оказываемое евреям, является одним из наиболее темных пятен в прославленной империи Бисмарка, а в результате этого получилось обнищание трудящегося народа, деморализация всех классов общества, отвратительное слияние дворянства по рождению с рыцарями золотого мешка... Князь Бисмарк тоже подчинился влиянию евреев. Евреи и их соратники составляют его общество, с ними он постоянно встречается, они служат у него политическими советниками, они являются главными проводниками его культуркампфа».

Это «народное движение» того времени с неизбежностью должно было привести к эксцессам. В померанском городе Нейштетине вспыхнула синагога, был дан сигнал к погромам (уже тогда «национальное возмущение» начиналось с поджога, причем и тогда были привлечены к ответственности не действительные виновники, а евреи, о которых утверждали, будто они сами из мести подожгли свой храм). Когда «народное движение» пошло на убыль—экономический кризис тем временем кончился—этот антисемитизм облекся в легальную форму партий, и в скором времени нашлись люди, смастерившие необходимую для этого идеологию. Профессор Евгений Дюринг своим произведением «Еврейский вопрос как вопрос о расовом характере» открывает новую эру антисемитизма, «антисемитизма расового». С тех пор было пролито много чернил для доказательства того, что евреи представляют собою расу и притом расу низшую, пришлую и преступную. Если не считать остроумных утверждений Чемберлена, то в общем и целом эта «наука» довольствовалась грубыми шутками. Теперь она переживает в гитлеровской Германии свой триумф и несомненно в «третьей империи» найдет много людей, умеющих снискать себе пропитание таким бесчестным способом.

Формы новой германской антисемитской агитации

Новогерманский антисемитизм, высшим достижением которого является победа Гитлера, никогда не ломал себе особенно головы над научным обоснованием. Для этого движения характерно, что оно с самого начала никогда не «доказывало», а всегда только

«утверждало». Его успех заключается в том, чтобы сбить с толку, отвлечь внимание от действительного положения вещей. Этот антисемитизм всегда проявлял себя в самых отвратительных скандальных формах. Вначале, в 1920 г., во время капповского «путча» широкая публика впервые увидела на стальных шлемах бригады Эрхардта своеобразный антисемитский символический знак—свастику. Тогда впервые также открыто пели на улицах антисемитские песни. Подлинный «националист» уже и тогда употреблял только выражения вроде «еврейская свинья Ратенау» и т. д. Дети на улицах научились антисемитским песням. В настоящее время в «третьей империи» они все уже знают эту погромную песню с припевом: «если с ножа брызнет еврейская кровь, дело пойдет вдвое лучше».

За последние пятнадцать лет партия Гитлера на десятках тысяч собраний, в десятках тысяч статей изображала евреев сбитым с толку массам как каких-то отвратительных чудовищ. Евреи, оказывается, виноваты во всем: как в войне, так и в мире, как в капитализме, так и в революции, в бедности и в богатстве. Националистическая агитация видит всюду и везде еврея, притаившегося для того, чтобы содействовать завершению задачи иудейства—установлению «мирового еврейского господства», что для Гитлера и его приспешников означает «уничтожение мира».

Гитлер о евреях

Заимствуем несколько примеров из книги Гитлера «Моя борьба», которая в настоящее время разошлась уже во многих сотнях тысяч экземпляров. Послушаем например следующее: «Черноволосый еврейский юноша часами подстерегает с выражением дьявольской радости на лице наивную девушку, которую он бесчестит своей кровью и которую тем самым он похищает у ее народа». «Евреи привели и приводят негров на Рейн все с той же затаенной мыслью и целью—неизбежным смешением крови уничтожить ненавистную им белую расу, свергнуть ее с ее культурно-политической высоты и самим захватить над ней власть». «В области культуры он отравляет искусство, литературу, театр, опошляет естественное чувство, ниспровергает все понятия прекрасного и возвышенного, благородного и достойного и низводит людей до уровня своей собственной низменной натуры». «Если бы евреи оказались одни в этом мире, они задохлись бы в грязи и пытались бы надуть и истребить друг друга в ожесточенной борьбе: разве что из-за трусости, проистекающей от полного отсутствия всякой способности к самопожертвованию, эта борьба превратилась бы у них в комедию». «Когда еврей завоевывает политическую власть, он сбрасывает с себя те немногие покровы, в которые он раньше облакался». «Простонародный еврей-демократ становится евреем-кровавой и тираном народа. Он пытается в какие-нибудь несколько лет истребить национальных представителей интеллигенции и превращает народы, которых он лишил их естественных духовных вождей, в рабов, способных долго нести свое ярмо».

Следует принять во внимание, что все это мы читаем в книге, которая написана для внешнего мира и издана в полном сознании этого ее назначения. Приведенные здесь цитаты представляют собой таким образом наиболее мягкую и сдержанную форму антисемитской агитации. На собраниях и в газетных статьях говорят и пишут еще более упрощенно. В течение многих лет в национал-социалистических газетах можно было читать например такие заголовки: «еврейская свинья кормит своих поросят», или «еврейская мировая чума» и т. д. Наконец не следует забывать, что главный боевой клич гитлеровского движения гласит: «Иуда, подохни!»

Но разве недостаточно того, что в «инструкторских посланиях для партийных работников национал-социалистической партии» (от 15 марта 1931 г.) можно было прочесть:

«Нужно взвинтить до бешенства естественную вражду крестьянина к еврею, его вражду к масону как прислужнику евреев».

«Расплата»

Все это необходимо припомнить для того, чтобы понять, как нелепы опровержения, с которыми стоящие у власти национал-социалисты выступают против сообщений о преследовании евреев, и как нелепо утверждение, будто евреям не причиняют ничего плохого под властью Адольфа Гитлера. В течение пятнадцати лет евреев изображали как мировую чуму, как низменные существа, как нечто среднее между человеком и животным, предоставляли приверженцам национал-социалистического движения полную свободу безнаказанно клеветать на евреев и преследовать их. Систематически насаждалась ненависть к евреям. В течение пятнадцати лет обещали «свести счеты». Надо ли удивляться, что теперь, когда началась так называемая «национальная революция», эти семена дали всходы? Каждому молодому национал-социалисту неустанно внушалось, что истребление евреев—подвиг, высшая задача, к осуществлению которой призван национально мыслящий немец. Как же убедить теперь этого молодого человека, что с сегодняшнего дня, когда у него в руках власть, он должен щадить еврея. Молодому штурмовику представляют свободу действий, предоставляют охотно, ибо из всего, что ему наобещали, можно удовлетворить только одно его страстное желание—жажду убийства. Нет возможности обеспечить всех приверженцев национал-социалистической партии хлебом и работой, нет возможности устранить экономический кризис, нет возможности выполнить хотя бы одно из тех обещаний, которые были даны, но до тех пор, пока мелкобуржуазным массам будет позволено преследовать и избивать евреев, до тех пор внимание этих масс будет отвлечено от великого обмана, жертвой которого они стали. Поэтому в гитлеровской Германии не прекратят травли евреев. Было бы невероятным заблуждением полагать, что преследование евреев после перехода власти к Гитлеру было лишь временным явлением. Это—систематическая политика и необходимое средство в общей схеме великого обмана, учиненного по отношению к народу. Ведь писал же госпо-

дин министр Геббельс в своей брошюре «Национал-социалисты» (издание Эхер, Мюнхен): «Свобода немецкой нации может быть завершена только в борьбе с евреями. Разумеется и еврей человек... Но блоха—тож животное, только неприятное... Перед нами и нашей совестью мы обязаны... обезвредить его».

«Евреи глядят на тебя»

В подтверждение того, что антисемитская травля отнюдь не прекратилась, а продолжается всеми способами, мы воспользуемся только одним из произведений, изданных после перехода власти к фашистам: это книга д-ра Иоганна фон Лэрс. Она носит название «Евреи глядят на тебя!». Это довольно бессистемное собрание фотографических снимков, которое преподносится немецкому народу, чтобы запугать его. Среди этих 60 фотографических снимков немцев и иностранцев имеются портреты Карла Либкнехта, являющегося потомком Мартина Лютера, католического вождя Эрцбергера, Вилли Мюнценберга, у которого нельзя найти ни одной капли еврейской крови, Гжезинского, главного бургомистра Кельна, католика Аденаура, сына пастора Эрвина Пискатора, которые все с точки зрения расовой теории национал-социалистов являются «чистокровными немцами». Но это-то и характерно: в гитлеровской Германии даже не дают себе труда проверять простейшие факты, на которых строятся утверждения. Достаточно просто утверждать, достаточно прибегнуть к клевете. Всякий, кто неудобен для гитлеровского режима, является для этого режима евреем. Этим все сказано. Понятие «ответственности» совершенно отсутствует у этих национал-социалистических писателей; им предоставлена полная свобода лгать. Если кто-нибудь вздумает потребовать их к ответу, то национал-социалистические штурмовые отряды в состоянии заставить замолчать всякого, кто вздумает задавать неудобные вопросы. Поэтому никто не решается опровергать даже самые нелепые утверждения, а так как никто не возражает, то массы, сбитые с толку этой травлей, верят всему.

В этой книге, которой можно пожелать самого широкого распространения, потому что она действительно показывает, какой дух господствует при новом режиме, мы находим в числе прочих фотографические изображения Розы Люксембург, профессора Эйнштейна, Георга Бернгарда, Леона Фойхтвангера, Теодора Вольфа, Эмиля Людвига, Макса Рейнгардта, Чарли Чаплина, Альфреда Керра и американского банкира Отто Кана. Никто кроме национал-социалистов не усмотрит в этих фотографических снимках ничего отталкивающего. Это большей частью великолепные головы умных людей с очень серьезным выражением лица, с высокими лбами, людей большого интеллектуального значения. Отталкивающее впечатление производят только подписи, которыми фон Лэрс снабдил эти снимки. Под фотографией Розы Люксембург стоит подпись «суд учинен», под фотографией Левинэ—«казнен», снимок Эрцбергера снабжен подписью «наконец суд над ним учинен; молодые немцы, которые пристрелили его, были после национальной революции 1933 г. освобождены от судебного преследования». Ря-

дом с портретом Эйнштейна лаконическая надпись «не повешен». Это любимое выражение господина фон Лэрса, он применяет его ко всем, кто еще не убит. О Рейнгардте у него написано: «его низкопробное и бездушное искусство» и т. д.; Чаплину дана такая характеристика: «скучный и столь же противный, маленький, сутяливый еврей». Относительно Толлера сказано: «после захвата власти Адольфом Гитлером его удалось своевременно посадить за решетку». Но даже это неверно: Эрнста Толлера в то время уже не было в Германии. Сын пастора Эрвин Пискатор получил эпитет «большевистский еврей в искусстве». Банкиры Макс Варбург и д-р Карл Мельхиор снабжены характеристикой «чрезвычайно опасная личность».

II. Иуда подохни!

Господин Ганфштенгель, заведующий иностранным отделом национал-социалистического бюро печати, дал 27 марта 1933 г. официальное интервью американскому представителю полуправительственного агентства печати «Телеграфунинион».

На вопрос «правда или ложь, что сообщают о так называемых избиениях евреев»,—он ответил: «Имперский канцлер несколько минут назад, когда я встретил его на мюнхенском аэродроме после его прибытия из Берлина, уполномочил меня заявить вам, что все эти сообщения—подлая ложь».

На отдельные вопросы о преследовании евреев Ганфштенгель ответил: «Обследования, произведенные шведским и голландским посольством в Берлине, показали, что нет ни одного убитого еврея».

Сорок три убитых

Проверенный нами список застреленных или забитых насмерть штурмовиками евреев содержит в настоящее время сорок три име-

18 марта 1933 г. трагически скончался
наш горячо любимый сын и брат, ученик
булочного заведения,

ЗИГБЕРТ КИНДЕРМАН

едва достигнув 18 лет

ЖИВОПИСЕЦ

МОРИЦ КИНДЕРМАН

С ЖЕНОЙ

Похороны в воскресенье 24 марта 1933 г.

в 2 часа пополудни в Вейсензее,

улица Франсеки, д. 5.

Объявление о смерти в «Берлинер Тагеблат» в марте 1933 г.

ни. Эти сорок три убитых—люди, которые были убиты главным образом из-за того, что они евреи, а не из-за того, что они марксисты. Эти сорок три несомненных, во всех подробностях тщательно

проверенных, случая составляют лишь часть действительно убитых, которых безусловно окажется в несколько раз больше, когда с течением времени представится возможность более точно познаться с событиями, совершившимися в гитлеровской Германии. Эти сорок три имени убитых евреев отобраны из нескольких сот имен. Все случаи, относительно которых пока еще имеются некоторые сомнения, не приняты здесь во внимание.

Ремесленный ученик еврей Киндерман, о трагической смерти которого сообщает это скромное объявление (см. стр. 225), подвергся в 1932 г. нападению со стороны национал-социалистов за то, что был членом еврейского гимнастического общества «Баркохба». По этому делу один национал-социалист был привлечен к суду и осужден. Чтобы отомстить за судебный приговор, молодого Киндермана после захвата власти Гитлером затаскивали в фашистскую казарму на Гедемонштрассе в Берлине и там забили насмерть, после чего труп выбросили на улицу. На груди у него вырезали большой знак свастики.

Кассель как один из примеров

В отчете, написанном жителем Касселя д-ром О. М., читаем:

«В пятницу 17 марта 1933 г. банды национал-социалистов ходили по Касселю, забирали членов еврейской общины, которые по каким-либо причинам возбудили их неудовольствие, и вершили над ними суд и расправу. Заслуживает быть отмеченным, что жертвами оказались сплошь лица, не занимавшиеся политикой; причиной арестов и избиений обычно были мелкие счеты, сводимые каким-нибудь видным деятелем национал-социалистической партии. Отмечу следующие особенно тяжелые случаи.

Адвоката д-ра Макса Плаута огромная банда забрала в его конторе и в сомкнутом строю повела по Главной улице. По дороге его били резиновыми палками и заставляли кричать «Да здравствует Гитлер!», на что каждый раз фашисты отвечали диким ревом. Плаута привели на Карлштрассе в шивную, служившую главным местом собрания национал-социалистов, и там над ним был учинен так называемый военно-полевой суд. Членом этого суда, по достоверным сведениям, был нынешний директор государственного театра в Касселе, бывший оперный певец Шиллинг. Плаута за какие-то проступки, якобы совершенные им в его адвокатской практике, приговорили к 200 ударам резиновой палкой. Для совершения этой процедуры его отвели в погреб, находившийся под залом собрания, и там привязали к козлам. Истязания производились самым ужасным образом и продолжались почти два часа. По истечении некоторого времени Плаут лишился чувств, и тогда его облили водой, чтобы снова привести в себя, а так называемые «сестры» давали ему для освежения спиртные напитки. Когда он снова немного пришел в себя, истязания возобновились.

После этого ужасного избиения он совершенно потерял сознание и, обливаясь кровью, лежал в углу. Затем его доставили на квартиру, где он, пролежав десять дней, умер. Приглашенные врачи—врач по нервным болезням д-р Шолль и главный врач областной больницы проф. Тенисон—констатировали ужасные повреждения, в частности сильные повреждения внутренних органов, в особенности легких и почек. Спина и ноги постепенно совершенно почернели. Плаута, когда он лежал в кровати, пришлось все время держать под наркозом, так как, приходя в сознание, он так ужасно кричал от боли, что слышно было даже на улице. Д-р Плаут, обладавший очень сильным организмом, скончался от нанесенных ему побоев приблизительно через десять дней.

В тот же день подвергся жесточайшему избиению адвокат Дальберг в том же месте и таким же образом, как Плаут. Характерно, что Дальберг незадолго до этого имел столкновение с д-ром Фрейслером, в то время адвокатом, а теперь директором департамента в министерстве. Это ему было поставлено на вид во время избиения. Таким образом нет никакого сомнения в том, что пытки, которым подвергался адвокат Дальберг, происходили по непосредственному распоряжению этого лица, бывшего тогда главным вождем кассельских национал-социалистов, а ныне являющегося крупным прусским чиновником. Дальбергу обрезали также его длинную бороду. Повреждения, нанесенные ему, были столь серьезны, что врачи несколько дней опасались, что ему придется ампутировать ногу; но по счастью его удалось спасти. Дальберг по сие время далеко не оправился от последствий истязаний.

Особенно тяжким истязанием подвергся молодой еврей, купец Мосбах, которому, насколько мне известно, было поставлено в упрек только то, что у него была связь с христианской девушкой, с которой он потом разошелся. Фашисты ворвались к нему в квартиру и в присутствии матери жестоко избили его, поранили ему голову и повредили спинной хребст. Первый приглашенный к нему врач д-р Стефан, сам по политическим убеждениям человек весьма правый, заявил, что он даже на войне не видел такой ужасной картины. Жизнь Мосбаха долгое время находилась в опасности, но его удалось спасти.

В тот же день в помещении, где собирались фашисты, был жестоко избит купец Фрейденштейн, пролежавший после этого несколько недель больным. Затем был избит купец Балль, тоже болевший после этого порядочное время. В обоих случаях избиение было вызвано личной мстью кого-нибудь из фашистов, но подробности мне неизвестны.

Наконец подвергся избиению еще банкир Плаут, старик, которому больше 60 лет, но здесь дело обошлось без особенно жестоких повреждений.

Бесчинства фашистов в Гессене не ограничиваются одним Касселем. Наоборот, можно без преувеличения сказать, что повсюду в Кассельском округе, где только живут евреи, имели

место подобные случаи, причем иногда они носили ужасающий характер. Мне известно, что в некоторых местностях все мужчины, принадлежащие к еврейской общине, оставили родину и вернулись обратно только много времени спустя, да и то не все».

Вынужденное заявление

25-летний журналист Лео Крель, проживающий в Берлине на Скалицерштрассе, сотрудник газеты «Берлин ам морген», подвергся 16 марта нападению штурмовиков. Его затащили в фашистскую казарму и там убили, а потом положили его труп у еврейского кладбища. Мы упоминаем об этом случае в виду тех последствий, которыми он сопровождался. Старуха мать получила письмо, в котором ей предлагалось посмотреть на сына в морге. Старой женщине трудно было опознать сына: он был совершенно неузнаваем, на лице и на теле были повсюду вырезаны и выжжены знаки свастики. Вместо ее сына перед ней лежала кровавая масса и перед этим обезображенным трупом мать заставили подписать заявление, что сын ее «умер в больнице после продолжительной болезни».

Такие заявления всегда заставляют подписывать родственников лиц, забитых на смерть. Если кто-нибудь из родственников позволит себе рассказать, хотя бы даже в тесном кругу, как в действительности обстоит дело, ему угрожает быть приговоренным германским судом к нескольким месяцам, а иногда и нескольким годам тюремного заключения «за распространение ложных слухов о зверствах». Вообще штурмовики, участвующие в избиениях, угрожают родственникам, что их постигнет та же судьба, если они не будут «держаться язык за зубами».

Триста доказанных случаев варварских истязаний

Мы достоверно знаем о 43 опознанных изуродованных трупах, а сколько тысяч избиты до полусмерти и искалечены на всю жизнь! Из более трехсот известных нам и проверенных случаев мы приводим следующие.

В середине апреля в разных газетах появились сообщения, что престарелый главный раввин Ионас Френкель, которому более 80 лет, подвергся нападению штурмовиков в своей квартире в Берлине на Драгонерштрассе, д. 37, и был жестоко избит. Правительство опровергло это сообщение.

Об обстоятельствах этого дела подробно сообщает дочь раввина Эла Френкель.

«Как хотели убить моего отца»

«7 марта, около половины восьмого вечера, в нашу квартиру, Драгонерштрассе, 37, ворвались 3 штурмовика из вспомогательной полиции. Двое схватили меня и крепко держали, приставив револьвер к груди и ко лбу, а третий выстрелил

в отца, сидевшего за письменным столом. Две пули заделали голову, и отец, обливаясь кровью, упал и потерял сознание. Один из штурмовиков крикнул: «Теперь он готов!». После этого они вскрыли письменный стол и похитили все деньги (там было 5 тыс. долл. и 2 тыс. марок,—мое приданое). Перед уходом они предупредили меня, чтобы я не звала на помощь и перерезали электрические провода, так что квартира осталась совершенно без света. Как мы установили впоследствии, эти вспомогательные полицейские были членами штурмового отряда с Драгонерштрассе.

Я перетащила отца от письменного стола к окну и полчаса звала на помощь. Улица была оцеплена национал-социалистами и несколькими отрядами полиции. Всех, кто пытался выйти из дому, били резиновыми палками и загоняли обратно. Наконец к нам вошло несколько полицейских чиновников, а вслед за ними представители скорой помощи, вызванной соседями. Отца хотели отправить в больницу, но я этого не допустила. Через два дня к нам явился чиновник из польского консульства, он нашел в квартире еще много следов крови.

Мой отец пролежал две недели в постели. Мы все время боялись, что он умрет. 8 апреля в квартиру снова ворвались несколько штурмовиков и пожелали видеть отца. Они заявили, что если отец письменно подтвердит им, что на него напали не штурмовики, а евреи, то его на будущее время оставят в покое. Я сказала, что мой отец слишком серьезно болен и не может писать, и попросила их притти через два дня. Угрожая револьверами, они заставили меня и его дать честное слово, что через два дня мы подпишем заявление. Так как отец мой ни в коем случае не желал подписать такую бумагу, то нам ничего не оставалось, как поскорее спастись бегством. Два приятеля завернули его в ковер и среди бела дня унесли к знакомым в отдаленный квартал. Я чуть не сошла с ума от страха. Перед этим мы унесли находившиеся у нас два свитка торы. Все остальное мы оставили в квартире. Я покинула дом в домашнем платье, без шляпы, потому что наш швейцар был штурмовиком, он немедленно донес бы на нас. Мы сели в поезд Берлин—Вена. Отец, у которого голова была вся забинтована, притворился глухим. Я выдавала себя за молодую даму, которая едет в Вену и присматривает за стариком. Сейчас же после того как поезд двинулся в путь, к нам подошел шпион и стал меня расспрашивать, но в Дрездене он вышел из вагона, так как я давала совершенно невинные ответы.

Сейчас же за Дрезденом начался контроль. Немецкие железнодорожные чиновники бегали из одного купе в другое и спрашивали: «Вы евреи?» Я стала у дверей купе, в котором кроме отца, который притворился крепко спящим, находились еще два свитка торы. Но чиновники уже были поставлены в известность шпионом, они вежливо кланялись и говорили: «Вы молодая дама, которая едет в Вену и ухаживает за старым глухим господином. Мы уже знаем об этом».

Таким образом мы переехали границу и остановились в Рейхенберге, потому что отец уже не мог дальше ехать. Потом мы отправились в Прагу».

Мы подробно изложили этот случай и обращаем внимание на приложенные снимки и документы. Старика 80 лет, главного раввина, избивают до такой степени, что он остается лежать запертым, квартиру его грабят, а аппарат опровержения имеет смелость утверждать в мировой печати, что такого главного раввина совсем не существует.

Нападение в синагоге

Приведем еще другой случай, разыгравшийся в синагоге. Раввин Берейш в Дуисбурге подвергся нападению и был избит в синагоге во время богослужения. Его вытащили на улицу и набросили на него черно-красный золотой флаг. В таком облачении он должен был бегать «сквозь строй» между рядами неистовавшей и избивавшей его шпигрутенами толпы. Наконец его арестовали по обвинению «в возбуждении беспорядка на улице». В Гельзенкирхене во время субботнего богослужения из синагоги выпнали раввина и нескольких верующих евреев и повели их по улицам в казарму штурмового отряда. Там их всех заставили стать лицом к стене и делать гимнастические приседания. Когда раввин запротестовал против такой грубости, его положили на лестницу и избili палкой. После того как его освободили, он сумел перебраться в Голландию. В Амстердам он прибыл в таком состоянии, что не мог ни стоять, ни сидеть. Прежде чем его выпустили, он был вынужден подписать заявление, что арест его объясняется «недоразумением».

Погромы

«Франкфуртер цейтунг» от 24 апреля 1933 г. сообщает:

«Висбаден 23 апреля. В субботу вечером здесь имели место два случая нападения со смертельным исходом. Пострадавшими являются купец Соломон Розенштраус и молочный торговец Макс Кассель. Полицейское сообщение об убийстве Касселя гласит:

«В субботу в 23 часа 30 минут из квартиры в доме, расположенном на Вебергассе, 43, стали доноситься крики о помощи. Одновременно раздалось несколько выстрелов. Шофер, проезжающий по улице, сообщил об этом в полицию. Последняя установила, что крики о помощи исходили из квартиры одиноко живущего молочного торговца Макса Касселя 59 лет. Войдя в квартиру, чины полиции нашли в одной из комнат Касселя, лежащего мертвым на полу. На теле имелись огнестрельные раны, вызвавшие смерть. Дальнейшее обследование обнаружило, что в квартиру насильственным образом проникло несколько человек. Разбив дверное стекло и сломав дверь, они пристрелили Касселя, бросившегося к окну. Выстрелы были произведены из армейского револьвера 9-миллиметрового

Свидетель «вымыслов об ужасах», происходящих в Германии.

Главный раввин Ионас Френкель был в Берлине избит до крови штурмовиками. Ему удалось бежать с дочерью в Прагу. Врачи нашли, что нанесенные ему раны представляют опасность для жизни.

Гитлеровское правительство заявило через телеграфное агентство Вольфа, что главный раввин Френкель вообще не существует.

Берлин. 25 апреля (Вольф). «Прагер тагеблат» распространяет сегодня вымысел об ужасах и утверждает, что берлинский главный раввин Ионас Френкель сегодня прибыл в Прагу и сообщает об ужасных зверствах, производимых в Германии в отношении евреев. Так он утверждает между прочим, что он подвергся нападению со стороны штурмовиков, которые украли у него 2 000 марок. Штурмовики угрожали якобы ему и его дочери револьверами, сбили его с ног и тяжело ранили. Завернутого в одеяла якобы тайно перенесли в другой квартал, после чего он пробрался в Прагу. Он по настоящее время страдает сотрясением мозга и нарушением чувства равновесия. Как нам сообщают из компетентных еврейских источников, в Берлине нет вообще никакого главного раввина. Нигде в Берлине нет такого раввина или другого еврейского священнослужителя по фамилии Френкель. Снова речь идет об одном из вымыслов, исходящем из Праги, источником которых (согласно Вольфу) являются немецкие марксистские круги.

калибра. Обследованием не установлено наличия попытки ограбления. Повидимому в данном случае имел место акт мести». О втором случае официальное сообщение повествует:

«В субботу около 21 ч. 45 м. в квартиру 58-летнего купца Р., Вильгельмштрассе, 20, была вызвана полиция. В квартире на полу лежал Р., подававший лишь слабые признаки жизни. Никаких повреждений на теле не оказалось. Врач распорядился перевезти его в больницу. В пути Р. умер от разрыва сердца. Оставшаяся в квартире прислуга сообщила, что приблизительно в 21 ч. 10 минут в квартиру позвонили два молодых человека и спросили Р. Когда он вышел к ним, они ворвались в квартиру, и один из них направил на Р. револьвер. Р. бросился в комнату и там от волнения лишился чувств и упал. Ворвавшиеся люди немедленно покинули квартиру, не объяснив причины своего появления. По описаниям прислуги, это были два парня в возрасте 20—23 лет. На одном была серая куртка, темносерые штаны и серая шляпа, на другом темносерый костюм и серая кепка».

Здесь были лишь приведены немногие случаи, о которых имеются официальные сообщения, что не лишает реальности те жестокости, о которых по приказу властей умалчивают эти сообщения, а они насчитываются тысячами. Штурмовики доставляют себе разнообразные развлечения. Однажды среди бела дня на берлинской улице отряд штурмовиков напал на сына синагогального служки. П. на глазах у его отца. Несчастного схватили, и один из «обновителей» Германии «шутки ради» дважды прострелил молодому человеку икры на правой и левой ноге. Сын синагогального служки после этого пролежал три месяца в больнице. По всей вероятности он на всю жизнь останется хромым.

Изнасилование

Молодую еврейку, швею К. Л., арестовали у нее на квартире в Берлине на Августаштрассе, д. 35 и затащили в казарму штурмовиков на Кастаниеналлее. Ее «преступление» состояло в том, что у нее была связь с молодым христианином. В казарме ее привели в помещение, где находилось около 30 штурмовиков, которые сейчас же набросились на нее, сорвали с нее платье и избили ее. После этого ей пришлось дожидаться на лестнице, где находилось еще около 10 человек. Предводитель отряда Эрих Шульц забрал ее оттуда, изнасиловал и потом ушел и вернулся еще с двумя штурмовиками. Впоследствии он стал объясняться девушке в любви и сказал, что если она каждый вечер будет приходить к нему, то ее больше не будут трогать. Но если она попытается сбежать за границу, то ее пристрелят: у них достаточно людей, чтобы проследить за нею. К. Л. попросила тогда, чтобы ее отпустили. Эрих Шульц обещал это сделать, ушел и в скором времени вернулся за ней. Он отвел ее к своей матери, которая жила против казармы, там ей дали переодеться, так как ее платье было совершенно изорвано. После этого ее отпустили.

„tages übermittelten freundlichen Glückwünsche spreche ich
meinen herzlichsten Dank aus.

von Frickenburg

Herrn

Grossrabbiner Frankel,

Der Reichspräsident

Berlin, den 5. Januar 1933.

Herzlichen Dank für die mir zum Jahres-
wechsel übermittelten Glückwünsche, die ich bestens
erwidere.

Mit freundlichem Gruß!

von Frickenburg

Herrn

Gross-Rabbiner Jonas Frankel

Berlin C.

Внизу: Факсимиле лицевой сто-
роны «предупреждение» берлин-
ского общества скорой помощи
главному раввину Френкелю об
уплате 8 марок за оказание пер-
вой помощи (это общество ска-
зало первую помощь тяжело
избитому Френкелю).

Два письма пре-
зидента Герман-
ской республики
фон-Гинденбур-
га, адре́сован-
ные главному
раввину Ионасу
Френкелю, о ко-
тором офици-
альное агентст-
во Вольфа сообщ-
ает, что он «не
существует».

Rechtsamt der Stadt der
Landesregierung
A. D. I. - 0013

1659

Jonas Frankel
Berlin
Tagungs-Nr. 37

В маленьких городах и деревнях

Письмо, которое мы перепечатываем текстуально, было нами проверено.

«В маленьком вюртембергском городке Нидерштетен около Мергентейма уже несколько сот лет существует малочисленная еврейская община. Члены ее—большую частью торговцы, которые, поскольку они вообще интересуются политикой, стоят ближе к правым партиям, чем к социалистам или коммунистам. До самого последнего времени между христианским и еврейским населением Нидерштетена отношения ничем не омрачались.

Приблизительно за восемь дней до пасхи, рано утром в Нидерштетен прибыл отряд штурмовиков, захватил ратушу и присвоил себе полицейскую власть. После этого стали обыскивать еврейские дома. Искали коммунистическую литературу, разумеется, совершенно безрезультатно. Несмотря на это десять евреев—уважаемых в городе граждан—отвели в ратушу. Там каждого отдельно вводили в комнату, связывали, клали на стул и избивали стальными прутьями до потери сознания. После этого несчастных, которые еле держались на ногах, отвели в зал ратуши, где их заставили стать в ряд у стены—«у стены плача»—как издевательски сказали им. Здесь их заставили поднять руки в знак фашистского приветствия, после чего им было разрешено покинуть ратушу, но большинство из них было в таком состоянии от нанесенных побоев, что родным пришлось увезти или унести их на руках.

Все пострадавшие в течение нескольких недель были прикованы к постели, у одного из них отнялся язык.

Следует отметить, что еврейское население Нидерштетена, которое 5 марта в своей преобладающей части голосовало за националистов, было в ужасе от всего совершившегося. Один старый крестьянин, покачивая головой, сказал: «Этого Гитлер все-таки не хотел».—У старика очевидно не было радио в доме, иначе он знал бы, что эти «немецкие мужи» (говорят, они прибыли из Гейльброна и в других местах творили дела еще похуже) выполняли только то, что нынешние руководители Германии каждый вечер превозглашают в громких речах, как свою цель».

В дополнение к этим сообщениям о том, что творится в деревнях, приведем выдержку из следующего воззвания «Комитета действия для борьбы с еврейством в Нейштате на Айхе»; воззвание было напечатано 18 мая 1933 г. в местной газете:

«...Наша борьба ставит себе целью очистить Нейштат от евреев и их прислужников. Мы желаем это еще раз заявить и притом с полной ясностью на тот случай, если те, к кому это относится, еще не поняли этого. Те, кто, невзирая на это, считают нужным выступать в защиту евреев, являются в наших глазах сволочью, с которой мы будем поступать совершенно так же, как с евреями».

В казармах штурмовиков

К. В., проживающий в Берлине, сообщает о том, чему он был очевидцем в казармах штурмовиков:

«Привели также еврея 26 лет. Он мне потом рассказывал, что его арестовали, когда он ехал на мотоциклете. Он никогда не интересовался политикой и еще ни разу не ходил на выборы. Сначала ему остригли ножницами для ногтей и частью повывергали волосы. Потом члены вспомогательной полиции стали пререкаться между собой, кто будет его бить, потому что те, кто его доставил, требовали, чтобы это право было предоставлено им. Полицейский, доставивший его в казарму, сказал: «Зачем же было мне приводить еврея, если мне нельзя отколотить его?» На что другие отвечали: «Ты пьян, пойдй сначала протрезвись». От большинства вспомогательных полицейских отчаянно несло спиртом.

Еврея потом избили так же, как и остальных, причем били ремешными плетками, стальными прутьями и резиновыми палками. Потом ему на оголенный зад лили спирт и снова били. После этого ему приставили к груди кинжал и сказали: «Теперь мы тебя заколем». При этом ему нанесли небольшую рану, а потом сказали: «Заколем тебя завтра утром».

В четверть шестого меня повели на допрос. Так как меня ни в чем не могли изоблачить, то меня отвели в камеру, где находилось около 40 чел. Мне самому досталось только несколько ударов резиновой палкой и несколько пинков погой. В казарме была еще так называемая «камера смертного боя». В ней содержалось три человека; этих избивали так, что они чернели. Один из них даже хотел повеситься на пиурке.

В 7 часов утра пришел дежурный офицер штурмового отряда. Нам дали завтрак: кофе и сухой хлеб. После этого на дворе происходили гимнастические упражнения, но предварительно мы должны были кричать: «Нашему рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру, победа и слава!». Во время упражнений мы должны были петь: «Германия превыше всего!» и «Был у меня товарищ». Потом нас спросили, будем ли мы защищать отечество, если начнется война с Польшей. Мы ответили—«Да». Потом нас спросили, что мы будем делать, если нас выпустят: вступим ли мы в штурмовые отряды. Мы и на это ответили: «Да». Евреи, которых было около десяти человек, должны были проделывать гимнастические упражнения отдельно от нас. Их заставляли повторять всякие пошлости, как например: «Спорт способствует росту волос, укрепляет мускулы живота, сообщает здоровую окраску зад».

Из множества протестов и сообщений, опубликованных официальными правительствами иностранных государств, мы заимствуем следующие.

Польские протесты

Берлин 30 марта. Польский посланник в Берлине господин Высоцкий заявил имперскому правительству протест против преследований, которым подвергаются польские евреи со стороны гитлеровских банд. Высоцкий привел между прочим следующие случаи, имевшие место в самом Берлине.

4 марта Израиля Вейса арестовали у него на квартире, затащили в гараж и там избили до потери сознания. После этого его отвели в полицейский участок, где его продержали до 6 марта. Во время избиений у него отняли паспорт и кольцо и потом не вернули их.

6 марта подвергся нападению Абраам-Лейб Мительман. Его отвели в пивную, где его жестоко избили и заставили пить какую-то отвратительную жидкость. После этих побоев Мительман оказался нетрудоспособным.

7 марта гитлеровские банды избили Меера Вулжена и его племянницу резиновыми дубинками до потери сознания... и т. п.

Неслыханную грубость и жестокость проявили гитлеровцы по отношению к евреям в Хемнице и Плауэне. Все польские евреи, арестованные в Хемнице, были под стражей отведены в город и должны были стирать со стен коммунистические надписи на стенах, сделанные еще во время избирательной кампании. Эту работу приходилось им делать под градом самой отвратительной брани, которой их осыпали прохожие. Польский гражданин Адельберг Дафнер получил 50 ударов плетью. После каждого удара он должен был говорить «спасибо». Соломон Рубинштейн был избит до такой степени, что еще неделю спустя у него на теле оставалось много ран и следов от побоев.

В тюрьме Плауэне, куда гитлеровцы заключили много евреев, совершались ужасные жестокости.

Благодаря вмешательству польского консула в Цвикау и Фалькенштейне было освобождено 8 польских евреев; вследствие нанесенных им побоев многие из них еще долгое время оставались нетрудоспособными.

12 марта штурмовики напали на поляка Симона Герман в Дрездене, в его квартире. Его волокли по коридору, жестоко при этом избивая, и в коридоре еще несколько дней спустя видны были следы крови».

Американские протесты

По сообщению из Берлина от 9 марта, американский посол Сакетт заявил протест против избиения американских граждан. Он указал ряд случаев, имевших место в одном только Берлине в течение нескольких дней:

«В Берлине подверглись грубому обхождению многие евреи, в том числе несколько американских граждан. Так например однажды ночью национал-социалисты явились к американ-

скому гражданину Максу Шюслеру, который имеет в Берлине собственный дом и добивался выселения из него одного жильца—национал-социалиста. Чтобы проникнуть в квартиру, явившиеся выдали себя за полицейских. Они ворвались в спальню госпожи Шюслер и заставили ее одеваться в своем присутствии. Потом они потребовали, чтобы Шюслер подписал заявление, что он отказывается от выселения национал-социалиста из квартиры.

На улице Курфюрстендам национал-социалисты избили другого американского гражданина Лео Яффе... и т. д.».

Чешское правительственное бюро печати сообщает 2 апреля

«В больнице в Варнсдорфе находятся 4 беженца из Германии, подвергшиеся избиению. Вчера в час ночи 12 штурмовиков привезли их на грузовике из Гайневальдского дворца в Саксонии, где в данное время устроен концентрационный лагерь, в саксонское местечко Гросшенау около Варнсдорфа. Все четверо были евреи, из них один австрийский гражданин, двое польских граждан, а четвертый без определенного подданства. В ста шагах от границы их выгрузили, исколотили в поле до крови, а когда они попытались перебежать чехо-словацкую границу, им послали в догонку несколько выстрелов. Все четверо получили серьезные увечия. У одного из них кроме прочих ран проломлен череп, и он не может быть допрошен».

На границе

Штурмовики и отряды обороны, расположенные в пограничных деревнях, не позволяют конечно жертвам коричневого террора перебежать через границу. Всякий германский гражданин, задержанный при попытке перехода границы, считается государственным изменником. Но даже иностранные подданные не гарантированы от произвола коричневых.

Из Праги сообщают:

«Скорый поезд Берлин—Афины, который каждое утро привозит в Прагу несколько сот человек, прибыл в Прагу 1 апреля с опозданием на один час и только с тремя пассажирами. Прибывшие сделали нотариально заверенное сообщение о сценах, разыгравшихся в Дрездене. На платформе по обе стороны поезда выстроились цепью фашисты. Другие ходили по вагонам и кричали: «Евреям выходить!» Все еврейские пассажиры, в том числе и иностранцы, должны были покинуть поезд. После этого были осмотрены документы у остальных пассажиров, и их тоже заставили выйти. На перроне пассажиров заставили выстроиться в ряд, после чего им командовали «Налево кругом марш!» Колонна, окруженная национал-социалистами, двинулась к выходу вокзала. О дальнейшей судьбе этих лиц, которым не дали выехать из Германии, ничего неизвестно. Среди них находилось много женщин и детей».

Главный раввин Франции заявляет

В связи с опровержением германских властей главный раввин Франции сделал представителю «Пти журнал») следующее заявление об антисемитских бесчинствах в Германии.

«К сожалению я вынужден сказать, что сообщения о зверствах абсолютно правильны. Мы располагаем неопровержимыми доказательствами с фотографированными документами. Не думайте, что мы просто верим всяким рассказам беженцев. Мы имеем возможность проверить то, что нам говорят. Мы располагаем документами, поступающими из вполне надежных источников, которых я вам указать не могу. Я могу даже сказать вам, что некоторые из этих документов носят официальный характер и исходят от иностранных правительств. Дело идет не просто об издевательствах, а о жестоких преследованиях, в результате которых уже имеются жертвы и мученики. Если мы будем к тому вынуждены, мы опубликуем эти документы».

На самом деле было гораздо хуже

«Манчестер гардиан» констатирует:

«Приведенные примеры террористических актов, совершенных национал-социалистами после выборов, показывают с полной очевидностью, что террор был ужаснее, нежели первоначально полагали. Английская, французская и американская пресса не только не преувеличили то, что было в действительности, как это утверждает германская пресса, а наоборот преуменьшила все эти ужасы, что впрочем вполне естественно, так как иностранной прессе удалось ознакомиться только с частью фактического материала. Хуже всего, еще хуже, чем в Берлине, террор повидимому свирепствовал в Киле, затем в Силезии, где «коричневыми рубашками» командует амнистированный фашистский террорист Гейнес; потом еще в Вормсе и во многих мелких городах и деревнях.

Подробное описание всего, что совершилось за последние четыре недели хотя бы в одних только деревнях Верхнего Гессена, способно повергнуть в ужас. Но нет возможности точно установить что-нибудь кроме нескольких единичных случаев, так как всякое расследование затрудняется общей боязнью репрессий и даже тюремного заключения. Несколько дней назад одного человека приговорили к году тюрьмы за то, что он распространял «ложный слух», что «коричневые» повесили еврея. В действительности «слух» оказался правильным.

Одного еврея коричневорубашечники избили и повесили за ноги вниз головой. Когда они закончили свое дело, он был мертв. Немец, позволяющий в своей собственной стране сказать слово правды об ужасном господствующем там терроре, рискует подвергнуться невероятному избиению или быть за-

ключенным на продолжительное время в тюрьму, или даже быть убитым. Понятно, нельзя требовать, чтобы кто-нибудь взял на себя такой риск».

Воззвание Эйнштейна

Закончим эту главу об убийствах и ужасах человеческим документом—воззванием проф. Эйнштейна, изгнанного из Германии.

27 марта ученый прибыл на пароходе «Бельгенланд» в Гавр. На пароход явилась для приветствия делегация Международной лиги борьбы с антисемитизмом, и он передал ей следующее собственноручно написанное воззвание.

«Акты грубого насилия и гнета, направленные против всех свободных умов и против евреев, эти акты, имевшие место и еще происходящие в Германии, к счастью пробудили совесть во всех странах, сохраняющих верность принципам гуманности и политической свободы.

Международная лига борьбы с антисемитизмом приобрела большие заслуги в деле защиты справедливости, восстановив единство народов, не зараженных ядом антисемитизма.

Надо надеяться, что противодействие окажется достаточно сильным чтобы предупредить возвращение Европы к давно минувшим временам варварства. Пусть все друзья нашей цивилизации, которой угрожает такая серьезная опасность, сконцентрируют свои усилия для устранения этого мирового психоза. Я с вами»

III. Бойкот

С первого своего появления национал-социализм изображал себя в виде преследуемого движения, которое подвергается нападкам и угрозам. Политический террор, организованный гитлеровцами и прежде неизвестный в Германии, все время сочтлся с организованной ложью. Бойкот еврейских магазинов, исключительные законы, устанавливаемые для германских евреев, могут служить для всего мира неподражаемым зрелищем применения этих методов. Национал-социалисты могут сказать: это соответствует нашей программе, это соответствует нашему основному требованию, отстаиваемому уже много лет, что евреи должны быть истреблены в Германии.

Что же делали национал-социалисты для обоснования своего бойкота. Они кричали: «На нас нападают, евреи хотят уничтожить нас, бедных немцев, мы действуем в состоянии обороны». Организованный террор назывался «самообороной».

«Соплеменники и соплеменницы! Виновниками этого безумного преступления, этой полной травли по поводу якобы совершенных зверств и бойкота являются евреи в Германии. Они призвали своих соплеменников за границей к борьбе против немецкого народа. Они посылали за границу лживые и клеветнические сообщения. Поэтому имперское руководство гер-

манским освободительным движением постановило: в целях отпора преступной травле объявить с субботы 1 апреля 1933 г. с 10 часов утра бойкот всем еврейским лавкам, универсальным магазинам, конторам и т. д. Мы призываем вас, немецкие женщины и мужчины, поддержать этот бойкот! Не покупайте в еврейских лавках и универсальных магазинах, не обращайтесь к евреям-адвокатам, избегайте евреев-врачей!»!

Имперское руководство национал-социалистической германской рабочей партии опубликовало 28 марта воззвание, обращенное ко всем своим партийным организациям, в котором германские евреи обвиняются в инсценировке против «национального правительства» «травли по поводу зверств».

Одиннадцать программных пунктов

В тот же день были опубликованы знаменитые 11 программных пунктов для проведения бойкота. Приводим их текстуально.

«1. В каждой местной группе и в каждой организации национально-социалистической германской рабочей партии должны немедленно быть образованы комитеты действия для практического планомерного проведения бойкота еврейских лавок, еврейских товаров, евреев-врачей и евреев-адвокатов. Комитеты действия несут ответственность за то, чтобы бойкот не коснулся невинных, но тем сильнее дал себя чувствовать виновным.

2. Комитеты действия отвечают за всемерную защиту всех иностранцев, без различия вероисповедания, происхождения или расы. Бойкот является мерой чисто оборонительного характера, направленной исключительно против германского еврейства.

3. Комитеты действия должны немедленно заняться популяризацией бойкота, пропагандируя и разъясняя его. Основной принцип: ни один немец не должен покупать у еврея или позволять еврею и его подставным лицам навязывать себе товары. Бойкот должен носить всеобщий характер, он должен быть поддержан всем народом и должен ударить еврейство по его наиболее чувствительному месту.

4. В сомнительных случаях надлежит воздерживаться от бойкота, пока относительно соответствующих предприятий не будет получено иного указания от центрального комитета в Мюнхене.

5. Комитеты действия строжайшим образом наблюдают за газетами, следят, в какой мере они участвуют в разъяснительном походе немецкого народа против травли по поводу зверств, поднятой евреями за границей. Если газеты этого не делают или делают в недостаточной степени, то надлежит принять меры к немедленному удалению их из всякого дома, где живут немцы. Ни один немец, ни одно немецкое предприятие не должны помещать объявлений в таких газетах. Последние должны быть преданы общественному презрению как издавае-

мые для их еврейских соплеменников, а не для немецкого народа.

6. Комитет действия должен повести на предприятиях разъяснительную пропаганду относительно последствий, которые организованная евреями травля по поводу зверств имеет для германского труда и тем самым для германских рабочих. В особенности надлежит убедить рабочих в необходимости национального бойкота как оборонительной меры для защиты немецкого труда.

7. Комитеты действия должны быть созданы повсюду, даже в самых маленьких деревнях, для того чтобы ударить в особенности по евреям-торговцам в деревне.

8. При бойкоте не следует разбрасываться, а необходимо действовать концентрированным ударом. В этом смысле немедленно должна быть проделана вся подготовительная работа. Штурмовым отрядом и отрядом обороны отдается распоряжение с момента начала бойкота установить пикеты, предостерегающие население от посещения еврейских лавок. Бойкот начинается повсюду сразу в субботу 1 апреля, ровно в 10 часов утра. Он будет продолжаться до тех пор, пока партийное руководство не распорядится об его отмене.

9. Комитеты действия должны немедленно заняться организацией десятков тысяч массовых собраний даже в самых маленьких деревушках, выставляя требование о введении процентной нормы для занятия евреями профессий, в соответствии с той долей, которую они составляют в германском населении. Для того чтобы придать большую силу этой кампании, надлежит на первых порах ограничить это требование тремя областями: а) приемом учащихся в немецкие средние и высшие школы, б) допущением во врачебное сословие и в) допущением в сословие адвокатов.

10. Далее комитеты действия должны заботиться о том, чтобы все немцы, имеющие какую-нибудь связь с границей, воспользовались ею, для того чтобы в письмах, телеграммах и телефонных разговорах распространять истину, разъяснять, что в Германии царит спокойствие и порядок, что немецкий народ желает только мирно трудиться и жить в мире со всеми другими странами и что он ведет борьбу против травли, организованной евреями по поводу мнимых зверств, только как чисто оборонительную борьбу.

11. Комитеты действия отвечают за то, что вся борьба будет совершаться с полным спокойствием и при сохранении строжайшей дисциплины. Не трогайте и впредь даже волоска ни у одного еврея. Мы справимся с этой травлей просто посредством решительной мощи этих мероприятий».

Это воззвание сопровождалось длинной декларацией: в ней каждое слово свидетельствовало о нечистой совести, но, как всегда у этих господ, прикрывалось исключительной резкостью тона. В заключение там говорилось: «Национал-социалисты в субботу ровно 10 часов утра евреи узнают, с кем они начали борьбу»!

Подходящий человек

Возглавление этой «оборонительной кампании» деятели «третьей империи» поручили Юлию Штрейхеру, издателю нюрбергского журнала «Дер Штюрмер». За пределами Германии пожалуй не знают, что это за издание, хотя оно временами достигало тиража в несколько сот тысяч экземпляров. «Дер Штюрмер» не обыкновенный листок, занимающийся антисемитской травлей. По своему содержанию он превзошел все, что до сих пор печаталось в Германии по части грязной литературы. «Дер Штюрмер» был всегда органом литературных помоев. Еврейский вопрос он трактовал порнографически. Приведем несколько заголовков из его необъятной грязной коллекции:

«Оскар Грос в Котцингене—специалист по части изнасилования прислуг».

«Белокурые девушки—жертвы международной торговли живым товаром».

«Скандал с панталонами на Якобсплац».

«Дом свидания на церковной площади в Плауэне».

«Полицейский запрет и публичный дом на Цепеллиновом поле».

Hammer Kampfbund prangert an

„Prominente“, die bei Juden kauften

Hammer. Trotz schärfster Aufklärung, trotz aller Propagierung nationalsozialistischer Gedankengänge haben es gewisse Volksgenossen immer noch nicht nötig, sich nationalsozialistisch einzustellen. Deshalb sieht sich der Kampfbund des gewerblichen Mittelstandes genötigt, einmal ein Exempel zu statuieren. Bei der letzten Aktion zu Gunsten des deutschen Einzelhandels wurden interessante Feststellungen gemacht. Im Bewußtsein ihres unrechtmäßigen Tuns vermeiden es Volksgenossen, jüdische Geschäfte offen zu betreten, sie benutzen Hinterhöfe oder das Telefon, um

ihre Bestellungen und Käufe zu besorgen. Unter anderem wurden, wie der Kampfbund mitteilt, folgende

Saboteure des Dritten Reiches

festgestellt: Theisen, Rechtsanwalt, Ostenallee 46b, Verspohl, Apotheker, Wilhelmstr. 5, Feldmann, Oberingenieur, Ostenallee 85, Schneider, Lehrer, Lorkingstraße 8, Stralmann, Vermessungstechniker, Wilhelmstraße 60, Offenbroich, Telefonistin, Bismardstr. 17, Roettinger, Montageleiter, Fichtestraße 7. — Dank der gründlichen Arbeit der SA und SS könnte diese Liste noch bedeutend erweitert werden.

Все эти достижения послужили достаточным основанием, для того чтобы господин Штрейхер сделал карьеру в национал-социалистической германской рабочей партии и был под конец назначен комиссаром по организации бойкота. Штрейхера часто судили и приговаривали к наказанию не только за клевету, угрозы и прочие «политические» преступления, но также и за вымогательство.

Господин Штрейхер немедленно назначил своим заместителем в комитете действия своего сотрудника, редактора «Дер Штюрмер», Гольца. Гольц тоже неоднократно вступал в конфликт с уголовным кодексом. Он не только был приговорен и притом баварским судом к тюремному заключению за неоднократную сознательную клевету в отношении к политическим противникам, но имеет также много

приговоров за пьянство и бесчинства. Вместе с Штрейхером он совершенно серьезно стал в XX в. снова распространять сказку о ритуальных убийствах. В одном судебном приговоре сказано, что Гольц в целях придания большей достоверности этой сказке перенес ее действие в наше и, не имея на то никаких оснований, изобразил почтенных и видных деятелей Нюрнберга как участников ритуальных убийств.

На приеме печати национальных журналистов 30 марта 1933 г. господин Штрейхер заявил:

«Я не побоюсь воспретить немецким евреям осуществление богослужения и при помощи вооруженных штурмовиков воспрепятствовать посещению синагог».

Вообще же, по его словам, «камень пришел в движение»; прекратится пропаганда относительно зверств или нет—это все равно; заграничная пропаганда против Гитлера послужила желанным поводом, и кампания будет проведена; было совершенной иллюзией предполагать, что штурмовики откажутся от нее. Он, Штрейхер, вполне доволен ходом событий; за последние недели его единственной заботой было, как бы не вздумали отменить борьбу, направленную на уничтожение евреев.

В этом случае—таково его твердое убеждение—национальная революция погибла бы от собственного бессилия. Но теперь эта опасность наконец миновала и устранена окончательно; он просит поверить ему, что он, Штрейхер, по отношению к евреям доведет дело до конца.

Приготовления к бойкоту

За последние дни перед бойкотом травля евреев систематически раздувалась.

В качестве примера мы приведем одну из «показательных речей», а именно речь нового президента полиции во Фракфурте, генерала Фон-Вестрема. Мы заимствуем ее из национал-социалистской газеты «Франкфуртер фольксблатт» от 30 марта 1933 г.

«Ни один штурмовик не будет учинять насилия над евреем, потому что он знает, что еврей ему не ровня. Я не потерплю в дальнейшем также, чтобы животных, рожденных на немецкой территории, убивали по садистскому—азиатскому—способу убоя. Если еврей не может есть нашего мяса, то пускай ест репу и картошку, как ели вы в голодную зиму во время мировой войны. Германия пробудилась. Вам, евреи, незачем дрожать. Мы будем соблюдать легальность. Мы так ее будем соблюдать, что пожалуй вам от этого станет не по себе, и тогда, пожалуйста, можете отправляться в Палестину и там надуть друг друга».

Комитеты действия

Распоряжения национал-социалистического партийного руководства сыплются как из рога изобилия. Повсюду образовались комитеты действия, которым поручается выяснить, какие лавки и уни-

версальные магазины, адвокатские конторы и т. д. принадлежат евреям. Центральный комитет по бойкоту еврейских предприятий преподал следующие руководящие указания.

Комитеты действия передают список установленных ими еврейских предприятий штурмовикам и отрядам обороны, дабы те могли установить пикеты ровно в 10 часов утра в субботу 1 апреля 1933 г. На пикетах лежит обязанность указывать публике, что торговое заведение, которое они сторожат, принадлежит евреям. Применять физическое насилие им запрещается. Запрещается также закрывать магазины.

Для обозначения еврейских предприятий у входных дверей наклеиваются плакаты или прикрепляются дощечки с желтым пятном на черном фоне. Увольнение служащих и рабочих не-евреев в еврейских предприятиях, подвергаемых бойкоту, не допускается, равно как и предупреждение об увольнении.

Комитеты действия организуют в пятницу вечером повсеместно по согласованию с политическим руководством большие массовые собрания и демонстрации. В субботу утром, не позже 10 часов, плакаты с призывом к бойкоту должны быть наклеены в городах и деревнях на всех рекламных столбах.

Одновременно следует пустить по улицам на грузовиках или еще лучше на мебельных подводах транспаранты в указанном здесь последовательном порядке:

«В противовес организованной евреями травле и бойкоту»

«Бойкотируйте все еврейские лавки».

«Не покупайте в еврейских магазинах».

«Не ходите к евреям-адвокатам».

«Избегайте евреев-врачей».

«Евреи—наше несчастье».

Для финансирования оборонительной борьбы комитеты организуют сбор денег среди немецких деловых кругов.

Накануне 1 апреля в Германии на всех рекламных столбах было расклеено следующее сообщение:

«До субботы к 10 часам утра у евреев есть время одуматься!

Потом начнется борьба!

Евреи всего мира хотят уничтожить Германию!

Немецкий народ!

Обороняйся!

не покупай у евреев!»

Различные министерства тоже высказались, каждое по своему ведомству, относительно мероприятий, которые надлежит принимать при бойкоте. В отделе «Исключительные законы» мы еще познакомимся с этими распоряжениями. Все союзы, связанные с национал-социалистической партией, подчиненные отделы, все местные организации и т. д. издали подробные правила. Не было такого мелкого партийного бюрократа, который бы не пыжился и не издавал распоряжений.

Из сообщений о ходе бойкота мы приведем здесь несколько характерных официальных сообщений, указывающих, что штурмовые отряды особенно в мелких и средних городах отнюдь не останавли-

ливались перед применением насилия. Бюро Конти (телеграфное агентство Вольфа) сообщает из Аннаберга в Саксонии:

«Сегодня утром перед еврейскими магазинами расхиживали многочисленные штурмовые отряды и защитные отряды и каждому -покупателю, вышедшему из магазина, ставили на лице печать с надписью: «мы, предатели, покупаем у евреев». Согласно распоряжению национал-социалистической партии еврейские магазины могут подвергаться бойкоту только с завтрашнего дня. По сведениям бюро Конти такие же мероприятия, как в Аннаберге, предусмотрены и в Берлине».

Националистская газета «Лейпцигер нейесте нахрихтен» сообщает из Касселя 1 апреля:

«Оборонительная кампания и в Касселе началась ровно в 10 часов утра. На площади Фридриха у универсального магазина Тица отгорожено колючей проволокой четырехугольное пространство в виде клетки, и на нем вывешена надпись: «Концентрационный лагерь для упорствующих граждан, покупающих у евреев». Внутри отгороженного четырехугольника помещен живой осел. Каких-либо инцидентов до сих пор не было».

Другое сообщение «Телеграфен унз эр» от 31 марта из Лейпцига гласит:

«Выходящие из магазинов покупатели фотографировались. Многие универсальные магазины уже закрылись».

Провокаторы

Руководство национал-социалистической партией позаботилось, чтобы неизбежные грубости и бесчинства не знающих удержу штурмовиков не были поставлены в счет движению. Уже за несколько дней до бойкота появились предостережения относительно коммунистических провокаторов, и большинство зверств, которые творились в этот день, с неуклонной последовательностью приписывались этим выдуманному «коммунистическим провокаторам», которые, как это ни странно, уже много лет находятся в рядах штурмовых отрядов. Не во всех случаях возможно было отрицать, что штурмовые отряды производили «аресты» по распоряжению партийных бюрократов среднего и высшего ранга, при которых та или иная «еврейская свинья» потерпела ущерб.

Судьи на мусорных ящиках

Очевидец сообщает из Кельна:

«В Кельне в среду 31 марта перед зданием высшего областного суда разыгралась неопишимо отвратительная сцена. Национал-социалистические молодцы ворвались в здание суда и силой вытолкали на улицу евреев-адвокатов и судей, которые предварительно были туда вызваны. Там на глазах у большой толпы их посадили на мусорные грузовики на посмешище соб-

равшихся. Некоторые адвокаты и судьи были еще в мантиях. На грузовиках были надписи: «Отправка для утилизации». Полиция взирала на это, не принимая никаких мер. Грузовики направились к зданию полиции-президиума, где все усаженные на них были подвергнуты аресту.

Официальное сообщение, представляющее собой наглый подлог, гласило:

«В Кельне защитный отряд штурмовиков по соглашению с полицией подверг задержанию в целях их собственной безопасности (!) большое число евреев-судей и адвокатов, после того как перед зданием суда собралась большая толпа».

Этот бойкот тоже имел свои пределы, а именно там, где дело коснулось прибыли. Мы еще увидим, что все эти мероприятия в конечном счете ударили только по еврейской мелкой буржуазии и пролетарским слоям, а не еврей-капиталисту.

Там, где бойкот угрожал притоку иностранных туристов, отпадали все предрассудки и расовая ненависть. Тут еврей вдруг перестает быть получеловеком, «мировой чумой», а становится только чрезвычайно желательным, платежеспособным курортным гостем.

Вот сообщение, взятое из «Франкфуртер цейтунг»:

«Висбаден, конец мая.

Посещаемость курорта в этом году до сих пор далеко не оправдывает ожиданий: заграничных курортных гостей в первую неделю мая, которая для Висбадена является главным сезоном, было только 1 744. В следующую неделю—неделю больших спектаклей—число гостей поднялось до 1 8808, а потом в третью, так называемую голландскую неделю, снова опустилось до 1 750. Общее число приезжих из-за границы составило до середины мая всего 27 тыс. Поэтому в интересах курортного дела необходимо, чтобы магистрат, дирекция курорта и национал-социалистическое окружное начальство разослали воззвание во все соответствующие германские и заграничные учреждения, что целебные источники и прочие лечебные средства Висбадена и при новом правительстве попрежнему беспрепятственно представляются в распоряжение всех, жаждущих исцеления и отдыха, из каких бы стран они не приезжали, и что порядок и спокойствие здесь никогда не нарушались».

Далее говорится:

«Руководящие органы администрации Висбадена гарантируют всем приезжающим в Висбаден для временного или длительного пребывания спокойное и приятное пребывание, к какому бы вероисповеданию и взглядам они ни принадлежали».

VI. Исключительные законы

Открытый бойкот, организованный 1 апреля, не был продолжен, хотя национал-социалистическая печать и партия уверяли, что эту историческую субботу следует рассматривать «исключительно как генеральную репетицию целого ряда мероприятий, которые будут проведены, если настроенное против нас общественное мнение за

Городские советники социал-демократы Вестфелингер и Мюллер были вынуждены вез и своего товарища Кунта в тележке по всему городу.

Бывший ольденбургский премьер-министр и депутат рейхстага социал-демократ Кунт был арестован 9 марта 1933 года штурмовиками в Хемнице, которые с триумфом возили его по городу. (Эти фотографические снимки в виде открыток выпущены штурмовиками в продажу.)

границей не изменит решительно своей позиции». Правда, общественное мнение за границей с этого дня изменилось основательно и притом не в пользу «третьей империи». Нынешние хозяева Германии заметили это очень скоро, они заметили это уже до бойкота и нашли, что такая открытая демонстрация—дело невыгодное. У национал-социалистов хотя и имеются принципы, но они всегда готовы продать их.

Уже в предшествующие бойкоту дни сам господин Штрейхер, очевидно под давлением правительства, заявил, что возобновлять бойкот повидимому не потребуется. А министр германской «пропаганды и народного просвещения» сообщил накануне 31 марта представителям иностранной печати:

«Имперское правительство решило пока что ограничить бойкот, направленный против евреев, субботой 1 апреля. Бойкот таким образом будет продолжаться с 10 утра до 8 вечера.

После этого мы будем выжидать до среды. Если международная печать к тому времени прекратит травлю Германии, то дальнейшие меры предприняты не будут. В противном случае в среду с 10 часов утра начнется бойкот, который доведет германских евреев до полной гибели. Распоряжение, согласно которому еврейские фирмы должны были 1 апреля выплатить заработную плату и жалование за два месяца вперед, было отменено».

Последняя фраза этого сообщения особенно ясно доказывает, что под давлением обстоятельств национал-социалисты были вынуждены отменять свои собственные распоряжения пункт за пунктом. Первоначально было поставлено, что все владельцы еврейских магазинов должны выплатить своим христианским служащим жалование за два месяца вперед. Тогда последовал штурм на банки, который привел бы к катастрофе, если бы это распоряжение не было моментально отменено.

Открытый бойкот был демонстрацией, и в качестве таковой он не произвел никакого эффекта. С тех пор он не возобновлялся, но зато продолжался тихий бойкот, тот, который ничего не стоит и который ударял не столько по крупным и богатым еврейским фирмам, сколько по десяткам тысяч мелких еврейских служащих, по врачам, адвокатам, учителям, чиновникам, университетским профессорами и т. д. Это вопрос о теплом местечке; сотен тысяч евреев лишают хлеба—ну и хорошо, зато освободятся места для многих национал социалистических претендентов.

Еврей-адвокаты больше не допускаются к практике

Распоряжения отдельных министров, руководителей окружных организаций и т. д. издавались в бешеном темпе и отчасти противоречили друг другу. В Берлине первоначально из 1 200 с лишним евреев-адвокатов к практике были допущены только 35. В Кельне

Гитлеровское правительство захватывает дом профсоюзов в Дрездене и превращает его в казарму штурмовиков.

Штурмовики сжигают знамена дрезденской больницы.

было разрешено выступать на суде только 4 евреям-адвокатам. Все еврей-судьи были «уволены в отпуск». Юристы национал-социалисты, быстро воспользовавшиеся случаем избавиться от еврейской конкуренции, приняли соответствующее постановление на конференции всего союза, состоявшейся в марте в Лейпциге¹.

Имперский комиссар при прусском министерстве юстиции издал 31 марта следующее распоряжение, обращенное ко всем председателям высших областных судов, главным прокурорам и управляющим местами заключения в Пруссии:

«Возбуждение, охватившее народ вследствие дерзкого поведения практикующих евреев-адвокатов и врачей, достигло таких размеров, что заставляет считаться с возможностью, что народ прибегнет к мерам самопомощи, а особенно в период вполне понятной обороны немецкого народа против общеврейской пропаганды по поводу «зверств». Это явилось бы опасным для поддержания авторитета суда. Поэтому настоятельно прошу вас немедленно предложить всем находящимся при исполнении своих обязанностей евреям-судьям немедленно подать прошения об отпуске, каковые должны быть немедленно удовлетворены.

Предлагаю сегодня же согласовать с адвокатскими палатами и местными союзами адвокатов, чтобы с завтрашнего дня с 10 утра в суде выступали только определенные еврей-адвокаты и притом по норме, соответствующей процентному отношению еврейского населения к общему числу жителей.

Полагаю, что отсюда само собой вытекает, что, начиная с завтрашнего дня с 10 часов утра, евреи не должны больше назначаться поверенными по делам о праве бедности, казенными защитниками, председателями конкурсных управлений, администраторами имуществ и т. д. Данные евреям-адвокатам поручения выступать по юридическим спорам от имени государства предлагаю немедленно взять обратно. Прошу соответствующими переговорами добиться отставки всего президиума адвокатских палат. Если областные и окружные организации национал-социалистической германской рабочей партии выразят желание установить для охраны и наблюдения за порядком в помещении суда стражу, одетую в форму, то таковое желание должно быть исполнено».

Подобные же распоряжения были изданы по отношению к евреям-врачам. Для начала их совершенно лишили права практиковать при больничных кассах, т. е. лечить больных, состоящих на социальном страховании, иными словами, подавляющее большинство всех пациентов.

Прусским профессорам высших школ и доцентам по предложению министра народного просвещения Руста были розданы анкеты, на основании которых министр желал получить сведения о расовом происхождении университетских преподавателей.

¹ См. немецкий «народнический» орган «Вархейт». 25 марта 1933 г.

1. The first step is to identify the problem or question that needs to be answered. This involves understanding the context and the specific requirements of the task.

The following information was obtained from the records of the Bureau of Prisons:

Die Festlegung:

1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2029, 2030, 2031, 2032, 2033, 2034, 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040, 2041, 2042, 2043, 2044, 2045, 2046, 2047, 2048, 2049, 2050, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2057, 2058, 2059, 2060, 2061, 2062, 2063, 2064, 2065, 2066, 2067, 2068, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2079, 2080, 2081, 2082, 2083, 2084, 2085, 2086, 2087, 2088, 2089, 2090, 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103, 2104, 2105, 2106, 2107, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2114, 2115, 2116, 2117, 2118, 2119, 2120, 2121, 2122, 2123, 2124, 2125, 2126, 2127, 2128, 2129, 2130, 2131, 2132, 2133, 2134, 2135, 2136, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2158, 2159, 2160, 2161, 2162, 2163, 2164, 2165, 2166, 2167, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181, 2182, 2183, 2184, 2185, 2186, 2187, 2188, 2189, 2190, 2191, 2192, 2193, 2194, 2195, 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2203, 2204, 2205, 2206, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2220, 2221, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2231, 2232, 2233, 2234, 2235, 2236, 2237, 2238, 2239, 2240, 2241, 2242, 2243, 2244, 2245, 2246, 2247, 2248, 2249, 2250, 2251, 2252, 2253, 2254, 2255, 2256, 2257, 2258, 2259, 2260, 2261, 2262, 2263, 2264, 2265, 2266, 2267, 2268, 2269, 2270, 2271, 2272, 2273, 2274, 2275, 2276, 2277, 2278, 2279, 2280, 2281, 2282, 2283, 2284, 2285, 2286, 2287, 2288, 2289, 2290, 2291, 2292, 2293, 2294, 2295, 2296, 2297, 2298, 2299, 2300, 2301, 2302, 2303, 2304, 2305, 2306, 2307, 2308, 2309, 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2316, 2317, 2318, 2319, 2320, 2321, 2322, 2323, 2324, 2325, 2326, 2327, 2328, 2329, 2330, 2331, 2332, 2333, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2339, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 2348, 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359, 2360, 2361, 2362, 2363, 2364, 2365, 2366, 2367, 2368, 2369, 2370, 2371, 2372, 2373, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389, 2390, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2397, 2398, 2399, 2400, 2401, 2402, 2403, 2404, 2405, 2406, 2407, 2408, 2409, 2410, 2411, 2412, 2413, 2414, 2415, 2416, 2417, 2418, 2419, 2420, 2421, 2422, 2423, 2424, 2425, 2426, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2433, 2434, 2435, 2436, 2437, 2438, 2439, 2440, 2441, 2442, 2443, 2444, 2445, 2446, 2447, 2448, 2449, 2450, 2451, 2452, 2453, 2454, 2455, 2456, 2457, 2458, 2459, 2460, 2461, 2462, 2463, 2464, 2465, 2466, 2467, 2468, 2469, 2470, 2471, 2472, 2473, 2474, 2475, 2476, 2477, 2478, 2479, 2480, 2481, 2482, 2483, 2484, 2485, 2486, 2487, 2488, 2489, 2490, 2491, 2492, 2493, 2494, 2495, 2496, 2497, 2498, 2499, 2500, 2501, 2502, 2503, 2504, 2505, 2506, 2507, 2508, 2509, 2510, 2511, 2512, 2513, 2514, 2515, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531, 2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 2548, 2549, 2550, 2551, 2552, 2553, 2554, 2555, 2556, 2557, 2558, 2559, 2560, 2561, 2562, 2563, 2564, 2565, 2566, 2567, 2568, 2569, 2570, 2571, 2572, 2573, 2574, 2575, 2576, 2577, 2578, 2579, 2580, 2581, 2582, 2583, 2584, 2585, 2586, 2587, 2588, 2589, 2590, 2591, 2592, 2593, 2594, 2595, 2596, 2597, 2598, 2599, 2600, 2601, 2602, 2603, 2604, 2605, 2606, 2607, 2608, 2609, 2610, 2611, 2612, 2613, 2614, 2615, 2616, 2617, 2618, 2619, 2620, 2621, 2622, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631, 2632, 2633, 2634, 2635, 2636, 2637, 2638, 2639, 2640, 2641, 2642, 2643, 2644, 2645, 2646, 2647, 2648, 2649, 2650, 2651, 2652, 2653, 2654, 2655, 2656, 2657, 2658, 2659, 2660, 2661, 2662, 2663, 2664, 2665, 2666, 2667, 2668, 2669, 2670, 2671, 2672, 2673, 2674, 2675, 2676, 2677, 2678, 2679, 26

at 1000 ft. above sea level.

a. Cystitis - Irritation

Measuring the Global Impact

2) Ergebnis bestimmungs

to the following:

2017-11-17 14:14:14

B. Religionsgeschichte

4. Kriegsteilnahme:

DATE

Закон о чиновниках

Что касается чиновников, то «расовый вопрос» был в предварительном порядке урегулирован при помощи закона, опубликованного в начале апреля в «Рейсезетцблат»:

«Не-арийцами считаются дети и внуки не-арийцев, а в особенности евреев. Достаточно, если кто-нибудь из родителей, или дед, или бабушка были не-арийцами. В особенности это надлежит принять во внимание в тех случаях, если кто-нибудь из них исповедывал иудейскую религию.

Далее, кто не состоял на государственной службе, на 1 августа 1914 г. должен представить доказательства, что он арийского происхождения, или был на фронте, или имеет сына или отца, убитого во время мировой войны (метрическое свидетельство, брачное свидетельство родителей, военное удостоверение). Если арийское происхождение чиновника представляется сомнительным, то должно быть затребовано заключение эксперта по расовым вопросам при имперском министерстве внутренних дел.

При рассмотрении вопроса о наличии условий, указанных в § 4 п. 1, надлежит принимать во внимание всю политическую деятельность чиновника, в особенности начиная с 9 ноября 1918 г. Каждый чиновник обязан представить высшим имперским или областным властям по их требованию сведения, к каким политическим партиям он до сих пор принадлежал и в каком направлении он проявлял политическую деятельность. Политическими партиями в смысле, предусматриваемом настоящим постановлением, признаются также и организации «Республиканского флага», республиканский союз судей и лига прав человека».

Это распоряжение особенно важно, потому что впоследствии почти все категории лиц с высшим образованием (врачи, адвокаты, преподаватели высших школ и т. д.), а также и банковские служащие, прочие служащие и т. д. подвергались чистке применительно к принципам, изложенным в этом распоряжении.

Борьба с евреями-врачами

Что касается врачей, то пожалуй будет достаточно прочитать следующее воззвание, напечатанное в «Берлинской врачебной газете с берлинской врачебной корреспонденцией» от 20 мая 1933 г. Автор возвания доктор Руппин, не первый встречный, а комиссар союза врачей провинций Гренцман и Бранденбург. Документ этот озаглавлен: «Долой евреев-врачей!»

«Необходимо полное удаление евреев из профессий, требующих высшего образования.

Представители свободных профессий, в особенности врачи, входят в соприкосновение с широкими кругами населения; врачи по своему положению пользуются у пациентов таким доверием которое позволяет им оказывать влияние на образ

мыслей этих кругов. Президиум союза врачей Бранденбургской провинции считает недопустимым, чтобы в нашем народном государстве еврей сохранял возможность таким путем распространять яд еврейского мышления. Еврейское засилие несомненно способствовало тому, что в широких кругах представителей свободных профессий прежние идеалистическое понимание профессии уступило место еврейскому делячеству. Дух этот должен быть уничтожен в нашем врачебном сословии, и должна быть преграждена всякая возможность появлению его снова. Продажность, поскольку она уже внедрилась, должна быть устранена самыми радикальными средствами. Поэтому мы, немецкие врачи, требуем отстранения всех евреев от оказания врачебной помощи немцам, потому что евреи являются воплощением лжи и обмана. Далее мы требуем издания уголовного закона, по которому проступки и преступления, связанные с злоупотреблением доверием, оказываемым лицам свободных профессий, карались тюрьмой и немедленным лишением права практики.

Мы, врачи, приказываем все национальные профессиональные организации Германской империи присоединиться к нашему требованию».

В дополнение приведем еще выдержку из распоряжения комиссара доктора Вагнера, которому подчинены центральные союзы германских врачей.

«На основании бойкота, начатого против евреев, берлинское городское управление больничных касс отдало по соглашению с обербургомистром распоряжение своим отделениям не удовлетворять ходатайства членов касс о возмещении расходов на лечение, если из ходатайств явствует, что лечение на 1 апреля или после этого дня началось у еврейского врача. В тех случаях, где уже было начато лечение у еврейского врача, члены касс должны еще раз обдумать, будут ли они продолжать у него лечение. Управление страховыми кассами ожидает, что члены касс, повинувшись национальному чувству долга, не будут также пользоваться еврейскими аптеками, клиниками, оптическими и водолечебными заведениями, а также услугами еврейских зубных врачей и зубных техников».

Увольнение евреев-учителей

О том, что ожидает евреев-учителей в Германии в будущем, можно судить на основании следующего письма депутата ландтага, д-ра Лепельмана, одного из наиболее влиятельных вождей национал-социалистов.

«Мы обращаем ваше внимание на недопустимость такого положения, чтобы в прусских учебных заведениях и теперь еще продолжали занимать должности еврей-преподаватели, в то время как немцы, бывшие фронтовики, в своем собственном отечестве перебрасываются с места на место в качестве внештатных преподавателей со скудными окладами. Далее мы

находим недопустимым, чтобы в прусских учебных заведениях считались с сомнением еврейских учеников и учениц. От имени национал-социалистической прусской фракции мы выражаем надежду, что вы примете следующие мероприятия:

1. Все еврейские, т. е. еврейского происхождения, преподаватели должны быть во всех прусских учебных заведениях немедленно уволены в отпуск или в отставку.

2. Для еврейских учеников и учениц, студентов и студенток устанавливается процентная норма соответственно численности еврейского населения в Германской империи, т. е. только определенный процент учащихся учебного заведения может быть евреями или еврейского происхождения».

По смыслу этого письма почти все еврей-учителя, занятые на государственной и коммунальной службе, немедленно для начала были уволены в отпуск. Приказ оберпрезидента Бранденбурга и Берлина распространяет эту меру также и на евреев-преподавателей частных школ.

25 апреля в заседании кабинета был принят «закон против засилия в германских школах и высших учебных заведениях со стороны чуждого элемента».

Разумеется, правила, установленные для учителей, особенно распространяются также на преподавателей высших учебных заведений. Мы уже привели в другой главе список еврейских доцентов, «уволненных в отпуск» или в отставку.

Устранение евреев газетных сотрудников и журналистов

«Нейе фрейе прессе» от 13 апреля 1933 г. сообщает:

«На чрезвычайном собрании членов окружной берлинской организации имперского союза германской печати было единогласно постановлено предложить на делегатском собрании союза кандидатуру д-ра Дитриха в председатели союза. После общего собрания состоялось заседание нового правления, в котором единогласно было принято предложение, что впредь сотрудники газет евреи и марксисты не могут быть членами берлинской организации. Далее на делегатском собрании было принято предложение вынести на съезде союза резолюцию, требующую, чтобы сотрудники газет евреи и марксисты не могли быть членами имперского союза германской печати. Это предложение тоже было принято единогласно».

Тем временем в немецких газетах были уволены почти все еврейские сотрудники, а работы почти всех посторонних сотрудников, поскольку они являются евреями (по исповеданию или по происхождению), систематически не принимаются. Следует констатировать, что при этом особенно отличились также и еврей-издатели газет. В качестве примера укажем на поведение Гютермана, издателя газеты «Нейе бадене ландесцейтунг» в Мангейме, который уже 1 марта уволил евреев-журналистов и служащих.

Устранение евреев судебных заседателей и присяжных

Во всех областях негласный бойкот евреев продолжается. Они совершенно устраняются из общественной жизни. «Нейе фрейе прес-се» от 12 апреля сообщает об исключении евреев из списка присяжных, судебных заседателей и торговых судей.

«Имперское правительство решило закончить текущий избирательный период для всех судебных заседателей и присяжных досрочно—30 июня 1933 г. К этому же сроку должны закончиться полномочия торговых судей. Новый состав судебных заседателей и присяжных будет подобран иначе, чем прежде, потому что при нынешних условиях общины, разумеется, будут посылать в избирательные корпорации, избирающие судебных заседателей, лиц другой ориентации. Впредь не будет коммунистических судебных заседателей и присяжных. Число социал-демократов, предлагаемых в судебные заседатели и присяжные, будет значительно меньше, а евреев, надо полагать, совсем не будут избирать. Такая же картина получится при назначении новых торговых судей. Впредь до производства новых выборов судьи на основании недавно изданного закона не должны будут руководствоваться действующими раньше правилами о привлечении в состав суда судей из народа; так например отдельные судьи могут быть исключены из очереди».

Евреи—изгнанники среди спортсменов

Даже в области спорта еврей считается «изгнанником». В то время как даже в Америке негры-боксеры допускаются к участию в борьбе, в Германии боксеры иудейского вероисповедания или происхождения не могут выступать на немецких состязаниях. Германский чемпион среднего веса Эрих Зелик не был допущен к участию в состязании на звание чемпиона. После того он успел уже показать свой класс борьбы во Франции. Германский чемпион тенниса Дациэль Прен, пожалуй самый лучший теннисист в Германии, не может выступать на международных состязаниях в качестве представителя Германии.

Злонамеренные слухи

Правда, там, где затронуты деловые интересы, верность принципам весьма быстро исчезает. Фальсифицированная газета «Цвельф ур миттагс блат» от 19 апреля 1933 г. в сообщении под заголовком «Злонамеренные слухи» уверяет, что на одиннадцатой олимпиаде, которая должна происходить в Берлине в 1936 г., расовый вопрос не будет играть никакой роли.

«Направленная против Германии заграничная пропаганда бойкота коснулась и спорта. За последнее время в различных иностранных газетах неоднократно появлялись заметки, что предпринимаются попытки, особенно в Соединенных штатах,

перенести олимпийские игры, которые должны состояться в 1936 г. в Берлине, в какую-нибудь другую страну на том основании, что в Германии будто бы приняты меры для воспрепятствования выступлению на международных состязаниях евреев-спортсменов. На официальный запрос по этому поводу председатель американского олимпийского комитета Эвери Брендедт заявил, что выбор места для олимпийских игр определяется непосредственно международным олимпийским комитетом. Комитет соберется в июне в Вене и несомненно займется этим вопросом. Он лично полагает, что игры не могут происходить в стране, где нарушается основной олимпийский принцип равенства всех рас. По поводу этого чересчур поспешного заявления руководителя американского спорта можно сказать следующее: в Германии не были приняты меры, ставящие участие в международных состязаниях в зависимость от расовой проблемы, и не предполагается принятие таких мер. Все страны могут быть уверены, что каждый, кто будет делегирован своей страной на олимпийские игры в Берлин, будет принят как гость независимо от его принадлежности к той или иной расе или от его подданства».

Еврейские паспорта

Особые правила установлены также для евреев, имеющих на руках паспорта. Полицией-президент Бреславля отдал следующее распоряжение:

«Германские граждане иудейского вероисповедания или раньше принадлежавшие к иудейскому вероисповеданию, у которых имеются на руках паспорта на выезд, должны сдать таковые лично не позже 3 апреля 1933 г. в полицейский участок по месту своего жительства. Паспорта эти будут возвращены с ограничением их действия на поездки внутри страны».

Специальное время для купанья

Вряд ли найдется какое-нибудь распоряжение, способное умалить достоинство еврейских граждан, до которого бы не додумались какие-нибудь власти или какое-нибудь учреждение. Город Шпейер в Пфальце войдет в историю как проявивший особую изобретательность в наши дни. Он первый издал следующее распоряжение:

«В интересах общественного порядка евреи могут посещать городские бани только в определенные часы».

Другие германские общины вскоре последовали этому примеру. «Франкфуртер цейтунг» сообщает от 24 мая 1933 г.:

«На заседании общинного совета в Тюбингене 15 мая национал-социалисты внесли предложение, в котором между прочим имеется следующий пункт: «Евреям и лицам, принадлежащим к чуждым расам, доступ в городские купальни воспре-

щается». Предложение было принято всеми голосами против трех».

Вскоре в верхнесилезских газетах появились такие же распоряжения.

увольнение евреев-служащих

Было бы неправильно думать, что устранение евреев проводится усиленным темпом только в свободных профессиях. Слишком мало упоминается о мелких еврейских служащих, мелких торговцах и евреях-рабочих. А между тем именно из этих категорий состоят еврейские массы, которые экономически так же обнищали и так же страдают, как массы нееврейской мелкой буржуазии и рабочих. Национал-социалистические ячейки на предприятиях всячески стараются лишить хлеба евреев—мелких служащих, мелких торговцев и евреев-рабочих. Вот сообщение из Берлина от 31 марта:

«По поручению руководства национал-социалистической партии организация ячеек на предприятиях сообщает:

«Завтра председатели национал-социалистических ячеек на предприятиях должны вместе с рабочими организациями обратиться в еврейские предприятия с требованием о выдаче заработной платы христианским рабочим и служащим за два месяца вперед. Кроме того должно быть выставлено требование, чтобы все еврейские служащие были уволены. В случае неподчинения этому требованию надлежит немедленно сообщать руководящим органам партии, которые примут соответствующие меры. Завтра ровно в 3 часа дня все служащие и рабочие, занятые в еврейских предприятиях, прекращают работу, чтобы принять участие в агитации среди покупателей. Газеты и предприятия, обслуживающие нужды первой необходимости, исключаются. Но и здесь все еврейские служащие должны быть устранены немедленно. В издательстве Ульштейна уже сегодня уволены журналисты на более крупных постах».

«Франкфуртер цейтунг» от 28 мая 1933 г. сообщает:

«На окружном собрании имперского союза торговцев в разное время был поставлен вопрос, могут ли впредь еврей-торговцы быть допущены на ярмарки и рынки. Руководитель окружной организации стоял на той точке зрения, что евреев нужно истребить».

Дело есть дело и у антисемитов

«Фелькишер беобахтер» от 2 апреля с восторгом приветствует как высшее достижение бойкота «неожиданное стихийное повышение курсов на бирже, очищенной от евреев». Мы знаем, что должны означать эти восторженные гимны: что борьба ведется не против системы, не против капитализма и даже не против крайностей капитализма, а что все дело сводится к конкуренции немецких спекулянтов с еврейскими. И «на бирже, очищенной от евреев», бир-

жевики могут делать дела. Угрозы направлены не против капитала, не против собственности, а против мелкого люда: против «арийского» рабочего и мелкого буржуа, которого обманывают, против мелких еврейских служащих и торговцев, которых уничтожают.

«Арийские» принципы соизмеряются с величиной кошелька. В свое время член правления Дейтше банк Дисконтотезельшафт Оскар Вассерман в своем заявлении, напечатанном в «Берлинер татсблат» от 31 марта 1933 г., имел полное основание указать, что ему не было нанесено ни малейшего оскорбления и что в отношении его ход событий ни в чем не сказался, даже в смысле его общественного положения. Все прочие еврейские капиталисты могут ликовать: «Национал-социалистическое правительство самым энергичным образом вступает за их материальные интересы. Оно призывает к порядку низшие инстанции, которые полагают, что антисемитизм у национал-социалистов определяется их антикапиталистической позицией. Оно защищает если не евреев, то по крайней мере еврейские деньги. Капитализм не должен стать жертвой этой «национальной революции».

«Франкфуртер цейтунг» от 27 апреля и «Фелькишер беобахтер» от того же числа напечатали следующее письмо имперского комиссара народного хозяйства д-ра Вагнера, обращенное к обербургомистру Филеру в Мюнхене, председателю отдела коммунальной политики национал-социалистической партии.

«Из хозяйственных кругов мне за последнее время часто доставляли циркуляры, рассылаемые некоторыми коммунами многим фабрикантам и разным хозяйственным предприятиям, с целью установить, можно ли считать означенные предприятия «немецкими» предприятиями. Вопросы, которые содержатся в этом циркуляре, стремятся установить, в каком объеме капитал означенных фирм является немецким и в какой мере во главе его стоят лица не арийского и не немецкого происхождения и т. д. Хотя я, разумеется, вполне разделяю ту точку зрения, что именно коммунальные управления должны давать свои заказы только немецким фирмам, а все же считаю необходимым, чтобы вышеуказанные действия были прекращены. Весь комплекс вопросов, которые ставят эти циркуляры, не так прост, чтобы можно было ответить простым «да» или «нет» или указать цифры, которые решили бы дело. Задачей имперского правительства является забота о том, чтобы *всякое предприятие в Германии, совершенно независимо от того, откуда оно взяло свой капитал и кто им руководит*, было включено в немецкое народное хозяйство в качестве одной из его составных частей и чтобы в будущем управление всяким предприятием допускалось только в соответствии с интересами немецкого народного хозяйства. Но правительство будет только затруднено в проведении этой необходимой политики, если уже заранее отдельные управления поставят его перед совершившимися фактами, которые способны будут вызвать потрясение хозяйственной жизни. Наша цель не может заключаться в том, чтобы разрушить существующие хозяйственные предприятия

в Германии, даже если они велись при помощи иностранного капитала и отчасти под руководством иностранцев; мы должны принудить их действовать по-немецки и подчиняться великому принципу, провозглашенному нашим вождем: «Общая польза должна стоять выше личной выгоды». Поэтому я просил бы вас употребить ваше влияние как руководителя коммунально-политического отдела на руководящие органы германских коммун, для того чтобы воспрепятствовать дальнейшей рассылке подобных циркуляров и вызываемому ею нарушению всей хозяйственной жизни, чего мы по-совести в настоящее время никак не можем хотеть».

«По-совести» они не хотят, чтобы национальная революция нанесла ущерб кому-нибудь из капиталистов. Мы это знали уже давно. И те, кто еще по сей день верит «социалисту» Адольфу Гитлеру, те, кто ждет от него чуда, что он установит более высокие цены для крестьян и в то же время более дешевые цены на продукты для потребителей, повысит заработную плату для рабочих и в то же время увеличит прибыль предпринимателей, увеличит оклады для чиновников и вместе с тем наведет экономию для государства,—все эти «верящие в чудеса» скоро с ужасом отпрянут перед неумолимым фактором, что в «третьей империи» никому не помогают кроме капиталистов, независимо от их религии. То, что им еще предстоит испытать в «третьей империи», заставит их понять, что вся эта травля евреев служила одной только цели—отвлечению их от борьбы с действительным виновником—с капиталистической системой.

V. Арийский параграф и управления по делам рас

Мы уже видели, что новотерманский антисемитизм является антисемитизмом на биологической основе—расовым антисемитизмом. Этот биологический антисемитизм ведет свое происхождение еще от той антисемитской волны, которая возглавлялась придворным проповедником Штеккером и обрела свою идеологию, т. е. псевдонаучное оправдание, в произведении Евгения Дюринга «Еврейский вопрос как вопрос о расовом характере». Учение о расах—прежде любимый конек чудачествующих писателей, которых никто не принимал всерьез,—провозглашено теперь в новой Германии официальной наукой, т. е. стало выгодной профессией.

Евреи как раса

Этой науке несмотря на все старания не удалось до сих пор доказать, что немцы представляют собой единую расу. Наоборот, твердо установлено, что немцы народ смешанный и отнюдь не могут называть себя «северной расой». Но этим своеобразным исследователям до сих пор не удалось даже доказать, что евреи действительно «раса».

Мы готовы притти им на помощь: весь шум, поднятый вокруг вопроса о еврейской расе, не лишен некоторого основания. Для

исследования этой сложной проблемы нельзя только ставить факты вверх ногами: раса является не первичным, а производным продуктом, не началом, а результатом процесса развития. Попытаться связать современных евреев с их праотцами—библейскими евреями—дело безнадежное и абсурдное. Смешение рас происходило на протяжении еврейской истории многократно и поддается учету. Но приблизительно начиная с 1000 г. нашей эры, со времени прекращения прозелитизма (т. е. перехода иноверцев в иудейство), евреи, благодаря религии, законодательству и социальным условиям, в которых они жили, вынуждены были заключать браки только между собою, чего не бывало в течение столь продолжительного времени в истории других народов Европы. Антропологические расовые признаки ведут свое начало отсюда, от этого периода, который за 800 лет выработал определенный человеческий тип—еврейский тип.

Другой вопрос, что дает констатирование наличия признаков еврейской расы. Как раз те особенности евреев, против которых якобы борются антисемиты, объясняются отнюдь не расовым происхождением, а *социальными условиями*, в которых живут евреи как каста, поставленная окружающей средой в определенные условия существования. С исчезновением этих навязанных условий исчезают очень быстро, т. е. не позже чем во втором поколении, свободном от этого гнета, указанные выше особенности.

Но эти теоретические рассуждения увели нас однако довольно далеко от практики национал-социализма. В ней все гораздо проще и гораздо грубее. Ни в одном вопросе национал-социализм не следовал своим собственным доводам; наоборот, он всегда лишь задним числом заставлял продажных субъектов санкционировать учиняемое им варварство как «культурные подвиги».

Если в настоящее время расовые изыскания выступают под видом «науки», то вся эта комедия по существу преследует одну только цель—создать новое облачение, прикрывающее зверства господствующего режима.

Практика управлений по делам рас

Поговорим теперь о практике. «Франкфуртер цейтунг» от 5 мая 1933 г. сообщает:

«Дортмунд, 4 мая. Государственный комиссар города Дортмунда отдал распоряжение, чтобы уже теперь в Дортмунде приступили к организации управления по делам рас. Руководство им было поручено помощнику комиссара по здравоохранению, д-ру медицины Браусу, который в беседе с представителями печати изложил принципиальные соображения по вопросам расовой гигиены. Между прочим он сообщил, что уже имеются гигиенические записи относительно 80 тыс. учащихся в дортмундских школах, и записи эти могут быть дополнены для надобностей статистики расовой гигиены. Но молодежь, представляющая собой будущее поколение, берется на учет в первую очередь. Наряду с этим будут разрабатываться те

**Сожжение книг на площади оперы
в Берлине**

При сожжении книг, происходившем во всех городах Германии, уничтожены сотни тысяч экземпляров научных и литературных произведений.

случаи, обязательной разработки которых требуют уже изданные правительством распоряжения, т. е. касающиеся лиц, желающих поступить на государственную службу, и учащихся средних и высших учебных заведений. Охват всего населения будет задачей следующих лет.

Можно ожидать, что в ближайшем будущем последует издание законов для отмежевания и улучшения расы.

Наиболее важными из них будут: запрещение браков между представителями различных рас, затем деление населения на семьи, потомство которых является для государства желательным, и на такие, потомство которых нежелательно как обременительное для народа».

Уже нашелся предприимчивый молодой человек, д-р Ахим Герке, который добился того, что его назначили «референтом при министерстве внутренних дел по вопросам расовых исследований».

Полноценные и неполноценные люди

Но все это еще пока сравнительно «невинно». Все это направлено на экономическое, а не на физическое уничтожение еврейского населения. Менее безобидным является маленький листочек, который в тысячах экземпляров раздается во всех гостинницах и суется в руки всем немецким девушкам, которых видят в обществе евреев. В этом документе молодой девушке, находящейся под ужасным подозрением, что она дружит с евреем, угрожают выжечь на лице начальные буквы J. H. Juden-Nure» (еврейская потаскуха) и уверяют, что «эта угроза отнюдь не пустая фраза, а будет безусловно осуществлена, если означенная молодая девушка еще раз появится в обществе еврея».

Здесь мы уже имеем более внушительное проявление проводимого национал-социалистами разграничения между «полноценными и неполноценными» людьми, причем полулюдьми считаются все, кто не разделяет мыслей и чувств национал-социалистов. Для национал-социалистов полноценные и неполноценные люди—две совершенно различные категории. К первой группе принадлежат «чистокровные представители северной расы». Ко второй группе относятся помимо:

«пьяниц, морфинистов, преступников, рецидивистов и проституток представители всех других рас, в особенности евреи».

«Теоретик» национал-социалистов по расовым вопросам проф. Штемлер составил по предложению врачей национал-социалистов следующий проект «закона для размежевания рас».

«1. Принадлежащими к чуждым расам считаются лица, имеющие по крайней мере 50 % чуждой крови, т. е. лица, у которых кто-нибудь из родителей или и дед и бабушка принадлежали к чуждой расе, независимо от того, какую религию они исповедывали. Чуждыми расами считаются все цветные расы, переднеазиатская и восточная раса, включая евреев.

**Изгнанные из Германии представители
науки и искусства:**

**Писатель Томас Манн, полу-
чивший нобелевскую премию.**

**Химик, профессор Фриц Габер,
получивший нобелевскую пре-
мию.**

**Профессор Отто Клемперер, за-
ведующий музыкальной частью
государственной оперы.**

**Профессор Макс Рейнгардт, по-
четный доктор Оксфордского
университета.**

2. Каждый германский гражданин, достигший совершеннолетия, должен в пункте для прописки населения по месту жительства указать под присягой, к какой расе он принадлежит. За несовершеннолетних это делают их законные представители. Ложные показания караются каторжной тюрьмой и конфискацией имущества.

3. Лица, признанные принадлежащими к чуждой расе, должны впредь называть себя не немцами, а представителями чуждой расы (евреями из Германии и т. д.).

4. Лица, рожденные после расовой регистрации, признаются немцами только в том случае, если оба родителя немцы. Но младшие братья и сестры относятся к той же народности, как и старшие относительно которых принадлежность установлена декларацией».

Случные пункты

Упомянутый выше проф. Штемлер пишет: «Задача подбора рас-пространяется только на физически, морально и духовно здоровых людей северной расы».

Для содействия этому подбору требуется учреждение случных пунктов. Как их представляют себе фашисты, видно из следующих излияний проф. Эрнста Бергмана в его книге:

«Для оплодотворения имеющихся женщин и девушек найдется достаточно охочих и усердных (!) мужчин и юношей. По счастью одного бойкого парня хватило бы на 10—20 девушек, у которых еще не убито желание иметь ребенка, если бы только не существовала противоестественная, созданная культурой нелепость длительного моногамического брака»¹.

Закончим обзор этих продуктов варварства еще одним «законопроектом для сохранения чистоты расы».

Он гласит: 1. «Браки между немецкими и чуждыми расами воспрещаются. Уже заключенные браки остаются действительными, новые не могут заключаться и не будут признаваться».

2. Внебрачное половое общение между немцами и представителями чуждых рас карается в отношении последних каторжной тюрьмой, а в отношении немцев—простой тюрьмой. На проституток этот закон не распространяется.

3. Въезд представителей чуждых рас в Германию допускается только в специальных случаях, их иммиграция воспрещается.

4. Перемена имен, которая большею частью имеет целью только замаскировать принадлежность к расе, воспрещается впредь до особого распоряжения. Перемена имен, произведенная после 1914 г., отменяется».

Довольно. Скажут быть может, что эта нелепица относится к области психопатологии и в конечном счете не имеет ничего общего с «движением, охватившим миллионы людей», что эти «спе-

¹ Prof. Ernst Bergmann, Erkenntnisgeist und Muttergeist.

циалисты по расовой гигиене» не характеризуют движения в целом, которое в конечном счете не может нести ответственность за них. Но такая точка зрения ошибочна. Человек вроде проф. Штемлера является официальным консультантом по этим вопросам. Выработанные им законопроекты были внесены в рейхстаг национал-социалистической фракцией. Они типичны, и с ними надо серьезно считаться как с агитационным средством. Подобно тому как порнографический писатель Ганс Гейнц Эверс выступает в настоящее время официальным представителем немецкой литературы, подобно тому как кровожадный морфинист Геринг мог стать в «третьей империи» всемогущим министром, а уволенному вследствие повреждения умственных способностей учителю Русту (германский суд удостоверял его невменяемость) было поручено прусское министерство народного просвещения, подобно тому как Штрейхер, человек многократно осужденный германскими судами за сознательную клевету, опорочение доброго имени, растрату, подлоги и бесчинства, был назначен правительственным комиссаром по проведению антиеврейского бойкота,—точно так же и этот профессор Штемлер является одним из руководящих деятелей господствующего режима.

VI. Ликвидация еврейского вопроса

Остается подвести итоги. Из огромного количества фактов, свидетельствующих о борьбе, которая ведется за уничтожение шестисот тысяч германских евреев, мы выбрали лишь некоторое количество примеров, типичные документы низменной, искусственно взращенной ненависти к евреям, которых еще раз в истории Европы делают козлами отпущения. Мы пытались показать, что в общем фанатизм обращается не против тех, против кого он якобы направляется: не против биржевиков, крупных банкиров, крупных коммерсантов и спекулянтов. Народное «негодование» снова было отвлечено в сторону и направлено против мелкого люда, против еврейских средних классов, против еврейского пролетариата. Так хочет закон капитализма, которому, не сознавая того, служат миллионы людей, кричащих ныне: «Да здравствует Гитлер!».

Опровержения, добытые путем вымогательства

Что же делали евреи в Германии? Они протестовали против заграничной пропаганды. Под давлением штурмовых отрядов, стоявших в боевой готовности, они рассылали по всему свету документы, продиктованные страхом смерти. В некоторых случаях они из страха делали больше, чем было нужно. Недавно один предприимчивый человек догадался собрать эти опровержения, полученные путем вымогательства у германских евреев, и издал их в виде книги под заголовком «Пропаганда по поводу зверств представляет собою ложь—говорят сами германские евреи».

Фашизированный «Берлинер тагеблат» помещает статью в два столбца «об этой заслуживающей чрезвычайного внимания книге».

Но для всех ясно, что здесь люди, дрожавшие за свою жизнь, свободу и существование, должны были распространять заведомую ложь, будто в Германии не преследуют евреев.

Евреи, которые за Гитлера

Но раздаются и другие голоса. Существуют евреи, которые стоят за Гитлера. В органе ортодоксальных евреев «Идише прессе» от 31 марта 1933 г. раввин, проф. Вейнберг, пишет:

«Вообще в еврейских и в особенности в ортодоксальных кругах к национальному подъему Германии относятся с большей симпатией и пониманием, нежели это полагают вожди этого движения. Религиозные евреи знают, в какой мере именно они должны быть благодарны Гитлеру за его энергичную радикальную борьбу с коммунизмом».

Совершенно в том же тоне пишет центральный орган германских сионистов «Юдише рундшау»:

«Еврейская история поймет Гитлера. Она будет ссылаться на него в доказательство того, что история делается под влиянием не поддающихся учету человеческих устремлений к идее, совершенно безразлично какой».

Тут еще нехватает третьего союзника, без которого никак нельзя обойтись: к еврейской ортодоксии и к еврейскому национализму обязательно должен присоединиться еще и еврейский капиталист. Мы уже цитировали заявление директора Дейтше банк Оскара Вассермана, что его ни в чем не стесняли и что в отношении его ход событий не сказался ни в чем, «даже в смысле его общественного положения».

Ленин об антисемитизме

Мы не умолчали об этих мнениях. Они являются для нас доказательством, что и еврейский вопрос в конечном счете—вопрос не расовый, а классовый.

В речи, записанной на граммофонной пластинке, Ленин говорит:

«Антисемитизмом называется распространение вражды к евреям. Когда проклятая царская монархия доживала свое последнее время, она старалась натравить темных рабочих и крестьян на евреев. Царская полиция в союзе с помещиками и капиталистами устраивала еврейские погромы. Ненависть измученных нуждой рабочих и крестьян помещики и капиталисты старались направить на евреев. И в других странах приходится видеть нередко, что капиталисты разжигают вражду к евреям, чтобы засорить глаза рабочего, чтобы отвлечь их взоры от настоящего врага трудящихся—от капитала...

Не евреи—враги трудящихся. Враги рабочих—капиталисты всех стран. Среди евреев есть рабочие, труженики,—их большинство. Они наши братья по угнетению капиталом, наши товарищи по борьбе за социализм. Среди евреев есть кулаки, эксплуататоры, капиталисты, как и среди русских, как и среди

всех наций. Капиталисты стараются посеять и разжечь вражду между рабочими разной веры, разной нации, разной расы. Народ нерабочий держится силой и властью капитала. Богатые евреи, как и богатые русские, как и богачи всех стран, в союзе друг с другом, давят, гнетут, грабят, разъединяют рабочих.

Позор проклятому царизму, мучившему и преследовавшему евреев. Позор тем, кто сеет вражду к евреям, кто сеет ненависть к другим нациям.

Да здравствует братское доверие и боевой союз рабочих всех наций в борьбе за свержение капитала».

На декрете советского правительства, направленном против еврейских погромов, учиняемых белыми, Ленин сделал следующую собственноручную приписку:

«Совнарком предписывает всем совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона.

*Председатель Совета народных комиссаров
Вл. Ленин(Ульянов)*

*Упр. делами Совета народных комиссаров
Вл. Бонч-Бруевич*

Секретарь Совета Н. Горбунов

СОРОК ТЫСЯЧ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ

По различным сообщениям печати и другим опубликованным сведениям, общее число политических заключенных в гитлеровской Германии определялось в 60—70 тыс. человек. Из них 35—40 тыс. женщин и мужчин находятся в концентрационных лагерях. Каково правовое положение этих концентрационных лагерей в фашистской Германии? Так как в ней отсутствует всякая правовая основа, то, разумеется, и организация концентрационных лагерей не опирается на законную почву. Не существует никакого закона или распоряжения, которое определяло бы права заключенных в таких лагерях. Уже одно это показывает, что создание концентрационных лагерей в Германии является одним из актов злейшего произвола гитлеровского правительства. Для сроков пребывания заключенных в лагерях тоже не существует никаких норм, установленных законом или правительственным распоряжением.

Пока вождь не сжадется над ними!

«Нейе цюрихер цейтунг» сообщает в статье от 8 мая 1933 г., подробно занимающейся концентрационными лагерями в Германии, что заключенные делятся на граждан, легко и трудно поддающихся воспитанию, и что первые должны будут находиться в заключении год, а вторые три года.

Но это—не сообщение из первоисточника, а личное мнение данного корреспондента. Законом ничего не установлено. Заключение в концентрационный лагерь, продолжительность пребывания там определяются исключительно безграничным произволом фашистских вожakov разных рангов.

Лучше всего эти чудовищные условия охарактеризовал один из национал-социалистических вожakov второго разряда—лейтенант Кауфман, который состоит в числе руководителей концентрационного лагеря Хойберг в Бадене. В конце апреля лейтенант Кауфман заявил корреспонденту датской газеты «Политикен» на его вопрос: «до каких пор вы намерены держать здесь заключенных?»

— «Пока вождь над ними не сжадется!».

«Дейтше альгемейне цейтунг» подтверждает это мнение лейтенанта Кауфмана в следующих словах:

«Многим заключенным придется подождать с выходом на свободу, потому что волю заключенных сломить нелегко».

«Если бы я по крайней мере знал, за что меня держат»

Женщины и мужчины, заключенные в концентрационные лагеря, являются даже с точки зрения фашистского государства людьми совершенно ни в чем неповинными. Все социалистические и коммунистические рабочие и вожди, которые, по мнению гитлеровского правительства, нарушили законы фашистского деспотического режима, помещаются не в концентрационных лагерях, а заперты в тюрьмах, обыкновенных и каторжных, их судят и им выносят приговоры исключительно суды. В концентрационные лагеря попадают только такие люди, которых фашизм считает политически подозрительными, но для которых даже фашистские прокуроры не в состоянии найти оснований для возбуждения судебного преследования. Заключенные в концентрационных лагерях не совершили никаких наказуемых деяний. Большей частью они были арестованы немедленно после пожара рейхстага и после выборов 5 марта, так что даже при желании они не могли проявить себя какими-нибудь действиями, направленными против фашистского режима. Это постоянно говорят в своих письмах заключенные. В сообщении, напечатанном в конце апреля в датской газете «Политикен», было опубликовано несколько писем, полученных из концентрационных лагерей.

«Если бы я хоть знал, за что меня здесь держат»,—пишет молодой рабочий.

«Только анонимная личная месть может быть причиной моего заключения»,—пишет арестованный врач.

«Я ни в чем не могу себя упрекнуть и вообще не знаю, за что меня арестовали»,—говорится в другом письме.

Каких ничтожных поводов достаточно для того, чтобы упечь человека в концентрационный лагерь, показывает случай, имевший место с преподавателем закона божьего евреем Карлом Крепсом в Динкельсбюле в Баварии. Крепс — чешский гражданин — всю жизнь прожил в Германии. Относительно его был отдан следующий приказ об аресте:

«Преподаватель еврейского закона божьего Карл Крепс в Динкельсбюле (чешский гражданин) должен быть подвергнут временному аресту. 29 марта 1933 г. Крепс зарезал по еврейскому обряду несколько кур, чем вызвал весьма сильное недовольство населения. Хотя в данном случае не имеется наказуемого деяния, но все же Крепсу надлежало воздержаться от подобных действий, принимая во внимание сильное возбуждение, вызванное в населении пропагандой, поднятой евреями за границей. Возбуждение среди населения столь велико, что Крепс должен быть подвергнут временному аресту, чтоб оградить его от нападения. Распоряжение об аресте последовало по соглашению с уполномоченным высшего штурмового командования господином бургомистром Итамайером в Вассертрюдингене.

Динкельсбюль, 29 марта 1933 г.
За окружного начальника Итамайер.

Человек этот сидит в лагере и по сие время.

Во всех цивилизованных государствах применяется принцип: *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления и нет наказания без закона). Карается только фактическое нарушение закона, вина, а не дурной образ мыслей и не опасность, которую представляет собой человек. Поэтому никакой уголовный закон не может иметь обратной силы. В этом без исключения сходятся все школы уголовного права—и классическая и современная, детерминисты и сторонники теории растяжения.

Этот принцип, который в общей форме содержится также и в новом советском уголовном кодексе 1927 г., нашел себе выражение в § 2 действующего германского уголовного кодекса 1871 г. Последний по сие время не отменен парламентом, а потому остается в силе. Аресты и заключение женщин и мужчин в германские концентрационные лагеря по германскому праву и закону недопустимы.

Телесные наказания заключенных как задача концентрационных лагерей

О цели, преследуемой концентрационными лагерями, капитан Вук, национал-социалист и начальник концентрационного лагеря в Хойберге, заявил сотруднику газеты «Политикен» согласно его статье, напечатанной в конце апреля и озаглавленной «Заключенных надо подвергать телесным наказаниям».

Как видно из писем лиц, освобожденных из концентрационных лагерей, в некоторых лагерях заключенные должны докладывать о себе на военный манер: «арестант такой-то». Их наголо обрили, что по правилам предписывается делать с лицами, приговоренными к каторжной тюрьме. Лондонская газета «Дейли телеграф» подтверждает это обстоятельство в номере от 27 апреля 1933 г. в телеграмме своего венского корреспондента Гейде. Заключенные в лагерях не видели и не увидят никакого суда. Национал-социалистические вожаки неоднократно заявляли, что в данном случае имеет место мера чисто административного порядка—временный арест.

«Мы должны были—говорили фашисты корреспонденту датской газеты «Политикен»,—посадить под замок многих из этих субъектов для того чтобы защитить их от народной мести, иначе они были бы подвергнуты суду Линча, патриотически настроенной толпой, которая видит в этих «преступниках» виновников ноябрьской революции».

Это утверждение представляет собою наглешую ложь. Чрезвычайно строгая охрана лагерей установлена не для защиты арестованных социалистов и коммунистов. Пулеметы, выставленные перед концентрационными лагерями, должны сделать невозможной всякую попытку к бегству и освобождению. Всюду, где якобы происходили демонстрации против заключенных, эти сборища и безобразные сцены организовывались фашистами. Это ясно показывает отправка в концентрационный лагерь бывшего социал-демократи-

ческого министра Реммеле, которая была организована как массовое развлечение. «Фолькишер беобахтер» от 17 мая напечатал под заголовком «У позорного столба» следующую корреспонденцию:

«Во вторник из тюрьмы, расположенной в западной части города был доставлен в открытом полицейском автомобиле в полицей-президиум бывший баденский президент и министр Адам Реммеле, последнее время бывший председателем германского кооперативного общества оптовых закупок в Гамбурге. Несколько дней назад он по просьбе правительства был доставлен в Карлсруэ. Вместе с ним в открытом автомобиле были доставлены из западной части города, где находится тюрьма, государственный советник Стенц, которого Реммеле пристроил в министерство внутренних дел, затем бывший депутат рейхстага Марум и редактор социал-демократической газеты «Фольксфрейнд» в Карлсруэ—Грюнебаум, полицейский комиссар в отставке Фурер, а также руководитель Союза республиканского флага и железного фронта в Бадене и другие члены социал-демократической партии. Из полицей-президиума они были отправлены в исправительный дом в Кислау, где теперь находится концентрационный лагерь. Перед тюрьмой собралась огромная толпа, встретившая арестованных свистом и криками «пфуй» и «долой». Перед первым полицейским автомобилем, в котором окруженные сильной охраной сидели арестованные с непокрытыми головами, шли в два ряда, взяв друг друга под руки, штурмовики из защитного отряда, расчищавшие путь. За первым полицейским автомобилем следовал второй с командой штурмовиков. Кроме того процессию с обеих сторон сопровождали штурмовики, они же замыкали ее. Полицейские автомобили ехали совсем медленно среди густой толпы. По обе стороны люди стояли стеной иногда в восемь рядов. На всем пути непрерывно кричали «пфуй» и «долой». Повсюду пели также «Песнь о мельнике», заключающую в себе намек на Реммеле, который раньше был работником на мельнице и в свое время запретил в Бадене петь «Песнь о мельнике» под угрозой наказания. Процессия между прочим проехала мимо ландтага, здания министерства, а также мимо бывшего дома профессиональных союзов, причем повсюду останавливалась на короткое время. Во время следования процессии оркестры играли «Песнь о мельнике». Налыв публики был так велик, что трамвайное и автомобильное движение совершенно прекратилось. По дороге различные лица, кричавшие «рот фронт», арестовывались на месте; их сажали во второй полицейский автомобиль».

Отчет этот ясно показывает, что здесь происходила организованная демонстрация с заученными возгласами, требующими линчевания, словом, одна из тех сцен, при помощи которых имперский министр пропаганды Геббельс намерен развлекать толпу и на некоторое время заставить ее забыть о голоде.

«Оградительный арест»

Оградительный арест строго нормирован в Германии законом об ограничении личной свободы, изданным в 1849 г. По этому закону такому аресту могут быть подвергнуты только лица, которым угрожает опасность. Арест не должен выходить за пределы преследуемой им цели и во всяком случае не должен продолжаться более трех месяцев. Закон допускает право обжалования и вмешательства суда. Между тем все заключенные в настоящее время посажены не во имя собственных интересов, а для защиты новых носителей власти. Их держат более трех месяцев, и они не пользуются правом обжалования.

45 концентрационных лагерей

Сколько имеется концентрационных лагерей и сколько людей туда загнано? Германское правительство—и это свидетельствует об его нечистой совести—благоразумно воздерживается от точных указаний. В стране, где статистика учитывает все, что угодно, нет статистики концентрационных лагерей. Поскольку можно судить на основании отдельных надежных сообщений германской печати, случайных заявлений национал-социалистических вожakov и корреспонденций иностранных журналистов, посещавших лагеря, в настоящее время (т. е. в начале июля 1933 г.) имеется по крайней мере 45 концентрационных лагерей, в которых содержится приблизительно 35—40 тыс. заключенных.

Имеются следующие лагеря:

Дахау у Мюнхена (5 000 заключенных)

Хойберг в Верхнем Баварии (2 000)

Готесцелл у Гемюнда, Вюртемберг

Кислау у Брухзала, Баден (100)

Раштатт, Баден (300)

Курорт Дюргейм, Баден (500)

Пфальц (2 000)

Гинсгейм у Франкфурта

Редельгейм под Франкфуртом

Газовый завод во Франкфурте-Фехенгейме

Остгофен в Гессене

Ланген в Гессене

Кассель

Мюльгейм на Рейне (2 000)

Ванне-Ейкель, Вестфалия.

Лагерь Сенне у Падерборна (900 мужчин, 30 женщин)

Эстервеген у Дерна, Вестфалия (500)

Мооринген у Гамбурга

Паленбург, Эмсланд (рассчитанный на 4 000 заключенных)

Бремен

Фехта в Олденбурге

Вильседе, Люнебургер Хейде (2 000)

Фульсбюттел у Гамбурга

Витмоор у Гамбурга
Ораниенбург под Берлином (1 500)
Бернике у Науэна
Зонненбург в Пруссии (414)
Ордрюф в Тюрингии (1 200)
Арестный дом Матильденшлессен, под Дрезденом
Кольдиц в Саксонии
Цитау в Саксонии (300)
Гейневальде, около Цитау в Саксонии
Замок Ортенштейн у Цвикау, Саксония (200),
Грюнхеймхен (Саксония)
Крепость Гогенштейн в Саксонии (300)
Крепость Кенигштейн в Саксонии (200)
Саксенбург в Рудных горах
Бреславль
Дюргой около Бреславля
Грундау под Кенигсбергом

Кроме того имеются еще лагеря:

В Бранденбургской провинции около 6 лагерей
В Брауншвейге
В Рурской области около 5 лагерей
В Восточной Пруссии
В Шлезвиге
В Померании
В Средней Германии (несколько лагерей).

В середине мая германское правительство постановило устроить еще 10 новых концентрационных лагерей. «Франкфуртер цейтунг» от 30 мая 1933 г. сообщает, что в Хойберге, в Верхнем Бадене, будет устроен второй концентрационный лагерь для заключенных, которых не предполагается освободить до зимы.

Если предположить, что в лагерях, о которых нельзя получить никаких сведений, содержится не более 700 человек в среднем, то общая цифра в 35—40 тыс. для всей Германии отнюдь не будет преувеличена.

Женщины и интеллигенты в концентрационных лагерях

Среди заключенных в концентрационных лагерях находятся сотни женщин.

Женщины, члены рейхстага и ландтагов, принадлежащие к коммунистической партии, которых удалось арестовать, были сначала доставлены в женскую тюрьму в Берлине на Барнимштрассе и оттуда переведены в концентрационные лагеря. Эту тюрьму преобразили в сборный пункт и пересыльную тюрьму для арестованных женщин. В южной Германии в начале июля был организован специальный концентрационный лагерь для женщин. Официальное сообщение от 8 июля 1933 г. гласит:

«В Готтесцеле у Гемюнда устроит вюртембергский лагерь для временно арестованных лиц женского пола»

Вскоре после этого в Саксонии был устроен второй концентрационный лагерь для женщин. Все сообщения в один голос говорят, что женщины в тюрьмах и концентрационных лагерях подвергаются особым мукам и преследованиям.

Среди заключенных представлены все мировоззрения, все профессии, все возрасты. В концентрационные лагеря залнаны вместе: коммунисты, анархисты, социал-демократы, представители партий центра, пацифисты, евреи, молодые и старые рабочие, ученые, художники, студенты и депутаты, адвокаты, врачи, писатели, мелкие промышленники; люди с известными именами и люди совершенно безывестные, попутчики и активные борцы. Среди них находятся революционный пацифист Карл фон Осецкий, издатель «Вельтбюне», анархист Эрих Мюзам, баварский депутат Ауэр, демократический депутат рейхстага Фишер, социал-демократические депутаты рейхстага Росман и Пфлюгер, уголовный защитник Ганс Литтен, врачи Шминке, Бенгейм и многие другие.

Истина пробивает себе дорогу

Гитлеровское правительство старается окутать тьмой все происходящее в концентрационных лагерях. Но несмотря на это, удалось получить достоверный материал об ужасающих условиях в лагерях. Комитет помощи жертвам гитлеровского фашизма располагает благодаря безжавшим арестованным или родственникам заключенных обширной коллекцией ужасающих фактов из жизни германских концентрационных лагерей.

Истина пробивает себе дорогу. Она проникает в ряды рабочих, в заграничную общественность, невзирая на строжайшую охрану лагерей штурмовиками.

Истина пробивает себе дорогу через изгородь колючей проволоки. Никакие угрозы не помогают национал-социалистическим деспотам.

Иностранным журналистам разрешили посетить несколько «образцовых» лагерей—Хойберг, Дахау и Ораниенбург. Штурмовики следовали по пятам за представителями печати в этих лагерях, которые были специально «прибраны» для посетителей. Репортеры не могли войти в сношения с заключенными без надзора стражи. Поэтому описания иностранных корреспондентов часто больше сводятся к впечатлениям о ландшафте лагерей, чем к изображению того, что там действительно происходит. Но там, где журналисты хоть сколько-нибудь стараются объективно обрисовать лагерный быт или где они, как Эдмунд Тейлор—корреспондент «Чикаго дейли трибюн», могли задавать заключенным, воспользовавшись удобной минутой, вопросы на иностранном языке, там взору сразу открывается бездна бесчеловечности. Так истина проникает и в газетные отчеты.

Те, кто желает способствовать выяснению правды о германских концентрационных лагерях, должны поддержать требование о разрешении посетить все лагеря международной комиссии, состоящей из членов беспартийного комитета помощи.

Эти посещения не должны однако происходить под надзором комендантов лагерей и национал-социалистической стражи. Комиссиям должно быть предоставлено право появляться в лагерях без предупреждения и лично во всех подробностях обследовать их состояние и беспрепятственно беседовать с заключенными.

Развалившиеся лачуги и работные дома как обиталища заключенных

Каторжные тюрьмы в Зонненбурге и Фульсбютеле были закрыты уже несколько лет назад, потому что они представляют собою средневековые, совершенно негигиенические темницы. Туда не решались даже помещать преступников, совершивших тяжкие уголовные преступления. В Фульсбютеле нет отхожих мест и канализации. Пребывание в этой каторжной тюрьме, особенно в жаркое время года, становится невыносимой мукой. Эти каторжные тюрьмы превращены теперь гитлеровским правительством в концентрационные лагеря. В Зонненбурге между прочим содержится Литтен, Каспер, Осецкий и Мюзам.

Многие заключенные помещены также в работных домах, как например в работном доме Кизлау, около Брухзаля. Работные дома были последним этапом для всех, кому капиталистическое государство не в состоянии было доставить свободный труд и кого оно поэтому объявляло антисоциальным элементом. Профессиональное нищенство, бродяжничество, уклонение от работы или профессиональный разврат—таковы преступления тех беднейших из бедных, которые заполняют германские работные дома. Один немецкий судья рассказывает, что подсудимые так боялись заключения в работном доме, что умоляли суд лучше приговорить их к каторжной тюрьме.

Концентрационный лагерь в Цитау был раньше книжным складом; можно себе представить, каков комфорт в этом лагере. Концентрационный лагерь в Дахау, в Баварии, состоит, по сообщению «Дейли телеграф», от 25 апреля 1933 г., из старых полуразвалившихся хижин. Ораниенбург представляет собой тот образцовый лагерь, который был показан некоторым иностранным журналистам и фотографические снимки с которого фашисты распространяли в большом количестве.

«Заброшенная фабрика—бывший пивоваренный завод с пришедшими в ветхость мастерскими, все окна разбиты, фабричный двор зарос сорной травой».

Так описывает «Дейтше альгемейне цейтунг» от 30 апреля 1933 г. обстановку в Ораниенбурге. В наших руках находится конфиденциальное сообщение немецкой журналистки, сопровождавшей иностранца в качестве переводчицы при посещении ораниенбургского лагеря.

«Во дворе всего один только колодец. Сто-двести заключенных должны мыться в пяти старых тазах, выставленных на дворе. Спальни—старые, пришедшие в ветхость фабричные помещения, в которых на холодном цементном полу лежит

слой слегка прогнившей соломы толщиной в несколько сантиметров».

«Дейтше альгемейне цейтунг» от 30 апреля 1933 г. подтверждает, что заключенные вынуждены спать на соломе».

«В Дахау,—пишет Гейде в «Дейли телеграф» от 25 апреля 1933 г.,—в маленькой лачуге спят 54 заключенных на примитивных деревянных нарах, покрытых соломой».

Упомянутая переводчица описывает ужасное состояние такого помещения для сна в Ораниенбурге.

«Уже вечером, когда запирают заключенных, там стоит такая вонь, словно там переночевало стадо диких зверей: совершенно не поддается описанию атмосфера, образующаяся вследствие пребывания 50 и более человек с их испарениями от немытой одежды и потных тел».

Образцовый лагерь Хойберг

Концентрационный лагерь в Хойберге находится на особом положении: им щеголяют, его показывают всем иностранным корреспондентам. В сообщениях этих посетителей постоянно приводится внешний вид лагеря и окружающая его местность, но о помещении для заключенных, о ночлежных помещениях корреспонденты большей частью ничего не говорят. «Франкфуртер цейтунг» напечатала в конце мая 1933 г. подробный отчет о посещении этого лагеря.

Из этого описания видно, как сурово охраняются и какой военной муштре подвергаются заключенные. Молодым штурмовикам запрещается вступать в какие бы то ни было разговоры с заключенными: опасаются политического влияния последних на штурмовиков. Корреспондент Периген пишет:

«Прежнее поле для военных упражнений превращено в настоящее время в концентрационный лагерь. Минувя забор, сооруженный из драни, мы обзреваем расположение всего лагеря. Сначала проходим мимо здания администрации, почтового отделения, жилых домов чиновников с маленькими садиками. Далее направо и налево находятся помещения для солдат рейхсвера. Здесь на высоте 900 метров над уровнем моря, где мало растительности, в тесных комнатухах ютятся 2 тыс заключенных.

Дома отгорожены колючей проволокой, высокие заборы снабженные колючей проволокой, окружают с обеих сторон дорожки здания, обычно по два сразу, так что между ними образуется внутренний двор. Весь концентрационный лагерь разделен на отдельные лагеря. Заключенных кроме колючей проволоки охраняют штурмовики; они стоят на каждом посту по двое, вооруженные винтовками. Помимо этого каждая сторона проволоочной изгороди охраняется полицейскими из вспомогательной полиции. Мы бросаем взгляд на стены—в окнах никого нет, смотреть в окна запрещается. Ночью фасад освещают

пржекторы. Каждый дом в свою очередь разделен на две половины—строение «А» и строение «Б». У них общее отхожее место.

Мы в самом доме. Слева и справа в обоих этажах находится большая комната для солдат. Посредине—комната, служившая прежде фельдфебелю, теперь на ней надпись—«надзиратель». Здесь помещаются три человека: два руководителя штурмовых отрядов, из которых один наблюдает за левой комнатой, а другой за правой, с ними вахмистр охранной полиции для связи с полицейским начальством.

На двери, ведущей в бывшую комнату для солдат, висит список 36 обитателей комнаты: имя, место рождения и место жительства. Руководитель штурмовиков вынимает ключ, из комнаты доносится «смирно» и говор стихает. Отодвигаются стулья, заключенные встают, когда входит надзиратель.

У длинных, чисто прибранных столов на маленьких скамьях сидят заключенные и играют в шахматы. Они сами их сфабриковали. Книг и газет почти не видно; вся камера подписывается на одну какую-нибудь газету, которая обыкновенно читается вслух кем-нибудь из заключенных. У стены, не имеющей окон, стоят маленькие квадратные шкафчики, в которых хранится посуда для еды.

В то время как молодым штурмовикам, состоящим в вспомогательной полиции (все они деревенские парни), запрещено всякое общение с заключенными, на руководителей, назначенных надзирателями, возлагается обязанность политически воздействовать на заключенных в камере. Почта просматривается дежурным надзирателем. Каждому заключенному разрешается писать раз в две недели письмо или открытку. На основании этих писем, общего поведения, служебных и частных разговоров надзиратель должен установить, от кого можно ожидать перемены политических взглядов.

Мы можем дополнить этот отчет некоторыми данными, сообщенными в письме одного из заключенных в лагере Хойберг (имени это назвать нельзя, потому что он еще находится в лагере):

«В Хойберге содержатся две тысячи пролетариев, большей частью коммунистов. Помещаются они в 7-8 двухэтажных зданиях, каждые два смежных здания и одно ординарное окружены изгородью из колючей проволоки в два метра вышиной. В комнате размерами 12 × 8 метров содержится по 30 человек, в чердачных помещениях в зависимости от их величины—по 4—12 человек. Постели представляют собою двухярусные пары с соломенными тюфяками и двумя одеялами. Бань нет (репортер амстердамского «Телеграфа» сообщает от 5 апреля, что раз в месяц заключенные ходят в баню, но очевидно не все.—Ред.), мыла не дают. Желание помыться как следует, должны сами покупать его. Белья не дают и не стирают. Ручных полотенец мало, полагается одно полотенце на двоих заключенных. Иметь бритвы воспрещается. Бриться трудно, и

поэтому новейшим достижением является возрождение бороды...».

Управляющий лагерем капитан Бук заявил представителю «Политикен» в конце апреля 1933 г., что Хойберг не санатория ни в смысле удобств, ни в смысле гигиенических условий. Он прав. Лагери эти являются очагами заразы, и лишь немногие выходят оттуда здоровыми.

Лагерь охраняют сильно вооруженные патрули с пулеметами и полицейскими собаками

Охрана заключенных в лагере поставлена чрезвычайно строго. Всюду ходят патрули штурмовиков, вооруженных резиновыми палками, винтовками и револьверами. Многие патрули имеют при себе полицейских собак. Это видно на официальных снимках, это же описывают «Политикен», «Телеграф» и «Дейли телеграф». Об этом пишут все заключенные. «Концентрационный лагерь в Дахау,—сообщает Гейде в «Дейли телеграф» от 27 апреля 1933 г.,—окружен высокой проволоочной изгородью, по которой пропущен электрический ток высокого напряжения. В главном караульном помещении стоят заряженные пулеметы. Корреспонденты «Политикен» (в конце апреля 1933 г.) и «Телеграф» (от 5 апреля 1933 г.) обратили внимание на невероятно густую сеть колючей проволоки в Хойберге. Ночью лагерь ярко освещен колоссальными прожекторами. Из-за яркого света заключенные не могут спать.

«Стоит открыть окно, чтобы проветрить комнату, как начинают стрелять»,—сообщает амстердамский «Телеграф».

В Ораниенбурге лагерь с одной стороны окружен низкими фабричными стенами, а с другой, где заключенные делают гимнастику,—низким кустарником. Бывают ли случаи побега? Этот вопрос поставила также журналистка, посетившая Ораниенбург в качестве переводчицы иностранного репортера.

Ответ: «Здесь не боятся побегов, сторожа вооружены и им строго приказано немедленно стрелять, если кто-нибудь из заключенных перейдет границу, где растет кустарник. Да и зачем бежать? Заключенным здесь хорошо и даже, когда их отпускают, они не хотят уходить».

«Не может быть».

Ответ: «Позавчера мы получили распоряжение отпустить одного из заключенных. Но он не хотел уходить и пришлось насильно отправить его на вокзал. Спросите других, правда ли это».

Журналистка продолжает:

«Действительно, был такой случай, что заключенные отказались выйти на свободу. Но почему? Приказы об освобождении большей частью получаются ночью или очень рано утром. В это время человека легче могут пристрелить в пути, а на другой день в газетах будет напечатано: «Марксист застрелен при попытке к побегу».

Действительно, низкий кустарник должен служить соблазном к побегу. Но побег означает смерть.

Натравливание убийцы на евреев-ученых

Обложка книги «Евреи глядят на тебя». Эта брошюра, написанная депутатом фон Леерсом, открыто призывает к убийству. Под фотографическими снимками многих представителей духовной жизни Германии поставлены слова: «не повешен».

Альберт Эйнштейн, известный ученый, бесстрашно возвысивший свой голос против гитлеровского террора. Под его портретом в книге Леерса имеется следующий текст: Эйнштейн выдумал весьма спорную «теорию относительно и». Был прославлен еврейской прессой и наизыном немецким народом, отблагодаря за это ложью и травлей, направленной против Адольфа Гитлера за границей (не повешен).

Темный карцер и телесные наказания

По такому же произволу, по какому созданы концентрационные лагеря, заключенных делят на три категории:

а) легко исправимых (националисты, баварская военная организация, попутчики), б) так называемые трудно исправимые и в) не исправимые.

К последней категории относятся коммунистические вожди, партийные и профсоюзные работники и левые интеллигенты. К ним применяются самые ужасные специальные правила. В упомянутом выше сообщении Церцгена о концентрационном лагере в Хойберге мы находим следующее подтверждение только что сказанного:

«Кто на основании имеющихся документов и донесений считается не исправимым, переводится в «главное здание», в камеры № 19 и 23. Там все правила значительно строже, там надзиратель не ведет бесед с заключенными, прогулки сокращены до 10 минут, курить и говорить разрешается гораздо реже, работа, которая дает заключенным возможность несколько часов заниматься физическим трудом и позволяет получать прибавку к пище, здесь не допускается».

Этот суховатый отчет журналиста мы можем дополнить подлинным письмом заключенного из лагеря в Хойберге, отчаянный вопль которого дошел до нас, несмотря на колючую изгородь и охрану:

«Дорогие товарищи, надеюсь этот вопль дойдет до вас. Жизнь здесь прямо ужасна. Обращение хуже, чем в тюрьме и на каторге, не говоря уже об обращении с военнопленными. В 8 ч. 30 м. мы должны ложиться спать, в 5 ч. 30 м. утра (не в шесть) нас выгоняют из помещения. Ночью не дают покоя. Часто случается, что ночью нас три или четыре раза выгоняют из бараков и заставляют бегать по плацу, причем побой и грубейшие оскорбления стали совершенно обычным явлением. Таким образом ночью у нас всего три-четыре часа «покоя».

Вот например такой случай. Все отделение ночью выгоняют из бараков и заставляют проделывать гимнастические упражнения, а шесть фашистов бесчеловечно избивают одного из товарищей резиновыми палками, угрожая ему револьвером. Они только того и ждут, чтобы им оказано было сопротивление, и тогда они наверное пристрелили бы товарища. Но так как он не дал себя спровоцировать, то они потом еще раз жестоко отколодили его. Этому товарищу было заявлено: «Вы можете конечно жаловаться, но только это бесполезно, а мы вдобавок можем вас еще пожаловать мешком, набитым песком».

Один эльбинский товарищ был посажен в темную камеру, и в течение шести дней ему только два раза давали есть. Он вышел оттуда бледный, как мертвец, и совершенно изголодавшийся. В темной камере его жестоко избили.

Нюртингские товарищи еще сегодня все в синяках от безумных побоев.

Галдеж штурмовиков, крики о помощи наших беззащитных товарищей не прекращаются ни днем ни ночью.

Эрих Барон

Секретарь Общества друзей новой России в Берлине. Был доведен до самоубийства в предварительном заключении.

При таком питании, задачи которого немедленно уморить нас голодом, не выдержат даже самые крепкие нервы, и многие товарищи носятся с мыслью о самоубийстве или собираются оказать сопротивление, даже рискуя быть убитыми или пристреленными.

Теперь в камерах 19-а, 19-б, 23-а и 23-б введен еще более суровый режим. Заключение в корпусах объединяют по возрасту. Этим преследуется задача подвергнуть молодых товарищей еще более отчаянной дрессировке, а более пожилых товарищей, которые почти все провели много лет на фронте, в отличие от молодых штурмовиков, выделить особо.

В штрафном корпусе не побывал еще никто из журналистов. Журналистам по всей вероятности показывали корпус первой ступени. Для первой и второй ступени допускаются следующие льготы: по три папироски в среду и в субботу и черная кровяная колбаса на троих.

Еда тут такая, что мы все страдаем от недоедания и имеем ужасный вид. Вот например несколько блюд: капуста с лапшой—очень жиденький суп, красная капуста, котлеты из картофеля с лапшой, сладкий рис с картофелем, в среднем по три грамма мяса (буквально 3 грамма мяса!). За 11 недель нас только два раза, как следует, накормили мясом с кислой капустой. Вся еда без жиров, невкусная, с большим количеством соды. За 11 недель нам только два раза давали масло. Ясно, что мы при таких условиях обречены на медленное умирание».

Планомерно проводится деление заключенных на три категории: их стараются возбудить этим друг против друга. Коменданты лагерей изощряются в изобретении утонченных дисциплинарных наказаний: сокращают время отдыха, ограничивают право писать письма или совершенно лишают его, в течение долгого времени не дают свиданий. Заключенным воспрещено собираться вместе в те немногие часы, когда они свободны; они подвергаются особо тщательной изоляции и надзору; строго запрещается курить, налагаются в виде наказания продолжительные аресты с прогулкой по 10 минут в день или арест в темной камере. Излюбленными дисциплинарными наказаниями являются: дополнительное обучение военному строю в течение нескольких часов подряд сверх общей нормы, гимнастика в виде наказания, удлинение рабочего времени, поручение особенно тяжелых непривычных и утомительных работ. В некоторых концентрационных лагерях перешли к тому, что стали заковывать в цепи заключенных, навлекших на себя особое не расположение начальства.

По сообщению «Дейли телеграф» от 27 апреля 1933 г. в Дахау например строптивым заключенным вообще не разрешается покидать лачуг и гулять на воздухе.

Упомянутая уже журналистка описывает в своем отчете помещение, в котором томятся «трудно поддающиеся воспитанию» заключенные в Ораниенбургском лагере.

«Дыра в стене, закрытая железной дверью,—кроме этого никакой вентиляции. Когда нам показывали это помещение, оно стояло пустым. Но это было уже через час после начала осмотра. Очевидно заключенных оттуда предварительно удалили, потому что из 120 заключенных 30 отсутствовали. Может быть они находились за той дверью, к которой нам не позволили подойти поближе».

В Хойберге пожилой адвокат пожаловался на плохую еду. За это он был приговорен к наказанию: спать без одеяла на крыше барака в течение 15 дней.

Это не помешало капитану Буку уверять репортера голландской газеты «Телеграф», что в Хойбергском лагере нет никаких арестных помещений.

Порка и садистские пытки

Не подлежит никакому сомнению,—и все корреспонденты на этом сходятся,—что «неисправимые» подвергаются такому обращению, при котором их физическая гибель неизбежна.

Цель здесь ясна: лучшие кадры рабочих Германии должны быть физически уничтожены.

Из многих писем явствует, что в концентрационных лагерях происходят чрезвычайно жестокие избиения заключенных. Капитан Брук уверял представителя «Политикен», что в концентрационных лагерях не избивают. Никаких побоев, никаких телесных наказаний—осмелился он утверждать. Но даже из германской правительственной печати видно, что в действительности заключенные подвергаются самому жестокому избиению, в особенности же обречены на невыносимые муки заключенные так называемой третьей степени. «Ангриф» от 1933 г. пишет:

«Допрашивают члена организации республиканский флаг...

Он отвечает резко, но достаточно любезного и решительного указания на отобранную у него же резиновую палку, чтобы он уяснил себе всю серьезность положения».

Какие жестокие избиения должны были происходить в этом лагере, если уже одного указания на резиновую палку достаточно, чтобы заключенный уяснил себе «серьезность положения».

«Дейтше альгемейне цейтунг» подтверждает в отчете, напечатанном 30 апреля 1933 г.:

«Только благодаря тому, что их захватили и допрашивали с неумолимой суровостью, удалось почти в полном объеме вскрыть подпольный террор... Но все еще остается сломить сопротивление некоторых заключенных».

Эти сообщения подтверждают, что при допросе применяются пытки. Мы располагаем сообщением корреспондента «Чикаго дейли трибюн» Эдмунда Тейлора, которому удалось говорить с некоторыми заключенными в лагере Хойберг по-английски и по-французски, так что сопровождавшие его штурмовики не поняли, о чем идет речь. Несколько заключенных определенно подтвердили, что в этом лагере часто происходят жестокие избиения.

О том же говорят сведения из лагеря, находящегося в замке Ортенштейн около Цвикау. Посетители этого лагеря заявили под присягой, что они видели на руках у заключенных кровоподтеки и синяки. Не подлежит сомнению, что это следы избиений и побоев. Особенно жестоки были избиения, пока охрана заключенных была вверена штурмовикам. После того как они были заменены полицией, положение заключенных стало несколько более сносным, но с начала мая в Ортенштейн снова прибыли штурмовики.

Зонненбургский ад

О концентрационном лагере в Зонненбурге необходимо поговорить особо. Письма и сообщения заключенных и даже официальные документы вполне ясно доказывают, что Зонненбург представляет собою настоящую камеру пыток. Вожди рабочих и интеллигенты подвергаются самым унижительным истязаниям. Лагерь этот во всей Германии так и называется: зонненбургский ад. В письме одного рабочего, которое удалось контрабандным путем получить из Зонненбурга, рисуется следующая возмутительная картина.

«Первый транспорт заключенных был встречен на вокзале в Зонненбурге штурмовыми отрядами и особыми отрядами охранной полиции. Их заставили петь и повели в лагерь, продолжая избивать буквально на всем пути. Это могут подтвердить жители Зонненбурга. По прибытии в лагерь заключенные должны были стоять во дворе под проливным дождем. Только потом их стали разводить по камерам. Все должны были пригнать себе солому из другого этажа. На лестнице стояли штурмовики, которые безжалостно избивали заключенных резиновыми палками. В залах нас снова били ножками от стульев и резиновыми палками. Некоторых товарищей заставили чистить ведра с нечистотами штурмовиков, причем их истязали самым скотским образом. Один из штурмовиков зажимал голову заключенного между ногами, а другой бил его. Остальные товарищи должны были громко считать наносимые удары. Некоторые заключенные получили до 185 ударов, кроме того их награждали пинками и истязали разными другими способами. Большие всего пришлось вытерпеть товарищам Литтену, Винеру, Беринштейну, Касперу, Шнеллеру и арестованным евреям. Особенно пострадал наш старый друг Мюзам. Теперь положение немного изменилось, но зато господствует невероятная военная муштра, хуже, чем когда я отбывал воинскую повинность. Большую часть времени мы должны проделывать военные упражнения, маршировать и петь.

Первые три недели были самыми ужасными. В одиночных камерах на нас набрасывались ночью и страшно избивали. У некоторых товарищей спины совершенно почернели от побоев. Выживет ли Литтен, я не знаю. Он сам просил прокурора Миттельбаха (крайне взволнованные жены некоторых арестованных, содержащихся в Зонненбурге, заявили резкий протест в берлинском полицей-президиуме и добились, чтобы Мит-

тельбаха отправили в Зонненбург для расследования), чтобы его пристрелили, так как он не в состоянии выносить этих скотских истязаний».

Это описание дополняется отчетом, помещенным в «Зонненбургер аяцейгер» от 7 апреля 1933 г.

«С пением национального гимна арестованные должны были с вокзала отправиться в бывшую каторжную тюрьму, причем нередко их подгоняли резиновой дубинкой берлинской вспомогательной полиции».

В этих трех строках заключен целый ад.

Мюзам, Каспер, Бернштейн, Осецкий подверглись варварским избиениям

Описание, которое дал один из заключенных Зонненбургского лагеря, подтверждается потрясающими письмами жен Мюзам и Каспера, посетивших своих мужей в Зонненбурге. Жена Мюзам пишет:

«Они заporоли наших мужей до полусмерти. Что сделали с Эрихом! Я видела его, но не узнала, Тереза, не узнала среди других. Как их избили! Спроси Тони. Они обрезали ему бороду, выбили зубы. Когда их вели в лагерь, он должен был нести свой чемодан, а ведь Эрих вообще такой неловкий. По дороге он упал, и тогда эти изверги так били его, когда он лежал на шоссе и не мог подняться! Когда я приехала в Зонненбург, он сидел совершенно разбитый и пришел в ужас от того, что я явилась. Первые его слова были: «Как ты попала в этот ад? вы отсюда не выйдете живыми, они убьют вас, после того как вы видели, что они с нами сделали».

Когда я увидела Каспера, мне понадобилось собрать все силы, чтобы не упасть в обморок. Меня это особенно потрясло, потому что я видела его за три дня перед этим. Он стоял прислонившись к стене, в лице не было ни кровинки, и все оно было изуродовано. У одного глаза, который был весь в синяках, кровоподтек доходил до рта. Рот был так искровавлен, словно кто-нибудь наступил ногой ему на лицо. Он едва мог говорить и не в состоянии был двигаться от боли, которую испытывал во всем теле».

Жены политических заключенных Бернштейна и Гейслера добились в управлении лагеря разрешения на свидание в Зонненбургском лагере. Госпожа Бернштейн пишет:

«Мне казалось, что я вижу перед собою чужого человека. Глаза и все лицо около глаз сильно распухли и были в кровополтеках. На лице видны были широкие рубцы от ударов резиновыми дубинками. Мне не позволили дотронуться до мужа, но повидимому все тело у него было так же разбито. За все время свидания он держался неподвижно в какой-то странной позе».

Госпожа Гейслер рассказывает:

«Муж мой, когда я его увидела, оказался до такой степени изменившимся, лицо у него так распухло, что мне пришлось взять себя в руки, чтобы громко не закричать от отчаяния»

Заключенный, которому удалось бежать из Зонненбурга за границу, сообщает:

«В каторжной тюрьме в Зонненбурге содержится 414 политических заключенных, в том числе Карл фон Осецкий, которого арестовали 28 февраля. Один из заключенных, пробывший 13 дней в зонненбургской каторжной тюрьме и теперь переметавшийся через границу, видел Осецкого в отделении для больных. Согнутая фигура, впавшие щеки, желтый, болезненный цвет лица, нервно жестикулирует руками, нетвердая походка,—так описывает он Осецкого. Другие заключенные в Зонненбурге: д-р Винер весь в синяках от побоев, у коммуниста Бернштейна отбиты почки, и он теперь может ходить, только опираясь на палку. У коммуниста Каспера вырваны волосы у полового органа. Эриху Мюзаму пришлось вместе с Каспером рыть себе могилу: им сказали, что на следующий день их обоих пристрелят. Эрих Мюзам тоже обезображен, ему срезали бороду. В камере Каспера ночью разбили окно, просунули револьвер и угрожали застрелить его. Потом ворвались в камеру и стали его обрабатывать резиновыми дубинками.

Расписание дня в Зонненбурге.

5 ч. 15 м. утра—будят, выносим параша (в Зонненбурге нет ватерклозета), убираем камеры, моемся, делаем гимнастику и т. д.

8 ч. 30 м.—завтрак.

9—10 час.—военное обучение, пение гитлеровских песен.

10 ч. 30 м.—12 час.—перерыв, потом обед.

12 ч. 30 м.—5 ч. 30 м.—военное обучение и гимнастические игры.

6 час.—ужин.

6 ч. 30 м.—7 ч. 30 м.—маршируем.

7 ч. 30 м.—общая беседа.

Истязания в Зонненбургском лагере были столь бесчеловечны, что вступивший в должность 11 апреля новый полицейский комендант лагеря был вынужден сделать доклад начальству. По приказанию свыше он должен был уничтожить копию этого письма. Большинство кусочков этой разорванной копии попали в наши руки:

Зонненбург 18 мая 1933 г.

По поводу особых происшествий, имевших место после принятия мной полицейской тюрьмы 11 апреля 1933 г.

При вступлении в должность 11 апреля 1933 г. я констатировал, что в здешней тюрьме, особенно среди штурмовиков, нет надлежащего порядка. Главным образом это касается следующих пунктов:

1. Обращение штурмовиков с заключенными.

2. Отношение штурмовиков к чинам администрации.
3. Отношения штурмовиков между собой.
4. Поведение штурмовиков в общественных местах.
5. Условия оплаты штурмовиков.

К п. 1. Часть заключенных, в особенности лица, пользующиеся известностью, подверглись чрезвычайно сильному избиению со стороны штурмовиков. Для того чтобы прекратить дальнейшее избиение, потерпевшие заключенные содержались в дальнейшем под наблюдением охранных (пропуск) чиновников. Штурмовикам я в случае повторения пригрозил (пропуск) усиленное наблюдение за штурмовиками днем и ночью (пропуск) против заключенных стали реже, тем не менее я в двух случаях констатировал избиение заключенных. Ввиду того, что штурмовики держатся дружно, особенно при таких инцидентах, расследование, произведенное с целью установления участников, было безуспешно. Тогда я пригрозил штурмовикам, что в случае малейшего происшествия такого рода я смею тех, кто дежурил в эти часы, или даже всю команду штурмовиков.

К п. 2. Постоянные трения между чинами администрации и штурмовиками возникали вследствие неодинаковых условий оплаты. Несмотря на приличные авансы, штурмовики считали себя обиженными и возлагали вину на полицейского инспектора Пельца.

Их поведение по отношению к полицейскому инспектору Пельцу дошло до того, что только личным вмешательством и энергичными внушениями я сумел образумить штурмовиков. При уходе штурмового отряда 24 апреля 1933 г. я должен был во избежание насилия над полицейским инспектором Пельцем поставить в его квартире вооруженного полицейского.

К п. 3. Среди штурмовиков часто происходили ссоры, возникавшие обыкновенно по пустякам».

(На этом отчет обрывается).

«Запрещение разговаривать и порка»

Недавно одному молодому социал-демократическому рабочему удалось бежать из концентрационного лагеря Гогенштейн, в котором он был заключен в течение семи недель. Его рассказ рисует язвительную картину будней в лагере и производит особенно сильное впечатление благодаря своей спокойной деловитости.

«Нас было в Гогенштейне 800 человек: социал-демократы, коммунисты, евреи и несколько лиц, принадлежащих к партии центра. Коммунистов держали отдельно от других. Их судьба была много печальнее нашей.

В 6 часов утра нас будил окрик: «Да здравствует Гитлер!» Мы должны были вскакивать с коек и стоять около них, держа руки по швам. В таком виде, не одетые, не умытые мы произносили нашу первую молитву: «Боже, помоги нашей нации и храни нашего рейхсканцлера Гитлера». Я не помню точно

слов молитвы, я ее только бормотал сквозь зубы. Слова молитвы произносил руководитель нашей группы, а мы обязаны были повторять их за ним. Наша группа насчитывала 20 человек.

В три четверти седьмого мы выстраивались к завтраку. Он состоял из теплой черной бурды и ломтя хлеба. Эту жидкость при всем желании нельзя было назвать кофе. После завтрака стоим руки по швам, поем «гимн Хорста Весселя» и «Германия превыше всего».

В семь часов нас выстраивают и ведут во двор на гимнастические и военные упражнения. Командуют: «ложись», «вставай», «ложись», «вставай». Все это проделываем на пустой же лудок, если не считать куска хлеба и теплой водицы. Так проходит время до 9 часов, а в промежутках между упражнениями занимаемся игрой в футбол и эстафетным бегом. Затем мы приступаем к работе: возим песок, строим бараки и доставляем дрова из соседнего леса.

В 12 часов уходим с работы в строевом порядке. Опять поем «гимн Хорста Весселя». Застольная молитва: «Иисус, будь среди нас... и храни германскую нацию». Обед: суп и хлеб. Два раза в неделю чуточку мяса. Иным этого хватало.

После этого каждая группа отирается мыть посуду.

В половине первого снова физкультура и военные упражнения. В три часа перекличка. Командир обходит фронт. Мы обязаны орать во все горло: «Да здравствует Гитлер!», петь «гимн Хорста Весселя» и затем... снова военные упражнения до 5 часов. Только после этого нам разрешается «вольно» прогуливаться по двору. Но при этом нельзя разговаривать: ни теперь, ни во время работы.

В половине седьмого ужин: ломоть хлеба и как особое счастье кусок колбасы или сыра.

В половине восьмого все выстраивается у косяк. Снова поется «Германия превыше всего», отбарабанивается молитва, и в восемь часов все должны лежать на нарах.

Всю ночь в помещении горит свет. Штурмовики с винтовками стоят на часах. Никто не смеет раскрыть рот. Мы осуждены на молчание. Днем и ночью мы слышим лишь слова команды, проклятья, молитвы, «гимн Хорста Весселя» и «Германия превыше всего».

Меня били только один раз. «Научишься ли ты, проклятый марксист, стоять руки по швам! Я тебя научу!» и на мою голову посыпались удары резиновой дубинки.

На нас было наше собственное платье, только пуговицы обрезами, да отобрали подтяжки. Свидания с родными нам разрешались (однако не всем) два раза в месяц.

За разговор и прочее «неповиновение» провинившегося либо избивали тут же на месте, либо отправляли в лагерную тюрьму Гогенштейн—старинный замок. В подземельях его находились старинные сырые и темные казематы. Так продолжалось все эти семь недель. Стоять смирно, руки по швам, «ложись»

«вставай», пение национальных гимнов, работа, голод, молчание».

Другой заключенный пишет из концентрационного лагеря Кенигштейн:

«Полиция арестовала нас рано утром—в шесть часов. Она обращалась с нами корректно. Нас доставили в концентрационный лагерь Кенигштейн. Здесь содержатся 200 заключенных. Стража состоит из шестидесяти штурмовиков... Работали мы на постройке стрельбищ. Питание сносное. Если бы только не было постоянных побоев и истязаний! Наша стража—штурмовики, за немногими исключениями (люди постарше)—люди чрезвычайно грубые и жестокие. Как только нас привели в лагерь, нас подвергли жестокому мучению. Сначала мы должны были три четверти часа упражняться в беге, затем в продолжение целого часа стоять смирно, без движений, руки по швам, при этом нам угрожали револьвером и наносили удары резиновой дубинкой, кнутом и ружейными прикладами. Затем нас заставляли стоять час на коленях, уткнувшись лицом в землю. При неточном исполнении этого «упражнения» нас награждали шинками «сапогом» в затылок (подошвы сапог штурмовиков обиты гвоздями). Затем нас снова избивали в течение часа. Некоторых избивали до полусмерти. Нам остригли волосы и набили ими полный рот. Все эти истязания продолжались от четверти седьмого вечера до половины третьего ночи. И в последующие недели истязания продолжались; начальник караула Фурман в особенности истязал тех, кто был известен своими выступлениями против фашистов. После того как во время этих истязаний был убит один товарищ из Гайденау—глава антифашистского союза борьбы Гумберт (41 года), вмешались более высокие чины штурмовиков, и наше положение стало несколько лучше.

Первые ночи нам пришлось спать без одеял в холодных и сырых помещениях. Потом нам дали одеяла. Несмотря на все мучения, товарищи держатся храбро. Социал-демократы тоже ведут себя мужественно, хотя они все еще питают политические иллюзии. Случаев предательства не было».

Правда, пражский «Социал-демократ» напечатал следующее сообщение о возмутительных зверствах в лагере Кенигштейн.

Газета категорически заявляет, что принимает на себя полную ответственность за подлинность сообщаемых ею фактов:

«Заключенных заставляли облизывать избитые до крови ягодицы их товарищей. Их заставляли по три часа вдыхать миазмы, держа лицо над свежим калом штурмовиков. Пьяные штурмовики будили по ночам заключенных и свирепыми угрозами заставляли их вылизывать использованные презервативы. Заключенные дрожали, слыша ночью пение своих мучителей, так как знали, что им предстоит стать жертвой садистских оргий штурмовиков. Стража заставляла заключенных заниматься на ее глазах онанизмом и вступать в противоестественные половые сношения с товарищами по несчастью. У заклю-

ченных крали деньги и затем вынуждали у них признание, что у них были фальшивые деньги. В виде «наказания» заключенных запирали в холодные и сырые подземные казематы, где они не имели возможности ни лечь, ни сесть. Освобождаемых из лагеря заставляли давать подписку, что им ничего плохого не делали. Все это происходило под началом руководителей отряда штурмовиков Бинерта (Кенигштейн) и Фурмана (Готтлойба).

Оба эти «вождя» не понесли никакого наказания. Их лишь перевели на другое место».

Голодные пайки

Корреспонденты газет «Телеграф» (5 апреля 1933 г.) и «Дейли телеграф» (27 апреля 1933 г.) задали заключенным вопрос, как их кормят в лагере, и получили на это следующий ответ: «хорошо, но недостаточно». В действительности же питание нехорошее и недостаточное. Один заключенный в концентрационном лагере в Хойберге потерял за несколько недель пребывания 30 фунтов. Тем не менее лейтенант Кауфман, один из начальников этого лагеря, заявил корреспонденту «Франкфуртер цейтунг» от 8 апреля 1933 г.):

«Большинство заключенных довольно. Пища хорошая. У нас дается одно блюдо, но блюдо питательное и большими порциями. Мясо полагается два раза в неделю».

В противоположность этому Эдмунд Тейлор, который задал вопросы на английском языке ряду заключенных, пишет в «Чикаго дейли трибюн»:

«Заключенные горько жалуются на недостаточное питание. Оно состоит главным образом из водянистого супа с перловой крупой».

В «Дейли телеграф» от 27 апреля 1933 г. Гейде сообщает, что по случаю дня рождения Гитлера—«ни один немец не должен голодать в этот день»—заключенным была роздана кислая капуста. Если уже кислая капуста является праздничным блюдом, то какова же пища заключенных в будни! Об этом дает исчерпывающее представление следующее письмо одного заключенного:

«Тушеная капуста у нас постоянное блюдо. Кормят, как собак. Выдается только по фунту хлеба в день. Обед наш в последнюю неделю состоял из картофельного супа с овощами, или из макарон с ничтожной примесью сушеных плодов, или из чечевицы с картофелем. Вначале давали по литру этой похлебки. Теперь пайки урезаны. Так как на мясе и жирах экономят, то пища лишена всякой питательности. Кроме того кормят вобрез. Еще хуже обстоит дело с ужином. Раз или два в неделю отваренные в воде макароны в форме свастики в залах «национального воспитания». В другие дни 100 граммов лимбургского сыра или 80 граммов кровяной или ливерной колбасы. Ни грамма масла, маргарина и сала. К этому дают такое же «кофе», как к завтраку. Мы всегда ложимся спать

голодные. Командируемые на работы вне лагеря получают добавочную порцию в полфунта хлеба и 80 граммов кровяной колбасы».

Хлеба, дайте хлеба!

Во всех письмах заключенных повторяется жалоба, что скудная пища почти совершенно лишена жиров. Зато ее щедро сдабривают содой, которая якобы ослабляет половое влечение. В действительности сода действует на половую способность и разрушает стенки желудка.

Даже хлебный паек недостаточен. Это подтверждают все письма, получаемые от заключенных. Корреспондент газеты «Телеграф» (от 5 апреля 1933 г.) спросил коммунистического депутата Арнольда из Ульма, что он может сказать о еде. Заключенный ответил:

«Слишком мало мяса, слишком мало хлеба, прогорклое сало».

Тот же корреспондент сообщает содержание меню за неделю с 26 марта по 1 апреля 1933 г.

Ежедневно по фунту хлеба, 10 граммов кофе, 30 граммов сахара, масла не дают.

Воскресенье: днем—мясо с картофелем; вечером—кофе с сахаром, бисмарковская селедка.

Понедельник: днем—мясо; вечером—густая похлебка.

Вторник: днем—гороховая каша, 100 граммов колбасы; вечером—кофе с сахаром, 100 граммов сыру.

Среда: днем—крупа, картофель, макароны; вечером—кофе, 100 граммов колбасы.

Четверг: днем—чечевица с картофелем; вечером—гороховый суп и 100 граммов шпека.

Это меню наверное специально составлено на случай посещения лагеря корреспондентом. Но из него видно, что пища заключенных не содержит даже минимального количества питательных веществ, необходимых для поддержания жизни. Фунт хлеба для людей, работающих по 12 часов в день. Полное отсутствие свежей зелени. Сто граммов жиров в неделю. Заключенные голодают. Записка, контрабандным путем отправленная одним молодым заключенным из лагеря Гогенштейн, представляет собой сплошной вопль:

*Ich will am Himmel's willen
essen, doch wenn es Brot
oder gebackene Kartoffeln
sind, will ich essen.*

«Пришлите, умоляю вас, еду, хотя бы хлеб или жареную картошку. Только хоть какую-нибудь еду!»

Принудительные работы по восемь, девять часов в день и больше

Как заявил национал-социалистический министр Фрик, заключенные в концентрационных лагерях должны быть перевоспитаны в полезных граждан государства посредством разумного труда. В действительности же эти принудительные работы, длящиеся восемь, девять и больше часов, не что иное, как один из видов мучительства.

Достаточно прочитать нижеследующие строки из письма одного заключенного, чтобы получить представление и об этом «воспитательном труде»:

«В половине шестого утра нас выгоняют на работу. Полтора часа приходится идти к месту работы, идти в строю и затем работать до половины третьего с перерывом в один час. Работа состоит в расчистке и прокладке дорог. Потом снова полтора часовая маршировка до лагеря. Нас сопровождает конвой из 20 штурмовиков под командой полицейских; вооружены они винтовками, револьверами и резиновыми дубинками.

Пытке этих непривычных принудительных работ подвергаются также врачи, адвокаты, писатели. Многие из них люди уже молодые, которым такая работа не по силам. В концентрационном лагере Хойберг заключенные работают на каменоломнях. В лагере Нейштадт они заняты земляными работами по расчистке территории для аэродрома. Несмотря на все предупредительные меры и ухищрения, сведения о режиме принудительных работ в лагерях проникают в печать. Национал-социалисты пытаются парализовать действия этих сообщений, помещая в своих иллюстрированных журналах специально заснятые сцены лагерной жизни. На этих снимках заключенные показаны за легкой и живой работой. Этим лживым иллюстрациям противопоставим следующее описание, данное нейтральным посетителем Ораниенбургского лагеря:

«Работа эта—назовем ее работой—самая большая бессмыслица, какую только можно себе представить как для стражи, так и для заключенных. Трое молодых рабочих заставляют шестерых своих товарищей по безработице полоть траву, причем с максимальной скоростью. Шесть человек в лохмотьях лазают по камням, вырывают стебельки весенней травки, пребывающие между камнями, вырывают миниатюрные корни, очищают песок от сора и аккуратно забивают его снова в щели мостовой. Инструментов никаких. Разумеется, трава никому не мешает, и нет ровно никакого смысла полоть ее.

За фабричным зданием усиленно льют воду. Двенадцать человек из всех сил стараются вычистить старое здание. Если оно не будет блестяще, как дворец из мрамора, это вменят им в вину, припишут их личной непригодности. Они должны убрать каждую песчинку, каждую щепку. На фабричной стене красовалась прежде советская звезда—прочь ее, хотя припишут для этого развалить всю стену. И здесь совершенно бессмысленная, нелепая трата сил, не работа а только занятие.

Гораздо хуже обстоит дело на другой работе. Выкорчевывается соседний лес. Стволов уже нет. Заключение под усиленным конвоем отправляются в лес. Они должны голыми руками выкапывать из земли огромные пни с корнями. Штурмовики подгоняют людей, которые годятся им в деды, выражениями «старая свинья», «красная свинья», «старая яичница»—выражения эти взяты из жаргона императорской армии, но стали лишь еще крепче и циничнее».

Такова воспитательная работа имперского министра внутренних дел Фрика!

После принудительных работ упражнения в виде наказания

Принудительными работами не кончается мучительство заключенных. Остающееся время заполняется военными упражнениями, которые совершенно неправильно называют «спортом».

Согласно официальным сообщениям, время от половины второго до половины шестого предназначено для военных упражнений.

Журналистка, посетившая лагерь в Ораниенбурге, следующим образом описывает свои впечатления:

«На площадке, которую отделяют от воли только невысокие кусты, расставлены различные приспособления для физкультуры. Заключение заставляют упражняться. Поверхностный наблюдатель, не желающий вникнуть в дело, может вынести впечатление, что заключенные имеют возможность успешно заниматься своим физическим развитием. На первый взгляд кажется, что они занимаются спортом. Но наблюдательный человек увидит, что здесь практикуется утонченная система самого варварского мучительства. Упражнения, которых требуют от заключенных, не по силам, пожалуй, даже спортсмену-профессионалу. Чтобы проделывать их, необходима длительная методическая тренировка, и прежде всего—усиленное питание. А между тем в этом лагере (он существует с 21 марта) заставляют проделывать эти упражнения всех заключенных, всех без исключения, причем не в виде единичного случая, а по четыре часа каждый день в течение недель и месяцев, и это помимо всех прочих упражнений: маршировки, пения песен и т. п.

Направо, в десяти метрах от кустарника, стоят бруссы. Каждый заключенный должен сначала проделать гимнастические упражнения на них. В десяти метрах отсюда поставлена деревянная доска, лучше сказать, деревянная изгородь (высотой 2,5 метра, шириной 3 метра); после упражнения на бруссах каждый заключенный обязан перелезть через эту стену. На таком же расстоянии дальше находится ров глубиной в 2 метра и шириной в 2—3 метра; на дне рва грязь и ил. Заключение заставляют прыгать через этот ров. В настоящий момент ров пуст, но через несколько минут он будет полон воды. Еще 10 метров, и перед вами второй такой же ров.

В действительности это скорее насыпь в 2 метра высотой и 80 сантиметров шириной; заключенным приказывают карабкаться вверх по этой насыпи. На левой стороне площадки имеется своего рода волчья яма, приблизительно в 10 метров длины и 70—80 сантиметров глубины; заключенные должны залезть сюда. В яме натканы на расстоянии полуметра одна от другой доски: одни сверху, другие снизу, пробираться между ними можно только ползком, извиваясь, как уж. Однако пространство между досками столь узко, что только ребенок может свободно пролезть между ними, а для человека среднего роста и плотного это почти немыслимо. После выхода из этой волчьей ямы приходится еще прыгать через 2 препятствия высотой в один и в полметра. Прodelав цикл этих «упражнений», заключенные должны начинать их сначала, и так изо дня в день по 4 часа ежедневно, в течение недель, месяцев...

Мы обратились к известному в спортивных кругах врачу доктору Беллен дю Кото и попросили его дать заключение о действиях, которое эти упражнения могут оказать на человеческий организм. Мы представили этому известному специалисту, человеку политически совершенно нейтральному, вышеизложенные факты, не сказав ему, что дело касается фашистского концентрационного лагеря в Германии. Доктор Беллен дю Кото дал следующий ответ на наш вопрос:

«Милостивый государь!

Препровождаю заключение, о котором вы меня просили.

1. Бег на расстоянии, о котором вы говорите, включающий упражнения в беге с препятствиями, принадлежит к категории так называемых атлетических упражнений в беге. Они основаны на том же принципе, на котором были основаны первые гимнастические упражнения полковника Аморо (1830 г.).

Они в разных формах приняты в армии и во время войны применялись для подготовки войск. Они включены в программу различных армий. Это трудные и длительные упражнения. Различные препятствия, воздвигаемые на пути, во всех смыслах увеличивают напряжение. Результат может сказаться в усиленном сердцебиении, так что при нормальном быстром беге пульс поднимается с 80—100 до 140—150, а при затруднениях, вызываемых препятствиями, может доходить до 180 и даже 200 ударов в минуту.

Отсюда следует, что атлетический бег предполагает, чтобы спортсмены находились в хорошем общем состоянии. Это обязательно необходимо для того, чтобы организм мог выдержать напряжение.

Кроме того требуется известная общая тренировка в прыжках, лазаньи, беге и т. д. При таких условиях общая и специальная тренировка должна занять приблизительно два месяца.

2. Эти упражнения в беге во всяком случае не должны повторяться в течение суток. Совершенно бесполезно и даже вредно производить больше трех таких упражнений. Необходи-

«Цвет» штурмовых отрядов
организует еврейский бойкот

Пикеты штурмовиков не пускают публику в отделение универсального магазина Вульфорта в Берлине

димо между каждым из них устраивать перерыв для отдыха по крайней мере на час.

3. Всякий раз, когда требуется такое сильное физическое напряжение, необходимо подвергнуться врачебному осмотру для установления возможных пороков организма, которые не позволяют брать на себя такую нагрузку. Это правило тем более важно, что в данном случае имеется в виду длительное физическое напряжение, которое может причинить серьезный вред при несоответствующем или недостаточно подготовленном организме.

4. Все, кто подвергается такому физическому напряжению, должны получать особенно разнообразную и исключительно обильную пищу. Только в таком случае физическое равновесие может быть сохранено».

24 часа в концентрационном лагере

Имеющиеся в нашем распоряжении описания дают точную картину буден в концентрационном лагере:

5½ час.: встают.

5½—6 час.: уборка соломенных подстилок.

6 час.: выстраиваются в ряд, стоят смирно руки по швам, поднимают руку (фашистский привет). Национальная молитва. Пение «национальных» песен.

6—6½ час.: кофе с черствым хлебом.

6½—7½ час.: маршировка к месту работы или принудительные работы в лагере.

7½—12½ час.: принудительные работы (на каменоломне, по сооружению дорог, выкорчевыванию пней, мытью стен).

12½—1½ час.: крайне скудный обед—три четверти литра водянистой похлебки, почти всегда без мяса и жиров.

1½—5½ час.: свирепая военная муштра и гимнастические упражнения.

5½—7½ час.: принудительные работы.

7½—8½ час.: ужин (как обед); обычно водянистая похлебка или каша, черствый хлеб и несколько граммов колбасы.

8½ час.: вечерняя зоря (этим сигналом старый прусский милитаризм созывал солдат в казармы; без всякого смысла этот сигнал копируется и в концентрационных лагерях, выход из которых ни одному из заключенных не разрешается).

9—5½ час.: сон на деревянных нарах с соломенными подстилками в плохо вентилируемых, до отказа переполненных заключенными лачугах, сараях или заброшенных, полуразрушенных фабричных зданиях.

Вырванные из жизни

Еще хуже, чем описанные выше физические муки, которым подвергаются заключенные, та душевная пытка, на которую они обречены. Вырванные из жизни и своей профессии, они должны отка-

Надпись, которая говорит сама за себя

Во время еврейского бойкота в Дрездене (надпись на витрине гласит: «Чтобы у тебя, еврейская свинья, руки сгнили»).

Хемницкие штурмовики вырезают еврею знак свастики на волосах

Этот фотографический снимок продавался в виде открыток с надписью: «Чистка в Хемнице».

заться от удовлетворения самых элементарных духовных и физических потребностей. Полное отсутствие свободного времени, никаких развлечений, никаких отпусков, ничего, что могло бы заставить забыться, никакой возможности дальнейшего совершенствования. Принудительная работа и маршировка—вот чем заняты заключенные в течение всего дня. «Телеграф» от 5 апреля 1933 г. рассказывает об этом кое-какие подробности.

«Уборных нет, лавочки нет. Купить себе что-нибудь можно только в виде особой милости. Свидания не допускаются. Читать разрешается только национал-социалистическую литературу и несколько классиков, представляющих для рабочих слишком трудное чтение. Курить воспрещено (разрешается лишь в виде исключения—как милость). Письма: по одному в две недели и под цензурой. Заниматься музыкой и спортом не разрешается. Баня—раз в месяц. Другие говорят: бани нет совсем. Передачи с продовольствием не разрешаются».

Корреспондент датской газеты «Политикен» цитирует в своей статье о концентрационных лагерях письма заключенных, которые он видел в цензурном отделении в Хойбергском лагере. Эти письма представляют собой потрясающий вопль терзаемых людей.

«Ах, сколько желаний, сколько печали, сколько несчастья, сколько слез...

Сколько просьб, обращенных к небу, чтобы оно защитило мать, жену, детей, которые простирают свои иссохшие ручки к невидимым решеткам этой тюрьмы»,—говорит корреспондент и приводит следующие выдержки из писем:

«Ах, если бы я мог еще раз прижать к сердцу нашу маленькую Ядвигу!

Если бы мне хоть удалось провести с вами пасху!

Бедная мама, сыта ли ты хоть по крайней мере?»

Так проходят у них дни, недели, месяцы, перед глазами только остроконечный забор и колючая проволока. За этой оградой они должны тупо маршировать или делать бессмысленную работу.

В ожидании смерти

Каждый каторжник может вычислить, сколько дней ему осталось до выхода на свободу. С каждым днем приближается этот желанный момент. Заключенный в концентрационный лагерь не знает, на какое время он взят сюда. На сколько дней или недель, на месяцы, на годы? Рождается надежда и гибнет. Это состояние неизвестности должно довести несчастного до протрации. Варварское обращение, муки неизвестности толкают заключенных на акты отчаяния. В концентрационных лагерях самоубийство—обычное явление. «Телеграф» от 5 апреля 1933 г. пишет о «психозах заключенных» и о многочисленных попытках к самоубийству и совершенных самоубийствах.

Корреспондент «Политекен» сообщает в начале апреля 1933 г. из лагеря Хойберг:

«На мой вопрос капитан Бук отвечает со всей искренностью. Он признается, что в этом лагере нередко случаи самоубийства».

Застрелен при попытке к бегству

В официальной германской печати то и дело появляются сообщения о том, что тот или другой заключенный был застрелен «при попытке к бегству». Лживость этих сообщений очевидна. Лагери охраняются самым тщательным образом. Помимо патрулей штурмовиков, вооруженных с головы до ног, имеются собаки-ищейки и прожекторы, ярко освещающие лагерь по ночам. Заключенные не могут не считать всякую попытку к бегству безнадежным делом. Поэтому действительные попытки к бегству встречаются весьма редко. Тем не менее сплошь и рядом в печати появляются упомянутые сообщения. По известному рецепту фашистское правительство превращает зверские убийства в концентрационных лагерях в «убийство при попытке к бегству».

Лагерь смерти в Дахау

В этом лагере не прекращаются убийства заключенных. По имеющимся детальным сведениям в одном этом лагере за несколько недель произошло четырнадцать случаев убийств.

В середине апреля официальное агентство Вольфа сообщало:

«Мюнхен, 14 апреля. В концентрационном лагере Дахау под Мюнхеном коммунисты предприняли попытку к бегству. Полиция штурмовиков вынуждена была прибегнуть к огнестрельному оружию. Она уложила четырех коммунистов: трое из них были убиты наповал, четвертый опасно ранен».

Командант лагеря подтвердил этот случай английскому журналисту Гейде («Дейли телеграф» от 27 апреля 1933 г.). Агентство Вольфа в этом сообщении благоразумно умалчивает об именах застреленных. Сообщение говорит о коммунистах. Но вскоре общественность узнала, что речь идет вовсе не о коммунистах, а о буржуазных заключенных евреях. Один из арестованных в лагере, которому удалось убежать, следующим образом описывает это варварское убийство четырех безоружных еврейских интеллигентов:

«Несколько дней назад мы как обычно шли на работу. Вдруг арестантам-евреям: купцу Гольдману, адвокату Бенарио из Нюрнберга и купцам Артуру и Эрвину Кан велют выйти из строя. Не говоря ни слова, несколько штурмовиков открывают по ним огонь, хотя не было и намека на какую-либо попытку к бегству. Все четверо были убиты на месте. Всем убитым пули попали в лоб. Трупы были тайно зарыты на кладбище; на похороны никого не пускали. После этого для нас устроили митинг, начальник штурмовиков произнес речь, в которой заявил: «Хорошо, что эти четыре жида убиты, это были чуждые нашей нации элементы, они не имели права жить в Германии, их постигла заслуженная кара».

Хроника убийств в Дахау на этом не прекращается. По прошествии некоторого времени после убийства четырех еврейских граждан агентство Вольфа сообщает о новом случае «побега из Дахау»:

«Мюнхен, 19 мая. Заключенный в концентрационном лагере в Дахау Гаусман, работавший за пределами лагеря, пытался сегодня бежать. Несмотря на неоднократные окрики караульного, он не остановился. Тогда караульный открыл стрельбу и смертельно ранил беглеца».

Как и четыре еврейских заключенных, Гаусман пал жертвой подлого убийства. Кроме этих фактов нам сообщены еще более 20 случаев убийств в Дахау. Мы приводим здесь только те из них, которые по наведенным нами до сих пор справкам подтвердились:

Хунглингер, майор полицейской службы,—якобы «самоубийство».

Себастьян Нефцгер—якобы «самоубийство».

Михаэль Зигман—социал-демократ из Пазинга.

Франц Лербургер—коммунист из Нюрнберга, застрелен «при попытке к бегству»,

Антон Хаусладен—коммунист.

Франц Дрессель—коммунистический депутат ландтага.

Иозеф Гетц—коммунистический депутат ландтага.

Доктор Альфред Штраус—адвокат из Мюнхена, застрелен «при попытке к бегству».

Вильгельм Арон—кандидат на судебные должности из Бамберга—«застрелен при попытке к бегству».

Кроме того пропали «без вести» в лагере Дахау:

Макс Холи—секретарь южнобаварской «Красной помощи».

Гирш—коммунистический гласный городской думы.

Иоган Викман.

Зверское убийство депутатов ландтага Дресселя и Гетца

Из всех, ставших до сих пор известными, случаев убийств в лагере Дахау убийства обоих коммунистических депутатов Дресселя и Гетца самые потрясающие. Возможно, что это зверское убийство тоже осталось бы неизвестным или же жертвы его фигурировали бы в правительственной прессе в числе «застреленных при попытке к бегству», если бы по счастливой случайности не удалось бежать их товарищу по заключению в лагере, коммунисту—партийному работнику Беймлеру, очевидцу их убийства. Беймлер тоже подвергался в лагере жестоким истязаниям, его тоже ожидала смерть, но ему удалось бежать, несмотря на нанесенную ему тяжелую рану. Об убийстве депутатов Дресселя и Гетца он—Беймлер—сообщает следующие факты:

«Эти звери пытали Дресселя до тех, пор, пока не наступила смерть. Тогда они бросили голое тело на пол камеры. Оно имело страшный вид: все в кровоподтеках, синяках, все покрытое

ранами и черной затекшейся кровью. От несчетных ударов руки набухли примерно на 10 сантиметров. Руки и ноги походили на безобразно вздувшиеся иссиня-черные мешки. Труп лежал лицом к полу, одна рука была насильственно вывихнута, артерии были разрезаны, кроме того из руки были вырезаны куски мяса в виде треугольников. Рядом лежал нож, чтобы симулировать самоубийство. Когда штурмовики прикончили Дресселя, они начали петь и играть и устроили настоящее празднество. Дрессель был погребен 10 мая в деревушке Бриттельбах у Дахау.

Негодяи из «Специального отряда» бросили ничем не прикрытый труп в ящик. Все присутствующие при погребении ужаснулись при виде зверски изуродованного тела.

Коммунист Зепп Гетц уже за несколько недель до смерти оглох вследствие неслыханных истязаний. Фашисты продолжали изо дня в день избивать его. Они застрелили его почти в то же время, когда убили Дресселя. Тело Гетца было предано кремации 12 мая».

Коммунисту Беймлеру в первые дни его пребывания в Дахау не давали даже хлеба и воды. Его били по голому телу с головы до пят. Палачи употребляли при этом как орудие пытки узловатые воловьих хвосты длиной в метр. Бандиты из спецотряда впихнули Беймлера в камеру, в которой находился труп Дресселя, и, издеваясь, указали на труп.

— Ты должен сделать так же, как и он,—сказали они Беймлеру. При этом они показали на нож.—Мы положили здесь нож не для того, чтобы резать хлеб. Потом они хотели заставить Беймлера повеситься. Грозили ему, что если он на следующее утро не повесится, то они сами его повесят. Конечно бесстыжая пресса, помещающая все, чего требуют фашисты, напечатала бы заметку: «Коммунист Беймлер найден повесившимся в своей камере».

Перед лицом этой смертельной опасности Беймлеру удалось бежать.

По понятным причинам мы не рассказываем, каким образом ему удалось побег. В одних чулках, почти без одежды, Беймлер со сверхчеловеческим напряжением воли—все тело его было истерзано и избито—добрался до Мюнхена, где его укрыли и потом отправили дальше рабочие-революционеры».

Правительственная пресса утверждала, что Дрессель совершил самоубийство.

Концентрационный лагерь в Дахау не является исключением. В других лагерях тоже происходят подобные убийства. В лагере Кенигштейн был убит коммунист Гумберг (из Гайденау).

Если из одного лагеря в Дахау за несколько недель имеются сведения о четырнадцати случаях убийств, то можно представить себе, сколько жертв пало в 45 концентрационных лагерях; о них пока знают только сами палачи.

Никакие пытки не сломят силу духа у антифашистов

Несмотря на все душевные и физические пытки, которым подвергаются заключенные в концентрационных лагерях, несмотря на постоянную угрозу смерти, пленники фашизма остались верны своим антифашистским убеждениям.

30 апреля 1933 г. «Дейтче альгемейне цейтунг» писала:

«Еще не раскрыты все тайные склады оружия. Злая воля и упрямый фанатизм еще не желают признать, что для Германии прошло время большевистских экспериментов. В этом отношении показательно, что еще недавно заключенные сумели во время свидания с родными (?) тайком передать разные документы».

Корреспондент газеты «Политекен» пишет о своей беседе с капитаном Буком и лейтенантом Кауфманом:

—Об арестованных они говорят без ненависти, но с величайшим недоверием, причем последнее относится не столько к тем, кто открыто объявляет себя врагами фашизма, сколько к «скверным противникам», притворяющимся сочувствующими фашизму...

Люди словно улитки. Когда вы говорите с ними, чтобы убедить их, просветить их ум, они со всем соглашаются. Они как будто разделяют наши взгляды и наконец завоеваны для доброго дела. Но в душе у них ничего не изменилось. Они остаются врагами, как и прежде.

Это—слова лейтенанта Кауфмана, а Бук прибавляет:

«Хуже всего доктора и интеллигенты. А между тем им следовало бы поучиться у нас и воспринять наши истины. Но им хоть бы что. Они совсем бестолковые. Их нам придется дольше всех держать в лагере».

В Бремене и других местах отпущенные коммунисты были снова арестованы, так как они продолжали бороться с фашизмом. Начальник мюнхенской полиции выступил с речью, в которой между прочим сказал:

«Освобождать этих партийных работников невозможно. Мы сделали несколько таких попыток, но оказалось, что арестованные пытаются продолжать подстрекательство и прежнюю организационную работу».

Сила убеждения и боевой дух узников фашизма не сломлены. Помещаемое ниже бесхитростное письмо является героической эпопеей пролетарской борьбы:

«Несмотря на все преследования, наши товарищи остаются верны партии. Хотя у них и нет налаженной связи с нами, они занимают определенную позицию по всем политическим вопросам. Национал-социалистический «Курьер» осведомляет их о всех событиях, а их марксистская школа позволяет со-

ставить себе правильное представление о создавшемся положении. К тому же, несмотря на всю цензуру и изоляцию, невозможно устранить всякую связь с нами. Стража не может уберечься от марксистского влияния. Не будем говорить о деталях. Одно ясно: пребывание в концентрационном лагере закаляет товарищей, усиливает их верность партии».

Десятки тысяч людей в предварительном заключении и в тюрьмах

В настоящее время в концентрационных лагерях Германии находится от 35 до 40 тыс. заключенных. Но этим не исчерпывается в Германии число заключенных по политическим делам. Сюда надо прибавить тех, которые томятся в домах предварительного заключения или же переведенных после суда в обыкновенные и каторжные тюрьмы. Число их с каждым днем растет. Ежедневно печать сообщает о новых массовых арестах; особенно велико было число арестов в последние недели июня. По сообщениям газет, в день происходило до тысячи новых политических арестов. Так например за один день тайная государственная полиция арестовала:

В Зенфтенберге (небольшой город в Нидерлаузицком угольном бассейне) 267 работников социал-демократической партии, в Бремене свыше 80 и сотни в Брауншвейге, Гамбурге, Саксонии, Берлине, Штутгарте и т. д.

О том, сколько политических заключенных находится в домах предварительного заключения и тюрьмах, можно судить лишь приблизительно, так как официальные данные не сообщаются. Если принять число их в 12—15 тыс., то эта цифра будет скорее преуменьшенной, нежели преувеличенной.

Дома предварительного заключения переполнены до отказа. Вышедшие из них рассказывают о кошмарных условиях в битком набитых тюрьмах. В камеры, где едва хватает воздуха и помещения для одного человека, сажают 5 и более. Часть заключенных за отсутствием коек вынуждена спать на голом каменном полу; не хватает одеял, и питание совершенно недостаточно и плохого качества. Фашистское правительство организовало внутри созданной им тайной государственной полиции специальные отделы для Германии в целом, отдельных областей и некоторых городов. Эта полиция с помощью охранной полиции, вспомогательной полиции и полиции штурмовых отрядов оцепляет целые рабочие кварталы и затем производит массовые аресты. При этом царит полный произвол. Достаточно доноса, последовавшего из личной вражды, чтобы быть арестованным.

Для бесцеремонности и грубости, с которой теперь действуют, характерна следующая объявленная инструкция государственного комиссара гессенской полиции:

«1. Лица, у которых будут найдены нелегальные прокламации, подвергаются полицейскому аресту впредь до дальнейшего распоряжения. Лицам, представившим эти прокламации в полицию, не угрожает никакое преследование.

2. В случае распространения в каком-нибудь районе (городе или округе) нелегальных прокламаций, подвергаются впредь до дальнейшего распоряжения строгому полицейскому аресту (в арестной камере, на арестанской пище и т. д.) все руководители данного направления (германской коммунистической партии, германской социал-демократической партии и т. д.).

3. Полицейские чины и особые отряды должны при облавах немедленно пускать в ход оружие против распространителей прокламаций, не остановившихся при первом окрике».

Среди лиц, содержащихся теперь в предварительном заключении, находятся многие известные деятели германской коммунистической и социал-демократической партий, а также многие представители демократической и народной партий и католических и даже националистских партийных организаций.

Из политических вождей одним из первых был арестован вождь германской коммунистической партии Эрнст Тельман. Он был схвачен 3 марта в Берлине-Шарлоттенбурге и отвезен в тюрьму. Во всех верных правительству и «унифицированных», т. е. фашизированных газетах было объявлено, что арест его произошел в связи с поджогом рейхстага. Это имело целью создать настроение для всех дальнейших унижений и оскорблений, которыми думали морально *сразить* революционного вождя. Известно, что мимо открытой камеры Тельмана пропускают целыми днями штурмовиков словно на осмотр дикого зверя. Толпам любопытных молодых парней разрешается проходить с похабной руганью мимо пролетарского кандидата в президенты республики, вождя партии, получившей шесть миллионов голосов.

Терроризируют арестами

За границей трудно составить себе представление о технике арестов, которые со времени прихода Гитлера к власти стали повседневным делом для полиции и штурмовых отрядов. В каком-нибудь районе города появляется нелегальная прокламация. Следует донос полицейского или сторонника фашистов. Немедленно мчатся автомобили «полиции особого назначения», оцепляется весь район, обыскивают все дома с чердака до подвалов, конфискуют книги и пишущие машинки и нередко арестовывают совершенно не причастных граждан. Малейший протест немедленно влечет за собой побои и истязания. На тех, кто возражает против конфискации накладывают наручники и их арестовывают.

Приведем несколько заголовков газетных сообщений без особого выбора за несколько дней. Эти заголовки показательны для деятельности властей по части арестов.

«Арестовано 70 коммунистов» («Фелькишпер беобахтер» от 10 апреля 1933 г.).

«Большие облавы в Эрфурте, Дрездене и Альтоне» («Берлинер тагеблат» от 25 апреля 1933 г.).

«Обыски в Шарлоттенбурге» («Дейтше альгемейне цейтунг» от 29 апреля 1933 г.).

«Арестована социал-демократическая фракция мюнхенского муниципалитета» — «С.-д. члены городской управы не утверждены» («Д. А. Ц.» от 12 апреля 1933 г.).

«Облава на Бюловплац», «Аресты коммунистов в Штутгарте» (270 арестов и 400 обысков), «Арест группы коммунистических заговорщиков в Мейсене», «Большая облава в северной части Берлина» («Д. А. Ц.» от 12 апреля 1933 г.).

Сотни таких сообщений можно найти во всех германских газетах за месяцы март, апрель, июнь, май, июнь, июль. В конце июня, когда были распущены социал-демократическая партия и «Боевой союз молодых националистов», преследования усилились. Вместо сотен бросают теперь в тюрьмы тысячи людей.

С начала июля правительство Гитлера стало арестовывать в качестве заложников родственников бежавших рабочих вождей. Наибольшую известность получил случай с арестом пяти родственников Шейдемана, но это только один из многих случаев.

Терроризируют посредством судебных приговоров

С 27 февраля германские прокуроры завалены работой. Во всех больших городах Германии заседают чрезвычайные трибуналы. Поток доносов доставляет каждый раз новые жертвы национал-социалистическим трибуналам. Обвинения носят столь же произвольный характер как и приговоры.

Арестованные часто сидят в тюрьме в продолжение целых недель, не будучи допрошены, после чего их освобождают. Но и после освобождения они все время находятся под угрозой и во многих случаях должны даже регулярно являться в полицию для регистрации. Их освободили только вследствие переполнения тюрем и необходимости очистить место для новых жертв.

По каким ничтожным поводам выносятся суровые приговоры. показывают например следующие сообщения:

«Чрезвычайный суд в Берлине в районе Моабит приговорил безработных рабочих Макса Циглера и Рихарда Шретера к 1 году 3 месяцам и к 1 году 6 месяцам тюремного заключения за то, что Циглер, член германской коммунистической партии, распространял на «Вебервизе», в восточной части Берлина, экземпляры подпольной «Роте фане», полученные им от Шретера».

«Чрезвычайный суд в Дармштадте приговорил за напечатание и распространение прокламации одну комсомолку к восьми месяцам тюрьмы, комсомольца — к пяти месяцам. Осужденным — 16 лет!».

Очень часты случаи осуждения за так называемую «травлю по поводу зверств». Несколько таких приговоров вынес например чрезвычайный суд в Берлине в районе Моабит; за один день он вынес четыре таких приговора. О громадном числе арестов можно судить со слов следователей, заявлявших родственникам арестован-

ных, что раньше четырех недель нельзя ожидать решения относительно ареста, так как прокуратура, несмотря на увеличение штатов вдвое, не в состоянии одолеть накопившееся множество дел.

Показателен для проявления террора следующий факт. Жены арестованных жалуются, что им лишь в самых редких случаях удастся найти адвоката, который решился бы взять на себя защиту антифашиста.

Число судебных процессов невозможно установить: их насчитывают десятками тысяч. Число арестов растет с каждым днем дальнейшего пребывания Гитлера у власти. «Объединившийся немецкий народ» приходится десятками тысяч тащить в кутузку, для того чтобы правительство «национального подъема» могло продолжать свое существование.

Положение арестованных усугубляется еще тем обстоятельством, что правительство Гитлера запретило в Германии «Красную помощь», которая в течение многих лет неустанно заботилась о семьях политических узников. Несмотря на самые ожесточенные преследования, «Красная помощь» продолжает свою работу в Германии. Ей деятельно помогают в этом организации Мопра во всех странах и возникшие по инициативе Мопра «комитеты помощи жертвам гитлеровского фашизма».

Немцы никогда еще не жили в столь тревожных условиях, как с того момента, когда Гитлер издал свои распоряжения «для охраны государственной безопасности». Тысячи людей состоят под надзором полиции, десятки тысяч живут в ожидании ареста, в состоянии полного бесправия. В любое время дня и ночи фашистские опричники или официальная полиция могут постучаться в квартиру любого немца.

Тем временем декреты правительства возвещают на полицейском жаргоне: «В Германии господствуют спокойствие и порядок».

Это—спокойствие кладбища.

Это—порядок каторги.

ВАКХАНАЛИЯ УБИЙСТВ

Покатятся головы, да, покатятся головы (слова Гитлера на процессе, разбиравшемся в Верховном суде в 1930 г.).

В Германии—вакханалия убийств. Из казарм штурмовиков то и дело вывозят в заколоченных гробах изуродованные трупы. В глухих лесах находят обезображенные до неузнаваемости тела. Реки приносят к берегам связанные трупы убитых. В моргах выставлены трупы «неизвестных».

Газыгрываются сотни жестоких трагедий. Ночью на глазах у жены штурмовики с револьверами и нагайками в руках поднимают мужа с постели. Жена знает, что уже не увидит мужа живым. На другое утро она находит его с разбитым черепом, с искаженным лицом, с десятком ножевых ран. В газетах коротенькая заметка: «убит при попытке к бегству»,—если только вообще об этом появится сообщение в газетах. В бессильном отчаянии мать день и ночь слышит стоны и крики своего истязуемого сына. Она еще не теряет надежды, что он останется в живых. Но через несколько дней приходит сообщение, которого так опасались,—«предлагают взять его тело».

Человека «забрали» ночью. На всю улицу раздаются его крики из казармы штурмовиков. На утро его нет в живых. Другого топчут ногами, избивают и пытаются, пока он, обезумев, не бросается из окна. Палачи издеваются: «он пытался бежать из окна третьего этажа». Третьего находят в пролете лестницы с переломанными костями. Четвертый лежит с отбитыми почками; наружных ранений почти не видно, но он мочится кровью и вскоре умирает.

В Германии—вакханалия убийств, коварных, зверских, планомерных убийств. Разве «легенды» о фашистских зверствах в иностранных газетах в состоянии были бы дать хотя бы приблизительно картину о тех действительных ужасах, которые именем правительства Гитлера и по его заказу денно и поочно творятся в казармах штурмовиков и в концентрационных лагерях, на улицах рабочих кварталов и в лесной глуши! История учит, что господствующий класс обреченного на гибель общественного строя пытается удержать свое господство с помощью бесчеловечного террора. Германия Адольфа Гитлера—лишний пример тому.

Во время мировой войны велись списки убитых. Воюющие стороны даже обменивались этими списками. Правительство Гитлера не столь «либерально», чтобы обнародовать списки своих жертв.

Оно предаёт гласности только незначительную часть этих фактов, только те случаи убийств, которые не могут быть скрыты либо вследствие популярности личности убитого, либо вследствие большого числа людей, знающих об убийстве. Сообщение в таких случаях обычно гласит: «застрелен при попытке к бегству», или придумают какую-нибудь другую ложь. Горе тому, кто сделает попытку добраться до истины! Его ожидает та же судьба—пытки и смерть.

Сотни убийств, совершенных по поручению руководителей штурмовых отрядов, останутся при правительстве Гитлера безнаказанными. 22 марта объявлена была всеобщая амнистия по всем уголовным деяниям, «совершённым в борьбе за национальный подъём». Эта всеобщая амнистия оправдывает все уже совершённые и могущие быть совершёнными убийства. 23 июля Геринг снова гарантировал безнаказанность за самые жестокие деяния, совершённые «ради дела национального подъёма».

Товарищи Гитлера из Потемпы

Не существует полной сводки жертв, павших от пуль и ножей штурмовиков ещё в месяцы, предшествовавшие приходу Гитлера к власти. Эти жертвы исчисляются сотнями, это—социал-демократические, христианские, коммунистические и беспартийные рабочие. Волна фашистского террора особенно поднималась тогда, когда национал-социалистическая партия боролась с острыми политическими затруднениями или когда упорное сопротивление рабочих грозило задержать её продвижение к власти. В ночь после исльских выборов 1932 г. последовали покушения с бомбами и ручными гранатами, нападения в целях убийства на социал-демократов, коммунистов и демократов. Во многих городах эти нападения произошли в один и тот же час, и, очевидно, были в точности согласованы. В январе 1933 г. при правительстве Шлейхера, число национал-социалистических террористических актов снова очень быстро растёт. После назначения Гитлера рейхсканцлером террор штурмовиков с каждым днём принимает всё более безудержный характер. За одну первую половину февраля печать сообщила о 27 случаях убийств рабочих и работниц¹.

Уже до 30 января штурмовые отряды имели свою хорошо продуманную технику покушений, Местные штурмовики вели пред-

¹ 1/II. Гельмут Шефер (Фельберт), Франке и Ганс-Гассе (Вильгельмсбург); Пауль Шульц (Берлин); 2/II. Гсфз (Альтона), Вильгельмина Шкрут (Гамбург), 3/II. Кэте Зенгольд (Дуйсбург), Эрвир Бернер и Альфред Коллати (Берлин), Веттман; 5/II. Анна Редер (Берлин), Вальтер Штейнфельд (Бреславль), Бадер (Геттинген), Пауль Фишер (Хемниц), Герман Кастед (Стасфурт); 6/II. Мартин Лейшель (Вильгельмсбург); 7/II. Роберт Ратке (Кельн); 8/II. Вильгельм Эссер (Гладбах-Рейдт); 9/II. Генрих Лаппст (Кельн); 11/II. Сцифлик (Геклинген); 12/II. Барникау (Ассельн-Дортмунд), Йозеф Менг (Бенсгейм), сельскохозяйственный рабочий в Гросс-Юстине; 14/II. Отто Гельм и Вальтер Шнейдер (Эйслебен), Шток (Кельн-Кальк); Курт Лер (Дуйсбург-Орт).

варительную слежку и подготовляли убийство. Банды, состоящие из иногородних штурмовиков, появлялись всегда в большом составе, часто действуя из засады. Уложив несколько противников, они немедленно исчезали из данной местности, большей частью на автомобилях. Ряд покушений и расстрелов произведен был из быстро мчавшихся автомобилей и мотоциклов. Пули попадали в помещение, где собирались рабочие, и настигали свои жертвы, а убийцы исчезли, прежде чем можно было подумать об опознании их или о защите.

Напомним здесь о зверском убийстве, происшедшем летом 1932 г. в местечке Потемпа в Верхней Силезии. Это убийство встретило открытое одобрение Гитлера, что заставило заговорить весь культурный мир. Бригада поножовщиков-штурмовиков, предварительно выпив для храбрости в кабаке, ворвалась в квартиру коммунистического рабочего и буквально растоптала его на глазах у его старухи-матери. Когда на суде обнаружили все обстоятельства этого зверского убийства и нескольким убийцам были вынесены смертные приговоры, Гитлер публично солидаризовался с убийцами и назвал их в телеграмме «мои товарищи». Правительство фон-Папена смягчило им наказание и отменило смертную казнь. Сейчас же после 5 марта, еще до объявления всеобщей амнистии, эти убийцы были полностью освобождены Гитлером и снова пущены против рабочих.

Маскировка убийств

Как и всюду в этой книге, мы приводим здесь только тщательно проверенный материал. Мы ограничиваемся преимущественно сведениями из следующих двух источников: свидетельскими показаниями из Германии, полученными от лиц, переживших данные события, и известиями фальсифицированной германской прессы. Сообщения прессы не только содержат официальное подтверждение убийств, но ярко показывают также те неуклюжие способы, с помощью которых национал-социалисты стараются замести следы своих преступлений, причем часто сами себя невольно выдают.

В марте появлялись еще сообщения о политических убийствах, составленные самими газетами. Правда рабочая пресса к тому времени была уже ликвидирована, а пресса, занимавшая «средние» позиции, до того запугана, что обычно не решалась печатать даже самые надежные известия.

Однако несмотря на пресмыкательство прессы, в нее все еще проникало столько компрометирующих известий, что правительство Гитлера стало опасаться за свой престиж. Тогда к местной цензуре национал-социалистических комиссаров при газетах и к «самодензуре» газет прибавили централизованную цензуру министерства пропаганды. 2 апреля можно было прочесть открытое признание, что в «третьей империи» информация об убийствах является делом не полиции и печати, а пропаганды:

«Берлин, 2 апреля (агенство Вольфа).—Имперское правительство дало указание всем информационным агенствам о

том, что сообщения о происшествиях в Германии... не должны опубликовываться без специального разрешения отдела печати министерства пропаганды. Запрещается всякое изменение разрешенного текста публикуемых сообщений».

Благодаря централизации цензуры известия принимают схематический характер. Фашизированная пресса строго следует существующим правилам. Она редко дает конкретную картину обстоятельств дела. Если приводятся более или менее подобные указания, то противоречия в деталях тотчас обнаруживают их лживость.

Все яснее вырисовываются различные виды фальсификации. Во-первых, нахождения тел якобы неизвестных лиц. В большинстве случаев полиция оказывается в состоянии немедленно опознать убитых, они уже за несколько дней до того фигурировали в числе «пропавших без вести» или «увезенных». Факт опознания скрывается от общественности или же сообщается лишь по прошествии многих недель и по возможности, так, чтобы не вызвать шума. К этой категории относится ряд случаев с непокорными штурмовиками, убитыми по приговору тайных судилищ.

Во-вторых, в связи с волной самоубийств, которая с 5 марта сопутствует фашистскому террору, власти пытаются представить очень многие убийства в виде самоубийств.

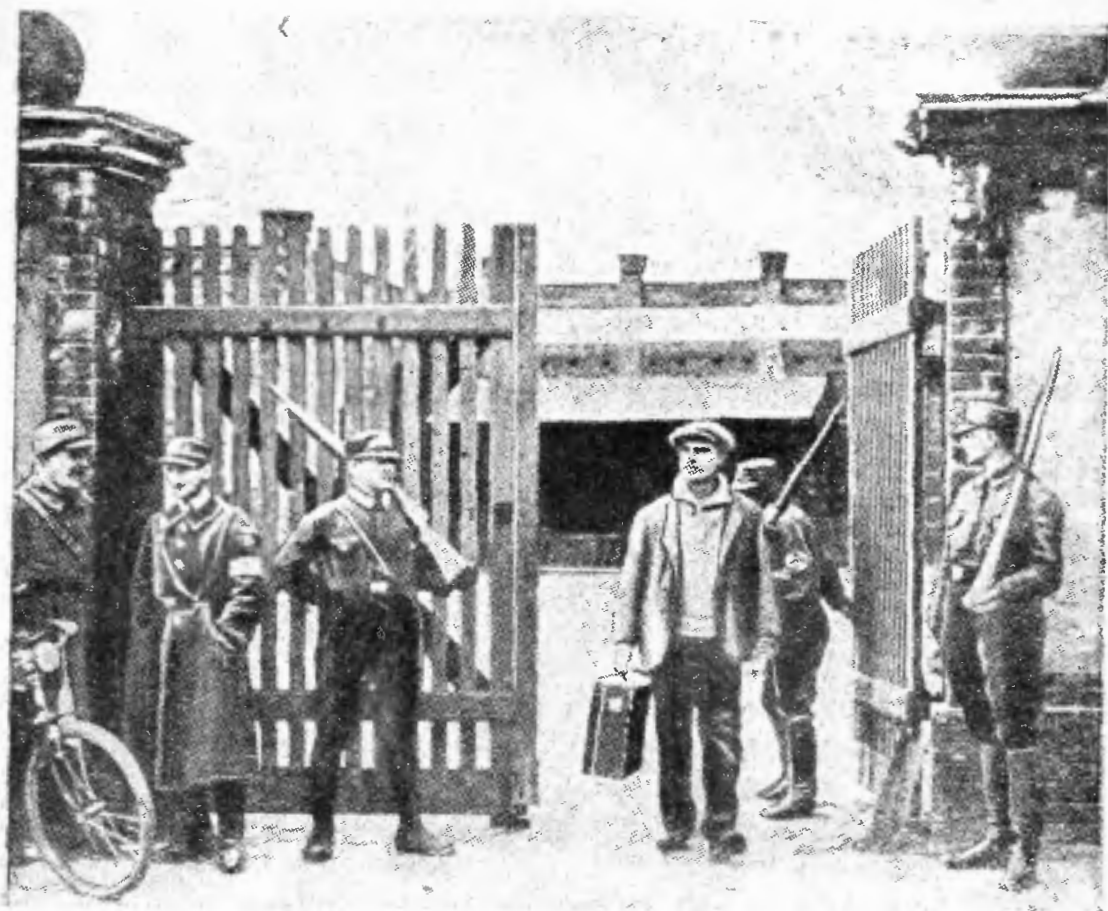
Как неуклюже производится порой этот обман, показывает официальное сообщение об убийстве члена магдебургской городской управы Крессе:

«Магдебург, 14 марта («Телеграфен унион»). В Фельгелебен близ Магдебурга в воскресенье поздно вечером произошло кровавое столкновение в одной пивной, служившей помещением для предвыборных собраний. Как только в помещение вошел приехавший из Магдебурга социал-демократический член городской управы Крессе, он был по требованию нескольких штурмовиков арестован присутствовавшей здесь полицией. В одной из боковых комнат Крессе вступил в перебранку со штурмовиками и дал выстрел по национал-социалистам. Этим выстрелом был тяжело ранен руководитель бригады штурмовиков Густав Леман. Все присутствовавшие бегом оставили помещение, в которое затем последовало несколько выстрелов с улицы. Вскоре после этого Крессе нашли в помещении мертвым с простреленной головой. В настоящее время производится вскрытие трупа, чтобы установить, не покончил ли Крессе с собой после того как стрелял в национал-социалистов, или же он был убит одной из пуль, влетевших в помещение с улицы».

В прессе национал-социалистов замечается тенденция смаковать подобные сообщения как сенсацию. 25 апреля «Фелькишер беобахтер» подает своим читателям один из самых кошмарных случаев линчевания под маской «самоубийства», причем уже из самих деталей ясно, что о самоубийстве здесь не может быть и речи:

«Страшный случай самоубийства. Человек натер себя дегтем и сгорел. Один местный житель совершил в своем летнем домике на Горнер Моор дикое самоубийство. Рядом с домиком помещается сарай, в котором в числе прочего находилась боч-

Вход в концентрационный лагерь Ораниенбург

Уводят молодого рабочего. Куда? Может быть через несколько часов газета уже сообщит: «Застрелен при попытке к бегству»

ка дегтя. Зайдя сюда, самоубийца снял с себя часть одежды, натер себя сверху донизу дегтем и затем поджег бочку. В произошедшем пожаре он погиб. Причину самоубийства надо искать в тяжелом душевном состоянии. Домик сторел дотла. Самоубийца был женат и имел несколько детей».

Такого рода сообщения похожи на бульварный роман: сообщая жуткие детали, стремятся устранить вопрос о мотивах и внутреннем смысле самого факта.

В-третьих, если в результате истязаний жертва скончалась в больнице, то пытаются представить дело так, как будто речь идет о естественной смерти. В ряде случаев (например случай с д-ром Экштейном в Бреславле) официальная информация не останавливается перед оклеветанием убитого и после смерти. Это достигается версией о мнимой венерической болезни.

В-четвертых, смазывают политический характер убийства. В таких случаях отсутствуют самые элементарные указания на мотив преступления и личность преступника, так как они тотчас же навели бы на правильный след. Циничная лаконичность и бессодержательность этих сообщений напоминают мертвые шаблоны военных бюллетеней.

«Полиция сообщает: В субботу вечером несколько лиц заставили кровельщика Гензлера отправиться вместе с ними в дом № 21 по Лессингштрассе. Вскоре, затем жильцы дома услышали ряд выстрелов. Гензлера нашли на чердаке с тяжелыми ранами. Его отвезли в больницу, где он вскоре после этого умер. Преступники скрылись и остались неизвестными» («Германия» от 15 мая).

В-пятых, в тех случаях, когда все прочие ухищрения оказываются нецелесообразными и нельзя скрыть, кто кого убил, а также того, что человека убили из-за его политических убеждений, прибегают к формуле, которая со времени убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург получила вполне определенный смысл: «застрелен при попытке к бегству». Приводим официальные сообщения об убийстве Гейнца Бесслера. Они показывают, с каким откровенным цинизмом пользуются этим методом.

I. «Франкфуртер цейтунг» от 5 апреля из Дюссельдорфа четвертого апреля (Бюро Вольфа):

«Сегодня утром вспомогательной полиции удалось арестовать на улице коммунистического вожака *Бесслера*, которого давно искали. Во время личного обыска арестованный воспользовался моментом, когда внимание полицейских было отвлечено, и пытался бежать. Так как после неоднократных окриков он не остановился, полиция прибегла к огнестрельному оружию.

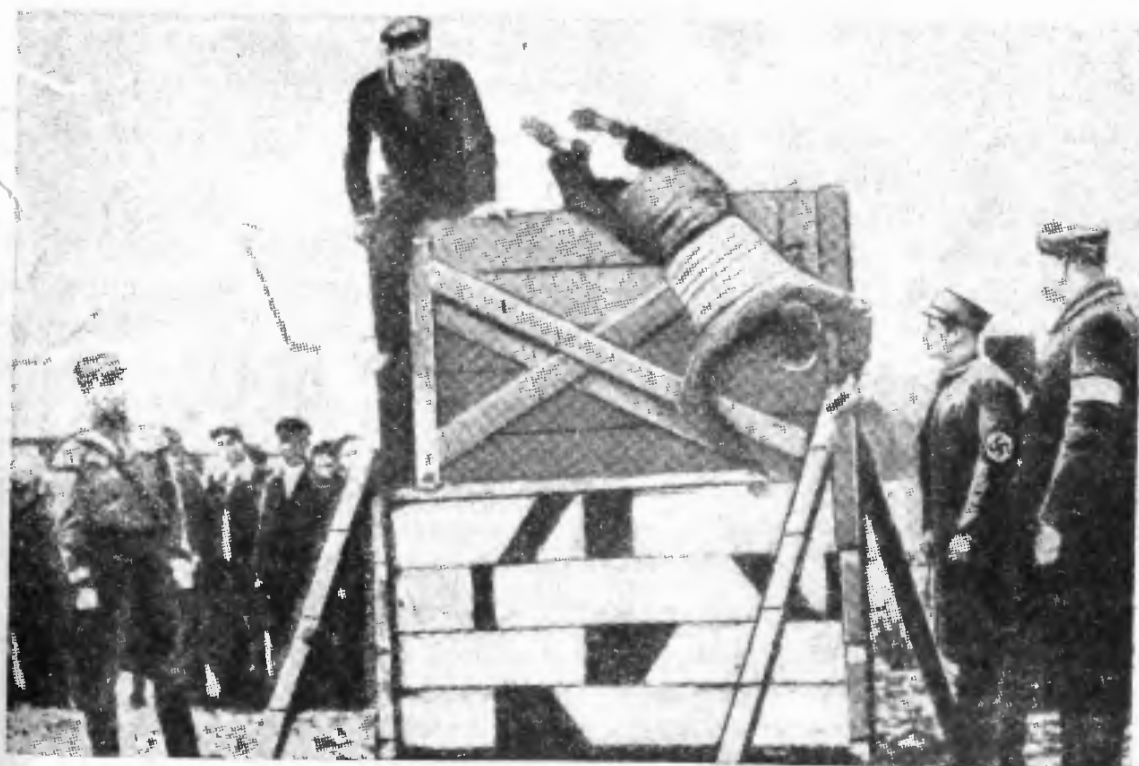
Одна пуля тяжело ранила Бесслера. Он был доставлен в больницу, где вскоре после этого умер».

II. «Ангриф» от 5 апреля сообщает из Дюссельдорфа: «По сообщению полиции 4 апреля около шестнадцати часов (!) коммунистический партийный работник *Бесслер* был арестован у себя на квартире членами специального штурмо-

Заключенные в концентрационный лагерь Ораниенбург каждый день в течение нескольких часов подвергаются военной муштре. При этом не считаются ни с болезнью, ни с преклонным возрастом.

вого отряда. При обыске в квартире найдены были две пачки динамита. Кроме того забраны были документы. На пути в полицию Б. пытался бежать. Несмотря на неоднократные крики: «Стой!» и на несколько выстрелов, данных для предостережения, Б. продолжал бежать. Он был тяжело ранен в спину и умер вскоре после того, как его доставили в больницу».

(В действительности же квартира Бесслера была оцеплена уже ночью. Рано утром его забрали и застрелили на улице. Противоречия в официальных сообщениях не устранимы. «Динамит» не был найден, это чистый вымысел. А «выстрелы», данные для предостережения, метко попали в цель!)

«Застрелен при попытке к бегству»—это фашистская формула для охоты на человека. Вышеприведенные газетные сообщения сами являются одним из составных элементов этой охоты. Охота эта носит такой же террористический характер, как и весь гитлеровский режим.

Число политических убийств резко упало

«Дейтше альгемейне цейтунг» напечатала в мае 1933 г. под заголовком «С момента прихода к власти национального правительства резко упало число политических убийств» заметку следующего содержания:

«Как сообщает прусский министр-президент и министр внутренних дел Геринг через начальника тайной государственной полиции, со времени национального подъема заметно сократилось число актов насилия со смертельным исходом, совершенных по политическим мотивам. Почти одновременно с приходом к власти национального правительства энергичные меры пресечения, принятые новым правительством вместе со смягчением политических противоречий, вытекающим из победы национального движения, привели к быстрому сокращению числа случаев насильственной смерти. Тогда как прежде число их все время держалось на одном уровне, теперь оно в апреле месяце упало до 2 случаев, что является самой низкой цифрой за весьма продолжительный период».

В те самые дни, когда фашистское правительство распространяло это «коммюнике» с его прозрачной тенденцией, сообщалось—тоже официально—«что в один только берлинский морг поступило за апрель месяц 46 трупов с обезображенными до неузнаваемости лицами». Сама фашистская пресса признала в своих сообщениях свыше 50 случаев политических убийств в апреле месяце и называла имена убитых.

В дальнейшем мы приводим описания некоторых из самых потрясающих случаев убийства рабочих и интеллигентов членами штурмовых отрядов. В этих описаниях имеются столь жуткие, дикие моменты, что фантазия читателя отказывается следовать за ними и им овладевают сомнения. Увы, эти описания, к несчастью, соответствуют истине. Они подтверждены многочисленными свидетельствами, часто самими убийцами и вскрывают правду об ужасах «третьей империи».

„Этот поступок не был немецким поступком“

4 апреля 1933 г. был убит штурмовиками в Дюссельдорфе рабочий-коммунист Гейнц Бесслер. Выше мы привели сообщения «Франкфуртер цейтунг» и «Ангриф», которые нагло лгут, утверждая что Бесслер был застрелен «при попытке к бегству». Гейнц Бесслер был убит по приговору тайного фашистского судилища. До декабря 1930 г. он входил в национал-социалистическую партию и был руководителем штурмового отряда. Он знал закулисную сторону фашистского обмана и проникся отвращением к нему: в декабре 1930 г. он выступил из рядов штурмовиков. Он искал и нашел путь в коммунистическую партию. Вот за что он был убит. Этот молодой рабочий после тяжелой душевной борьбы и серьезного изучения политической литературы покинул ряды национал-социалистов и вступил в партию революционного рабочего движения. Помещаемое ниже письмо очевидца разоблачает преступление фашистов во всей его зверской жестокости. Оно заслуживает распространения в миллионах экземпляров.

«Ах! Если бы наш дорогой Гейнц еще был жив! Я не могу постичь этого. Но бог отомстит за это убийство. Этот поступок не был немецким поступком.

*Tot war keine deutsche Tat.
Morgen, also Freitagmorgen im
4 Uhr wurden wir von F. S. S.
Soldaten & Kriminalbeamten
aufgeweckt. Mit Revolver wurden
wir in Hölle gehalten, Keingel
musste mit ansehen und musste
mitgehen. Wir mussten die Tür
schließen & dürfen die Fenster
nicht öffnen. O Gott wie schrecklich
haben wir uns und Keingel be-
handelt. Die Herren haben uns
am 3 Uhr schon abgeführt und*

*am 4 Uhr kamen sie zurück und
haben uns ins Gefängnis
und auf der Straße. Haben uns
einmal standrechtlich. O wie
müde der arme Ling gelitten haben
wie ich sehr mitgedrungen. Er
hat 3 Herzschläge im Arm aus
Hals sein Beckenstücken und dann
noch 3 Schüsse im ganzen Rücken.
Ich das kann Baumstamm, aber er
wurde gerollt. Sie haben ihn dann
liegen gelassen & haben haben ihn
gefunden, wie einen Stein.*

Факсимиле письма об убийстве штурмовиками
Гейнца Бесслера.

«Во вторник рано утром, около 4 часов, нас разбудили семь человек из защитного отряда и два чиновника уголовного розыска. Они угрожали нам револьверами. Они заставили Гейнца одеться и пойти с ними. Нам приказано было запереть двери и не отворять окон. О, боже, как жестоко они поступили с нашим Гейнцем! Уже в три часа они оцепили улицы, а в четыре они явились к нам. А затем они взяли его с собой и расстреляли его на Штернштрассе, точно это был военно-полевой суд. Ах, что должен был вытерпеть мой бедный Гейнц! Почему я не пошла с ним! В него попали восемь пуль, три в сердце,

по одной—в руку и живот и затем еще две пули. Разве это не убийство по заговору! Но за него отомстят. Они оставили его лежащим на земле, и крестьяне подобрали его как собаку. Я не могу поверить этому. Я немедленно побежала утром к г. М., ибо Гейнц сказал мне: поди сейчас к нему и расскажи ему об этом, так как М. обещал мне, что поможет мне. Но как он ему помог! Гейнц слишком доверял людям. Фрау Л..., если бы вы видели теперь Гейнца мертвым, вы призвали бы бога в судьи, так они его истязали. Я не могу забыть этой картины. Как можно так истязать бедного беззащитного человека! А затем эти лживые газеты и их сообщения, будто Гейнц был застрелен при попытке бежать и будто они нашли две пачки динамита. Такая подлость! И нельзя добиться справедливости. У него не нашли даже револьвера или какой-нибудь жалкой бумажки. Нашли только мои любовные письма и несколько тетрадей. И вдруг такая травля в газетах! Но я призываю бога в судьи в этом жестоком и подлом деле... Здесь все так потрясены этим делом и не могут понять, как эти люди в состоянии были так подло и низко убить безоружного человека. Похороны будут в субботу в половине второго на южном кладбище. Похороны будут со священником, и много, много людей хотят прийти и отдать ему последний долг. Как обращался со мной г. М., когда я была у него! Когда я сказала ему, как можно так расстрелять беззащитного человека, он ответил мне: «Если вы будете тут разглагольствовать, я велю арестовать и вас!»

Мать вам кланяется, после похорон она хочет вернуться домой. Я посылаю вам сердечный привет в благодарность за то, что вы подумали о Гейнце. Прощайте, кланяюсь вам. Я никогда не смогу забыть его, ведь я его слишком любила! Пожалуйста, напишите и не сердитесь на моего мальчика, что он не писал. Я была виновата. Ах, если бы я этого не сделала! Мой милый, славный мальчик!»

„Я тебя пристрелю!

Рассказ очевидца)

Работница Грете Мессинг, замужняя, мать двоих детей, вышла 6 марта в шесть часов вечера из своей квартиры на Зоммермуленшвег в Зельбе (в Баварии). С сумкой в руках Грете направлялась в центр города за покупками по хозяйству. Примерно в сорока шагах от ее квартиры ей повстречался проживающий по той же улице национал-социалист по имени Лагер. Он преградил работнице дорогу и провокационно крикнул ей: «Да здравствует Гитлер!» Фрау Мессинг ответила на это «Рот фронт!» и пыталась пройти дальше. Лагер задержал ее и в бешенстве заорал на нее: «Я тебя пристрелю!» Она спокойно ответила: «Стреляй».

Лагер приставил к шее работницы браунинг и спустил курок.

Фрау Мессинг была ранена насмерть. Муж доставил ее на квартиру. Там она изошла кровью.

Убийца отправился в местный клуб национал-социалистов, подкрепился несколькими рюмками водки и добровольно отдался в руки «вспомогательной полиции». Его взяли под стражу. Уже через десять дней он был освобожден. На вокзале в Зельбе его встретил почетный караул.

Лагер не был исключен из штурмового отряда. Зато муж и 19-летний сын убитой арестованы и сидят в рабочем доме в Байрейте.

Полиция и вспомогательная полиция то и дело устраивают обыски в рабочих квартирах в Зельбе. Они ищут не преступника, не убийцу, а фотографию, которая документально удостоверяет смертельную рану убитой работницы. Держать такую фотографию у себя дома в Германии опасно для жизни.

Трупы в Махновском лесу

(Свидетельское показание)

Во всех газетах 11 марта 1933 г. появились сообщения, что в Махновском лесу найдены застреленными трое молодых людей, личность которых еще не установлена. Хотя потом полиция и установила личность убитых, имена их все же не были сообщены в печати. По наведенным справкам это были следующие лица:

1. Фриц Ничман, обойщик, родился 1 марта 1909 г. в Ольденбурге, проживает в Берлине-Шенеберге. Беспартийный. Родители тоже беспартийные.

2. Ганс Балшукат, рабочий, родился 28 августа 1913 г. в Берлине-Шенеберге. Член «Красной помощи».

3. Прейс, 23 лет, проживает в Берлине на Готенштрассе, 22.

О Фрице Ничмане, не принадлежащем ни к какой организации, удалось узнать следующее:

8 марта в 9 ч. 30 м. вечера Ничман со своей невестой шел от Глодичштрассе по Груневальдштрассе в направлении к Зигфридштрассе, возвращаясь к себе домой. У угла Штубенраухштрассе и Эрдманштрассе, через мост Зигфридсбрюке проехал красный автомобиль и поехал по совершенно пустой улице, по левой стороне. Из автомобиля выскочили двое штурмовиков в форме (шофер был в штатском), подошли к Ничману и его невесте и крикнули им: «Ни с места! Ступайте за нами для установления личности». У троих штурмовиков в руках были револьверы со спущенными предохранителями. Ничман совершенно спокойно сказал: «Вы должны быть ошиблись», на что штурмовики ответили: «Молчать, влезайте в автомобиль». Ничман послушался, так как он не знал за собой никакой вины. Невеста, которая тоже была беспартийной, хотела сесть вместе с ним в автомобиль, но штурмовики не пустили ее, сильно толкнув ее в грудь. Они сказали ей, что Ничмана везут только для установления личности и что ему ничего не сделают. Невеста, расплакавшаяся после полученного сильного толчка, не успела заметить ни номера автомобиля, ни номера на воротниках штурмовиков.

Автомобиль поехал по Штубенраухштрассе и свернул на Гауптштрассе. Вскоре после ареста невеста пошла к матери Ничмана и рассказала ей о случившемся. Оттуда она отправилась в полицейский участок на Кримгильдштрассе, где подала заявление. Там ей сказали: «С ним ничего не случится, он вернется. Зайдите завтра еще раз». 9 марта в 8 часов утра мать зашла в тот же полицейский участок и получила такой же ответ. Но при этом ей сказали, что ночью запрашивали все участки и Ничмана нигде не было. Ей предложили зайти снова в 12 часов дня. В 12 часов дня в участок пошел отец и подал заявление об исчезновении сына.

До 11 марта родители Ничмана не получили от полиции никаких сообщений, а 11 марта в 9 часов к ним пришли полицейские чиновники и сообщили, что в «Берлинер моргенпост» помещена заметка о том, что в Махновском лесу найдены три трупа. По описанию отец сейчас же заподозрил, что среди них находится его сын. Он немедленно снова отправился в полицию, но на этот раз ему не могли ничего сообщить.

В 12 часов дня отец отправился в полицей-президиум и там беседовал с комиссаром, который вел следствие. Последний еще ничего не знал об аресте Ничмана штурмовиками и сказал отцу, что за всю свою деятельность в уголовном розыске он не запомнит такого жестокого, бесчеловечного убийства. Когда отец рассказал ему обо всех обстоятельствах дела, комиссар пообещал, что он и его подчиненные приложат все усилия для выяснения этого убийства.

В морге отец в присутствии комиссара опознал сына. На теле были следы десяти выстрелов, из них восемь в спину, один в шею и один в челюсть. Сфотографировать труп не позволили. Кремацию не разрешили, допуская возможность разногласий между экспертами. 15 марта прокуратура еще не разрешала взять тело.

К отцу убитого явились, независимо друг от друга, два человека и указали один и тот же номер, принадлежавший красному автомобилю, в котором был увезен Ничман, а именно № 1А 78087. Оба подтвердили, что автомобиль был окрашен в красный цвет.

Похищение второго убитого, по собранным сведениям, произошло следующим образом.

Ганс Балшукат был арестован вечером 8 марта у подъезда на Готенштрассе, 4, в Шенеберге, тремя национал-социалистами, угрожавшими револьверами, и был увезен в темном автомобиле.

10 марта утром отец Балшуката получил почтовую открытку следующего содержания:

«Нашел сегодня бумажник с содержимым, прошу забрать у меня бумажник в субботу 11 марта в 6 часов дня.

Ганс Шмитт.

Борнштедт (у Потсдама), Викторияштрассе, 26».

Когда получилась эта открытка, отца не было дома. Мать направилась с ней в уголовный розыск, и там ей сказали, чтобы она ни в коем случае не ехала в Борнштедт. Одновременно позвонили в полицей-президиум, а оттуда в Борнштедт и в комиссию по убий-

In den Kerkern des Reiches zu Tode gefoltert
Gen. Gumbert Heidenau. Poll im Kampfbund
seit 15 Wochen in Schutzhaft.

Angebl. Munition, Waffen vergraben - nichts
verraten - wurde deswegen gefoltert. Starb daran.
Hinterlässt Frau und 5 Kinder im Alter von
8-14 Jahren. Lange arbeitslos. Aktivist im Kampf-
bund. Gumbert ist 47 Jahre alt.

Bestand der Leiche

Untere Partie (Besärg, Schenkel) alles kaputt ver-
schlagen. Mundtuch ins Gesicht gedreht.
Rückgrat gebrochen mit Gage eingestopft.
Hals halb abgetrennt. Leisten am rechten Schen-
kel aufgerissen. Am Magen mit dem Stiefel ab-
getreten. Leiche rein getreten. So dass die Gedärme
hinaus klingen. Über arm ganz Blut unterlaufen.

Nach der Überführung von Königstein (Lager-
haftlager) am Mittwoch, den 20. 4. nach Heidenau
sollte der Sarg nicht geöffnet werden. Es geschah
abermals. Die Leiche war in Blumen gebettet.
Der Vater des Genossen Gumbert war aber misstrauisch
nimmt die Decke mit den Blumen weg hebt
die Leiche hoch und zieht das Hemd weg und
sieht die Beschädigung. Schreit - ~~rennt~~ rennt da von
und holt Arbeiter + Frauen herbei - die sich
Gen. Gumbert ansehen. 100 Leute sind es gewesen.

Die Frau des Gen. G. fährt nach Dresden zu Kili-
nger - die Leiche wird sofort beschlagnahmt.
Bei verschiedenen Photographen wird Hausnummer

gemacht - Apparete und Platten beschlagnahmt.
Donnerstag ist Kiliinger selbst mit einem Rev-
olver Arsten (Pirwa-Heidenau Dng.) Der Bericht
lautet: Wer falsche Gerüchte über den Tod
des Gen. Gumbert in den Umlauf setzt, wird
bestraft.

Freitag ist die Beerdigung. S.A. mit Kara-
binern bewaffnet sperrt alle Zugangsstraßen
ab. 3000 Heidenauer Arbeiter und Arbeiter-
innen demonstrieren in geschlossenem Zuge
zum Friedhof. Dort wird er von den Bau-
dielen mit Hilfe der Karabiner gesprengt. Nur
die Angehörigen dürfen rauf.

Die Grabrede musste ein Pfaffe halten
der mit dem ~~FF~~ geschändet war.
4. Überführungs-Kister. mussten von der Frau des Gen.
selbst bezahlt werden.

1 Geldsammler wurde verhaftet.

Am Sonnabend, den 22. 4. wollte die Frau des Gen.
Gumbert im Schutzhaftlager Königstein besuchen.
Selbiger war aber angeblich zum Verhör nach
Hahnstein.

Am Montag, den 24. 4. erhielt sie die Mit-
richt dass ihr Mann tot sei.

Die Lippen des Gen. Gumbert waren von
den Analen ganz zerbissen.

Оригинал сообщения очевидца о погребении убитого Фрица Гумберта.

ствам, которая еще продолжала работать в Махновском лесу. Бумажник был конфискован прокуратурой. В тот же день отец снова пошел в уголовный розыск, и там ему сказали, чтобы он ни в коем случае не ехал в Борнштедт и что лицо, якобы нашедшее бумажник, уже арестовано, так как в нем подозревают виновника убийства. Подозрение вызвано тем, что бумажник оказался совершенно незапачканным.

11 марта отец осматривал труп сына. Он не мог сразу опознать сына, потому что тот был ужасно изуродован. Губы у него страшно распухли и посинели, подбородок был разбит. На шее и на груди было много синяков повидимому от сильных пинков ногой. На руках и груди было много кровоподтеков, вызванных повидимому тем, что Балшуката связали.

Поверхностным осмотром (основательно осмотреть ему не разрешили) отец установил, что убитому нанесены были семь-восемь огнестрельных ран, из них две в затылок, одна в висок и две-три в правую руку. Кроме того имелась рана в правой стороне груди.

О третьем убитом, Прейсе, пока не удалось собрать никаких сведений, так как отец отказывается что-либо сообщить.

Отец служит машинистом на железной дороге и не пожелал даже похоронить сына. Похороны взял на себя отдел призрения. В Шенеберге поговаривают, что у фашистов с Прейсом вышли недоразумения: убитый Прейс был будто бы близок к фашистам.

Стальные прутья и соляная кислота

(Свидетельское показание из Брауншвейга)

Телеграфный монтер Гротегенне не занимал никакой партийной должности. Он был членом республиканского флага. В понедельник 2-го марта к Гротегенне явились штурмовики и предложили ему пойти с ними в казарму штурмовиков. Жена его подумала, что это обычная попытка заставить вступить в партию национал-социалистов и посоветовала мужу немедленно подать заявление о вступлении и не уходить из дому.

Но Гротегенне пошел с фашистами в казарму. Прошло несколько часов. Он не возвращался. Жена решила тогда пойти за ним. Перед казармой штурмовиков стоял фашист по имени Мейер. Госпожа Гротегенне опустилась перед ним на колени, плакала и умоляла его опустить мужа. В этот момент на улицу выбросили тело Гротегенне. Он был превращен в окровавленный кусок мяса. Несколько человек отнесли тяжело пострадавшего домой. Так как подозревали отравление, то ему влили в рот молоко. Его вырвало.

Жена, вытиравшая у него пену со рта, заметила, что ее носовой платок разъеден в клочья кислотой, содержащейся в рвоте. Гротегенне временами был настолько в сознании, что мог рассказать, как его мучили. Его раздели и три часа подряд избивали стальными прутьями, в промежутках его заставляли собственным платком вытирать кровь с пола.

Когда он лежал без сознания, стиснув зубы, штурмовики пытались влить ему соляную кислоту в рот. Так как это сразу не уда-

нос, то ему насильно открыли рот, причем оторвали часть верхней губы.

Гротегенне скончался в ужасных мучениях вечером 29 апреля. Труп был подвергнут судебному вскрытию. Как причину смерти констатировали «кровоизлияние в мозг и внутренние ожоги». Прокуратура занялась этим делом, но до сих пор никто из виновных не привлечен к ответственности.

Буквально разорван на куски

(Сообщения очевидцев из Гайденау)

В начале марта был взят под стражу Фриц Гумберт из Гайденау. Его обвинили в том, что он «зарыл боевые припасы и оружие». Его доставили в крепость Кенигштейн, а оттуда в концентрационный лагерь Гогенштейн. Там его заковали в цепи и подвергли пытке. Истязания, перенесенные им, были столь жестоки, что он умер. Жене сообщили, что он скончался от кровотечения из желудка и кишечника.

Рабочие предприятий, находящихся в Гайденау, собрали деньги и настояли на перевозке тела в Гайденау. Это было разрешено, но с непременным условием, чтобы гроб не открывали. Рабочие однако не стали считаться с этим распоряжением. Никто из очевидцев не забудет той картины, которая им представилась. Лицо оказалось буквально сшитым из кусочков. Повидимому языка совсем не было. На руках видны были следы тяжелых оков, зад представлял собою изрешетенный кусок мяса. Задний проход был забит тряпкой, чтобы удержать кровотечение, спинной хребет был переломлен, половые органы изорваны, правая ляжка разорвана, под ложечкой тело было продавлено так, что кишки выступили наружу. Искусаемые губы свидетельствовали, какие ужасные страдания перенес Гумберт.

Когда вокруг тела собралась толпа возмущенных и охваченных ужасом рабочих, штурмовики снова забрали труп. В Гайденау явился сам палач Киллингер с целым штабом полицейских и с врачами. Был устроен повальный обыск в рабочих квартирах, чтобы конфисковать аппараты и фотографические пластинки. Очевидцам, под угрозой самых тяжелых наказаний, было предложено ничего не рассказывать. Те, кто присутствовал при осмотре тела, были вызваны специально и получили предупреждение «держат язык за зубами».

В пятницу 28 апреля происходили похороны. Около 3 тыс. рабочих и работниц явились отдать последний долг покойному. Все прилегающие улицы были оцеплены штурмовиками, державшими оружие наготове. Когда процессия подошла к воротам кладбища, на нее напали фашисты и разогнали ее. На кладбище пустили только родных. У могилы произнес речь священник, демонстративно носивший фашистский значок.

Разбит, исколот, истоптан

(Показание свидетеля)

28 марта коммунист Эдом, проживающий в Кенигсберге на Робертштрассе, 6, был забран у себя на квартире в 12 часов ночи. Так как было известно, что он находится в дружеских отношениях с коммунистическим депутатом рейхстага Шютцем, то его избивали в течение 2 часов так бесчеловечно, что он, растерявшись, обезумев от боли, не выдержал и в полубессознательном состоянии указал местонахождение Шютца.

В 2 ч. 30 м. утра в ту же казарму притащили Шютца и там в течение 12 часов его били, кололи и топтали, пока он не превратился в совершенно бесформенную массу, так что его нельзя было опознать. 29 марта вечером Шютц скончался в больнице. В листке о смерти указано: «от разрыва сердца».

3 апреля Шютца зарыли как скотину. Ни одна немецкая газета не сообщила об его смерти. Угрозами заставили молчать врачей и санитаров.

Жену убитого в это время держали под стражей. 12-летнего сына заставили подойти к обезображенному телу отца, прежде чем оно было спущено в землю, и один из фашистов сказал ему: «Так будешь и с тобой, если ты пойдешь по его стопам».

Отбиты почки

«Берлинер татеблат», 9 мая: «По официальному сообщению полиции в понедельник утром в бреславльской больнице на Баумштрассе скончался от воспаления легких и почек и начинающейся душевной болезни адвокат д-р Экштейн, находившийся под стражей с 28 апреля».

Смерть Экштейна не явилась неожиданностью для бреславльских рабочих. «Экштейна вы не увидите»,—заявили штурмовики уже при его аресте 28 апреля. Когда накануне 1 мая всех арестованных в Бреславле с триумфом повели во главе с музыкой из «коричневого дома» на Нейдорферштрассе в концентрационный лагерь на Штехлауершоссе, то Экштейна в процессии уже не было. В газетах пришлось сообщить, что он «сам себя поранил» в тюрьме. Уже тогда он находился в таком состоянии, что его не решались показать публике. Его отдельно доставили в новый, только что организованный лагерь. Там избиения продолжались. Почки ему отбили во время зверских побоев. Воспаление легких присоединилось, когда Экштейна, избитого до потери сознания, приводили в чувство, обливая холодной водой. Душевнобольными можно назвать его убийц, если бы только их поведение не соответствовало тому нормальному состоянию, которое насаждает германское правительством.

Линчевание в тюрьме

Следующие три официальных сообщения по делу Шумма разоблачают приемы фашистской информации.

I. «Киль, 1 апреля, «Телеграфен унион». Около 11 часов у еврейского мебельного магазина Шумма произошла перебранка, во время которой сын еврейского владельца магазина бросился на штурмовика. Когда к последнему на помощь пришел товарищ, между обоими штурмовиками и прибежавшим владельцем фирмы и его сыном завязалась борьба, во время которой раздался выстрел, нанесший тяжелую рану в грудь 22-летнему штурмовику Вальтеру Астгалтеру из Килия».

В действительности происшествие разыгралось следующим образом: во время еврейского бойкота отряд штурмовиков занял магазин мебельного торговца Шумма. Непрошенные гости стали издеваться над хозяином. Тогда сын его, адвокат Шумм, стал протестовать. Завязалась перебранка, перешедшая в драку, «причем раздался выстрел» со стороны одного штурмовика, ранивший тяжело другого штурмовика.

II. «Киль, 1 апреля, Телеграфное агентство Вольфа. Сын мебельного торговца Шумма, который утром в магазине своего отца несколькими выстрелами серьезно ранил в живот штурмовика, застрелен в полицейской тюрьме, куда его доставили. Как сообщают, некоторые лица потребовали в полицей-президиуме, чтобы им открыли камеру Шумма. Когда требование их было удовлетворено, раздалось несколько выстрелов, убивших Шумма наповал. Тело отправлено в институт судебной медицины».

Второе сообщение «исправлено в том смысле, что относительно Шумма, у которого вообще не было никакого оружия, утверждается, что Ш. не только произвел выстрел, но даже стрелял несколько раз. Это сообщение довольно правдиво излагает обстановку убийства Шумма, не указывая лишь, что Шумма убили те же самые штурмовики, чтобы устранить свидетеля кровавого дела, совершенного ими утром.

Оба сообщения настолько прозрачны и составлены настолько неумело и компрометирующе, что центральное бюро печати вмешалось в тот же день и выпустило третье сообщение, во всех отношениях подправленное и во всех отношениях лживое.

III. «Киль, 1 апреля, Телеграфное агентство Вольфа. Еврей адвокат и нотариус Шумм убил выстрелом в живот в 11 ч. 30 м. утра штурмовика Вальтера Астгалтера, проживающего на Кеденштрассе. По имеющимся сообщениям убийство ничем не было вызвано. Штурмовик скончался в клинике. Перед полицейской тюрьмой собралась возбужденная толпа еще до того, как можно было выполнить распоряжение президента полиции о перевозке оттуда адвоката Шумма. Возбужденная толпа ворвалась в тюрьму, и Шумм был убит выстрелами из револьвера. Все это произошло так быстро, что полиция не могла оказать противодействия. Толпа ворвалась также в магазин отца адвоката Шумма на Кеденштрассе и разгромила всю обстановку».

Это сообщение, правда, не может уже ввести общественное мнение в заблуждение относительно того, как действительно было дело,

но оно имеет более широкое и глубокое значение: его надо рассматривать как схему, по которой в будущем, следуя распоряжению министра пропаганды Геббельса, надлежит сообщать во всеобщее сведение о таких событиях, поскольку о них нельзя совсем умолчать. В тот же вечер было издано приведенное выше распоряжение о том, что «сообщения о происшествиях допускаются только после предварительного разрешения» и что «возбраняется вносить какие-либо изменения в официальный текст».

Выбросился из окна

16 апреля руководитель горнорабочих в Дортмунде Альберт Функ был опознан одним национал-социалистом, который донес на него полиции. Альберт Функ был руководителем стачечного движения горнорабочих, был коммунистическим депутатом рейхстага и руководителем объединенного союза горнорабочих. Уважаемый и любимый революционными горнорабочими, Альберт Функ пользовался доверием рурских горняков далеко за пределами своей партии и союза.

Альберт Функ был доставлен в полицейскую тюрьму в Дортмунде. Ему удалось отправить оттуда письмо, в котором он сообщал об ужасных истязаниях, которым подвергались семь других заключенных. Самого Функа в эти дни не трогали.

Газеты не сообщили ни слова об его аресте. Это должно было вызвать самые серьезные опасения относительно судьбы Альберта Функа. Что собирались делать с Альбертом Функом? Почему замалчивали его арест?

26 апреля, после 10-дневного ареста, Альберт Функ был убит. Жена его пришла в дортмундскую полицейскую тюрьму, чтобы добиться свидания с мужем. Администрация сообщила ей, что муж ее отравился в камере. На следующий день, 29 апреля, в газетах, издаваемых в Рурской области, появились пространные «сенсационные» разоблачения о том, что в Реклингаузене у Гельзенкирхена обнаружены террористические группы, склады динамита и оружие, принадлежащие коммунистической организации.

В связи с этим сообщалось: «Арестованный коммунистический депутат рейхстага Альберт Функ предпринял безумно смелую попытку побега из реклингаузенской следственной тюрьмы. Он выпрыгнул из окна третьего этажа во дворе и сломал себе позвоночный хребет, а также получил несколько переломов рук и ног; в полном сознании он был доставлен в больницу и там вскоре умер».

Умалчивалось, что Функ уже около двух недель находился в заключении и, разумеется, ни одним словом не было объяснено, каким образом он вдруг из Дортмунда попал в Реклингаузен.

Вождь горнозаводских рабочих Альберт Функ был доведен до состояния умоиступления ужаснейшими побоями. Палачи вынудили его выброситься в окно. Когда арестованные товарищи убитого, находившиеся как раз в это время на тюремном дворе, подняли крик, будучи потрясены совершившимся, убийцы открыли окна и крикнули им: «вы, московские свиньи, можете прыгать вслед за ним».

Убийство доктора Георга Белла по приговору тайного судилища

5 апреля в австрийском местечке Дурхгольцен у Куфштейна стал жертвой отряда убийц-штурмовиков д-р Георг Белл.

Выстрелы в Дурхгольцене положили конец жизни авантюриста. Кто был Георг Белл?

До начала 1930 г. он был агентом, о существовании которого знали только его друзья национал-социалисты. Лишь в январе 1930 г. он обратил на себя внимание общественности. Тогда он сидел на скамье подсудимых по обвинению в подделке червонцев. Уже раньше он был судим в Мюнхене за шпионаж. Говорят, что он явился инициатором плана подделки советских банкнот для того, чтобы таким образом создать затруднения для СССР и отторгнуть от Союза южные советские республики. В этом процессе Белл действовал чрезвычайно ловко. Каждый раз, когда суд, который и без того склонен был не проливать слишком много света на махинации, направленные против рабоче-крестьянского государства, оказывался вынужденным затронуть какие-нибудь неприятные для Белла пункты, последний угрожал рассказать о своих связях с германскими государственными деятелями. Таким образом он подчинял себе суд, который охотно шел на это. В результате Белл был оправдан. Но во время судебного разбирательства все же выяснилось, что в этой истории с подделкой червонцев за Беллом стоял английский нефтяной король сэр Генри Детердинг, стремящийся таким образом побороть конкуренцию советской нефти и завладеть новыми нефтяными источниками.

Детердинг был также одним из тех, кто финансировал германских национал-социалистов, так как они казались ему превосходным орудием для его антисоветских, враждебных рабочему классу планов. Связующим звеном между Детердингом и национал-социалистами является Георг Белл. Это было установлено в мае 1932 г. на другом процессе, происходившем в Мюнхене и сильно взволновавшем общественное мнение. Разбиралось дело по обвинению социал-демократической газеты «Мюнхенер пост» в оскорблении фашистского убийцы Шульца и одного из национал-социалистических вождей, Шварца. Чем было вызвано это дело?

В середине февраля 1932 г. «Мюнхенер пост» опубликовал секретные сообщения, из которых явствовало, что национал-социалистическая партия имеет специальный отдел, задачей которого является устранение нежелательных лиц. Отдел этот называется «ячейка Г».

На суде Белл, вызванный в качестве свидетеля, показал следующее:

«Однажды Рем сказал мне:

«Знаете самую последнюю новость: хотят убить вас, дю Мулен-Эккара и меня».

Он, Белл, сначала не хотел этому верить, пока Рем не рассказал ему обо всем подробно, упомянув, что вся эта затея принадлежит майору Буху. Вскоре он, Белл, встретился в од-

пой кофейне со Швейкардом. Тот тоже задал ему вопрос: известно ли ему, что его собираются убить. Далее Швейкард заявил:

«Мне достаточно сказать одно слово в полицей-президиуме, и вся эта банда попадет в тюрьму (под бандой здесь разумелось центральное руководство национал-социалистической партии). Потом Швейкард спросил его: «Хочешь познакомиться с твоим убийцей? Он скоро придет сюда». Действительно, потом в кофейню пришел д-р Горн, уроженец Карлсруэ.

В так называемом процессе Данцэйзена, который разбирался в июле 1932 г., стало известно, что Рема и дю Мулен-Эккара собирались «укокошить» за их гомосексуальные наклонности, а Белла — за то, что, зная об этом, он использовал свою осведомленность в целях вымогательства.

Указания, исходившие от инициаторов этого дела, были весьма просты:

Виланд II, заграница...

«Елене.

Немедленно снесите в Зольне (с майором Бух), предварительно позвонив по телефону на квартиру. Хозяйка поставлена в известность. Дело в следующем: граф дю М. и Р. давно известны в отношении параграфа 175, шантажирует некий Белл. Но дю М. пользуется большим влиянием на Р. Необходимо действовать также в отношении Уля. Толстый «Зайчик» возьмет на себя дело с Улем. Гю (Гюнш) возьмет на себя со всей своей группой дело с Беллом. Поручение Zi с комнатой 50 (где помещается граф дю Мулен), возьмите на себя как самое опасное. Развинтить колесные гайки (синий Антон) или придумать что-нибудь получше. Комната 50 ездит на Опеле 1050. На «Зайчика» оказать сильное давление. На случай неудачи приняты меры для того, чтобы избежать юридических последствий. Хозяйке известен адрес.

Влд. II».

То, что доктор Белл был слишком хорошо осведомлен о личной жизни «вождей», было не единственной причиной для его устранения той же самой группой «Г», против которой его друг Рем и он сам искали защиты у социал-демократической газеты. Последним решающим моментом было то, что он знал слишком много о поджоге рейхстага, об участии в нем Геринга и Геббельса, Гейнеса и Рема. Ведь ван дер Люббе, послуживший здесь орудием, был тоже его агентом, и с его слов он мог заключить, с кем он связан. Это уже вполне доказано в другой главе. Но руководители штурмовых отрядов, Геринг и Рем, при помощи своего обширного шпионского аппарата в свою очередь тоже знали, какими материалами располагает Белл, который снова собирался обратить свои сведения в звонкую монету.

Поэтому Рем отдал распоряжение «прикончить» Белла. Когда Белл узнал об этом, он прежде всего вышел из национал-социалистической партии. Когда он увидел, что его продолжают пресле-

довать, он бежал в Австрию. Его жена и дочь были взяты штурмовиками под стражу в качестве заложников. При посредстве приятеля Белла, штурмовика Конрада, Рем узнал, где находится Белл. Тщетно просил Белл в телеграмме всемогущего Рема пощадить его. Рем приказал четырем своим телохранителям, с которыми он был особенно близок, силою привезти Белла в Германию. На прощанье он сказал им:

«Доставьте мне его живым или мертвым; лучше, если вы доставите его живым. Поэтому не устраивайте никаких историй. Удар по голове, потом сажайте в автомобиль и марш через границу!»

Убийцы, откомандированные Ремом, поехали в автомобиле, принадлежавшем руководителям партии национал-социалистов. Кроме того начальник мюнхенской полиции Гимлер, являвшийся в то же время главой защитных отрядов, отправил автомобиль со штурмовиками, которые действовали в качестве вспомогательной полиции.

Тем временем Белл получил по телеграфу предостережение от Конрада. Когда к нему явились его преследователи, он как раз упаковывал свои чемоданы. Он отказался поехать в их автомобиле в Германию. В ответ последовало шесть выстрелов. Все они попали в цель: три—в голову, два—в грудь, один—в живот. Белл был убит наповал.

Убийство ясновидца

Эрик Ян Ганусен, или по-настоящему Гершман Штейншнейдер, родился 2 июня 1882 г. в Вене в еврейской семье и имел постоянную оседлость в Ироснице в Чехо-Словакии. Он стал актером, во время войны он показывал австрийской армии всякие фокусы, а после войны выступал в мюзик-холле. При этом он выдавал свои фокусы за действие сверхъестественных сил, за что несколько раз был арестован и выслан из Вены и Мемеля.

В Чехо-Словакии он впервые открыто выступает перед широкой публикой в качестве ясновидца. При этом ему «повезло». Один жандарм возбудил против него обвинение в обмане. Ему удалось воспрепятствовать появлению на суде наиболее опасного для него свидетеля, его секретаря Эриха Юна, который помогал ему устраивать трюки с ясновидением. Суд в Лейтмерице оправдал его за недоказанность преступления.

Опираясь на эту рекламу, он начинает выступать в качестве ясновидца в Германии. Он собирает большую публику, особенно с тех пор как включает в круг своих прорицаний также и политические вопросы. Он устраивает сеансы и лекции, основывает газету «Пестрое еженедельное обозрение Ганусена» и становится богатым человеком. После победы национал-социалистов на выборах 14 сентября 1930 г. он становится национал-социалистом. Подделываясь под настроение масс, он начинает в своих выступлениях агитировать в пользу Гитлера. Он подделывает свой паспорт, прибавляет словечко «ван» и превращается в арийца из дворянского рода. Он становится штурмовиком и приятелем влиятельных вождей национал-социалистов, в особенности графа Гельдорфа. Когда

в декабре 1932 г., в связи с процессом о мошенничестве, «Ангриф» назвал его «чешским евреем», Гельдорф вмешался, и «Ангриф» напечатал опровержение. Ганусен предоставлял свои автомобили в распоряжение штурмовиков, свои деньги—в распоряжение руководителей штурмовых отрядов, его охраняли штурмовики, а шофером у него служил руководитель штурмового отряда.

Когда Гитлер 30 января был назначен имперским канцлером, еврей Ганусен, тем временем перешедший в христианство, напечатал открытое письмо Гитлеру, в котором прославлял победу Гитлера как свою победу.

После «национального подъема» Ганусен обнаглел. Каждый вечер он заставлял себя чествовать в «Скале», берлинском мюзик-холле, в котором он выступал в качестве пророка «третьей империи». Он обращался к еврейским фирмам и издательствам газет и ссылаясь на свои хорошие отношения со штурмовиками, вымогал у них деньги. Между прочим он обратился и к управляющему издательством фашизированной «Берлинер тагеблат» Карлу Фетеру и заявил ему, что он может оградить его от всяких неприятностей со стороны национал-социалистов, так как национал-социалистический комиссар при фирме Моссе, фон Ост, а также Гельдорф и другие руководители штурмовиков должны ему много денег. Фетер не принял этого предложения, а отправился к Осту, вручил ему чек на внушительную сумму и попросил освободить его от кабалы у Ганусена. Ост ответил: «Так эти дела у нас не делаются!» Ост отправился к Герингу, Гельдорфу и Гиму.

В тот же вечер 24 марта Ганусен был арестован перед выступлением в «Скале». Публике объяснили, что с ним случился нервный припадок. «Фелькишер беобатер» сообщил, что Ганусен содержится в полицей-президиуме в Берлине за то, что он при помощи подложных документов проник в национал-социалистическую партию. В действительности Ганусена увезли в автомобиле в Барут около Цосена в окрестностях Берлина. Десять дней спустя публика, гулявшая в лесу, нашла его труп в роще. Лицо было изуродовано до неузнаваемости шестью выстрелами. Снова фашисты при помощи тайного убийства устранили опасного человека, посвященного во многие секреты высших руководителей штурмовых отрядов.

Варфоломеевская ночь в Кепенике

Во многих городах Германии штурмовики по всем правилам осуществили «ночь длинных ножей», о которой говорили до прихода Гитлера к власти. В ночь с 21 на 22 июня в берлинском предместье Кепеник штурмовики начали зверскую бойню, продолжавшуюся несколько дней. Жертвой ее пали партийные работники социал-демократической и коммунистической партий и должностные лица Республиканского флага.

21 июня штурмовики произвели два обыска у секретаря профессионального союза Шмауса в дачном поселке Кепеник. Они якобы искали оружие. Ночью штурмовики явились в третий раз, приволокли с собой арестованного зятя Шмауса, коммуниста, и, произведя несколько выстрелов, ворвались в дом. У Шмауса есть слабо

Жестоко избитая женщина

Заведующая отделом благотворительности Мария Янковская, проживающая в Берлине-Кепеник на Бергманштрассе, 18, была доставлена штурмовиками в посещаемую ими пивную Демута на Елизабетштрассе, 29 в Кепенике, где ее в течение двух часов избивали резиновыми дубинками, стальными прутьями и кнутом по голому телу. Снимок показывает результаты этого ужасного избиения.

Госпжа Янковская получила серьезные внутренние повреждения. Гитлеровское правительство возбудило против тяжело больной женщины дело по обвинению «в травле по поводу зверств».

Избитые рабочие

Сверху слева: избитые рабочие из Франкфурта на Майне. Сверху справа: коммунистические партийные работники из Аннаберга в Рудных горах были избиты штурмовиками стальными прутьями. Внизу: избитый предводитель Республиканского флага из Южной Германии.

умный сын 22 лет. Разбуженный стрельбой, он вышел не одетый на встречу штурмовикам, держа в руке револьвер. Мать испуганно крикнула ему: «не стреляй!», но он выстрелил и смертельно ранил двух ворвавшихся штурмовиков.

Тогда началась бойня: зять Шмауса, Раковский, был застрелен штурмовиками около самого дома. Сына Шмауса арестовали и избили до смерти. Самого Шмауса повесили дома. Мать Шмауса была обвинена штурмовиками в том, что она будто бы крикнула: «стреляй же!» Ее подвергли таким пыткам, что через несколько дней она умерла.

В дачном поселке во всем Кепенике и в Фридрихсгагене «марксисты» в ту же ночь были подняты с постелей и арестованы, в том числе руководитель Республиканского флага и бывший премьер-министр Мекленбурга Иоганнес Штеллинг, один из работников Республиканского флага Пауль фон-Эссен из Кепеника 55 лет и бывший предводитель Республиканского флага в Фридрихсгагене Асман, 57 лет.

Что проделывали с арестованными в казарме убийц, описывает один очевидец, социал-демократ.

«Автомобиль подвез нас к кепеникской тюрьме при суде. Площадь перед судом была заполнена штурмовиками, которые хотели сразу наброситься на нас. Но начальник их заорал: «Стойте, не бить на улице». Как только мы вошли в здание, началось избиение. Нас погнали вверх по лестнице, затем по длинному коридору. В большой камере стояли десять товарищей лицом к стене. На полу и на стенах были кровавые пятна. Старая женщина, у которой лилась кровь из рта и носа, должна была мыть пол. Платье у нее было тоже в крови. Штурмовик Лозе спросил меня: «Знаешь ты эту проститутку?» Я пригляделся внимательно и к ужасу узнал мать моей жены.

После этого Лозе потребовал от товарища Кайзера, чтобы тот ударил кулаком по лицу другого товарища. Когда Кайзер медлил, Лозе нанес ему самому удар кулаком, так что тот стукнулся головой о стену. Потом товарищей палочными ударами заставляли избивать друг друга до крови. Меня Лозе встретил со словами: «Наконец ты попался нам, марксистская свинья». После этого он ударил меня по лицу, а его товарищи последовали его примеру. Всех нас постригли, а у меня выстригли фашистский знак.

Одному коммунисту при стрижке умышленно порезали ножницами нос. При этом предводитель штурмовиков орал: «Не беда, если заденете кожу. У нас есть перевязочные средства». После этого нас заставили десять раз пройти сквозь строй штурмовиков, вооруженных палками и резиновыми дубинками. Некоторые пожилые люди при этом лишились чувств. Тем временем приволокли, подняв невероятный радостный вой, 55-летнего товарища Пауля фон Эссена. Он уже долгое время без работы, только что выписался из больницы, слеп на один глаз.

Он имеет четверых детей; был на фронте во время войны. Его ударили сначала по лицу, потом сорвали с него штаны и стали

с бешенством бить палками и резиновыми дубинками по обнаженному телу, пока не лишился чувств. Тогда один из руководителей штурмовиков сказал: «Ну, с этой свиньей покончили!»

Товарищ фон-Эссен скончался от ужасных увечий, причиненных ему его мучителями.

Арестованные, которые еще могли держаться на ногах, должны были по команде Лозе в течение нескольких часов заниматься друг с другом боксом. Если они от усталости прерывали борьбу, их подгоняли резиновыми дубинками и палками. Меня заставляли боксировать с человеком, которого я не мог знать, потому что все лицо его представляло распухшую окровавленную массу. После этого нас побоями стали загонять в камеру. Там снова повторялись избиения регулярно, точно по расписанию. Наконец меня привели к руководителю штурмовиков Герике. Доведенный до отчаяния, я отрицал, что я марксист. Тогда Герике распорядился, чтобы меня пока не били. Но если я сказал неправду, то меня застрелят.

Вскоре дверь моей камеры отворилась, и в нее ворвался начальник штурмовиков Кобольт из Келеника, проживающий вместе с еще несколькими штурмовиками на Альвицерплатц. Он стал наносить мне побои и заорал: «Мы тебя, сволочь, сегодня прикончим».

Меня потащили по коридору в камеру моей тещи. Двое штурмовиков держали меня, а тем временем Кобольт и другие избивали 53-летнюю женщину, пока она не свалилась. В настоящее время она находится в состоянии душевного расстройства и содержится в психиатрическом заведении. Я был также свидетелем, как ужасно избивали знакомых мне братьев Гаше, двух совсем молодых людей. Эти избиения продолжались целый день. На смену одним избивающим отрядам все время приходили другие. В 4 часа дня меня вызвали из камеры и велели немедленно отправляться домой. Начальник отряда Кобольт с тремя штурмовиками ехали впереди на мотоциклетах. Один штурмовик, который пожалел меня, шепнул мне на ухо, что меня собираются убить. Путь мой лежал через лес, там мне удалось бежать».

Этот очевидец не узнал Штеллинга среди арестованных, так как их лица были совершенно обезображены. Несколько дней спустя труп Штеллинга, зашитый в мешок и покрытый ранами, был вытаскен из Финова канала. Одновременно с этим вытащили еще два неопознанных трупа. Недосчитывают еще 11 человек. 12 июля в Фридрихсгагене узнали, что найден также труп Асмана.

Руководители штурмовиков сознательно организовали эту «ночь длинных ножей», для того чтобы, предоставив штурмовикам неограниченную свободу убийства, рассеять нараставшее недовольство штурмовиков, настаивавших как раз в это время на осуществлении «социалистических» требований национал-социалистической партии с помощью «второй революции». Таким образом как раз в те дни, когда Гитлер в более открытой форме высказался за требования крупного капитала, во всех концах Германии стало расти число убийств.

СПИСОК УБИЙСТВ «ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ»

Завершен 29 июля 1933 г.

Моего отца нет в живых, мать почти сошла с ума, я тоже не совсем нормальна (из письма дочери убитого рабочего в Германии)

Мы печатаем здесь выборку из нашего списка убитых рабочих и интеллигентов. У нас имеются сообщения о более чем 500 убийств, совершенных штурмовиками. Из них мы оглашаем сейчас 250 случаев. Наши указания опираются на официальные германские сообщения, на сообщения газет, оставшиеся неопровергнутыми, и на показания свидетелей, данные нам или нашим доверенным лицам.

6 марта

Гердес, член ландтага, коммунист (Ольденбург) застрелен на улице (Телеграфное агентство Вольфа).

(«Франкфуртер цейтунг», 16 марта: «Министерство ни в каком случае не может одобрить это деяние; но тем не менее оно прекратило производством дело, возбужденное против арестованных лиц».)

Неизвестный коммунист (Гомберг, округ Мерс) убит выстрелами из револьвера (Телеграфное агентство Вольфа).

(Телеграфное агентство Вольфа: «Полиция по поводу этого замечает, что по ее предложению виновников убийства надлежит искать в кругу политических противников убитого».)

Неизвестный, член Республиканского флага, в Берлине застрелен на улице (Телеграфное агентство Вольфа).

Неизвестный, рабочий (Бернбург) застрелен национал-социалистами (Телеграфное агентство Вольфа).

Густав Зеgebрехт (Берлин, Либенвальдерштрассе, 44) убит выстрелом, попавшим в артерию, в пивной Стефана, Либенвальдерштрассе, 41 (показания свидетелей).

Бернгард Виршинг (Берлин, Петриштрассе, 8—9) застрелен у себя на квартире штурмовиками (показания свидетелей).

Эбелинг, рабочий (Магдебург), убит на Брекенштрассе выстрелом в живот (показания свидетелей).

Вейс, заведующий хозяйством социал-демократического дома в Вормсе, застрелен (свидетельское показание).

Неизвестная девушка (Вормс) убита при нападении фашистов на Народный дом (свидетельское показание).

Фабриан, рабочий коммунист (Келленгаузен), *подстрелен, умер в больнице* (Телеграфное агентство Вольфа).

4 марта

Двое неизвестных рабочих (Кельн) *тяжело ранены при стрельбе* скончались. (Телеграфное агентство Вольфа).

Неизвестный член «железного фронта» (Талесвейлер) *застрелен на улице* (Телеграфное агентство Вольфа).

(Телеграфное агентство Вольфа: «При агитационном шествии из помещения национал-социалистов было выпущено около 20 выстрелов»).

Фридрих Маркварт (Дюссельдорф, Беренштрассе, 14) *беспартийный, убит* (показания свидетелей).

5 марта

Классен и де-Лонгвиль (Обернгаузен, Рейнская провинция) *застрелены во дворе реальной гимназии при «попытке к бегству»* (Телеграфное агентство Вольфа). У обоих огнестрельные раны спереди (сообщение очевидца).

Варнике (Квикборн у Пинеберга) *застрелен* (Телеграфное агентство Вольфа).

(Письмо к жене убитого: «Это не беда, что ваш муж убит...

Немного пройдет времени, и вы и ваш сын будете также лежать на смертном одре». Сыну 8 лет.)

Неизвестный член союза «Республиканского флага» (средняя Германия) *заколот* (Телеграфное агентство Вольфа).

Двое братьев Басси (Банкау, Верхняя Силезия) *убиты штурмовиками* (показания свидетеля).

Карл Тарнов (Берлин, колония Фриден у Мариендорфенверг в Нойкельне, Кнезебекштрассе) *убит* (показания свидетеля).

6 марта

Грете Мессинг—работница (Зельб) *застрелена на улице* (см. отчет Телеграфное агентство Вольфа).

Ганс Бауер, беспартийный рабочий (Берлин, Моабит) *не вернулся из казармы штурмовиков* на Фридрихштрассе, 234 (Гедеманштрассе) (сообщение очевидцев).

Фридендер пекарь-ученик, 19-летнего возраста (Берлин, Фридрихсгайн, Аленштейнштрассе, 11) *убит в казарме штурмовиков* на Гедеманштрассе («Берлинер тагеблат»).

7 марта

Бернгардт Краузе, рабочий коммунист (Визенау, близ Франкфурта на Одере), *застрелен штурмовиками* (Телеграфное агентство Вольфа).

Двое неизвестных рабочих (Гамбург), *нападение штурмовиков на рабочих: убито двое, тяжело ранено восемь* (Телеграфное агентство Вольфа).

Неизвестный рабочий (Дюссельдорф) *убит* при нападении на него на Левецовштрассе («Телеграф унион»).

8 марта

Неизвестный рабочий-коммунист, застрелен при «попытке к бегству» (Бильштедт, близ Гамбурга) (Телеграфное агентство Вольфа).

Филипп, заведующий хозяйством Дома профсоюзов в Бреславле, застрелен при захвате Дома профсоюзов (Телеграфное агентство Вольфа).

Генрих Шпарлих, рабочий-строитель в Бреславле, убит штурмовиками ударом ножа в спину и выстрелом («Дейтче альгеймейне цейтунг»).

Бальшукат, Ничман, Прейс (Берлин, Шенеберг) трупы их найдены 11 марта в Матновеком лесу («Фоссише цейтунг») (см. отчет).

Неизвестный рабочий коммунист (Бохум-дюстери), как сообщается официально... найден застреленным на улице («Телеграф унион»).

Неизвестный рабочий (Бохум), ночью на него напали 6 человек в его квартире и застрелили («Телеграф унион»).

Блесс, член союза «Республиканского флага» (Оффенбах), смертельно ранен при нападении штурмовиков на помещение, где проходили выборы, скончался (показания свидетелей).

9 марта

Неизвестный член «Республиканского флага» (Мюнхен), разлагающийся труп найден в Мюнхенском доме профсоюзов (показания свидетелей).

(Дело идет повидимому об одном из тех членов «Республиканского флага», о которых мюнхенская пресса указала как «пропавших без вести» при занятии 1 марта Дома профсоюзов.)

Ландграф, управляющий издательством в Хемнице, застрелен при захвате «Фольксштиме» («Телеграф унион»).

Гельпун, рабочий-коммунист, найден застреленным в Дюйсбурге в Дюссене (Телеграфное агентство Вольфа).

10 марта

Г-жа Бикс, 70 лет (Берлин Вайсензее); члены штурмового отряда с Ланггансштрассе стреляли через входную дверь, причем г-жа Бикс, державшая на руке ребенка, была смертельно ранена (Телеграфное агентство Вольфа).

Герман, часовщик (Дрезден), работник Межрабпома, убит у себя на квартире (свидетельское сообщение опубликовано в нелегальной «Дрезденер арбайтерштиме»).

Ганс Зайле, профсоюзный работник (Брауншвейг), застрелен при захвате «Фольксфрейнда» (показания свидетелей).

Ульрих, руководитель гессенских с.-д., избит, скончался («Берлинер тагеблат»).

(Гессенский президент господин д-р Вернер послал вдове убитого письмо с выражением соболезнования. «Берлинер тагеблат» передает сообщение об этом издевательстве под заголовком: «Рыцарский поступок»).

Двое неизвестных рабочих (Чопау) застрелены штурмовиками («Берлинер локаланцейгер»).

Альфред Пецлаф, рабочий-коммунист (Берлин-Шенеберг, Ноллендорфштрассе, 10), был вытаснен из квартиры штурмовиками; труп был найден совершенно обезображенным на дачном участке у вокзала Пристервег (свидетельские показания).

Шейнфлюгель, рабочий (Бернау, близ Хемница), убит «шалльной пулей».

11 марта

Эрих Мейер, молодой рабочий (Шпандау), убит («Франкфуртер цейтунг»).

(«Винер арбейтер цейтунг» от 25 марта: «...20 национал-социалистов влезли на крышу беседки... разложили там пучки соломы... и грозили поджечь всю колонию...».)

Роберт Дитмар, рабочий (Карлсгорст, близ Берлина), найден застреленным («Берлинер локаланцейгер»).

Неизвестный рабочий в Бреславле заколот («Телеграф, унион»).

Ферстер и Тандлер, рабочие-коммунисты (Лимбах у Хемница), застрелены «при побеге» (сообщения свидетелей).

Пауль Кранц, молодой рабочий (Лимбах близ Хемница), застрелен при побеге (Телеграфное агентство Вольфа).

(Показания свидетелей: «Кранц отказался выдать местонахождение отца... был избит настолько, что упал без сознания... приведен в сознание... повторили пытку. И после того как ничего не выдал, был приставлен к стенке и расстрелян. Убийца—национал-социалист Мольц».)

Неизвестный мужчина, беспартийный, застрелен на лестнице рагуши в Оппельне («Берлинер локаланцейгер»).

12 марта

Член городского совета Крессе, социал-демократ (в Магдебурге), застрелен в помещении, где происходило выборное собрание в Фельзелебене («Телеграф унион»).

Эйхольц и Катер, рабочие (Толкемид), застрелены «при побеге» («Телеграф унион»).

Шпигель, присяжный поверенный, социал-демократ (Киль), подвергся нападению у себя на квартире и застрелен (Телеграфное агентство Вольфа).

(Изображается как «гражданское убийство». «Франкфуртер цейтунг», Киль 26 марта: «Полицейские розыски... не привели еще к раскрытию виновных... участвовало не менее 4 человек... в то время как двое совершили убийство... двое других караулили на соседнем участке».)

13 марта

Неизвестный рабочий (Эльбинг, район Мейснершегунд) найден мертвым от огнестрельной раны в голову («Телеграф унион»).

Гейнц Веше и Эрнст Кнот, члены городского совета, коммунисты (Хемниц), застрелены во дворе тюрьмы или же убиты в камере (свидетельские сообщения).

(Немедля после выборов в рейхстаг были арестованы среди прочих избранных на последних общинных выборах в качестве городских уполномоченных товарищи Гейнц Веше и коммунистическая депутатка Эрна Кнот. Их держали под арестом в полицей-президиуме. Ежедневно вечером Веше выводили во двор. Там всегда выстраивался отряд вспомогательной полиции национал-социалистов, как будто Веше должны были расстрелять. Этим путем хотели добиться возможных признаний. После того как эти пытки продолжались несколько дней, Веше был расстрелен на месте 13 марта. Эрна Кнот была убита в камере бандитами штурмовиками.)

14 марта

Круг (Швайнфурт) убит штурмовиком в состоянии «необходимой обороны» («Телеграф унион»).

Неизвестный рабочий (Гамбург) застрелен чинами уголовной полиции (Телеграфное агентство Вольфа).

16 марта

Д-р медицины Ашер (Берлин, Свинемюндештрассе), врач дома для призрения бедных, убит (свидетельские сообщения).

(Коллега сообщает: попал в ловушку по телефонному вызову, был подвергнут пытке, убит.)

Лео Крель, редактор (Берлин), убит.

17 марта

Двое неизвестных (в Эльбинге) «застрелены при побеге» (ночное издание).

18 марта

Бальтер Шульц, рабочий-коммунист (Видшток на Доссе), убит в тюрьме (свидетельское сообщение).

Ганс Закс, фабрикант (Хемниц), застрелен (Телеграфное агентство Вольфа).

(«Дер таг», Хемниц, 19 марта: «Директор известной трикотажной фабрики Маршель Франк Закс А/О застрелился вчера вечером, когда он должен был быть взят под стражу».)

Зигберт Киндерман (Берлин—Шарлотенбург, Кайзерфридрихштрассе), затащили на Гедеманштрассе, убит, выброшен в окно («Берлинер тагеблат»).

Неизвестный рабочий (Берлин—Веддинг, Герихштрассе), убит в помещении штурмовиков на Новалисштрассе (свидетельские сообщения).

19 марта

Кребс, рабочий-коммунист (Берлин—Моабит, Биркенштрассе, 54), застрелен штурмовиками на улице (сообщение свидетелей).

20 марта

Гюнтер Иоахим, присяжный поверенный (Берлин), *подвергнут пытке в Улапе, умер* в городской больнице на Моабите («Фоссише цейтунг»).

Курт Поссанер (Берлин—Вена) *застрелен*. Фашистское тайное убийство? (венские газеты).

(Вена 21 марта: «Арестован неделю назад в Берлине вследствие подозрения в нежелательной политической деятельности... застрелен при перевозке к австрийской границе. Долгое время офицер для связи немецких национал-социалистов с австрийскими... В последнее время был не в ладах с руководством».)

1 марта

Отто Зельц (Штройбинг) *застрелен* (сообщение свидетелей).

22 марта

Вальтер Беге (Эберсбах) *арестован* в Лебау при захвате социал-демократической «Фолькс цейтунг», *застрелен при побеге* («Фоссише цейтунг»).

Вильгельм Венцель, рабочий-коммунист, *застрелен на улице в Эссене* (Телеграфное агентство Вольфа).

(«Фоссише цейтунг», 22 марта: «в ночь на вторник полицейский из вспомогательной полиции *застрелил* в Эссене 29-летнего В. В. В. умер вскоре после того, как был принят в больницу».)

Дреше найден убитым в Дрездене (свидетельские показания).

Пауль Реутер (Берлин, Сельховерштрассе) *убит штурмовиками* (сообщение свидетелей).

23 марта

Эрих Ланге—бывший член спецотряда штурмовиков *застрелен штурмовиками* в Гельзенкирхене (сообщение свидетелей).

Франк, член союза «Республиканского флага» в Вормсе, племянник погибшего на войне социал-демократического депутата рейхстага Франка, *якобы самоубийство* («Унзере цейт»).

(Сообщение свидетелей: «вытащен из постели, избит и повешен в сарае»).

Герберт Пагериц, рабочий (Берлин-С., Бертштрассе, 78), *избит скончался* немедленно по доставке в Урбанскую больницу.

(Врачебное удостоверение о смерти сообщает: «смерть наступила вследствие тяжелых внутренних повреждений, вследствие разрыва мочевого пузыря и повреждения черепной коробки».)

24 марта

Г-жа Арбец, работница (Гладбах—Рейдт), *застрелена «при попытке к бегству»* («Телеграф унион»).

(Заголовок «Фелькишер беобахтер»: «Расстреляна баба-коммунистка».)

Эрих Перль, молодой рабочий 17-летнего возраста был застрелен в Лейпциге на улице после освобождения из национал-социалистической казармы (сообщение свидетелей).

(Сообщение свидетелей: «национал-социалисты построились шпалерами, через которые должны были проходить рабочие, причем последних снова избивали. Когда они достигли ближайшего угла, по ним был дан ряд револьверных выстрелов... Перль был доставлен в больницу с пятью огнестрельными ранами в живот, в легкие, в бедро и руку. Он скончался через 20 часов»).

Гаусс, ландрат в отставке, с.-д. (Дортмунд, Эйхлинхсгофен), найден застреленным в придорожной канаве («Франкфуртер цейтунг»).

25 марта

Районный представитель с.-д. (Берлин-Вединг) избит, скончался в больнице (свидетельские показания).

(«...принуждали держать речь в фашистском духе. Когда он от этого отказался... схватили за ноги... волокли по каменной лестнице с третьего этажа на улицу...»).

Г-жа Мюллер (Ауэ, Саксония) избита: якобы самоубийство (свидетельские сообщения).

27 марта

Нейман, владелец магазина в Кенигсберге, на него напали, избили и пользовались затем, как мишенью («Телеграф унион»).

(Сообщение свидетелей: «раны... посыпались солью и перцем.

После освобождения был перевезен в больницу в Берлин, где скончался»).

Гротегене, телеграфный монтер (Брауншвейг), член союза «Республиканского флага», убит в казарме штурмовиков.

Присяжный поверенный д-р *Макс Плаут* в Кассельской казарме национал-социалистов (Бюргерзеле, Карлштрассе) вследствие личной к нему вражды коллеги национал-социалиста, теперешнего помощника государственного секретаря Фрейслера убит согласно приказанию последнего (сообщение свидетелей).

Макс Билекий (Шенеберг, Гауптштрассе, 18) подвергнут пытке в казарме штурмовиков на Палештрассе, скончался в Урбанской больнице (свидетельское сообщение).

29 марта

Вальтер Шюц (Кенигсберг) коммунист, депутат рейхстага, убит. Ни одна немецкая газета не посмела сообщить о его смерти.

30 марта

Фриц Ролле, рабочий в Сименштадте, найден заколотым (Телеграфное агентство Вольфа).

(«Фоссише цейтунг», 30 марта: «...убит; несколько колотых ран в правую грудь. У убитого оказалось также повреждение головы, которое могло явиться результатом падения. Так как ищeyка не могла ничего найти, то надо полагать, что убийцы пользовались автомобилем».)

Лейбль Фольшлегер (Берлин-Ю. В., Скалицерштрассе), *схвачен, убит, брошен в воду* (сообщение свидетелей).

(«Иностранный еврей Л. Ф. был схвачен штурмовиками при входе в ресторан; в течение трех дней его нельзя было найти. На четвертый день хоронили его труп, вытасченный из Шпрее. Погребение имело место 30 марта в Вайсензее»).

Неизвестный еврей—в верхнем Гессене *повешен за ноги; скончался* («Манчестер гардиен»).

1 апреля

Вильгельм Петтер, пекарь, и *Карл Герман*, рабочий-коммунист (Вольденберг—Неймарк), *застрелены при побеге* («Фоссише цейтунг»).

Вильгельм Денгман, рабочий-металлург (Майдрих—Дюисбург—Гамборн), *застрелен на улице* («Фоссише цейтунг»).

(«Фоссише цейтунг», 1 апреля: «... найден мертвым, на трупе оказалось четыре огнестрельных раны. Судя по обстоятельствам дела, Д. преследовал один человек и застрелил его сзади. Относительно мотива преступления не имеется никаких данных».)

Неизвестный 23-летний рабочий (в Мюнхене у Шеффельдинга) *застрелен «во время бегства»* («Мюнхенер нойесте нахрихтен»).

(М. Н. Н. 1 апреля: «... под стражей... доставлен в автомобиле из Мюнхена в Ландсберг. Так как он на трижды повторенный оклик не остановился, то конвой стрелял».)

Фриц Шум, присяжный поверенный в Киле, *убит в тюремной камере* («Телеграф-унион»).

Прессбургер, торговец скотом (в Мюнхене), *застрелен; якобы самоубийство перед арестом* («Мюнхенер нойесте нахрихтен»).

М. Н. Н. 1 апреля: «В воскресенье утром покончил с собой выстрелом из револьвера в голову еврей-скототорговец Прессбургер. Прессбургер должен был быть арестован, так как он находился на сильном подозрении в распространении сведений об издевательствах и избиениях евреев»).

2 апреля

Г. Вертгоймер (Кель) *якобы удар перед арестом* (Телеграфное агентство Вольфа).

3 апреля

Пауль Ярос, кузнец (Лимбах близ Хемница), *застрелен при побеге* («Телеграф унион»).

Неизвестный, литограф (Аугсбург) *якобы удар при аресте* («Телеграф унион»).

Георг Белл, инженер из Мюнхена, ближайший сотрудник «Коричневого дома» и начальника штаба штурмовиков Рема, бежал от фашистской расправы в Австрию и был застрелен штурмовиками в гостинице Дурхгольцен близ Вальхзее (округ Куфштейн). (Контин-Агентство Вольфа).

4 апреля

Гайнц Бесслер (Дюссельдорф) *«застрелен при побеге»* (Телеграфное агентство Вольфа).

Вильгельм Дреус, рабочий (Берлин), *найден застреленным* («Фос-сигше цейтунг»).

Доктор Филиппсталь (Берлин-Биздорф), врач, *убит* («Берлинер тагеблат»).

(Сообщение свидетелей: «Ф. был вытащен ночью из квартиры, избит в казарме штурмовиков, доставлен в Урбанскую больницу. За несколько часов до его смерти его перевезли в Шарите, так как подобных случаев в Урбановской больнице накопилось слишком много».)

5 апреля

Ренуа—(Бонн), городской советник, коммунист *«застрелен при побеге»* («Телеграф унион»).

(Сообщение свидетелей: «...пытали... избит до неузнаваемости... пользовались в качестве мишени. Наутро явились полицейские... заявили жене убитого: мы не могли этому воспрепятствовать, но это не наша работа»).

Зауэр в Цубахвице, социал-демократ, калькулятор, *убит в концентрационном лагере* («Нейе вельт»).

(«Нейе вельт», 12 апреля: «в концлагере Гогенштейн избит до смерти и похоронен 5 апреля»).

Вильгельм Дреус, рабочий, коммунист (в Гамбурге), *застрелен на улице* («Телеграф унион»).

(«Фелькишер беобахтер», 7 апреля: «В среду ночью на Гумбольдштрассе в Гамбурге во время беседы на политическую тему был подстрелен сзади один рабочий». Бюро печати социалистической партии в Швейцарии: «...возвращаясь домой, был остановлен фашистами. В то же время два штурмовика подкрались к рабочему сзади и нанесли ему несколько ударов кинжалом в спину... несколько человек были свидетелями этого коварного убийства».)

6 апреля

Макс Нидермайер, коммунист, депутат городской думы в Иоганн-Георгенштадт (в Саксонии), *убит в тюрьме* в Цвикау (свидетельские показания).

Курт Фридрих, рабочий, коммунист, в Иоганн-Георгенштадт (в Саксонии), *застрелен* (свидетельское показание).

(Предводитель штурмовиков Кох действовал со своим отрядом, пресловутыми лимбахскими «убийцами-штурмовиками» также и в Иоганн-Георгенштадте. Многие бежали в соседний лес, штурмовики оцепили его, и К. Ф. был ранен в голову).

7 апреля

Гершман Штейншнейдер (Эрик Ян Галусен) (Берлин). Тайное фашистское убийство («Телеграф унион»).

8 апреля

Неизвестный рабочий (Берлин-Нейкельн, Гангоферштрассе) *убит штурмовиками* (показание свидетелей).

9 апреля

Вальтер Каш (Гамбург) подвергся нападению штурмовиков и был *застрелен ими у себя в легнем домике*.

10 апреля

Фриц Энглер (Хемниц), парикмахер, беспартийный, *замучен пытками до смерти* в Цейзигвальде (свидетельское показание).

11 апреля

Макс Рунф, член «Республиканского флага» в Хемнице найден *застреленным* («Телеграф унион»).

(«Берлинер берзен-цейтунг», 11 апреля: «В Нейкирхене у Хемница нашли склад оружия; Рунф, который знал о его существовании скрылся. Впоследствии его нашли застреленным».)

Доктор Артур Вейнер, адвокат в Хемнице, *найден застреленным* («Франкфуртер цейтунг»).

Альвин Ганспах, рабочий, коммунист (Фридрихсдорф, около Цитау), застрелен во время нахождения под стражей («Телеграф унион»).

(«Фоссише цейтунг», 11 апреля: «... пытался проникнуть в спальное помещение спецотряда штурмовиков... Когда его остановил один из штурмовиков, он пытался вырвать у него оружие. Штурмовик выстрелил для острастки в воздух, а когда Г. не отстал, выстрелил в него и убил наповал. Жена застреленного со вчерашнего дня находится под стражей за коммунистическую агитацию». — «Франкфуртер цейтунг» от 12 апреля, даже утверждает, что Г. напал на штурмовика «с оружием в руках». Противоречивые сообщения выдают с головой этот грубый вымысел).

12 апреля

Адвокат Бенарио, Артур Кан, купец из Нюрнберга, *Эрвин Кан*, купец из Нюрнберга, *Гольдман*, купец из Нюрнберга, *застрелены* «при попытке побега» в концентрационном лагере в Дахау (Телеграф. аг-во Вольфа, «Дейтше альгемейне цейтунг» и т. д.).

(Свидетельское показание из Мюнхена: «... Все четверо получили огнестрельные раны спереди. О похоронах не разрешили сообщить в газетах, на кладбище никого не пустили».)

Фриц Коллоше (Шарлоттенбург), оправданный по делу в рентгентале, *подвергся пыткам* в казарме штурмовиков на Розиненштрассе, *умер в больнице* (свидетельское показание).

13 апреля

Альберт Янка, депутат рейхстага, коммунист, «самоубийство» (Телеграфное агентство Вольфа).

(Базельская «Националь цейтунг», 11 апреля, Телеграфное агентство Вольфа: «Бывший коммунистический депутат рейхстага Янка, 26 лет, содержащийся под стражей, повесился в тюрьме». В начале марта фашистская пресса сообщила, что Янка вернулся в национал-социалистическую партию. Но в данном случае желание опередило действительность. Янку обрабатывали в течение нескольких недель, чтобы склонить к переходу к национал-социалистам. За то что он остался стойким и ложь не удалась, его убили в тюрьме).

Густав Шенгер, рабочий (Гамбург, Альтер Штейнвег, 71), замучен пыткой до смерти.

(Письмо отца к министру пропаганды Геббельсу; напечатано в «Саарбрюккнер арбейтер цейтунг» 19 мая).

15 апреля

Спиро, еврей, 17 лет (Берлин, Шенгольцштрассе, 17), подвергся пыткам в доме штурмовиков на Принценштрассе, 100, убит в казарме штурмовиков на Гедеманштрассе (свидетельские показания).

16 апреля

Бретшнейдер, Зигмар (Саксония), найден застреленным (Телеграфное агентство Вольфа).

(«Дер таг» 16-апреля: «Вожак антифашистов Бретшнейдер найден застреленным в лесу недалеко от Зигмара»).

18 апреля

Депутат Бейдер, Крефель-Юрдинген, найден застреленным («Фоссине цейтунг»).

Рихард Толлейт, рабочий коммунист (Кенигсберг), застрелен «при попытке к побегу» («Телеграф унион»).

Неизвестный рабочий-коммунист (Кенигсберг) застрелен «при попытке к побегу» («Телеграф унион»).

(«Франкфуртер цейтунг», 20 апреля: «При обыске в одной квартире на Вальринге, где происходило собрание коммунистов, один из участников бежал. Несмотря на требование полиции, он не остановился, и в него был произведен выстрел. Рана была смертельная, и он умер по дороге в больницу».)

19 апреля

Неизвестный железнодорожный служащий (Мюнхен), заколот ударом кинжала, нанесенным сзади, выдано за самоубийство («Мюнхенер нейесте нахрихтен»).

Альфред Элькер, христианин, убит штурмовиками за свою еврейскую наружность (свидетельское показание).

«Лейпцигер нейесте нахрихтен» отметила это событие только в отделе объявлений и притом следующим образом:

«Вместо особых извещений

Вследствие недоразумения смерть отняла у меня мужа

АЛЬФРЕДА ЭЛЬКЕРА

роч. 26 сентября 1886 г., ум. 19 апреля 1933 г. О тихом выражении сочувствия пр. сит *Марта Дотта Элькер*, урожденная Вейнерн, с семейством»

Каминский (Дортмунд—Герде), член Союза для борьбы с фашизмом», *убит в тюрьме* (свидетельское показание).

(«В казарме штурмовиков в Герде его подвергли ужаснейшим пыткам, так что его крики были слышны далеко на улице... В газетах не разрешили поместить объявление о его смерти... Хоронили без огласки... на похороны допустили только ближайшую родню... Несколько дней спустя в Дортмунде вышла нелегальная газета «Кемпфер», в которой дортмундские рабочие пригвоздили к позорному столбу начальника дортмундской полиции Шепмана как убийцу Каминского»).

21 апреля

Фриц Дрессель, слесарь, председатель коммунистической фракции в ландтаге, якобы «самоубийство»; согласно свидетельским показаниям, *убит* в концентрационном лагере в Дахау («Мюнхенер нейесте нахрихтен»).

22 апреля

Макс Кассель, молочный торговец (Висбаден), *застрелен у себя на квартире* («Дейтше альгемейне цейтунг»).

Соломон Розенштраух, купец (Висбаден), *убит у себя на квартире* («Дейтше альгемейне цейтунг»).

Пауль Папст, рабочий, якобы *самоубийство* в казарме штурмовиков («Германия»).

(«Германия» 29 апреля: «После ареста выпрыгнул из окна в доме штурмовой группы Берлин—Бранденбург. Тяжелый перелом позвоночника. Скончался»);

23 апреля

Полицейский вахмистр Курт Бенке, штурмовик в Берлине, по видимому *тайное фашистское убийство* («Ангриф»).

Пауль Герде, рабочий в Люббене, *застрелен* («Фоссише цейтунг»).

(«Дейтше альгемейне цейтунг», 25 апреля... Железнодорожный полицейский преследовал Г., окликнул его и объявил его

Арестованные рабочие, женщины и дети

часами ждут с поднятыми руками, пока их увезут в бреславльскую казарму штурмовиков.

Карательная экспедиция штурмовиков в рабочем квартале Дюссельдорф-Бильк

Сотни рабочих были арестованы и подвергнуты жестокому избиению. Молодой рабочий, изображенный на снимке справа, был так избит, что он уже не мог поднять руки.

арестованным. Г. пошел с ним, но вскоре вырвался и убежал. Полицейский трижды окликнул его, но Г. не останавливался и продолжал бежать после холостого выстрела... Тогда полицейский выстрелил в беглеца и попал через спину в сердце).

Франц Шнейдер, рабочий, противник фашистов. (в Гохе, Рейнская провинция), *якобы самоубийство в заключении* («Фоссише цейтунг»).

(«Фоссише цейтунг», 24 апреля: «Ш., содержащийся под стражей, должен был быть отведен на допрос и спрыгнул со второго этажа с высоты 8 метров, в пролет лестницы. Он получил столь тяжелые повреждения, что вскоре после этого умер»).

Кониный, рабочий коммунист, в Эльснице (Рудные горы), *якобы самоубийство в заключении* («Фоссише цейтунг»).

(«Фоссише цейтунг», 25 апреля: «... повесился у себя в камере»).

24 апреля

Неизвестный житель дачного поселка (Горнер Моор), *сгорел на-тертый дегтем, как христиане при Нероне, якобы самоубийство* («Фелькишер беобахтер», 25 апреля).

Кордес и сын, торговцы (Вицмунд под Бременом), *убиты во время погрома*. (Телеграфное агентство Вольфа).

(«Бремер цейтунг», 24 апреля: «В ночь на понедельник еврея торговца К. выманили из дома и убили тремя выстрелами. Жену его сшибли с ног, 24-летнего сына убили в кровати выстрелом в висок»).

25 апреля

Мендель Габер, купец (Дортмунд), *застрелен и брошен в воду* («Дортмундер генераланцейгер»).

(«Роте эрде», орган национал-социалистической партии, 28 апреля: «Еврей Г. был взят штурмовиками и доставлен в их казарму...» 6 мая во всех дортмундских газетах появилось сообщение о трупе, выплывшем в канале у Кастроп—Раукселя. Госпожа Г. опознала в покойном своего пропавшего мужа. На теле было несколько огнестрельных ран в голову, на голове ножевые раны и т. д., хотя «Роте эрде» признала, что 25 апреля Габер был арестован, тем не менее 19 мая в «Дортмундер генераланцейгер» появилась статья с заголовком: «1 тыс. марок вознаграждения—убийство дортмундского торговца—кто видел покойного 25 апреля»).

Двое неизвестных рабочих (в Гейле в Липе), *найлены тела* («Фелькишер беобахтер»).

(«Фелькишер беобахтер», 25 апреля: «В Гейле из бокового канала Липе были извлечены два мужских трупа, связанные веревками. У обоих оказались серьезные раны на голове. Оба приналежат к рабочему сословию»).

Граница, рабочий (Кенигсберг), *убит «при попытке побега»* (ночное издание).

Национал-социалисты грабят рабочие квартиры в Хемнице и в Франкфурте на Майне.

(«Штутгартер нейес тагеблат», 26 апреля: «В ночь на вторник Г. был доставлен из Кенитсберга в Дейч-Эйлау для очной ставки. Недалеко от Эльбинга Г. выскочил на всем ходу из поезда. В него стреляли, и он был убит пулей, попавшей в легкое).

26 апреля

Вилли Плонске, рабочий (Берлин, Мантейфельштрассе, 97), найдено тело («Ангриф»).

(«Ангриф», 27 апреля: «... У моста через канал на Вуперта-лештрассе в Тельтове в канале был замечен труп... Причина загадочной смерти неизвестного пока еще не выяснена». «Фос-сише цейтунг», 13 мая: «Труп человека, вытасченный из Тельтовского канала, удалось теперь опознать»).

27 апреля

Эрвин Фолькмар (Берлин—Нейкельн), боксер, *якобы убийство без политических мотивов. Застрелен на улице* («Ангриф»).

28 апреля

Неизвестный человек. В Воленберге, округ Обербармин, *застрелен и сожжен* («Франкфуртер цейтунг»).

(Отчет комиссии по убийствам в Пренцлау: «Труп был облит бензином и подожжен. Лужи крови указывают на то, что убийство было совершено там же, где найдено тело, и что жертва была еще жива, когда ее подожгли»).

Функ, депутат рейхстага, коммунист (Дортмунд), *убит в тюрьме, якобы самоубийство* («Ангриф»).

Фритц Гумберт, рабочий коммунист (Гейденау), *убит после пыток, продолжавшихся несколько недель, похоронен 28 апреля*.

29 апреля

Неизвестный мужчина (под Вернейхеном в Марке), *найден убитым* (Телеграфное агентство Вольфа).

30 апреля

Гакштейн, рабочий коммунист (Гревенброх), *застрелен «при попытке к бегству»* («Кельнише цейтунг»).

(«Кельнише цейтунг», 2 мая: «Гакштейн, который скрывался с масленицы и разыскивался по обвинению в государственной измене; в субботу полиция и вспомогательная полиция напали на его следы, при попытке к бегству Гакштейн был застрелен»).

Андрес Фон Флотов, сельский хозяин, националист, сотрудник военного министерства. Арестован штурмовиками и *застрелен «при попытке к бегству»* в Нейбукове у Шверина (Мекленбург). (Конти).

Конец апреля

Неизвестный рабочий (Эбедсдорф в Саксонии) и *Гейнц Гольдберг* красный спортсмен (Нидеркунерсдорф у Лебау) *застрелены в погребе дома Германа Геринга в Лебау (свидетельское показание)*.

2 мая

Роденшток, социал-демократ, секретарь коммунальных рабочих, и два неизвестных служащих профсоюза подверглись пыткам и были убиты в доме штурмовиков в Дюисбурге (свидетельское показание).

Данцигер, еврей купец (из Дюисбург-Гамборна), подвергся ночью нападению штурмовиков и был так избит, что вскоре после этого умер.

3 мая

Доктор Эрнст Оберфорен, председатель фракции националистов в рейхстаге, найден мертвым у себя в квартире в Киле. Германская пресса сообщает о его самоубийстве. В действительности имело место тайное убийство, совершенное штурмовиками, потому что Оберфорен разослал докладную записку о том, кто является действительным поджигателем рейхстага.

4 мая

Неизвестный член Стального шлема (Берлин), застрелен в пивной штурмовиков «Буревестник» на Мальмэерэке, Укермюндерштрассе («Арбейтер цейтунг» в Саарбрюкене).

5 мая

Симон Кати, ремесленник, польский гражданин, избит до смерти (свидетельские показания).

(Берлин, 5 мая: «...труп был извлечен из Шпрее, на теле оказалось много ран, повреждений. Национал-социалисты бросили К. в Шпрее после того, как избili его до смерти»).

Неизвестный мужчина (Потсдам-Гельтов), брошен связанным в воду («Фоссише цейтунг»).

(«Фоссише цейтунг», 5 мая: «в так называемом Грасторне в Гельтово... найден труп мужчины. Нижняя часть тела была закутана в серое военное одеяло и завязана тонкой веревкой. Ноги в коленях были связаны. Верхняя часть туловища была завернута. На верхнюю часть туловища была надета наволочка с красными полосами. Тело видимо пролежало в воде с середины апреля...»).

Шпангенберг, рабочий коммунист (Бредерейхе, округ Темплин), якобы самоубийство в тюрьме («Фоссише цейтунг»).

(«Фоссише цейтунг», 6 мая: «В своей камере заключения при суде в Пренцлау... самоубийство посредством повешения»).

Неизвестный рабочий красильщик (Саган), якобы самоубийство, убит в тюрьме (Телеграфное агентство Вольфа).

6 мая

Неизвестная девушка (Гроссен), найдено тело («Ангриф»).

(«Ангриф», 8 мая: «...тело неизвестной девушки. Она лежала около шоссе в сосновом заповеднике. Следы указывают на то, что неизвестная была туда доставлена на автомобиле... Повидимому девушка была задушена.»)

8 мая

Доктор Экштейн, вождь социалистической рабочей партии (Бреславль), пытками замучен до смерти (Телеграфное агентство Вольфа)

9 мая

Доктор Мейер, еврей, зубной врач, забран штурмовиками в Вуппертале и затащен в дюссельдорфский дом штурмовиков. Там ему были нанесены опасные для жизни побои и увечья, после чего его отвезли на автомобиле к плотине Мене и утопили (показание свидетеля).

(Его дюссельдорфским друзьям было анонимно сообщено, что если об этом факте появится в печати, то еще десять евреев «постигнет та же участь».)

Галиновский, рабочий (Алленштейн), убит «при попытке к бегству» (Телеграфное агентство Вольфа).

10 мая

Неизвестный молодой рабочий, красный спортсмен (Берлин—Веддинг), убит в казарме штурмовиков на Гедеманштрассе, вытасцен из канала Шпрее с перерезанным горлом (свидетельское показание).

11 мая

Бидерман, социал-демократический депутат рейхстага (Гамбург), якобы самоубийство («Франкфуртер цейтунг»).

(Гавас, Эссен, 11 мая: «...найден на железнодорожных рельсах, недалеко от вокзала Реклинггаузен...».)

Глюков, рабочий-коммунист (Берлин-В., Палисаденштрассе, 9), подвергся пыткам, умер в больнице св. Гедвиги (свидетельские показания).

(В свидетельстве о смерти указано: «Внутреннее кровоизлияние вследствие насильственных действий».)

Сепп Гетц, коммунистический депутат ландтага, убит в концентрационном лагере в Дехау после избияния, продолжавшегося несколько недель (сообщение очевидца, бежавшего из Дахау).

13 мая

Неизвестный штурмовик из вспомогательной полиции (Киль), найден застреленным («Франкфуртер цейтунг»).

(«Франкфуртер цейтунг», 14 мая: «В роце у канала Кайзер-Вильгельм в Киле... еще не установлено убийство или самоубийство... Тайное убийство, учиненное фашистами. Согласно свидетельским показаниям убитый спросил в одной из пивных, посещаемых фашистами, когда подумывает имперское правительство серьезно осуществить свои широкие обещания».)

Гензслер, рабочий-коммунист (Дюссельдорф), застрелен («Германия»).

15 мая

Доктор Альфред Штраус (Мюнхен), адвокат, 30 лет, еврей, член национальной партии. Арестован по распоряжению своего коллеги Франка 2-го, баварского министра юстиции, *подвергся тяжким истязаниям, убит* (показания свидетелей).

Неизвестный член Стального шлема (Берлин) подвергся нападению штурмовиков и *был заколот* во время выступления оркестра Стального шлема на площади.

Палетти (Берлин-Шенеберг) *пытками замучен до смерти* (свидетельское показание).

(«На груди и на спине ему выжгли фашистский знак, потом его били так, что отшибли почки. Вскоре он скончался от причиненных повреждений»).

Герман Ридель (Гладбек), *якобы самоубийство* («Дер таг»).

17 мая

(«Дер таг», 17 мая: «в Г. повесился бывший лидер спартаковцев Р, который играл заметную роль в области Эмшер-Липпе во время красной смуты первого послевоенного периода».)

Иоганнес и Вильгельм Бардт (Дюнсбург) *убиты* («Дер таг»).

(«Дер таг», 17 мая: «... подверглись нападению со стороны неизвестных и получили опасные раны для жизни... жизнь их в опасности». — Тем временем умерли»).

18 мая

Неизвестный мужчина (Берлин), *якобы самоубийство* («Фоссише цейтунг»).

(«Фоссише цейтунг», 18 мая: «Полицейские извлекли из воды у Майбаха труп мужчины, который очевидно давно покончил с собою. Личность покойного не могла еще быть установлена».)

Гонкштейн (Гревенбрейх) *убит «при попытке к побегу»* (Телеграфное агентство Вольфа).

19 мая

Леонард Гаусман, партийный работник, коммунист, *застрелен в концентрационном лагере «при попытке к побегу»* (Телеграфное агентство Вольфа).

20 мая

Артур Мюллер, работник «Республиканского флага», был увезен фашистами в автомобиле, *подвергнут пыткам и убит* в их казарме в Берлине-Шенеберге на Генераль Папештрассе (свидетельское показание).

(«Тело совершенно обезображено. Череп пробит, правый глаз вытек, все лицо разорвано, все тело покрыто рубцами и кровоподтеками. Перелом руки в двух местах».)

25 мая

Шлосс, купец (Нюрнберг), *застрелен* (свидетельское показание).

26 мая

Громан, живописец (Дюссельдорф), был застрелен штурмовиками из специального отряда в Калькумской роще. Убийцы прикрепили к трупу записку: «На память о Шлагетере» (показание свидетелей).

27 мая

Франц Лербургер (Нюрнберг), 29 лет, застрелен в концентрационном лагере в Дахау «при попытке побега». («Френкишер курир»).

(Показание свидетелей: «Родителям был выдан запечатанный гроб и под страхом самых суровых наказаний было запрещено открывать его».)

29 мая

Вильгельм Арон, кандидат на судебные должности в Бамберге, 24 лет, член «Республиканского флага», застрелен в Дахау «при попытке побега» («Бамбергер цейтунг»).

Конец мая

Двое рабочих коммунистов застрелены в концентрационном лагере в Зигбурге (показание свидетелей).

8 июня

Штурмовик-оппозиционер (Дюссельдорф) застрелен при раздаче прокламаций («Дортмундер генераланцейгер»).

(Сообщение начальника дюссельдорфской полиции от 10 июня: «За последние дни неоднократно раздавались прокламации с заголовком: «Тревога, боевой листок группы революционных штурмовиков штандарда № 39». Один из раздававших такие листки, личность которого еще не удалось установить, найден сегодня ночью застреленным на Рейнском мосту».)

10 июня

Карл Лоттес, рабочий-коммунист, застрелен при попытке к побегу» (Телеграфное агентство Вольфа).

Фриц Кокорени, штурмовик-оппозиционер, найден застреленным у себя на квартире в Берлине на Кепеникштрассе, 114 (показание свидетелей).

(«Это тайное фашистское убийство. У Кокорени за последнее время часто возникали споры с начальством. Вечером накануне своей смерти он произнес оппозиционную речь на собрании штурмовиков. Он живет в том же доме, где находится бюро фашистов. У его трупа двое штурмовиков сказали: «Надо быть осторожными; иначе с нами может случиться то же самое».)

Вальтер Эрнст, тело найдено полузарытым на кладбище в Геннингсдорфе под Берлином (Телеграфное агентство Вольфа).

(Показание свидетелей: «Вальтер Эрнст был убит в казарме штурмовиков Мейснергоф у Фельтена. Кладбищенские сторожа нашли тело в Геннингсдорфе полузарытым».)

12 июня

Неизвестный рабочий (Эссен) убит «при попытке к бегству» («Телеграф унион»).

20 июня

Вальтер Керзинг, рабочий, член боевой организации партии националистов (Франкфурт на Одере), «застрелен национал-социалистами во время спора» (Телеграфное агентство Вольфа).

21 июня

Пауль Урбан, рабочий (Бранденбург), якобы «самоубийство, совершенное в тюрьме».

Трое неизвестных в Фильцтейхе, в Нейштедтеле около Цвикау найдены мертвыми («Цвельф ур миттагсблат»).

(«Цвельф ур блат», 28 июня: «...ноги были связаны... к трупам был прикреплен груз из камней... трупы были связаны вместе проволокой... мужчины в возрасте 25—30 лет... платки с метками Г. Э. и М. Г.... до сих пор личности не установлены».)

22 июня

Альтенбург, рабочий-коммунист, в Арнсвальде (Неймарк) «убит при попытке к бегству» («Дейтше альгеймейне цейтунг».)

Семья Шмаус (Берлин-Кепеник), отец, мать и сын, убиты штурмовиками.

Раковский, рабочий (Кепеник), застрелен штурмовиками.

Иоганнес Штеллинг, бывший мекленбургский премьер-министр, захвачен в Кепенике и убит (см. отчет).

Пауль фон Эссен, руководитель «Красного флага», в Кепенике избит до смерти.

24 июня

Артур Май, партийный работник-коммунист (Аахен), застрелен «при попытке к бегству» во время перевозки его в крепость Юлих (Бюро печати при полицейском управлении в Аахене).

26 июня

Неизвестный рабочий-коммунист (Брауншвейг) убит в тюрьме, якобы «самоубийство» (Телеграфное агентство Вольфа).

29 июня

Доктор Розенфельдер, адвокат (Нюренберг), убит в концентрационном лагере в Дахау (показания свидетелей).

В конце июня

Глеспер, окружной руководитель «Красной помощи» (Эльберфельд).

Готшалк, член городской думы (брат убитого Франца Г.).

Отто Датем, член городской думы, коммунист (Эльберфельд), убит вскоре после его освобождения из концентрационного лагеря, брошен в воду у плотины в Понсдорфе.

Эрвин Делер, молодой рабочий (Лльберфельд, Виркштрассе), найден мертвым с распоротым животом на мусорной свалке в Эльберфельде.

Горсмейер, молодой рабочий (Эльберфельд), застрелен в автомобиле арестовавшими его штурмовиками; на другое утро тело его было найдено на болоте у Бека.

Неизвестный рабочий (Эльберфельд) найден мертвым в Бремерштрассе (два выстрела в живот, один в грудь).

Неизвестный рабочий (Остербрунн у Эльберфельда) найден мертвым (2 выстрела в живот и два в спину).

Все сообщаемое об эльберфельдских убийствах основывается на проверенных показаниях свидетелей. Имеется еще шесть случаев, которые до сих пор не могли быть проверены. Почти всеми убийствами, без исключения, руководил начальник штурмового отряда Август Пуше в Эльберфельде, Рейтбанштрассе.

Гунгмингер, полицейский майор (Мюнхен).

Себастиан Нефцгер (Мюнхен).

Михаэль Зигман, социал-демократ (из Пазинга), убит в концентрационном лагере в Дахау (свидетельское показание).

Макс Марголинер (Бреславль), купец, 24 лет, в апреле подвергся пытке в «коричневом доме» на Карлштрассе, через 2 месяца умер в еврейской больнице в Бреславле-Зюд (свидетельские показания).

(«Саарбрюкенер фолксштимме»: «...бесчеловечные парни ввели ему, когда он находился в бессознательном состоянии, спиральную пружину в толстую кишку... в больнице его держали 8 недель в воде, так как он не мог ни сидеть, ни лежать».)

10 июля

Иозеф Нис, журналист, руководитель окружного отдела пролетарского союза свободомыслящих (Эрфурт).

Альфред Ноль, партийный работник-коммунист (Иена) и неизвестный рабочий-коммунист (Эрфурт), застрелены при аресте нелегальной типографии коммунистической газеты «Тюрингер фолксблат». Расстреляны на месте штурмовиками (показания свидетелей).

12 июля

Асман, работник союза республиканского флага (Кепеник-Фридрихсгаген). Жертва варфоломеевской ночи в Кепенике (см. отчет).

Ван Тенде, рабочий коммунист (Эссен), политический заключенный, содержался в каторжной тюрьме с октября 1931 г., застрелен «при попытке к побегу» (Конти, Телеграфное агентство Вольфа).

Шульц, депутат ландтага, коммунист (Берлин), умер от побоев в тюремной больнице («Тан»).

(«Саарбрюкенер фолксштимме», 18 июля: «...Шульце неожиданно выступил в 1930 г. в берлинской радиопередаче с речью против правительственной тактики вместо сотрудника

социал-демократической газеты, который должен был говорить за сооружение броненосных крейсеров».)

Фриц Ланге, рабочий-коммунист (Кенигсберг), подвергся линчеванию («Ангриф»).

(«Ангриф», 12 июля: «Большая толпа народа двинулась к судебной тюрьме, извлекла оттуда коммуниста-убийцу и подвергла его линчеванию».)

Йозеф Мессингер, рабочий-коммунист (Бонн), убит в тюрьме, якобы «самоубийство» (Гавас).

14 июля

Франц Браун, редактор «Фольксвахт» (Штетин), убит в камере на другой день после ареста (Конти, Телеграфное агентство Вольфа).

Неизвестный рабочий-коммунист (Штетин), застрелен (Конти, Телеграфное агентство Вольфа).

Трое неизвестных коммунистов (округ Шверин, Варте), застрелены «при попытке к бегству», когда их везли в концентрационный лагерь в Зонненбурге («Фоссише цейтунг»).

Неизвестный партийный работник-коммунист (Бохум) застрелен «при попытке к бегству» во время допроса.

15 июля

Штеер, портной (Берлин), найден с разрезанным горлом около испытательной станции для ручных гранат (показания свидетелей).

Клара Вагнер, секретарша (Берлин-Трептов), застрелена (показания свидетелей).

17 июля

Д-р Вильгельм Шефер (Франкфурт), прежде национал-социалист, приобрел известность благодаря опубликованию «богсгеймских документов» (инструкции о терроре, изданные фашистами в 1931 г.) найден застреленным во франкфуртском городском лесу. Тайное фашистское убийство («Франкфуртер цейтунг»).

(«Франкфуртер цейтунг», 18 июля: «...До сих пор не найдено никакого следа виновных».)

20 июля

Неизвестный рабочий (Берлин), найден мертвым у Гиршгартена, на берегу Мюгельзее (свидетельское показание).

50-летний мужчина (Берлин), найден мертвым около Музеумс-брюке на Упферграбен (показания свидетелей).

Гуго Федерсен, рабочий-коммунист (Гамбург), убит в тюрьме, якобы самоубийство (Телеграфное агентство Вольфа).

Штурмовик-оппозиционер (Оберменсиг у Мюнхена), найден застреленным около электростанции в Карлсфельд. Тайное фашистское убийство (Конти, Телеграфное агентство Вольфа).

24 июля

Эрих и Густав Рудольф (Дюрингсгоф, Остбан), застрелен в

Ландсберге на Варте, якобы при попытке к бегству («Франкфуртер цейтунг»).

Три штурмовика-оппозиционера найдены застреленными в Груневальде под Берлином, тайное фашистское убийство (показания свидетелей).

Ясковьяк, национал-социалист, оппозиционер (Леверкузен), *застрелен штурмовиком*, якобы в состоянии обороны («Дорфундер генерал анцейгер»).

29 июля

Советский, рабочий-коммунист (Изерлон), *застрелен* вспомогательной полицией, якобы в состоянии необходимой обороны (Телеграфное агентство Вольфа).

Генрих Фердинг, рабочий-коммунист (Гесфельд), *упал из окна в полицей-президиуме* в Реклингаузене, якобы самоубийство, повторение случая с Функом (Телеграфное агентство Вольфа).

1 августа в Альтоне были казнены рабочие *Людгенс, Теш, Вольф* и *Меллер*.

Во втором томе «Коричневой книги» будут приведены документальные данные относительно еще не опубликованных убийств, совершенных гитлеровским фашизмом.

НЕЛЬЗЯ ОБМАНУТЬ ВСЬ МИР

Отклики на германские события за границей доказывают, что отчаянные маневры, предпринятые гитлеровским правительством, не могли воспрепятствовать распространению правды. Заграничная пресса в подавляющем большинстве обвиняла в поджоге рейхстага национал-социалистов. Заграничная пресса, несмотря на опровержения гитлеровского правительства, систематически отмечала на своих столбцах кровавый террор и преследование евреев. Не только иностранная пресса, но и лучшие писатели буржуазного мира, ученые, врачи и адвокаты подняли голос в знак протеста против гитлеровского террора. Они объединились в большинстве стран в комитеты и оказывают помощь жертвам гитлеровского фашизма.

Из огромного хора голосов, выступивших с обвинением против гитлеровского террора, мы в первом томе «Коричневой книги» даем слово только немногим.

Протест

Шервуд Андерсен откликнулся на наше предложение принять участие в «Коричневой книге» следующим письмом:

Что касается гитлеровской Германии, то это одна из тех человеческих нелепостей, из-за которых жизнь иногда кажется столь безнадежной. Меня пугает возможность, что из этого очень легко может создаться новый повод для ненависти к немецкому народу. Мы уже однажды это пережили. Я как американец ведь тоже не могу гордиться историей моей страны. Мы, американцы, не должны забывать, что собой представлял еще несколько лет назад Ку-клукс-клан, не должны забывать линчевания негров, которое еще практикуется у нас на юге.

Но все это не препятствует мне вместе с другими писателями Европы и Америки присоединиться к протесту. Искренне ваш
Шервуд Андерсен.

Германский фашизм

Всякий, кто убежден, что будущее Западной Европы решается в Германии, должен с болью в сердце переживать нынешний этап ее истории. Но этот этап не является совершенно неожиданным. Ведь все, что в настоящее время осуществляется среди бела дня, уже имелось до войны в скрытом виде. И гонение на евреев, и ярая

ненависть властей к широким народным массам и к их притязаниям на человеческое существование, и жестокие методы подавления этих требований—все это уже было и раньше. Реакция давала себя чувствовать и в других странах в достаточной степени. Но юнкерская аграрная Пруссия была прямо таки опорой мировой реакции: здесь на земле 350 тыс. уничтоженных государством свободных крестьянских хозяйств засели помещики и сидят по сей день. Они составляли главную опору вильгельмовской империи. Отсюда выпорхнуло это отродье. Уже в детстве очерстевшие под впечатлением ежедневно наблюдаемого у себя дома нечеловеческого обращения с батраками, они еще более огрубевали в студенческие годы. Традиции корпораций, шопойки, презрение к гражданскому населению и студенческие дуэли вырабатывали из них для правительства большого, трудолюбивого, чистосердечного народа кадры офицеров, ландратов, высших чиновников, а также, что тоже имело немалое значение, высших должностных лиц полиции, которые из наиболее квалифицированных сыновей сельских рабочих своей местности воспитывали полицейских и создали тип «шутцмана», не даром пользующийся дурной славой.

Немецкий народ,—как и всякий народ, если достаточно долго проживешь с ним,—нельзя не полюбить за его работоспособность, за его готовность прийти на помощь и за его душевные свойства. Но все же в вильгельмовском государстве нельзя было никогда чувствовать себя особенно хорошо. Нельзя было отделаться от неопределенного чувства, что невидимые, жуткие силы, о грубость которых разбивалось все интеллектуальное и человеческое, посягают на твою личность. Германия производила впечатление почвы, казалось бы тщательно возделанной, которая однако постоянно может снова превратиться в дикую степь, причем все снова будет заглушено и уничтожено.

Иногда эта опасность проявлялась грубо, в преувеличенной форме, как-то в нашествии историй в Цаберне и Моабите, иногда резко и тупо, как в кепеникском деле.

Широкие слои в общем не обладали способностью освободиться от психологии «господ» и вытекающего отсюда рабского чувства. Даже в германском рабочем движении, «величайшем в мире» и долгое время руководящем, преобладало скорее корпоративное начало, чем сознание значения личности. Социал-демократии не удалось пробудить в пролетариате сознания собственного достоинства; в профсоюзных и партийных кадрах, с их гражданскими унтер-офицерами и фельдфебелями, с их империалистически настроенными вождями явно возродился вильгельмовский строй. Германская социал-демократия заросла капиталистической сорной травой: империализмом, антисемитизмом, индивидуализмом и бюрократизмом. В массовых действиях это выражалось в большой дрессировке и в малой способности самостоятельно думать, в инертности, отчасти трусости и во всяком случае в отсутствии размаха.

Мировому пролетариату — пока Германия служила ему примером—приходилось признавать много сорных трав пролетарскими культурными растениями.

Два убитых коммунистических депутата рейхстага

Вальтер Шютц, депутат рейхстага от Восточной Пруссии, один из наиболее популярных рабочих вождей в Восточной Пруссии, был арестован в Мемельсберге штурмовиками, которые подвергли его зверским пыткам и затем убили

Альберт Функ, депутат рейхстага, член коммунистической партии Германии. Известный вождь горнозаводских рабочих в Рурской области. Был убит в следственной тюрьме в Реклингаузене. Его выбросили из окна третьего этажа во двор.

Каждая борьба за культуру означает освобождение человека в какой-нибудь области. На сегодняшний день возможна только одна борьба за культуру и эта борьба—освобождение пролетариата от хозяйственной, национальной, колониальной, расовой тирании.

Предпосылкой всякого угнетения является презрение к психике, культуре, человечности; никакая маскировка угнетателя не скроет в нем зверя!

Фашизм—это период разоблаченного и показывающего свою звериную сущность капитализма. Наша сегодняшняя борьба, как и всякая борьба за культуру,—борьба за человека и *против* зверя. Кто в этом еще сомневается, пусть обратится к современной Германии.

Для такой борьбы не годится рабочее движение, которое играет понятиями пацифизма и гуманизма и подражает буржуазным добродетелям и порокам. Кто хочет вырвать чертополох, должен крепко хватать его и притом иметь грубую кожу на руках.

Мы недостаточно глубоко вспахали почву. Под возделанным слоем земли еще не выкорчеваны корни старины. В особенности это относится к Германии. Надо сызнова вспахать почву. Поступим, как в СССР, начнем все сызнова, вооружившись колоннами тракторов!

Мартин Андерсен Нексе.

Величайшая трагикомедия наших дней

Эта книга—памятник, состоящий из фактов и документов. Если к тому же она ужасающий обвинительный акт, то это происходит потому, что факты сами за себя говорят.

В каком положении мы сейчас пребываем? Наше гордое XX столетие унаследовало от прошлых эпох производительные силы, цивилизацию, культуру, которые могли бы обеспечить всем живым существам средства к жизни. Если когда-либо в истории человечества старая сказка о золотом веке могла бы претвориться в жизнь, то этот период—наше время, когда человеческий ум после тысячелетий борьбы овладел столькими орудиями для покорения сил природы и столькими совершенными средствами для связи и сношений между людьми. А в противоположность этому что же мы наблюдаем в действительности? Что эта столь хваленая цивилизация делает все усилия, чтобы приблизить человечество к его гибели. Золотой век? Нет: век золота, железа, крови. За послевоенный период, точно так же как и во время войны, человеческая нищета и страдания широко распространились, как зараза. Всюду царят несправедливость, угнетение, жестокость: в колониях, на Дальнем Востоке, в Северной и Южной Америке, в Испании, Венгрии, Польше, на Балканах. А теперь происходит возврат к полному варварству в Германии, озверение переходит все границы.

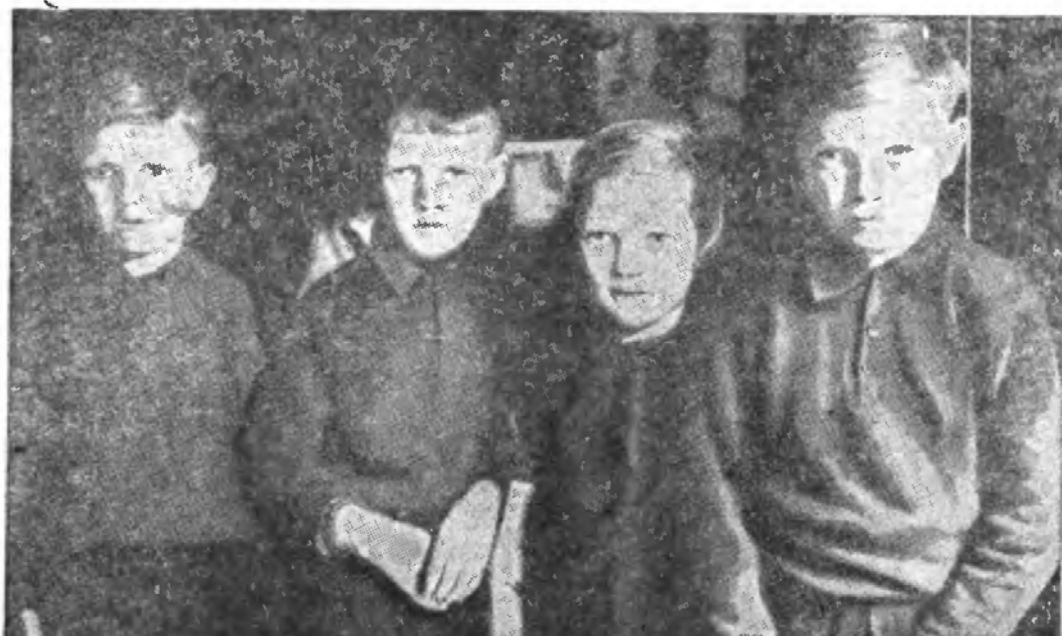
Из всей нищеты и горя, от которых поколения нашей эпохи страдают и истекают кровью, преждевременно умирают, глубже всего ранит наши сердца и наш мозг то, что стряслось в Германии. Великий народ, который мы полюбили не только из-за его гениев

**Рабочий Гумберт замучен
до смерти**

Рабочий Гумберт из Геденау. Штурмовики переломали ему в Кенигштейне в Саксонии буквально все кости и замучили пытками до смерти.

Внизу снимок четырех из пяти детей убитого Гумберта.

в области философии и искусства, за мастерские произведения, просветившие весь мир, за блестящую, вызывавшую в нас восхищение способность систематизировать и организовывать,—этот народ стал армией рабов, в которой каждый человек, осмелившийся поднять голову, будет растоптан. Немецкая способность подчинения каждого в отдельности общему началу, гармония сил, инстинктивное социальное чувство, являющееся одним из национальных качеств этого народа, злонамеренно используются для антисоциального дела, для преследования и разрушения. Сегодняшние правители великой Германии захватили власть только в собственных интересах, они злейшие враги своего народа.

Эта фаза организованного, утонченного варварства. Где-либо в другом месте разбой и кровавая бойня имеют примитивный, чисто зверский характер; здесь же они рассчитаны, хорошо продуманы и свидетельствуют о наличии испытанной тактики и превосходной стратегии. Преступления гитлеровского фашизма—это публичное представление тщательно инсценированных жутких пьес, которые давно подготовлены приглашенными для этого режиссерами и актерами (от канцлера до последнего доносчика).

Весь мир убежден,—об этом я заявил недавно в германском посольстве, куда я направился во главе делегации от многочисленных организаций всех направлений,—что официальная легенда о поджоге рейхстага—эта широковещательная попытка оправдания всех прошлых преступлений, этот мрачный пролог ко всем преступлениям сегодняшнего и завтрашнего дня, которые так умело выявлены в этой книге,—что легенда о поджоге преднамеренно и сознательно во всех ее частях построена на вымысле. Тот, кто под впечатлением ранее опубликованных сведений еще сомневался в этом,—ознакомившись с доказательствами этой книги, неоспоримыми вследствие их обоснованности, а также ввиду натянутости выводов, к которым приходят инициаторы легенды, придет к убеждению, что здесь участвует безумие и притом самого низкого свойства, которое опасается своих действий.

Гитлер в книге «Моя борьба» заявляет, что «управлять массами можно, только обманывая их». Верно: массы можно обманом сбить с толку. Но как долго действует такой обман?

В то время, когда я пишу эти строки и когда большая часть этой книги уже печатается, мое внимание привлекает весьма подробное сообщение: новое происшествие, которое само по себе могло бы раскрыть глаза на тактику Гитлера, Геринга и Геббельса тем, кто не слеп и не собирается извлекать выгоду из своей близорукости.

Речь идет об истории с самолетами, о жалкой, но опасной выдумке. 23 июня в 22 ч. 30 м. информационное агентство сообщило берлинским газетам под заголовком «Красная чума—самолеты над Берлином» следующее:

«Сегодня после полудня иностранные самолеты неизвестного в Германии типа летали над Берлином и сбросили над кварталом, где помещаются правительственные здания, а также в восточной части города оскорбительные для имперского правительства про-

«прокламации». Воздушная полиция не имела необходимых аппаратов в своем распоряжении, а спортивные самолеты, находившиеся на аэродроме, не обладают достаточной быстротой, для того чтобы преследовать иностранные аэропланы. Последние скрылись, не будучи опознаны».

Однако на запрос иностранных корреспондентов относительно содержания этого сообщения аэродром Берлин-Темпельгоф в 23 ч. 30 м. объявил, что ему ничего не известно.

В 23 ч. 25 м. воздушная полиция, запрошенная по тому же поводу, тоже ни о чем не знала, хотя информационное агентство в своем сообщении заявляло, что воздушная полиция и управление аэродромом не могли действовать только по причине отсутствия соответствующих аппаратов. Берлинский корреспондент «Таймса» телеграфировал своей газете, что ни воздушная полиция, ни начальство аэродрома, ни воздушная пассажирская компания «Люфтваганза» ничего не знают об этом «воздушном налете».

Излишне говорить, что никто никогда не видел этих необычайных самолетов, которые якобы с высоты 3 тыс. метров ухитрились сбросить прокламации с таким расчетом, чтобы они упали именно в районе квартала, где находятся правительственные здания и на заранее предусмотренных улицах.

Тем не менее на следующее утро вся германская пресса публикует это сообщение и разъясняет его в почти тождественных выражениях.

Газета «Тан» раскрывает причину тождественности выражений этих объяснений: вместе с сообщением газеты получили инструкцию и образец объяснения с распоряжением опубликовать его на первой полосе.

Это стандартное объяснение подчеркивает тот факт, что Германия в настоящее время в отношении авиации находится в недопустимом положении, и дает указание развивать эту тему в том направлении, что сегодня иностранные самолеты сбрасывали только прокламации, а завтра возможно будут сбрасывать бомбы, приносящие смерть и разрушение. Вывод: что предполагает делать германское министерство воздухоплавания?

Вся германская пресса, выполняя предписание, требует вооружения в области воздушных боевых сил. «Берлинер тагеблат» все эти требования выражает в следующих словах: «Германский народ требует, чтобы ему дали возможность защищаться от таких нападений в воздухе». Германская пресса, подчиняющаяся гитлеровским верховным приказам,—а это делает вся германская пресса—в подобных или сходных выражениях повторяла это требование.

На самом деле вся эта история не имеет под собой никакой почвы, несмотря на то, что статс-секретарь министерства авиации, господин Мильх, заявил представителям прессы, что (на высоте трех тысяч метров!) были замечены один или два биплана (причем он имел неловкость в подтверждение своего заявления прибавить, что «прокламации, сходные с теми, которые были сброшены с аэропланов, сбрасывались также с верхних этажей небоскреба на

Александерплац»), оба эти происшествия он пытается поставить во взаимную связь. В этом не было надобности: и без того ясно все коварство этой грубой лжи, которая сочинена для того, чтобы вызвать в германском народе такое же волнение, как и легендарное появление знаменитого летчика над Нюрнбергом 28 июля 1914 г. Целью является вооружение, война. Такими трюками привлекается общественное внимание к этим вопросам, и создается нужная паника.

Для всех здравомыслящих и честных людей всех стран есть только один ответ:

Вести борьбу против войны и фашизма с большей энергией и ожесточением чем когда-либо единым фронтом с мировым пролетариатом. Укреплять международные кампании вроде амстердамской. Заставить звучать голос правды и гнева в больших манифестациях во всем мире.

Анри Барбюс.

Против империалистического национализма в собственной стране

Хорошо, что Англия и Америка протестуют против использования власти гитлеровским режимом и против злоупотребления этой властью.

Особенно меня радует голос протеста в других странах за пределами Франции, где возмущение часто сливается со старой антипатией, с которой, мне казалось, целесообразно и необходимо бороться.—Я говорю об антипатии, которая как раз немного утихла, но под влиянием современных событий в Германии к сожалению опять находит себе оправдание.

Без сомнения следует всегда иметь в виду, что гитлеровская Германия—еще не вся Германия, несмотря на результаты парламентских выборов. Несомненно надо сказать угнетенной части Германии, которая сейчас забита, что мы продолжаем ей симпатизировать. Но прежде всего нужно помогать и оказывать поддержку жертвам.

Все акты насилия, которые совершает нынешняя Германия, происходят во имя принципов и теорий, которые хотя не могут быть ничем оправданы, но все же таят в себе зародыши заразы и представляют опасность в том отношении, что и соседние страны могут подпасть соблазну подобных актов насилия, которые в конечном итоге вовлекут их в войну, будь то вследствие соперничества или страха. Поэтому мало еще протестовать против германского гитлеризма, необходимо кроме того в своей собственной стране бороться против националистического национализма, этой маски фашизма, не позволять третировать себя как трусов людям, на которых в состоянии подействовать только вооруженное мужество.

Андрэ Жид.

Подлинная Германия еще жива

В Америке у нас имеются Ку-клукс-клан, линчевание, шантажисты, бандиты и огрубевшие буржуа, которые убивают наших лучших рабочих вождей. Но в Германии как будто бы еще раз сильно всколыхнулось все болото умирающего общественного порядка. Национал-социалисты показали миру, как глубока пропасть реакции и до чего доходит капитализм, чтобы спасти свое обветшалое здание.

Это должно было бы послужить решительным уроком для пришедших в смятение масс всего мира, которые так медленно и мучительно обучаются. Фашисты дали нам наглядный урок того, что невозможно идти на компромисс с капитализмом или вести с ним переговоры. Социалисты и либералы в течение десятилетий проповедывали сотрудничество классов: в настоящее время в Германии все, кто не вступил в ряды фашистов, либо в тюрьмах, либо на кладбище. Этот горький урок выпал на долю Италии, а также Китая. Ныне исторический момент, когда массы прозрели и видят, что единственный верный путь для рабочего класса, единственный путь, позволяющий избежать фашизм—это советский путь.

Фашизм всюду воплощает прошлое; он стремится сохранить то, что история уже осудила. Национал-социалисты проявили со своей точки зрения здоровый инстинкт, когда сожгли книги Томаса Манна, Ромэна Роллана, Зигмунда Фрейда, Альберта Эйнштейна и других. Все великие идеи, все научные достижения последних 50 лет находятся в глубочайшем внутреннем противоречии с духом национал-социалистов, который по своему существу является духом мещанства, духом рантье и лавочников, не нуждающихся в гениях и научных открытиях.

Может ли Гитлер задержать мощный поток новых идей? Ни в коем случае. Может ли он раздавить германский рабочий класс и уничтожить лучшие элементы немецкой культуры? Ни в коем случае. Рабочий класс Германии и лучшие ее умы—против Гитлера, а не за него. Немецкий рабочий не истязает и не преследует евреев. Немецкий интеллигент не даст себя загнать солдатским сапогом обратно в прусские казармы.

Подлинная Германия еще жива и перенесет свою болезнь. В сегодняшней Германии, рано или поздно, может произрасти только одно—правительство, образованное всеми теми, кого Гитлер угнетал; государство, в котором не знают расового преследования, ненависти и жажды самосуда: страна свободы, советская Германия.

Михаил Гольд.

28 февраля в берлинском полицей-президиуме

Эгон Эрвин Киш был арестован в Берлине в ночь поджога рейхстага. Он провел 14 дней в гитлеровской полицейской тюрьме и затем был переправлен через границу. Эгон Эрвин Киш первым из числа немецких писателей опубликовал подробное описание порядков в гитлеровских тюрьмах и казармах штурмовиков. Ниже

помещаем отрывок из большой книги о гитлеровской Германии, над которой Эгон Эрвин Киш теперь работает:

«Мои провожатые под расписку сдали меня политической полиции. Скамьи по обеим сторонам коридора заняты. Пространство между скамьями заполняют представители культурного большевизма. Все знают друг друга, и когда полицейские приводят нового, все его приветствуют.

Я вспоминаю сентябрьское утро 1914 г.; тогда мы сидели на австрийском берегу Дравы, остатки разбитой, брошенной на другой берег дивизии. Каждая группа представляла собой то, что еще вчера было полком; всякий раз как мокрая, оборванная фигура скользила мимо нас, однополчане с меланхолической улыбкой здоровались с новоприбывшим, сдвигались потеснее и уступали ему место. Примерно так обстоит дело и сегодня. Сначала я не понимал, почему многие так расстроены и бледны, лишь потом я узнал, какие акты насилия были учинены при многих арестах. Позже я и своими глазами увидел, какие зверства совершали национал-социалисты в своих казармах в отношении беспомощных заключенных.

Полицейские, которые отделяют нас от остальной части коридора,—молодые парни вспомогательной полиции со знаком свастики на рукаве. Они как-будто очень волнуются, служба для них новая, и потому они стараются свою неуверенность скрыть мальчишеским поведением; они издеваются, и когда приказывают кому-нибудь не двигаться, то кричат и обращаются с ругательствами «сволочь», «еврейская свинья» и на «ты».

Вызывают по именам, образуют группы. «Направо марш»—и мы идем вниз в полицейскую тюрьму. Первая остановка—склад; здесь отдаем часы, вечное перо и наличные деньги; все это всовывают в конверт. Вторая остановка: отдаем ножи, ножницы, пилку для ногтей. Третий этап уже в погребе внизу, здесь заключенный все, что у него еще осталось, должен положить в свою шляпу: бумажник, записную книжку, портсигар, спички, платок, ключи, перчатки и карандаш, должен развязать шнурки, раздеть пиджак. Обыскивающие руки щупают, не осталось ли чего в карманах, не зашито ли что-нибудь в подкладке, не спрятано ли в обуви или носках.

Во время этой процедуры проходит новый полицей-президент, господин фон Левецов, сопровождаемый полицейским адъютантом, партийными адъютантами и целым штабом. Он был морским офицером, а социал-демократ Носке возвел его в чин адмирала. Господин адмирал шагает надутый по капитанскому мостику полицей-президиума:

«Так вот она шайка?» спрашивает он и презрительно окидывает нас взглядом через плечо. «Да, господин полицей-президент», торопится прокартавить адъютант.

«Где тебя арестовали?» спрашивает он Германа Дункера. Прежде чем седовласый ученый, учитель социализма целого поколения, успевает ответить, Левецов кричит: «Вытянуться, когда я с тобой разговариваю, свинное отродье».

Он уже заметил другого, который, по его мнению, недостаточно вытянулся: «Отведите этого олуха немедленно в темный карцер и оденьте наручники, пока кожа не лопнет».

Два опричника, усердно выполняющие приказ, бросаются на Отто Леман-Русбюльдта, старшину «лиги прав человека», и уводят его.

Бледные от возмущения стоим мы, а господин адмирал, вознесенный милостью Носке, уже прошел, и мы слышим, как он орет на другую группу.

Нас гонят в подземную общую камеру, в ней должны разместиться 47 человек. Вдоль стен стоят нары, по середине камеры находится параша—одна для всех, и все для нее одной. Напротив в стене, обращенной к коридору, два воронкообразных отверстия; острый конец отверстия—«глазок»: через этот «глазок» караульный может прощупать все помещение, будь то глазом или же автоматическим револьвером.

Каждый из нас выбирает себе соседа, рядом с которым кладет пальто вместо подушки. Разбиваются на группы. Рассказывают друг другу, как произошел арест. Некоторые квартиры подвергались настоящей осаде национал-социалистов, стреляли через дверь, разбивали мебель, рвали книги, тусовно избивали арестованных в присутствии жен и детей.

Эгон Эрвин Киш.

Гитлер—гигантский обман

Займет ли Гитлер в истории место большого трагика или же крупного шута—решит будущее, но одно из этих мест как будто ему обеспечено.

Ведь этот человек—крупнейший обман, который когда-либо ослеплял человеческие умы. Его философия ложная, потому что она родилась из ненависти, его политика опасна, потому что покоится на незнании; даже его форма—мошенничество, копия символа, которого он не понимает.

Самое трагическое заключается в том, что мы сами создали это чучело, мы, союзники, вдохнули в него жизнь и привели в движение его злые маленькие руки. Мы создали гитлеризм из яда наших собственных сердец, и мы не уничтожим его, пока не очистимся сами от этого яда.

Беверлей Никольс.

За интернационал идей и народов

«Кельнische цейтунг» от 9 мая 1933 г. поместила в разделе заметок следующие строчки, касающиеся Ромэна Роллана:

Коммунистический интернационал ведет из-за границы безудержную травлю национального правительства Германии. Он старается путем большого количества лжи и вымыслов об ужасах доказать всему миру, что в Германии «подымается пар от пролитой крови рабочих» и что долг мирового пролетариата вести наступление против «фашистского террора в Германии». В патетических выраже-

ниях предлагается так называемой интеллигенции присоединиться к этой борьбе. Многие настолько ослеплены, что следуют этому призыву, и никто не удивится, читая их имена под воззваниями Коммунистического интернационала. Поражает однако, что в одном из таких пасквилей, выходящих в Копенгагене, рядом со статьей Анри Барбюса напечатана также и статья Ромэна Роллана. При этом случае надо вспомнить, что когда-то у них было серьезное расхождение во взглядах, так как Ромэн Роллан решительно осуждал жестокие пути большевизма, в то время как Барбюс пытался их оправдать как переходную ступень к лучшему будущему человечества. Теперь они объединились—фактический ученик Москвы и человек, которого раньше называли «совестью Европы» за то, что он имел мужество справедливо разбираться в событиях. Во время войны и в последующие годы Германия имела основание быть благодарной ему за многие выступления, в которых он высказывал свои справедливые взгляды. Еще недавно Ромэн Роллан поддерживал требование Германии в части основательного пересмотра договоров. Его не беспокоило, что он навлек на себя гнев французских шовинистов, потому что дело шло об Европе и ее высоких культурных ценностях, ради которых он считал необходимым более справедливый мир. Именно вследствие того, что он пришел к этому убеждению, он должен был бы с пониманием отнестись к национальному правительству Германии. Ведь только благодаря решительным действиям этого правительства Германия спаслась от большевистской разрухи. Но эта разруха ни в коем случае не остановилась бы у границ германского государства, если Германия стала бы ее жертвой. Кто знает, не охватила ли бы эта разруха и те спокойные страны, где ныне ведется травля Германии под предлогом защиты культуры и мира».

Ромэн Роллан ответил открытым письмом, которое мы впервые публикуем:

Открытое письмо Ромэн Роллана редакции «Кельнише цейтунг»

Париж 15 мая 1933 г.

Господин главный редактор, мне передали «заметки» «Кельнише цейтунг» от 9 мая 1933 г. (№ 25), которые касаются меня. Правда я люблю Германию и всегда заступался за нее против несправедливостей и непонимания заграницы.

Но Германия, которую я люблю и которая обогатила мой ум, это—Германия великих граждан мира, тех, которые, говоря словами Гете, «успехи и невзгоды других народов переживали как свои собственные», тех, которые работали в интересах единения рас и умов.

Эта Германия попорана ногами, запачкана кровью и растлена ее нынешним «национальным» правительством, фашистской Германией. Последняя оттолкнула от себя свободные умы лучших европейцев, пацифистов, евреев, социалистов, коммунистов, которые хотят основать интернационал труда. Разве вы не видите, что эта

национально-фашистская Германия—злейший враг той подлинной Германии, которую она отрицает.

Такая политика преступна не только по отношению к человечеству, но и по отношению к вашему собственному народу. Вы лишаете его значительной части его энергии, вы привели к тому, что утеряно к нему уважение лучших его друзей во всем мире. Ваши «вожди» насильно создали против вас во всех странах союз националистов и интернационалистов. Вы этого не хотите видеть. Вы снова говорите о заговоре против Германии. Вы, и только вы сами составили заговор против Германии.

Я обвинял несправедливость, жертвой которой стала Германия после победы 1918 г. Я требовал ревизии Версальского договора, навязанного Германии. Я требовал равноправия для Германии с другими странами. Но неужели вы думаете, что я требовал этого равноправия ради еще большего неравенства в пользу Германии, которая нарушает даже равенство всех человеческих рас, даже права человека, которые для нас святы. Самые злые противники ревизии не могли поступить хуже с Германией, чем сделали вы сами.

Будущее докажет вам—увы слишком поздно—вашу разрушительную ошибку, единственным оправданием которой служит безумие отчаяния, в которое повергли ваш народ слепота и жестокость ваших победителей после Версальского мира.

Я сохраняю свою симпатию к Германии, несмотря на ваши деяния и наперекор вам,—мою симпатию к той подлинной Германии, которая гнушается подлости и заблуждений гитлеровского фашизма. Я и дальше буду работать, как и в течение всей моей жизни, не для эгоистических интересов одного народа, но в пользу всех объединенных народов, в пользу интернационала идей и народов.

Ромэн Роллан.

Р. С. Вы рассматриваете обвинение иностранной прессы против гитлеровского фашизма как клевету.

В нашем распоряжении целый архив свидетельских показаний изгнанников о насильственных действиях коричневых рубашек, за которые государственная власть не только не наложила никаких наказаний, но даже не высказала сожаления по поводу их. Но оставим это. С нас хватит официальных сообщений. Разве вы отрицаете соответственные объяснения ваших министров, Геринга, Геббельса, которые были переданы по радио? Разве вы отрицаете собственные их призывы к насилию, их манию расового величия, которая оскорбляет другие расы, как например евреев, разве вы не чувствуете запах средневековой плесени, который давным давно исчез из Европы? Отрицаете ли вы костры, на которых сжигают свободомыслие—ребяческое, осмеянное всем миром, сжигание книг? Отрицаете ли вы наглое вторжение политики в академии и университеты? Неужели вы не видите, что великие изгнанники науки и искусства на весах мирового общественного мнения весят больше, чем смешная анафема их преследователей?

Ромэн Роллан.

Значение немецкого фашистского террора

Те, в ком вызывают ужас нынешние избиения евреев и коммунистов в Германии, должны помнить, что физическое и моральное насилие вообще составляет сущность фашизма. Фашизм не только контрреволюционен, он также и «контристоричен».

Нужно напрячь все свои силы, чтобы плыть против течения, как это делает Гитлер и как это до него сделал Муссолини. Гитлер должен использовать все предрассудки, все проявляющиеся страсти, чтобы заградить путь естественным хозяйственным течениям, которые ведут к концу капиталистической системы. Антисемитизм для него означал силу, которую он должен был использовать.

При каждом отчаянном положении фашистский вождь использует и раздувает все страсти, все предрассудки. Таким образом руководство Гитлера привело к грубым эксцессам, которые настроили все прочие страны против него. Но мир должен теперь понять лучше чем когда-либо, что фашизм всегда будет и должен идти этой дорогой. Против фашистов—история и человеческое благоразумие.

Коммунизму в России тоже пришлось столкнуться с антисемитизмом, и притом очень сильным по форме и широко распространенным антисемитизмом. Царские погромы известны. Но русские вожди хотели собрать вокруг себя все народы, которые могли бы сотрудничать и помогать при построении человеческой и общечеловеческой системы, именуемой коммунизмом. Коммунизм ликвидировал погромы. Антисемитизм там выводится.

Меня очень радует, что в Мэдисон сквер гартен организуется массовый митинг, и надеюсь, что значение фашизма там будет ясно выявлено. Было бы обидно, если бы события в Германии вызывали только возмущение, хотя и обоснованное, вместо того чтобы служить уроком. Этот урок учит, что фашизм преследует своей ненавистью все народы, стоящие на высокой ступени хозяйственного развития, будь то евреи, немцы, итальянцы или американцы, причем он преследует с особой силой те национальные меньшинства, которые в прошлом менее всего были в состоянии защищаться. Я с самого начала предполагал, что за атаками на евреев последуют атаки на права, которые завоевали в наше время женщины, дети, рабочий класс, негры. Нижеследующее не преувеличение: в одной немецкой газете, которую я сам читал, в «Национал-социалистическом монатсхефте» негра изображали как «дикое животное, которое нельзя укротить ни рабством, ни цивилизацией». Далее они стремятся к тому, чтобы лишить женщину права голосования и заставить ее следовать старому монархическому идеалу немецкой женщины, которая должна посвятить себя «кухне, церкви и детям».

Фашизм родился не несколько недель назад одновременно с гитлеровским террором: методы, которые ныне санкционированы законом, испытаны в течение ряда лет; уже в течение ряда лет евреи и радикалы лишились вследствие растущего фашистского давления своих мест.

В настоящее время мы должны сосредоточить все наше внимание прежде всего на фашизме как этапе политики мирового капитала.

который не находит другого выхода из присущих ему противоречий и из борьбы за существование. Здесь нам приходится иметь дело с значительно более серьезным положением, чем с простой серией происшествий, вызванных волной националистического террора. Совершенно очевидно и несомненно, что не Германия, а фашизм угнетает евреев и национальные меньшинства.

Фашизм ставит себе целью—я повторяю—угнетение всех хозяйственно развитых народов, которые могли бы приноровиться к коммунистической системе и даже могли бы чувствовать себя счастливыми при такой системе. Мы, американцы, могли бы легче осуществить у себя коммунизм, чем русские. Мы более созрели для коммунизма, чем Россия. Точно так же и Германия; немцы с коммунизмом сжились бы так же быстро, как молодые утята с утиным болотом. Они созрели для коммунизма. Даже после запрещения Гитлером коммунистической партии коммунисты получили пять миллионов голосов.

Из всех сообщений, приходящих из Германии, меня больше всего поразило, что некоторые евреи (например еврейские инвалиды войны) организовано протестовали, утверждая, что они не подвергались жестокому обращению. Можно себе представить, каков должен быть террор, чтобы заставить евреев утверждать и подписать что-либо подобное. Только страх за собственную жизнь мог их привести к этому.

Американский пролетариат сделает большое дело и сможет использовать для своей победы расовые безобразия, творящиеся в Германии, если он поймет совершающиеся события и сумеет правильно оценить их.

Линкольн Стеффенс.

Открытое письмо господину Геббельсу

Когда 5 мая произведения немецких писателей, философов и ученых были брошены в костер, вы, господин Геббельс, защищали этот варварский акт и приветствовали его в своей речи. Вы называли «духовной грязью» сожженные произведения этих людей, которые являются представителями более благородной Германии, чем вы.

Вы изгнали наши произведения из немецких издательств, театров, книжных магазинов, библиотек и школ; вы преследуете авторов, сажаете их за решетку или изгоняете их из страны.

Из немецких университетов вы изгоняете лучших учителей.

Из концертных зал—дирижеров и композиторов.

Из театров—выдающихся артистов.

Из студий и академий—художников, архитекторов и скульпторов.

Вы не довольствуетесь муками тех, которых вы бросили в тюрьмы и концентрационные лагеря, но преследуете даже эмигрантов, пользуясь разнообразными средствами, которые дает вам ваша власть. Вы хотите (говоря вашим языком) их «уничтожить жестоко и беспощадно», морально и физически.

Чем вызвана такая бездонная ненависть?

Эти люди верят в мир свободы, гуманности, социальной справедливости, эти люди—подлинные социалисты, коммунисты или верующие христиане, они не склонны отречься от голоса правды и преклоняться перед силой.

Преследование и опала для нас, преследуемых, большая честь, и некоторые из нас лишь теперь должны будут доказать, что они достойны этой чести.

Вы утверждаете, что спасаете немецкую культуру, а на деле разрушаете благороднейшую работу немецкой культуры.

Вы утверждаете, что просвещаете немецкую молодежь, а на деле ослепляете ее ум, зрение, чувства.

Вы утверждаете, что спасаете немецких детей, а на деле отравляете их сердца постыдными фразами тупого национализма и расовой ненависти.

Вы утверждаете, что освобождаете трудящийся народ, а на деле заковываете его в рабские цепи социальной и моральной зависимости.

Вы утверждаете, что очищаете Германию от «виновных», а преследуете наиболее слабых—евреев.

Вы утверждаете, что спасаете немецких детей, а на деле отравляете поступки—профанация идей Гете и Лессинга, Гердера и Шиллера, Виланда и Ранке и всех тех, кто боролся за величайшие ценности Германии и сделал их достоянием всего мира.

Я прочел за эти дни ваши художественные произведения и произведения ваших партийных товарищей. Что у вас плохой немецкий язык, в этом я вас не упрекаю, насилие еще не создает таланта, но что вы заставляете немецкие театры ставить эти жалкие произведения—это печально.

Вы так много говорите о героизме. Где вы его проявили? Мы тоже признаем героизм, но героизм труда, характера, прямого человека, который стоит за свою идею.

Вы так много говорите о трусости ваших противников. Мы клянемся, что ваши преследования закалят нас, ваша ненависть делает нас более зрелыми, а ваша борьба сделает нас более боеспособными.

В постигшей нас участи мы не без вины. Мы совершили много ошибок, самая крупная—это наше долготерпение.

Но мы преодолеем с помощью урока, который вы нам дали, свои ошибки, и в этом ваша заслуга.

Эрнст Толлер.

Единый фронт против фашизма накой угодно ценой

Существуют вещи, против которых надо протестовать от всей души. С августа 1914 г. мир был очевидцем многих жестокостей. Можно было думать, что человеческий ум не может придумать мук, более тяжелых, чем ужасы хотя бы одной только газовой атаки. И все же мир, который терпел войну в течение четырех

долгих смертоносных лет и даже восторгался ею, пришел в ужас от того, что Гитлер сотворил за три месяца. Те, кто только пожимал плечами при нападках Гитлера на социалистов, кто даже с одобрением приветствовал его выпады против коммунистов, возмущены его систематическим походом против всех культурных стремлений, против книг, людей, исследовательских работ, идей, которые завоевали для германской нации уважение всего мира.

Я беседовала с одним рабочим-вождем в Рурской области. «Они сжигают книги», сказал он, и голос его звучал сконфуженно. Книжки можно напечатать вновь. Но ценные люди, мужчины и женщины, которых убили штурмовики, не вернутся более к жизни. Опасность фашизма состоит в его борьбе против всего, что устремляется в будущее, в его решимости связать нас старыми идеями: милитаризмом, рабством, подчинением женщин, мелкой промышленностью, общественными отношениями, которые уже остались позади.

Гитлер и фашисты старательно отобрали руководящих деятелей во всех отраслях прогресса. Не только писателей, поэтов, ученых, не только руководителей и пропагандистов прогрессивных политических воззрений. Так называемые штурмовые отряды избрали своей мишенью также тех рабочих, которые вызывали подозрение своим влиянием на товарищей, тех рабочих, которые уже собрали небольшую библиотеку и у которых имелись портреты Людвига Ренна или Карла Маркса. Многие рабочие пострадали из-за того, что навлекли на себя подозрение благодаря своей способности серьезно мыслить. При фашизме это очевидно самое крупное преступление.

В Англии и Америке уже начинают говорить: «Худшее уже позади. Теперь Германия успокоится». Я недавно была в пограничных городах у беженцев: в Саарбрюкене, Форбахе, Страсбурге и в окрестных селах. Ежедневно прибывают новые беженцы: рабочие из Рура, адвокаты из своих вилл. Каждый в отдельности свидетельствует о неизменном терроре, который все еще продолжается. Я читала несколько писем, писанных женами и матерями своим мужьям, которые должны были бежать от своих очагов. Простая женщина из Дуйсбурга писала: «Я бы хлопала в ладоши от радости, если бы увидела самолеты, прилетевшие, чтобы бороться с Гитлером. Даже если бы меня убили, все же остальные немцы были бы освобождены от этих чудовищ». Женщина, которая лишь с большим трудом могла наскрести четыре марки, чтобы послать их пребывающему в изгнании сыну, лишенному всяких средств, способна так писать только вследствие душевного озлобления, непонятного для тех, кто еще не ощутил фашистского господства на собственной шкуре.

Теперь, когда они правят страной, фашисты могут поступать с заключенными, как им заблагорассудится. С одним молодым беженцем, человеком, который должен был бы быть гордостью страны, а не беженцем, я посетила редакцию одной из газет в Страсбурге. Редактор не был ни социалистом, ни коммунистом, он был тертым газетным работником. Он бросил на стол список имен: «Может быть найдете знакомых среди них? это последний список уби-

тых в Дахау». Мой спутник взял список и побледнел. «Этого я знал»,—сказал он потрясенный. «Имеется какое-нибудь сообщение о том, как он умер?» «Да, плохие времена»,—сказал редактор деловым тоном. «Подвергнут тяжелым пыткам; в бессознательном состоянии застрелен. Понятно сказано—«застрелен при попытке к бегству». «Каким образом вы это узнали?»—спросила я. Редактор усмехнулся. «Это и фашисты очень хотели бы знать. Моя информация точнее, чем этого бы им хотелось».

Эллен Вилькинсон.

ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ

Бременское полицейское управление: «Несмотря на изданное несколько дней назад предостережение полиции относительно распространения нелегальной коммунистической литературы и на указание, что таковое строго наказуется, во вторник вечером коммунистам распространялась нелегальная газета «Арбейтер цейтунг», содержащая шесть страниц (26 мая 1933 г.).

Информационное бюро берлинской полиции: «При обыске в Штеглице и Фредина было найдено значительное количество печатных материалов и много матриц для изготовления первомайских листов (28 апреля 1933 г.).

Информационное бюро бременской полиции: «Хотя приказы о конфискации и отобрании всех коммунистических печатных изданий были отданы уже 1 марта 1933 г., однако все еще в стране распространяются коммунистические листовки» (21 апреля 1933 г.).

Эта книга повествует об истинных поджигателях рейхстага и о варварском гитлеровском терроре. Немецкие антифашисты, коллективным трудом которых является эта книга, хотят с радостью возвестить всему миру, что есть еще другая, живая Германия — Германия подпольной нелегальной борьбы антифашистов за свободу, Германия подлинного героизма, Германия тех, кто, жертвуя своим счастьем и жизнью, защищает честь и социалистическое будущее немецкого трудового народа.

Гитлер хотел уничтожить все политические партии. Но есть одна партия, которую уничтожить невозможно. Это — нелегально борющаяся коммунистическая партия Германии. Сообщения самого гитлеровского правительства ежедневно свидетельствуют о том, что эта партия представляет собою несокрушимую, активно борющуюся против него силу. Она продолжает свою деятельность, и со всех концов Германии приходят вести, что группы рабочих социал-демократов, «Республиканского флага», социалистической рабочей молодежи и членов христианских союзов объединяются с нелегально работающими коммунистами в единый братский фронт для действительной борьбы против гитлеровской диктатуры.

Уже в дни пожара рейхстага антифашистские прокламации коммунистов распространялись среди рабочих масс. Рабочие жилища, подвалы и чердаки населенных рабочими домов были превращены

в тайные типографии. На смену сотням арестованных агитаторов приходили тысячи новых, испытанных и убежденных бойцов. Когда усиливались пытки и избиения, голос антифашистской борьбы за свободу звучал еще смелее, еще призывнее. Каждая нелегальная коммунистическая газета, строка за строкой, писана рабочей кровью. На каждый выходящий номер газеты на месте ее выхода отвечают новыми жестокими преследованиями.

Организатор поджога рейхстага Геринг вынужден был дать самую блестящую аттестацию антифашистской «разрушительной» работе коммунистов, когда он в конце июня 1933 г. при роспуске боевого союза националистской молодежи в официальном сообщении заявил, что этот союз насквозь пропитан коммунистическим влиянием.

Заявления, сделанные Гитлером и Фриком в начале июля и содержавшие угрозы по адресу «второй революции», доказывали, что разоблачительная работа против режима Гитлера проникла также в широкие круги штурмовиков и в национал-социалистические организации на предприятиях.

Здесь на нескольких страницах мы можем показать лишь часть этой «подпольной» Германии.

Нелегальная «Роте фане»

Одним из важнейших боевых участков борьбы с фашизмом является издание и распространение нелегальной прессы. «Роте фане», центральный орган коммунистической партии Германии, регулярно выходила со времени пожара рейхстага. Полицейские налеты, облавы, мобилизация тысяч шпиков, ночные обходы типографий, предпринимаемые штурмовиками и защитными отрядами, не могут воспрепятствовать выходу этой газеты. И нелегальная газета — на 4 или 2 полосах — все вновь находит себе дорогу в рабочие дома в Веддинге, в заводские цехи Всеобщей компании электричества и Сименса, в трамвайные парки Берлинского общества транспорта. Пусть техническое оформление «Роте фане» хуже прежнего, но никогда каждый экземпляр не находил столько читателей, сколько сейчас.

Христианско-социальная венская «Райхспост» от 27 мая дает следующее интересное описание:

«Роте фане» выходила сначала в нелегальном издании с тиражом в 300 тыс. экземпляров, которое затем в несколько раз размножалось. Тайные типографии, уже заранее подготовленные для этой цели, копировальные аппараты и пишущие машины начали свою работу. Вскоре стало снова выходить большинство местных и заводских газет и газет ячеек, правда, в большинстве случаев размноженных не типографским способом, и сотни тысяч листовок пошли по рукам на предприятиях и на биржах труда».

В двадцати районах Берлина и его предместий еженедельно, а в некоторых районах даже два раза в неделю, распространяются наряду с печатью «Роте фане» газеты, размноженные с восковки или с металлической пластинки. Все они выходят под заголовком «Роте фане». Многие рядовые рабочие являются редакторами этих газет.

Убийство фашистами Гейнца Бесслера

Гейнц Бесслер был убит в апреле 1933 г. в Дюссельдорфе штурмовиками восьмью выстрелами на улице. Власти пытались изобразить это фашистское убийство в таком виде, что будто бы Гейнц был застрелен при попытке к бегству. Дюссельдорфские штурмовики особенно ненавидели Гейнца Бесслера потому, что в декабре 1931 г. он выступил из штурмового отряда и стал членом коммунистической партии.

Снимок внизу относится ко дню его вступления в коммунистическую партию Германии. На снимке надпись: «Яискал и нашел. Рот фронт».

Красная печать во всей Германии

Гамбургская полиция сообщает в начале мая:

«Вопреки самым строгим мероприятиям властей все же наблюдается выпуск и распространение на улицах и по домам изменнической литературы КПГ (коммунистической партии Германии), в особенности листовок, равно как и запрещенной «Гамбургер фольксцейтунг» и другой марксистской литературы.

В рурском районе выходила несколько раз большим тиражом газета «Рур эхо». Первомайский номер этой газеты рурских рабочих содержал даже части, напечатанные в две краски.

В разных районах Эссена появлялись все время размноженные издания «Рур эхо», несмотря на то, что штурмовики и полиция обыскивали целые районы и залодозренных в распространении газет подвергали страшным пыткам.

Письмо рабочего из Мюнхена сообщает, что еженедельно там выпускается литографированная газета в количестве 3 тыс. экземпля-

ров. Шесть местных групп «Республиканского флага» помогают при распространении газеты.

Бременское полицейское управление выпустило 23 мая воззвание против нелегальной «Арбейтер цейтунг», выпущенной в объеме шести полос. В печатном виде выходят южногерманская «Арбейтер цейтунг» в Штутгарте, а также нелегальные органы печати в Лейпциге и Франкфурте на Майне.

На Нижнем Рейне распространялось за апрель и май много номеров дюссельдорфской «Фрейхейт». В Мангейме вновь поднимает голос «Роте фане Баденс». В Эрфурте выходит «Тюрингер фольксблат»¹.

Голос антифашистов на предприятиях

Коммунистическая партия—единственная партия, которая в течение ряда лет готовилась на предприятиях к нелегальной деятельности. Члены партии, еще до того как установился гитлеровский режим, прошли школу тайного выпуска и распространения заводских газет. Таким образом сейчас выходит много таких газет, которые распространяются с неслыханной самоотверженностью.

В берлинской Всеобщей компании электричества выходят нелегальные заводские газеты. В гамбургском порту выходят газеты «Гафентелеграмме», «Функшприхе» и «Дер штурм».

Рабочий Всеобщей компании электричества сообщает («Антифашистиче фронт» от 2 июля 1933 г.) о методах нелегальной работы на предприятиях:

«Наша последняя листовка вышла в формате 10 × 20 сантиметров. Мы изготовили ее следующим образом: мы сначала выработали лозунги и вырезали их на линолеуме, затем линолеум наклеили на пресспапье и печатали затем экземпляр за экземпляром. Ночью мы расклеили большое число их у заводских ворот, а остальные разбросали на улице как прокламации. Товарищи, которые буквально изголодались по просветительному материалу, с восторгом подбирали листовки утром, когда шли на работу. Каждая листовка проходила дюжины рук».

Из одной гамбургской конторы сообщают, что всякий раз, когда в клозете тянут бумажный рулон, из-под бумаги ролика выпадала маленькая летучка или вырезка из нелегальной газеты. На заводе Сименса в Берлине-Шпандау антифашистской рабочей молодежи удавалось регулярно раздавать свою заводскую газету. «Роте вахт», выпускаемая рабочими заводов в Билефельде своими силами, продается рабочими-коммунистами, социал-демократами и членами «Республиканского флага».

---

¹ В июле была открыта тайная типография в Эрфурте. Три партийных работника были застрелены на месте штурмовиками.

Мгновенные выступления

За последние месяцы в сотнях мест происходили крупные и мелкие демонстрации антифашистов, которые большей частью протекали в форме так называемых «демонстраций-молний». «Демонстрации-молнии», или «летучие демонстрации», большей частью протекали следующим образом. По определенному сигналу рабочие собираются в условленном месте, демонстрируют несколько минут; раздаются возгласы против гитлеровской диктатуры и антифашистские песни. Демонстранты расходятся часто до того, как успевает вмешаться полиция или штурмовики. Этот метод должен препятствовать аресту большого количества людей.

О таких демонстрациях сообщали в апреле из Ремшейда, Клеве, Крефельда, Зигена, Штеттина, Вормса, Остероде, Дюссельдорфа и Линдена близ Гамновера.

Так например в начале мая из Гамбурга сообщали, что коммунистическая молодежь распространила там 10 тыс. печатных летучих листов, расклеила 80 ею же изготовленных плакатов и во всех частях города начертила антифашистские лозунги на стенах и столбах. Были проведены четыре летучих демонстрации, в каждой из которых участвовало в среднем 300 молодых антифашистов.

Один датский антифашист сообщает о методах антифашистской агитации, которые ему довелось видеть во время пребывания в Германии. На улице, заселенной рабочими, вдруг выступает группа людей, восклицающая хором: «Кто поджог рейхстаг? Наци». Через секунду все четверо участников хора исчезли.

В начале марта в Дортмунде поперек одной рабочей улицы висел плакат: «Нерон поджог Рим и обвинил христиан—Гитлер поджог рейхстаг и обвиняет коммунистов!» В конце апреля этот же лозунг, размноженный при помощи линолеума, был расклеен в разных местах Дортмунда.

«Фоссише цейтунг» от 3 мая сообщает:

«В ночь на 1 мая, как сообщает агентство Вольфа, на шпилье башни церкви св. Марии в Бернау был вывешен красный флаг с серпом и молотом. Утром 1 мая он с опасностью для жизни был удален отсюда штурмовиками. Когда утром в день праздника национального труда хотели поднять над ратушей фашистское знамя, то обнаружилось, что оно ночью похищено. Возбуждение, царившее в Бернау по поводу этого двойного вызова, было неопределимо. В ночь с 1 на 2 мая штурмовики вместе с полицией арестовали 40 человек, бывших на подозрении, и отправили их в концентрационный лагерь в Ораниенбург».

Перед 1 мая молниеносные методы агитации антифашистов особенно усилились. 29 апреля в 9 часов вечера из домов на углу Франкфуртералле и Кенигсбергштрассе посыпались на прохожих тысячи листов. Во внутренние застекленные помещения универсальных магазинов Кауфхауз дес вестенс и Тица сбрасывались прокламации с галлерей и лестниц. 1 мая после обеда 300 рабо-

чих устроили демонстрацию в восточной части Берлина, направляясь на Петербургскую площадь.

В мае нарастает новая волна антифашистской активности. Берлинская «Цвельф ур блат» сообщает 12 мая о том, что в Шпанду была рассеяна коммунистическая демонстрация, причем было произведено десять арестов. В Штутгарте, в колонии Рейтельсберг, рабочая молодежь демонстрировала против гитлеровской диктатуры. Даже новая полоса арестов в июне не смогла воспрепятствовать смелым выступлениям антифашистов.

«9 июня имела место демонстрация в Восточном Берлине у Центральных боен, в которой участвовало от 500 до 600 рабочих. Около 7 часов вечера по сигналу рожка стали сходить-ся рабочие из прилегающих улиц и собрались на Эльденахерштрассе. При значительном участии работников боен и расположенных поблизости мясных лавок демонстрация двинулась вперед под звуки «Интернационала». Под приветственные клики в честь коммунистической партии Германии и возгласы «дой» по адресу правительства Гитлера демонстрация прошла через Эльденахерштрассе, Гаусбургштрассе и Терштрассе почти до Франкфуртералле. Фашистским штурмовым отрядам из близлежащих помещений штурмовиков не удалось рассеять эту рабочую демонстрацию. Поставленная на ноги полиция по окончании демонстрации производила аресты без разбора.

Герои антифашистской борьбы

Со страшной жестокостью национал-социалистические вожди преследуют антифашистов, которые нелегально продолжают борьбу в Германии. Если они попадают в руки штурмовиков, то это часто означает пытки и смерть. Бременское полицейское управление совершенно официально 1 июля 1933 г. объявило истязание арестованных антифашистов подготовительной стадией к полицейскому допросу.

Бременское полицейское управление доводит до всеобщего сведения: «В дополнение к расклеенному объявлению «Последнее предупреждение» начальник полиции распорядился, чтобы все лица, которые, несмотря на имевшие место предупреждения, будут арестованы за марксистскую пропаганду или другие противогосударственные деяния, сначала доставлялись в какой-нибудь национальный союз (!). На национальные союзы возлагается задача: в целях помощи политической полиции предварительно подробно допрашивать арестованных об их преступных деяниях и затем передавать их с результатами допроса тайной государственной полиции».

К пыткам и смерти присоединяется голод в качестве орудия борьбы против антифашистов.

Кассель, 8 июля: «В округе Шмалькальден, который входит в окружное управление Касселя, в последние дни наблюдалось усиление коммунистической пропаганды среди безработных. Разными способами распространялись коммунистические про-

кламации, авторы и распространители которых еще не обнаружены. В Шмалькальдене бургомистр после этого распорядился чтобы управление по выдаче пособий задержало выдачу таких всем левонастроенным безработным до тех пор, пока не будут обнаружены виновные» («Франкфуртер цейтунг» 10 июля 1933 г.).

Перед чрезвычайными судами стоят обвиняемые антифашисты без защиты, без свидетелей, без малейшей возможности защищаться. Судья—это палач. Еще прежде чем предъявлено обвинение, о

уже знает, какой драконовский приговор он должен вынести. Как герои держат себя многие обвиняемые перед фашистской властью. Например 2 июля 1933 г. сообщают из Альтоны об одном процессе против 20 антифашистских рабочих.

«Рабочий-коммунист Лютгенс, в отношении которого прокурор требовал смертного приговора, заявил, что требование прокурора делает ему честь, так как для революционера смертная казнь по приговору классового суда является высшим отличием, а арестантский халат—почетной одеждой. Он заявил далее, что он воспринимает как позор то, что в одной с ним тюрьме сидит шпик, которого привлекли к этому делу для отвода глаз, и в заключение потребовал, чтобы полагающееся шпику наказание присовокупили к его приговору, но не держали бы этого негодяя в одной тюрьме с ним».

В середине мая судили стенографистку Юри; ее присудили к 1½ годам каторжной тюрьмы за распространение прокламаций. Берлинский «Таг» сообщает:

«Подсудимая заявила суду, что она и сейчас разделяет коммунистические взгляды; на это представитель обвинения возразил: «Следует публично подчеркнуть, с какой смелостью и бесстыдством коммунисты осмеливаются выступать даже здесь перед чрезвычайным судом».

Нечто подобное происходит ежедневно перед германскими чрезвычайными судами. Только о немногих процессах появляются сообщения в прессе. Общественное мнение всего мира было возмущено в конце мая смертными приговорами, вынесенными рабочим-антифашистам Бартелю и Винклеру в Хемнице, а также Лютгенсу, Тешу, Вольфу и Меллеру в Альтоне. С тех пор число террористических смертных приговоров растет с каждой неделей: в Дессау, в Кельне, в Гарбург-Вильгельмсбурге, в Берлине. В Гамбурге пачками выносятся смертные приговоры рабочим-антифашистам за деяния, которые либо частью давно амнистированы, либо вызваны были мерами необходимой обороны, либо в которых они никогда не участвовали. Их приговаривают не за деяния, а за убеждения.

Объем настоящей книги позволяет сообщить лишь отрывочные сведения об антифашистской нелегальной борьбе. На страницах этой книги невозможно было изложить: организацию политическую и экономических забастовок антифашистами, сотни волнений предприятий, восстания в лагерях трудовой повинности под руководством молодых антифашистов. Об этих выступлениях будет рассказано во II томе «Коричневой книге».

Героическая поэма нелегальной антифашистской борьбы за свободу в Германии должна еще быть написана: о бойцах, смотревших в глаза грозившей им казни и стойко державшихся против фашистского натиска; об арестованных, которые при чтении им смертного приговора гордо заявляют о своей верности социализму; о замученных насмерть, певших «Интернационал» под ударами стальных прутьев и резиновых дубинок; о героях вроде учителя Вильгельма Гамана из Гессена, который должен был нести фашистское знамя и

Нелегальные заводские газеты, листки и прокламации

кричать «Да здравствует вождь немецкого народа, Адольф Гитлер», но бросил знамя на землю и под ударами штурмовиков воскликнул: «Да здравствует революция и товарищ Тельман».

Десятки тысяч безымянных бойцов работают в «третьей империи», чтобы освободить Германию и весь мир от позорного коричневого варварства. Им угрожают виселицы и чрезвычайные суды, пытки и концентрационные лагеря. Их упорства, их мужества не сломить. Они борются за будущую свободную социалистическую Германию. Они своей бесстрашной деятельностью раздувают те искры, из которых возгорится пламя социалистической свободы.

Содержание

<i>Путь к власти</i>	7
<i>Надо поджечь рейхстаг</i>	31
<i>Ван дер Люббе—орудие провокации</i>	41
<i>Действительные поджигатели</i>	60
<i>Разгром легальных рабочих организаций</i>	127
<i>Поход на культуру</i>	143
<i>Истязания и пытки</i>	177
<i>Преследование евреев в гитлеровской Германии</i>	219
<i>40 000 мужчин и женщин в концентрационных лагерях</i>	267
<i>Вакханалия убийств</i>	307
<i>Список убийств «третьей империи»</i>	333
<i>Нельзя обмануть весь мир</i>	357
<i>Героическая борьба немецких рабочих</i>	375